

ВЕСТНИК ГУМАНИТАРНОГО ИНСТИТУТА ТГУ

Спецвыпуск

Материалы международной научной конференции
«Диалог между Россией и Германией:
филологические и социокультурные аспекты»

14–15 мая 2010 года

1₍₇₎ 2010

УДК 001
ББК 72
В38

В38 Вестник гуманитарного института ТГУ. Спецвыпуск. Материалы международной научной конференции «Диалог между Россией и Германией: филологические и социокультурные аспекты», 14–15 мая 2010 года, г. Тольятти / под ред. Е.Ю. Прокофьевой. – Тольятти : ТГУ, 2010. – Вып. 1(7). – 224 с.

УЧРЕДИТЕЛЬ

Тольяттинский государственный университет
(гуманитарный институт)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Е.Ю. Прокофьева

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.И. Акопов (научный редактор);
Т.Н. Андреюшкина (заместитель главного редактора);
М.А. Венгранович (литературный редактор);
Ю.И. Горбунов;
О.А. Безгина;
Т.Н. Иванова;
С.И. Кудинов;
Г.Н. Тараносова;
Н.Ф. Шаров;
Г.И. Щербакова

В журнале «Вестник гуманитарного института ТГУ» публикуются статьи, сообщения, рецензии, информационные материалы по различным отраслям гуманитарного знания: истории, филологии, философии, психологии, социологии, журналистике.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ	7
Пантыкина М.И. А. РАЙНАХ И Н.Н. АЛЕКСЕЕВ: ДВА ПРОЕКТА ФЕНОМЕНОЛОГИИ ПРАВА	7
Цветкова И.В. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА ЦЕННОСТЕЙ В НЕМЕЦКОМ НЕОКАНТИАНСТВЕ И ПОНИМАЮЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ	13
Царев Б.В. РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	18
Шаров Н.Ф. ПРОБЛЕМА ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ И ИНТЕРСУБЪЕКТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ	21
Шарыпина Т.А. ЛИЧНОСТЬ И НАСЛЕДИЕ НИЦШЕ В ОЦЕНКЕ РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА И СТЕФАНА ЦВЕЙГА	26
СОЦИОЛОГИЯ	31
Желнина Е.В. ВИРТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ (СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)	31
Иванова Т.Н. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕРМАНИИ	34
Горбачева Н.Б. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ И ГЕРМАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ	37
Айвазян А.А., Ольховиков К.М. РОЛЬ МОЛОДЕЖИ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКО-НЕМЕЦКИХ СЕМИНАРОВ	42
Манова М.В. К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ И ПРОБЛЕМАХ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА	47
Ростова А.В. ГЕНДЕРНОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖНОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ И РОССИИ)	53
Данилович Е.Е., Ярыгина Н.С. ИМИДЖ РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЕ	56
Ярыгина Н.С. ОБРАЗ ФРГ В РОССИЙСКИХ СМИ	60

ЛИНГВИСТИКА	66
Таюпова О.И. ВЕДУЩИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА	66
Кострова О.А. ОБЩЕСИНТАКСИЧЕСКОЕ ПОЛЕ: ИЕРАРХИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ	71
Шарафутдинова Н.С. СИНТАГМЕМНЫЙ АНАЛИЗ ЭКВИВАЛЕНТНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ	76
Шемчук Ю.М. ТИПОЛОГИЯ ОТНОШЕНИЙ ОБНОВЛЕННЫХ НОМИНАЦИЙ С ЗАМЕНЯЕМЫМИ ЛЕКСЕМАМИ ПРИ ПЕРЕИМЕНОВАНИИ	80
Касаткина К.А. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА И ПЕРЕВОД	83
Злобин А.Н., Уточкина А.К. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ДИССОНАНС В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА	88
Вопяшина С.М. КОММУНИКАТИВНАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ПЕРЕВОДА ОБЪЯВЛЕНИЙ О ВАКАНСИЯХ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ	91
Малявина А.Н. НЕМЕЦКИЙ И РУССКИЙ УСТАВ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКОГО И ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	95
Анохина С.П. РИТОРИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТОВ РЕКЛАМНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ	102
Виноградов М.Ю. КОННЕКТОРЫ UND, ABER И DOCH В ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)	109
Жаббарова Ф.У. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ СВЯЗНОСТИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В НЕМЕЦКОМ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ	112
Волкова А.А., Сапожникова Л.М. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН	115
Ефремова М.А., Гречушникова Т.В. ФЕНОМЕН «НЕМЕЦКОГО РУССКОГО ГОВОРА»: К ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ	118
Денисова Г.Л. ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ НЕМЕЦКИХ ГЛАГОЛОВ-ПОКАЗАТЕЛЕЙ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ	121
Шакирова Р.Д. ИНФЕРЕНТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ МОДАЛЬНОГО ГЛАГОЛА MÜSSEN	125
Опарина К.С. КОНЦЕПТ «СКОРОСТЬ И ТЕМП» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА ПИСАТЕЛЕЙ РАННЕГО НЕМЕЦКОГО ЭКСПРЕССИОНИЗМА	128

Горбунов Ю.И.	СИНЕРГЕТИКА – НАУЧНОЕ КРЕДО ФИЗИКА ГЕРМАНА ХАКЕНА И ЛИНГВИСТА РАЙМОНДА ПИОТРОВСКОГО133
Зайдулина Е.И., Вопяшина С.М.	МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ БЛОГОСФЕР ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ РОССИИ И ГЕРМАНИИ140
Бутылов Н.В.	ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР В ИЗУЧЕНИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА145
Комарова Л.И.	ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ КУЛЬТУРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ147
МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ150	
Донец П.Н.	«БОГ ЗА РУССКИХ ВСЕГДА НАКАЗЫВАЕТ»: НЕКОТОРЫЕ АРХЕТИПИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ НЕМЕЦКО-РУССКОГО ДИАЛОГА В ПОВЕСТИ Н. ЛЕСКОВА «ЖЕЛЕЗНАЯ ВОЛЯ»150
Кудрявцева Е.Л.	«РАСЦВЕТОВ БУДУЩИХ ЗАДУМЧИВЫЙ ХОЗЯИН...» К ПРОБЛЕМАМ ПЕРЕВОДА ИСТОРИЧЕСКИ МОТИВИРОВАННОЙ ПОЭЗИИ СОФИИ ПАРНОК153
Мардиева А.К.	ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ И СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ: ОБЩНОСТЬ И САМОБЫТНОСТЬ158
Лаптева И.В.	СИМВОЛИЧНОСТЬ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Э.Т.А. ГОФМАНА)161
Essig, Rolf-Bernhard	DEUTSCHLAND EIN SOMMERMÄRCHEN ODER WIE ICH IN RUSSLAND LERNT, MEINE HEIMAT ZU LIEBEN UND MIR KEINE SORGEN MEHR ZU MACHEN165
Чупшева Т.А.	ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В РАЗВИТИИ КРЕАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ168
Костина И.Н.	СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПАРАДИГМАТИКА «ВОСТОК – ЗАПАД» В РАССКАЗАХ ВЛАДИМИРА КАМИНЕРА171
Сорокина Н.В.	РОССИЯ И РУССКИЕ ГЛАЗАМИ НЕМЦЕВ: ПРОБЛЕМЫ СТЕРЕОТИПНОГО ВОСПРИЯТИЯ175
Эскина Н.А.	ПЕСНЯ Ф. ШУБЕРТА И Д. ШУБАРТА «ФОРЕЛЬ»: ВОЛНЫ, ВРЕМЯ, РОК В ЖИЗНИ ФОРЕЛИ180
Петри Э.	МУЗЫКА РОССИЙСКОЙ ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ: КОНТАКТЫ С НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРОЙ183
Власова О.Е.	МОНСАЛЬВАТ И КИТЕЖ-ГРАД: ТОЖДЕСТВА И РАЗЛИЧИЯ188

Андропова И.О.	РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ: ПАРАЛЛЕЛИ ТВОРЧЕСТВА. (К ВОПРОСУ О ЗАИМСТВОВАНИИ В СФЕРЕ ТЕАТРА И КИНО ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА)192
Попова И.М.	КИНО ГЕРМАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ197
НАШИ АВТОРЫ	202
CONTENTS	211
ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ	221

ФИЛОСОФИЯ

УДК 165.62

А. РАЙНАХ И Н.Н. АЛЕКСЕЕВ: ДВА ПРОЕКТА ФЕНОМЕНОЛОГИИ ПРАВА

М.И. Пантыкина

В статье представлен сравнительный анализ философско-правовых теорий А. Райнаха и Н.Н. Алексева, которые и по настоящее время являются непревзойденными образцами феноменологии права. Мыслителей объединяет общая проблематика и методологические принципы, а уникальность полученных выводов в полной мере отражает специфику национальных типов философской культуры.

Ключевые слова: феноменология права, нормативные факты, ценности, правовые данности, правовая структура.

Изменения, происходящие в социальной философии, ориентированные на приведение ее теоретических оснований и методологии в соответствие с реалиями социального мира, с одной стороны, с другой – требования преодоления ограничений, налагаемых на познание права традиционными типами правопонимания образуют проблемное поле современной философии права, развивающейся в настоящее время в таких направлениях, как философское осмысление истории правовых и политических учений, феноменология права, правовая герменевтика, коммуникативная концепция права, религиозная философия права. Среди указанных выше направлений феноменология права выполняет «навигационную» функцию, поскольку, во-первых, она обладает конкретной методологической программой. Во-вторых, феноменологические исследования тенденций и трансформаций правовой жизни обогащает теорию права такими понятиями, как интенциональность, intersубъективность и жизненный мир. В-третьих, она является теоретическим и методологическим основанием правовой герменевтики, правового экзистенциализма и коммуникативной концепции права. И, наконец, феноменология права развивается параллельно с интегративным правопониманием, входящим в состав неклассической парадигмы теории права.

Феноменологию права можно определить как теоретико-методологическое направление философии права, исследующее процедуры и формы конституирования смыслов права и описывающее их влияние на правовые процессы. Данное определение феноменологии права, безусловно, не раскрывает всей палитры ее

теоретических и методологических возможностей. Думается, что в этой связи целесообразно обратиться к сравнительно-историческому подходу к анализу феноменологии права с тем, чтобы на конкретных примерах философско-правовых учений уточнить ее идейное содержание и методологию. Заметим, что реконструкция истории развития феноменологии права является нетривиальной задачей в силу разнородности имеющихся исследований по этой теме. Так, И.Л. Честнов утверждает, что причиной проникновения идей феноменологии Э. Гуссерля в юриспруденцию стала «феноменологическая мода»: «Эти положения были взяты «на вооружение» юристами уже в 20-е годы XX века (хотя сам Гуссерль относился к ним скептически) и продолжали будоражить умы правоведов до 70-х годов» [5, с. 9]. Другая точка зрения представлена А.В. Поляковым, который считает, что феноменология права возникла в середине XX века в связи с процессом становления интегративной теории права. В отличие от И.Л. Честнова, он убежден, что феноменологический метод активно используется в современном правоведении в целях интеграции правового знания и его освобождения от классической одномерности, а его появление было вызвано стремлением преодолеть недостатки классических типов правопонимания, обосновать возможность перехода к рефлексивной позиции по отношению к праву [3, с. 53].

Отметим, что феноменология с самого начала была не «школой», а движением, которое объединяло очень разных мыслителей. Примером философского диалога, построенного на различных историко-культурных и мировоззренческих принципах, но имеющего общие онто-гносеологические принципы, могут служить феноменологические концепции права А. Райнаха и Н.Н. Алексева. Адольф Райнах был одним из первых, кто инкорпорировал феноменологию Э. Гуссерля в юриспруденцию. Русский правовед и философ, Николай Николаевич Алексеев хорошо был знаком с правовыми идеями Райнаха и часто цитировал его в своих работах. И того, и другого мыслителя объединяет удивительная способность гармонично сочетать в своем творчестве юридические и философские интересы, отличающиеся фундированностью и широтой.

Основной задачей феноменологии права А. Райнаха было выявление в праве некоторых априорных элементов, неизменных правовых данностей, которые, по его мнению, присутствуют в любой исторически конкретной системе правовых норм и отношений. К числу таких данностей он относил обязательства, требования-притязания, правовое лицо и социальные акты (сообщения, просьбы, распоряжения, вопрошания и обещания). Основанием для данного списка правовых данностей А. Райнах полагал концепцию лингвистической значимости Э. Гуссерля, наиболее полно изложенной им в «Логических исследованиях». Напомним, что гуссерлевская концепция значимого начинается с анализа индивидуальных умственных действий обозначения предметов, которые производятся посредством лингвистических выражений в процессе внутреннего монолога. Значение некоторого выражения будет идентично (представлять собой тот же самый объект), настаивает Гуссерль, вне всякой связи с тем, произносилось ли оно публично или нет. А. Райнах, осмысливая концепцию значимости Гуссерля, задался вопросами о том, как следует анализировать значения ряда особых видов языковых употреблений и что используется в конструкциях обещаний, вопросов либо команд. С целью их решения А. Райнах обратился к разработке первой систематической теории исполнительных употреблений языка, в число которых вошли не только обещания либо команды, но и предупреждения, упрощения, обвинения, лесть, провозглашения, присвоения имен и т. д. — все те феномены, которые А. Райнах

называл «социальные действия». Для последних характерен тот факт, что их создание требует «интеллектуального погружения в универсум», способного дополнить самого создателя этих предложений. Действительно, социальное действие своим адресатом должно предполагать другого человека, и в силу подобной причины оно создает «гражданское общество» в миниатюре, специальную форму структурного единства, охватывающего обоих – как предпринявшего действие, так и того, кто выбран его адресатом.

Теорию социальных действий, А. Райнах представил в работе «Априорные основания гражданского права», в которой его внимание было сосредоточено на методике изучения таких правовых феноменов как договорная практика и законодательство, описании теории «всеобщей онтологии социального взаимодействия». В частности, он исходил из мысли о том, что в этих актах открываются некоторые первоначальные данности, которые нужно принять как факт. Познание их, установление закономерностей между ними возможно не путем логических определений, а через интуитивное созерцание. К их числу, прежде всего, следует отнести правомочие. Оно имеет свое происхождение не в социальных актах передачи, предоставления и т. п., а в лице, которому правомочие дано как некая априорность. При этом необходимо понимать, что «не только ложно, но и по своему последнему основанию бессмысленно считать правовые образования творениями позитивного права, столь же бессмысленно, как называть основание государства или другое историческое событие творением исторической науки» [4, с. 156]. Проблема философского исследования априорных образований является важной составляющей феноменологии права, поскольку философия «сталкивается здесь с совершенно новым видом предметов, с предметами, которые не принадлежат в собственном смысле природе, будь то физическая или психическая природа, и которые в тоже время отличаются от идейных предметов своей темпоральностью» [5, с. 158].

Данная мысль А. Райнаха была основополагающей и для Н.Н. Алексева. Особенность его феноменологических исканий состоит в том, что он стремился, прежде всего, обнаружить такой горизонт «видения» права, который позволил бы по возможности целиком охватить этот сложный феномен. По мнению Н.Н. Алексева, начало подобных эйдетических изысканий было положено в неокантианской философии. Благодаря оформленной в рамках данного философского направления проблеме эйдетического смысла права, появилась возможность принципиального преодоления естественного права при полном признании недостаточности юридического позитивизма [1, с. 39]. Крайности их теоретических установок, по мнению философа, должны быть преодолены в учении об объективной структуре или эйдетической сущности правового логоса. Как пишет Н.Н. Алексеев, «то, что мы разумеем под правовой структурой или правовым логосом, не есть сумма каких-то общих и вечных правовых норм... Когда мы применяем понятие права, мы мним в нем, как и в различных других понятиях, нечто бесконечное. Мы не можем в представлении нашем обозреть всю сумму конечных явлений, которые именуется правом. Мы даже не знаем большинства их, как, например, китайского права или права готтентотов» [1, с. 197].

Всеобщее убеждение в том, что право существует, а идея права доступна, поскольку основана на опыте созерцания отдельных явлений права, связанных между собой целокупно. Эта связь обеспечивается, по мнению философа, именно правовой структурой. Более того, «правовая структура» есть то, что придает различным явлениям правовую форму. И, в частности, нормы права являются

«правовыми» только потому, что в них обнаруживается правовая структура. Мы называем «правовыми» нормами, в отличие от других видов норм, те, которые предполагают особого носителя (способность признания), в которых выражаются реализованные ценности и которые формулируются в особых определениях (права – обязанности)» [1, с. 197]. Таким образом, во всем многообразии проявлений и определений права просматривается единство – правовая идея или структура, придающая различным явлениям правовую форму. По мнению Н.Н. Алексеева, правовая структура включает в себя следующие элементы: субъект права как деятель и как носитель актов, являющихся правовой ценностью; правовые ценности или идеальные объекты, охраняемые правом (к их числу относятся личность как правовая ценность, идеи справедливости, порядка, существование ценностей как ценность и т. д.); определения правового отношения между ценностями и их носителями, выражающиеся, по преимуществу, в понятиях правомочия и правообязанности.

Н.Н. Алексеев настаивает на том, что все используемые в теории и практике определения права связаны с тем или иным элементом правовой структуры: «Когда говорят о праве, что оно «признано» или «не признано», «интуитивно» или «законно», «принудительно» или «свободно», – имеют в виду носителя правового смысла, правового деятеля; когда говорят, что право «справедливо» или «несправедливо», «честно» или «бесчестно», «жестко» или «гуманно», имеют в виду отношения ценностей; выражения «лично свободное право» и «право централизованное» прежде всего касаются отношения основных определений права – правомочий и правообязанностей» [1, с. 198].

Предложенная Н.Н. Алексеевым правовая структура фактически представляет собой модель познания права. Косвенное указание на использование этого методологического приема обнаруживается в следующем высказывании философа: «Нет ничего удивительного, что феноменологическая структура права предстает перед нами, как некоторое многообразие, как единство нескольких измерений, подобное единству пространства, измерения которого представляются, в конце концов, некоторыми основными данностями, определяющими его структуру» [1, с. 73]. Под данностями Алексеев понимает не исторические события или факты, не установленные в логической процедуре определения содержания понятий. И первые, и вторые условны и абстрактны. По мнению философа, первоначальные данности представляют сущности чисто идеального характера, постигаемы средствами феноменологической редукции. При этом правовая структура выполняет функцию горизонта или смыслового предела сущностных характеристик предмета восприятия.

Как писал Гуссерль, «каждая данность, принадлежащая к миру, есть данность в «как» некоего горизонта, в котором имплицитно наличествуют все новые горизонты, так что в конечном счете любая данность влечет за собою мировой горизонт и лишь через это осознается в качестве принадлежащей к миру» [2, с. 267]. Таким образом, правовая структура как модель познания позволяет выделить из многообразия фактов действительности правовые данности, то есть факты, обладающие правовой значимостью. В свою очередь, правовая значимость является гранью любого воспринимаемого факта, изменяющейся в зависимости от подвижности сознательных интенций. Следовательно, правовые данности определяются Н.Н. Алексеевым и как то, что фактически дано, и как то, что предстоит получить в акте феноменологического созерцания и приложения к эмпирическим фактам модели правовой структуры.

Значение учения Н.Н. Алексеева в развитии феноменологии права состоит в том, что в нем впервые используются все виды феноменологической редукции. В частности, философ в своей работе демонстрирует методологические возможности эйдетической редукции, настаивая на том, что для познания сущности права «нужна полная сосредоточенность умственного взора на том, что является искомым. При сосредоточенности «другое» не только не будет помогать, но даже обращение к нему при некоторых условиях может прямо вредить. Сосредоточенность требует отвлечения от «другого»: его следует удалять из поля умственного зрения, выделять из сферы наблюдения» [1, с. 53]. Переход от эйдетической редукции к трансцендентальной ведет к обнаружению первоисточников опыта, и в этом случае встает вопрос о постижении «другого» и intersубъективности. Включая в свою познавательную модель эти элементы, Н.Н. Алексеев расширяет и углубляет ее до модели «жизненного мира» как источника интенционального конструирования мира.

Обнаруживается любопытная параллель между концепцией правовых данностей А. Райнаха и теорией правовых фактов Н.Н. Алексеева. Последний защищает фактический характер правовых явлений, в противовес чисто нормативному подходу Г. Кельзена. В частности, Н.Н. Алексеев предлагал уточнить понятие правовой нормы, хранящее в себе множество разночтений, с помощью понятия «нормативные факты». «...Можно утверждать, что любая норма положительного права есть «нормативный факт». Она является фактом, поскольку действует или действовала; она обладает нормативным смыслом, поскольку является нормой» [1, с. 149]. Норма как «нормативный факт» не может рассматриваться только как нечто исторически конкретное, подчиняющееся логике причинно-следственных отношений, но также не может определяться только как принадлежность сферы чистого должествования. Нормы не обладают временностью, но, выражая внутренний смысл права, «излучают», продуцируют временной процесс. Антиномичность их существа объясняют источники права – от государства как законодателя, до правового чувства и обычая, образующих в своей совокупности правовой этос или нравственную силу общества. Последняя создается глубокими, не всегда осознаваемыми эмоциями, «которые несут в себе и обнаруживают ценности» [1, с. 155].

Стремление Н.Н. Алексеева обнаружить смысловую связь между правом и нравственностью определяет специфику его философских воззрений. Разница между ними, по его мнению, состоит только в том, что право регламентирует внешнее поведение, а нравственность – внутренние мотивы. Конечная цель права, как утверждал мыслитель, состоит не в поддержании общественного порядка и справедливости. Они являются следствиями из надлежащей реализации подлинной цели – личности как высшей ценности, возможности актуализации личности различных ценностей в правовой жизни. Крайний индивидуализм, борьба эгоистических интересов, жесткое социально-техническое регулирование общества, по мнению Н.Н. Алексеева, разрушают общество, а существующие правовые системы не в состоянии им противостоять. Пророческой можно считать мысль Н.Н. Алексеева о том, что когда философия научится опознавать и определять фактические ценности действовавшего и действующего права, то «велико будет удивление, а может, даже ужас, когда во всей исторической наготе предстанет перед человеком все то, чему, в конце концов, служит созданное им историческое право. С очевидностью откроется,

что лежащие в основе его ценностные предпосылки не только не соответствуют идее ценностного порядка и ценностной иерархии, но и в значительной степени совпадают с отрицательными ценностями, покрывают собой прямое зло» [1, с. 223].

Достаточно подробный анализ философско-правовых учений А. Райнаха и Н.Н. Алексеева позволяет утверждать, что их объединят не только применение феноменологической терминологии и специфических методологических приемов, но и общий объект исследования – правовые данности. Именно они, по замыслу мыслителей, должны составить смысловой конфигурат философии и теории права. Кроме того, в рассуждениях и А. Райнаха, и Н.Н. Алексеева присутствует телеологичность. Однако у А. Райнаха ее источником является устанавливаемый в процессе феноменологической редукции трансцендентальный наблюдатель, наличие которого выводит его проект феноменологии права за пределы вопросов о реальном существовании права в пространство чистых сущностей.

Н.Н. Алексеев стремится остаться на «почве» актуального права, которое не может быть чистым знанием. Право, чтобы быть актуальным, должно быть признано, должно быть пространством деятельной жизни. При этом актуальность не должна противоречить всеобщей нравственности, отзывчивости к требованиям справедливости и добра. В какой-то мере данный тезис коррелируется с религиозными убеждениями Н.Н. Алексеева, рассматривающего духовный опыт в качестве основного пути воплощения ценностей или одухотворения правовой жизни [1, с. 223]. Как видим, А. Райнах, в отличие от Н.Н. Алексеева, свой проект феноменологии права ограничивает онто-гносеологическими рамками и не распространяет свои выводы на анализ исторически конкретного права и государства. Для Н.Н. Алексеева важно показать практическую, социальную значимость своей теории. Эту задачу ему удалось выполнить, участвуя в 20–30-е годы XX века в евразийском движении, которое он обогатил идеей идеократии (управления обществом с помощью идей).

Библиографический список

1. *Алексеев, Н.Н.* Основы философии права / Н.Н. Алексеев. – СПб. : Лань, 1999. – 256 с.
2. *Гуссерль, Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная философия. Введение в феноменологическую философию. /Э. Гуссерль ; пер. с нем. Д. Складнева. – СПб. : Владимир Даль, 2004. – 400 с.
3. *Поляков А.В.* Общая теория права : учеб. /А.В. Поляков, Е.В. Тимошина. – СПб. : Изд-во юридического факультета СПб. гос. ун-та, 2005. – 472 с.
4. *Райнах, А.* Априорные основания гражданского права / А. Райнах // Собр. соч. – М. : Дом интеллектуальной книги, 2001. – 483 с.
5. *Честнов, И.Л.* Правопонимание в эпоху постмодерна / И.Л. Честнов // Правоведение. – 2002. – № 2. – С. 6–18.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ АНАЛИЗА ЦЕННОСТЕЙ В НЕМЕЦКОМ НЕОКАНТИАНСТВЕ И ПОНИМАЮЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ

И.В. Цветкова

В работе рассматриваются теории ценностей, которые получили развитие в концепциях неокантианства и понимающей социологии. Выдвигается гипотеза относительного существования множества моделей истолкования и интерпретации системы ценностей, которая включает противоречивое сочетание материальных, духовных и социальных составляющих.

Ключевые слова: социальная философия, ценности, культура, методология.

В современном обществе понятие «ценность» нередко рассматривают как очевидное, понятное и доступное всем. Ценности выступают как желательное, предпочтительное для данного социального субъекта (индивида, социальной общности, социального института, социальной организации, народа) состояние социальных связей, содержания идей, художественной формы и т. д., критерий оценки реальных явлений, они определяют смысл целенаправленной деятельности, регулируют социальные взаимодействия, побуждают к деятельности. Другими словами, ценность и ориентирует человека в мире, и мотивирует на конкретные действия.

В социологических анкетах можно часто встретить вопросы, предлагающие расположить понятия, включенные в список ценностей в порядке их значимости для респондента. Получение сравнительных данных дает основание для выводов относительно стабильности или, напротив, динамики ценностных предпочтений. Создается иллюзия, что существует единое мнение относительно сущности ценностей и трактовки их смыслов. Однако даже на уровне обыденного сознания можно выделить множество смысловых оттенков данного понятия. Ценности – это то, что является важным для большинства, при этом нередко можно встретить мнение, что ценности индивидуальны. Часто приходится слышать о динамике ценностей, это означает, что они преходящи. Наряду с этим ценности рассматриваются в сопоставлении с вечностью. Ценности объединяют людей и являются причинами конфликтов разного масштаба. Противоречивые суждения о ценностях являются следствием проявления их сложной структуры.

Философский подход к изучению ценностей возник в рамках немецкой философии неокантианства в 60-е годы XIX века. Категория ценности была введена в понятийный аппарат философии немецким философом Р.Г. Лотце в книге «Микрокосм». Период конца XIX и начала XX века в развитии культуры М. Хайдеггер характеризовал как эпоху «преодоления метафизики», когда возникают философские концепции, доводящие до предела логическую схему соотношения объекта и субъекта. В этот период особое значение приобретает философская антропология, которая ставит в центр мировоззрения человека в качестве активного субъекта, поставленного перед выбором различных опредмеченных ценностей. Проблема ценностей лишает мир трансцендентного

измерения. Происходит переоценка ценностей с позиции их соотношения с потребностями и интересами человека, которые воплощаются в принципах гуманизма [1].

Изучение ценностей связано с установками предметно-практического преобразования мира. Ценности выступают объектом социального планирования, регулирования, манипулирования, исходя из интересов субъектов, наделенных властью. В этом аспекте ценности представляют собой формы предметно-технического преобразования мира. Ценности упорядочивают социальный мир. В современных условиях понятие «ценность» находит широкое применение при изучении культуры, образа жизни людей.

Неокантианство выступает примером теории, в которой воплотилось «завершение метафизики», поскольку, отстаивая самобытность предмета философии, претендуя на продолжение европейской традиции, оно во многом тяготеет к позитивизму. Представитель неокантианства Г. Риккерт базировался на разграничении двух способов отношения человека к миру, исходя из знания об объектах и ценностного отношения к миру. Объективные знания о мире формируются в процессе научного познания, они нацелены на изучение связей между причинами и следствиями. Альтернативой научному познанию выступает ценностное отношение к миру, которое ориентировано на постижение конечных целей существования человека, постижение смысла жизни. Неокантианцы исходили из противопоставления естественных и гуманитарных наук, которое базируется на различии их методов: объяснения и понимания.

Представитель Марбургской школы Г. Риккерт разграничивает «ценности» и «блага». Блага представляют собой конкретные средства, при помощи которых реализуются ценности. Например, произведения искусства являются ценностями, поскольку раскрывают духовные смыслы. Однако полотно и краски, при помощи которых создано произведение искусства, не являются ценностями, а выступают благами.

Г. Риккерт исходит также из необходимости четкого разграничения ценностей и акта оценки, он подчеркивает их независимость друг от друга. Ценность может обладать значимостью даже и при отсутствии акта оценки, выражающего то или иное к ней отношение. В этом смысле, например, имеют значение все еще не открытые наукой истины. Таким образом, ценности в неокантианстве представляют собой высшие духовные ориентиры развития культуры, предельные смыслы существования человечества.

Ценности, согласно Г. Риккерту, не относятся ни к области объектов, ни к области субъектов. Они образуют совершенно самостоятельное царство, лежащее по ту сторону субъекта и объекта. Проблемы ценности не поддаются объективному рассмотрению, поэтому ценности являются предметом философии, а не частных наук. Г. Риккерт предлагает при исследовании ценностей применять исторический метод. По его мнению, оценки не могут дать исчерпывающее представление о ценностях, поскольку их исследование не позволит выйти за пределы индивидуального субъекта и прийти к общему мировоззрению. Отсюда следует, что для теории ценностей представляют интерес именно такие ценности, которые претендуют на значимость, а только в *сфере культуры* можно непосредственно встретиться с действительностью, связанной с такого рода значащими ценностями. Таким образом, в неокантианстве была поставлена проблема методологии анализа ценностей, которая включает изучение диалектики исторического развития отдельных благ до уровня духовных ценностей. Итак, философский анализ

культуры основывается на выделении ценностных отношений человека к миру. Этот анализ руководствуется принципами исторического метода и ставит задачу исследования генезиса категорий культуры, воплощающих ценности.

Исторический анализ культуры позволяет сделать описание различных видов ценностей — благ, установить различия между ними. Тогда как философский анализ культуры направлен на изучение изменений, которые происходят в мировоззрении не отдельных людей, а целых народов в течение длительных исторических периодов. Система координат неокантианства «ценности — культура» целый комплекс научных проблем, изучением которых занялась социология.

Трудности построения теоретических моделей при изучении ценностей состоят в выборе оптимального метода их изучения. В философии неокантианства, философии жизни в качестве такого метода предлагалось понимание. На этой основе проводилось противопоставление «наук о природе» и «наук о духе». «Науки о духе» опираются на понимание, а «науки о природе» — на объяснение. Объяснение позволяет изучить причинно-следственные связи, но изучает мир, игнорируя индивидуальные проявления. Понимание ориентировано на постижение ценностей в их многообразии проявлений в мире культуры.

На последующих этапах развития философии противопоставление понимания и объяснения было признано неправомерным. В понимающей социологии, родоначальником которой является М. Вебер, понимание и объяснение рассматриваются в диалектической взаимосвязи [4].

Понимающая социология М. Вебера в качестве исходного пункта научных исследований берет отдельного человека, который реализует определенные цели в процессе совместных действий с другими людьми. Согласно М. Веберу действия людей могут быть рационально истолкованы вне зависимости от того, насколько индивид осознает цели, мотивы и последствия своих действий. Понимание основывается на рациональной модели действий человека, т. е. включает объяснения причинно-следственных связей. Они выступают принципами научного исследования, поскольку являются основой социальных взаимодействий между людьми. Данная модель содержит ориентацию на средства, которые представляются субъективно адекватными для достижения цели. Модель целерациональных действий выступает в качестве идеального типа для изучения поведения человека в обществе, а также формирования социальных связей между индивидами.

В понимающей социологии М. Вебера ценности рассматриваются с позиции их целерационального истолкования. В гносеологическом плане ценности могут анализироваться как базовые категории, которые воплощают идеальные типы социально одобряемых действий. Ценности являются предметом истолкования и интерпретации. Они выступают принципами выделения «общностно ориентированных действий» в широком и узком смысле этого слова [5].

В широком смысле «общностно ориентированные действия» предполагают анализ действий индивидов с позиции их нормативного регулирования. Непосредственное взаимодействие с конкретными индивидами, а также действия, совершаемые индивидуально, определяются мотивами, которые включают представления об оценках со стороны других людей. На уровне общественного сознания они воплощаются в безличных формах социальных норм. Таким образом, ценности в контексте «общностно ориентированных действий» выполняют функции социального регулирования действий.

В узком смысле «общностно ориентированные действия», согласно Веберу, выделяются на основании трех принципов: во-первых, являются осмысленно

ориентированными на ожидания других людей, во-вторых, «сформулированы» чисто целерационально в соответствии с ожидаемыми в качестве следствия действиями обобщественно ориентированных индивидов и, в-третьих, если смысловая ориентация индивидов субъективно целерациональна. Тот факт, что действия «ориентируются» по своему субъективному смыслу на установленный порядок, может означать, что субъективно воспринятому обобщественно ориентированными индивидами типу действий объективно соответствует их фактическое поведение. Таким образом, М. Вебер обращает внимание на то, что ценности существуют как на уровне общественного сознания, в виде идеалов, нормативов поведения, так и на уровне индивидуального сознания. На уровне социальной теории можно допустить совпадение данных моделей, что позволяет создать представление об общественном порядке и социальной гармонии [6].

В реальной жизни системы ценностей в общественном сознании, транслируемые социальными институтами, и системы ценностей отдельных индивидов могут не совпадать и провоцировать социальные конфликты. Причинами данных противоречий выступают множественные варианты интерпретаций социальных ценностей, различные модели понимания и истолкования.

Ценность на теоретическом уровне выступает в качестве диалектического единства целей и средств деятельности. Например, ценность образования может рассматриваться как цель, значимая для общества, поскольку способствует трансляции социального опыта, интеллектуальному развитию людей, подготовке к профессиональной деятельности. С позиции социальной рациональности данная цель предполагает выбор адекватных средств ее реализации – обучение индивидов в различных образовательных учреждениях. На теоретическом уровне цель и средство находятся в гармоничном соответствии, поскольку рассматриваются в условиях только одного социального института – образования.

На уровне индивидуального сознания логическая цепочка целей и средств, формирующая ценность, может существовать в сокращенном или разорванном виде. Например, определенная категория людей признает ценность образования в качестве социально-одобряемой цели. Они заканчивают несколько высших учебных заведений, однако не имеют желания и не ищут возможностей для профессиональной реализации полученных знаний. Также встречается другая модель поведения, когда молодые люди поступают в вузы, чтобы получить статусные характеристики – дипломы, а знания рассматривают в качестве ненужного приложения. При этом представители обеих категорий выражают убеждение в необходимости образования и его социальной ценности. Однако первая категория рассматривает образование в первую очередь как цель, придавая меньшее значение его инструментальному аспекту. А вторая группа видит в образовании лишь средство для социального продвижения. Таким образом, понимание ценностей на уровне повседневной жизни включает множество моделей, существование которых обусловлено противоречивым влиянием разнообразных социальных институтов. Среди них условно можно выделить три базовых.

Первая модель осознания ценностей характеризуется гармоничным сочетанием целей и средств. Она может быть реализована в условиях логичной и эффективной взаимосвязи между социальными институтами. Убежденность индивидов в ценности образования подкрепляется возможностями его практического применения. В нашем примере с ценностью образования это означает, что в обществе существуют условия, обеспечивающие лучшее трудоустройство и карьерное продвижение выпускников с хорошими показателями успеваемости.

Вторая модель базируется на признании значимости целей, которые реально не подкреплены средствами. Этот вариант основывается на вере людей в то, что цели, декларируемые в обществе, подкреплены средствами. Однако в действительности данные средства не эффективны, поскольку дисфункции социальных институтов предполагают использование средств, которые не соответствуют целям. Призыв к современной молодежи получать инженерно-техническое образование, даже если он будет услышан, приведет к разочарованию тех, кто попытается его реализовать, поскольку многие промышленные предприятия в реальности не готовы к тому, чтобы принять молодых специалистов, обладающих знаниями передовых технологий.

Третья модель основывается на превращении ценностей в средства для реализации других целей. Этот вариант, с одной стороны, приводит к повышению эффективности индивидуальных действий, поскольку на первый план выходят мотивы пользы и выгоды. Однако в масштабах общества возникают дисфункции социальных институтов, которые ослабляют социальный контроль и социальную солидарность. В нашем примере с образованием это означает, что социальное продвижение человека осуществляется вне зависимости от его профессиональной подготовки и определяется другими факторами: личными связями, знакомствами, неформальными услугами и т. д.

В условиях современного общества ценности воплощают механизмы социального воспроизводства, преемственности между поколениями. Ценности — это трансформация традиций, перевод их на уровень индивидуального сознания.

Методология изучения ценностей, по нашему мнению, базируется на следующих теоретических основаниях:

- на принципе историзма, который берет истоки в философии неокантианства и философии жизни: это означает, что анализ ценностей проводится на базе изучения конкретных условий их возникновения и реализации;
- диалектической взаимосвязи материального, духовного и социального, это означает, что шкала «духовности», которая применяется при сопоставлении структуры ценностей различных поколений или эпох, по сути, отображает соотношение материальных условий, духовных устремлений людей и социальных способов их регулирования;
- основе системного подхода, что предполагает изучение ценностей в структуре социальных действий, т. е. их соотнесение с целями, средствами и условиями достижения.
- плюрализме моделей понимания и интерпретации социальной реальности, это означает, что в современных условиях, предоставляющих широкие права для развития личности, отсутствует возможность доказать существование универсальной модели ценностей, которая была бы убедительной для всех, поэтому множественность интерпретаций предполагает создание нескольких теоретических моделей ценностей.

Библиографический список

1. Хайдеггер, М. Преодоление метафизики / М. Хайдеггер // *Время и бытие* : статьи и выступления : пер. с нем. — М. : Республика, 1993. — С. 177–192.
2. Риккерт, Г. *Науки о природе и науки о культуре* / Г. Риккерт. — М., 1998.
3. Бердяев, Н.А. *Самопознание* / Н.А. Бердяев. — Л., 1991.
4. Вебер, М. *О некоторых категориях понимающей социологии* / М. Вебер // *Избр. произв.* : пер. с нем. ; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова ; предисл. П.П. Гайденко. — М. : Прогресс, 1990. — С. 495–546.

5. Вебер, М. Объективность социально-научного и социально-политического познания / М. Вебер // Избр. произв. – М. : Прогресс, 1990. – С. 345–415.
6. Вебер, М. Основные социологические понятия / М. Вебер // Теоретическая социология: Антология : в 2 ч. / пер. с англ., фр., нем., ит. ; сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. – М. : Университет, 2002. – Ч. 1.
7. *Теоретическая социология*: Антология : в 2 ч. / пер. с англ., фр., нем., ит. ; сост. и общ. ред. С.П. Баньковской. – М. : Университет, 2002. – Ч. 1.
8. Соколов, С.В. Социальная философия : учеб. пособие для вузов. / С.В. Соколов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003.

УДК 1(=161.1)(091)

РУССКАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ГЕРМАНСКИЙ ВОПРОС В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Б.В. Царев

Статья посвящена эпизоду в истории русской религиозной философской мысли, показавшему ее идейно-политическую и гносеологическую уязвимость в сложных социально-исторических ситуациях. Рассмотрены также основные аспекты антигерманизма в российской публицистике начального периода Первой мировой войны.

Ключевые слова: русская религиозная философия, германизм, гносеологические уроки.

Войны Германии и России друг против друга в XX веке привели к тяжелейшим политическим, экономическим, социальным и психологическим последствиям для обеих стран и для всей Европы. Поэтому весьма важным является изучение прошлого русской общественной мысли по линии осознания ею перед Первой мировой войной возможных катаклизмов, драматических ситуаций в ходе данного столкновения. Перестроечный и постперестроечный периоды отличаются исключительным культом представителей русской религиозной философии «серебряного века», их сборника статей «Вехи» и поношением материалистическо-марксистского течения. Все это сопровождается всемерной апологетизацией и активностью РПЦ в средствах массовой информации, выпуском множества работ и учебных пособий по русскому консерватизму и идеалистическо-религиозной философской мысли, выделяющих многие важные социально-исторические и культурологические прозрения представителей данной интеллектуальной ориентации. Но подлинная мудрость и ценность философских учений должна измеряться не в малой степени и тем, насколько точно и своевременно помогли философы властной и политической элите и широкой общественности своего времени разобраться в сложной, быстро сменяющейся многие свои переменные величины исторической ситуации, в судьбоносные,

что называется, моменты жизни своего отечества. К сожалению, авторы трудов по истории философской мысли разных стран и народов весьма редко обращаются к таким моментам проверки готовности философов (тем более активно участвующих в текущей политической жизни и политической публицистике) достойно, выражаясь языком Ф.И. Тютчева, «посетить сей мир в его минуты роковые». Страдают таким пробелом и многочисленные книжные издания и учебники по истории русской религиозной философии, если не считать экскурсов по содержанию и роли «Вех» во внутривнутриполитических дискуссиях начала XX века и вздохи по поводу отправления «философского парохода» в 1922 году на Запад. Не говорится почти ни в одном из таких более или менее крупных изданий, насколько удачным было участие русских мыслителей правой ориентации в обсуждении внешнеполитической проблематики перед и в начале Первой мировой войны; ведь именно тогда была особенно важна глубокая оценка реального экономического, социально-политического и социально-психологического состояния российского общества, необходимости и целесообразности включения России в военный конфликт с Германской империей, а также опасных долгосрочных последствий столь масштабного вооруженного столкновения европейских государств.

Увы! Именно в этой исключительно важной для судеб российской цивилизации исторической ситуации религиозные мыслители оказались не на высоте своей культурно-просветительской миссии, совершили малопростительные для подлинного философа ошибки и проявили политическую близорукость. Когда патриотические манифестации и германофобия в августовские дни 1914 года охватили обе столицы, выяснилось, как писала З.Н. Гиппиус в своем дневнике, что многие известные религиозные мыслители буквально «осатанели от православного патриотизма. Вяч. Иванов, Эрн, Флоренский, Булгаков, Трубецкой и т. д.» [1, с. 210]. В те же дни С.Н. Булгаков писал: «Нам не страшна борьба с неурожаем, с тяжестью несения войны, с промышленным застоєм... Так, под ударами вражеского меча празднуем мы светлый праздник государственности» [2, с. 255–256].

Если до ее начала война представлялась противоестественной, то теперь, как отмечал С.Л. Франк, война была воспринята как «необходимое, нормальное, страшно важное и бесспорное по своей правомерности дело.., что поставило нас перед насущно-необходимой и для большинства мучительно-трудной задачей идейного оправдания войны, отыскания ее нравственного смысла» [3, с. 97].

Особенно отличился по части оправдания немедленной войны с Германией, огульной, односторонней и во многом предвзятой критики (точнее, пожалуй, охаивания) немецкой культуры известный православный философ с немецкой фамилией В.Ф. Эрн. В статье «Ненужные рыдания» он пишет, что «все глубокое в русском обществе почувствовало потребность беспристрастно пересмотреть всю совокупность германской культуры и, воспользовавшись огромным советом этой войны, переоценить и переиспытать многое из того, что раньше нами легкомысленно принималось на веру и даже почти по гипнозу» [4, с. 353].

О враждебном отношении к германской культуре, о необходимости всемерной борьбы с ее влиянием для культурного возрождения России «на исконно русских началах» неоднократно заявлял и В.В. Розанов [2, с. 255–256, 280]. Эрн же считал даже такого великого гуманиста, автора идеи вечного мира между государствами, как Кант, строителем концептуальных основ германского милитаризма, пролагателем дороги, идейно ведущей к военно-промышленному комплексу Круппа. И все это писалось и говорилось при том, что значительное количество русских патриотов той поры были немецкого происхождения (а нередко и чистыми

немцами), при интенсивнейших научных и культурных связях русской и германской общественности, далеко превосходящих интенсивность русско-французских и русско-британских связей такого рода.

Активно используется в это время в лексиконе русских философов-публицистов термин «германизм». По мнению Н.А. Бердяева, война знаменует мировую борьбу славянской и германской расы. «Давно уже германизм проникал в недра России, незаметно германизировал русскую государственность и русскую культуру, управлял телом и душой России. Ныне германизм открыто идет войной на славянский мир» [6, с. 23].

Под германизмом имелось в виду прежде всего стремление Германии к насильственной мировой гегемонии (оно коренится, по Эрну, уже «в глубинах феноменалистического принципа» кантовской «Критики чистого разума») [4, с. 312], форсированное насильственное насаждение немецкой культуры, культуртрегерство, отсутствие братских чувств к другим народам (как будто французская и британская элита этим страдали существенно меньше). Н.А. Бердяев подчеркивал, правда, что всего более Россия «должна быть свободна от ненависти к Германии, от порабощающих чувств злобы и мести, от того отрицания ценного в духовной культуре врага, который есть лишь другая форма рабства» [5, с. 25]. И тем не менее он уверен, что «война может принести России великие блага, не только материальные, но и духовные блага», что «она пробуждает глубокое чувство народного, национального единства, преодолевает внутренний раздор и вражду, мелкие счеты партий» [5, с. 25]. И постоянно такого рода заявления сопровождалась бессодержательной, трескучей фразеологией о славянском единстве, о важности Босфора и Дарданелл, о национальной солидарности.

И получилось так (что, разумеется, не пишется в нынешних «историях русской философии»), что наиболее дальновидным и глубоким мыслителем относительно последствий грядущей мировой болезни за много лет до ее пушечных залпов оказался материалист Ф. Энгельс и российские левые политики, равнодушные к византийскому призраку российского флага над Константинополем и проливами. Наиболее важны гносеологические уроки этого эпизода в истории русской религиозной философской мысли, столь апологетизируемой в СМИ относительно глубокости понимания его специфики российской цивилизации и государственности, исторической прозорливости. Становится понятным, что даже широкоэрудированные, великолепные знатоки европейской культуры могут непростительно ошибаться в оценке реальных возможностей страны, ее готовности к предстоящему крупному испытанию, психологического состояния народных масс и долгосрочных последствий значимых политических решений, могут упрощать и даже существенно искажать под влиянием политической истерии и конъюнктуры направленность, содержание культуры тем народов, с которыми были многосторонне и многие годы связаны. Религиозность тут во многом помогала отвлечься от реалий складывающейся ситуации. В трудах русских религиозных философов описываемого периода, конечно, имеется немало ценных и верных выводов относительно особенностей российской цивилизации и государственности, но их просчеты, зависимость от «стадного сознания» в решающий исторический момент ставит вопрос еще раз о необходимости подготовки философов всех ориентаций к такого рода сложным, «цейтнотным» социально-историческим ситуациям.

Библиографический список

1. *Мережковский, Д.С.* Больная Россия / Д.С. Мережковский. — Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. — 272 с.
2. *Розанов, В.В.* Собрание сочинений. Последние листья / В.В. Розанов. — М. : Республика, 1994. — 541 с.
3. *Киселев, С.Г.* Предисловие к публикации: Эрн В.Ф. От Канта к Крону / С.Г. Киселев // Вопросы философии. — 1989. — № 9. — С. 101–107.
4. *Эрн, В.Ф.* Сочинения / В.Ф. Эрн. — М. : Правда, 1991. — 575 с.
5. *Бердяев, Н.А.* Судьба России / Н.А. Бердяев. — М. : Сов. писатель, 1990. — 346 с.

УДК 130.2

**ПРОБЛЕМА ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ
И ИНТЕРСУБЪЕКТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ**

Н.Ф. Шаров

В данной статье показывается роль и значение диалога философских культур России и Германии, охватывающего разные проблемы, «концептуальные точки пересечения», такие как интерсубъективность, которая задана как внутри философии, так и в самой межкультурной коммуникации, влияющей на философский диалог двух стран. Подчеркнуто значение интерсубъективности в ее «двойной» роли и как отдельной темы, и как реального механизма развития философии двух культур.

Ключевые слова: *интерсубъективность, понимание, конвенциональность, язык, коммуникация*

Философия изначально в своей генетической природе опирается и культивирует «сложную механику» интерсубъективизации. Она всегда подчеркивала, что работа со знанием, со смыслами требует «многослойной деятельности», которая в основе своей коммуникативна. Именно благодаря этому рождается и становится предметом анализа история коммуникативных пересечений, рефлексий идей, концептов, понятий. Эта история представлена разными культурными «голосами эпох», размышлениями известных философов, но главное, что это всегда поликультурное исторически неиссякаемая демонстрация коммуникативного разума: мышления философов разных культур и разных философов, зачинателей философских поисков, где среди «интермысления» разных культур и эпох особое место занимает постоянно длящийся когнитивный диалог философий России и Германии.

Среди множества разных проблемных мест, которыми «совместно» занимаются мыслители двух стран и культур обозначим некоторые. Прежде всего актуальной исторически и актуальной в аспекте как настоящего, так и будущего времени выступает тематизм «интерсубъективности». Без этого онтологического процесса

ничего не происходит. Таков общий посыл для того углубления в «материал интересубъективности», который становится очень сложно выстроенным процессом познания и человека, и его социальных факторов и фактов существования, «заданности его бытийствования», которое проходит «под давлением явного или неявного присутствия» феномена интересубъективности. Назовем известные имена, которые с нашей позиции культурного диалога играют весомую роль. С немецкой стороны это В. Гумбольдт, В. Шлеймахер, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Э. Гуссерль, В. Вебер, Ю. Хабермас, Г. Гадамер и др., с российской стороны – это Г. Шпет, А. Потебня, Л. Выготский, М. Бахтин, С. Аверинцев, А. Лосев, Ю. Лотман и др. Это далеко не полный список тех, кто «в своих» нюансах прописывал и указывал (доказывал) онтологическую роль этого феномена. Важно подчеркнуть, что «фактор» и, собственно, феномен интересубъективности «полионтологичен» как по составу, так и своей функциональной ведущей роли для того, чтобы человек попытался «заглянуть в себя», разобраться в себе и тем самым смог опираться, учитывать то, что «несет в себе» эта интересубъективность. Интересубъективность включает, казалось бы, достаточно очевидное содержание, которое представлено в коммуникации людей, в их общении, и в то же время, интересубъективность, по мысли всех тех, кто был назван, является «субстанциональной силой», «имманентной характеристикой», дающей возможность создавать системы философского и иного «отсчета» всего того, как человек, общество раскрывают и реализуют себя в этом многогранном процессе.

К. Ясперс так говорит о философии в работе «Введение в философию», закладывая в нее «изначально» сложную линию складывания интересубъективного: «Ее считают чем-то таким, что касается каждого и поэтому в основе своей должно быть простым и понятным, или чем-то столь трудным, что заниматься ею представляется совершенно безнадежным делом. Таким образом, то, что выступает под именем философии, становится поводом для самых противоположных суждений» [11, с. 37]. Проблематизируется интересубъективность в различных контекстах и исходя из разных оснований. Так, в философии К. Ясперса, Ю. Хабермаса, М. Бахтина, А. Лосева природа интересубъективности зависит от определенных философских предпосылок и, прежде всего, от понимания собственного Я и Другого. Поэтому одним из горизонтов интересубъективных отношений у них выступает концепт Другого.

Концепт Другого имеет большое значение для разрешения вопросов, связанных с интересубъективностью. Именно в рамках понимания его природы можно соотнести различные онтологические основания. Как философская – проблема Другого всегда находилась и сегодня находится в центре философского познания. Это связано не только с актуальностью особой философской социальной проблематики, но и с тем, что смысл феномена «общественного», его многогранности и функциональности, «несет в себе» и требует способа осмысления Другого, осмысления отношения Я-Другой, или интересубъективности. Тем самым трактовка интересубъективности получает свое основание и развитие через концепцию Другого Я.

Уже в немецкой классической философии, как особом «социокультурном месте и времени», мы находим актуализацию проблематики и концепта Другого, она ставит ее в центр обсуждения когнитивных вопросов о «чистоте», достоверности, общезначимости знания. Если обратиться к позиции Э. Гуссерля, то для него достоверное как «полноценное» знание – это не «чистое знание», а знание со смыслом доступное для другого, сама объективность отождествляется с интер-

субъективностью, и она же проблема Другого в рамках трансцендентальной феноменологии мотивирует «новый поворот», переход Э. Гуссерля от трансцендентальной феноменологии к «онтологической» феноменологии жизненного мира.

Исходя из позиции Э. Гуссерля, следует решать проблему интерсубъективности через «феноменологию», проблему смысла, характеризуя его через сопоставимую идентичность интенциональных актов и их идеального содержания. Сама интерсубъективность, представлена следующим образом: ее «главный денотат» – смыслы интерсубъективны, то есть по самой своей «конструктивности» не зависят от индивидуальности субъекта, его особенностей и принадлежат к области идеального; сам смысл является тем общим и существенным основанием, которое онтологически «создает» единое предметное поле, горизонт мира интенциональных объектов различных субъектов [8].

Как отечественные, так и немецкие философы обращают внимание на коммуникацию, в которой видят общий когнитивно-интерсубъективный механизм, выстраивания «смыслового собирания» с набором «определенных точек», расположенных на «социокультурном, ситуативно-временном дереве смыслов». Они говорят об «инвариантном условии» когнитивного и герменевтического функционирования, завязанных на коммуникации и языке, подчеркивая, что само понимание возможно, поскольку два субъекта относятся к одному культурно-историческому сообществу и что понимание обуславливается тем, что на него влияет наличие у субъектов общей культурности в виде опыта, привычек, убеждений, ценностей, образов, стереотипов и т. п. [1–11].

Также философы обоих социокультурных пространств пытаются перевести проблему интерсубъективности в плоскость «онтологических возможностей языка». Здесь благодаря «многомерной» корреляции языка и мира, вытекающей из природы сообщества как интерсубъективного феномена, язык тем самым обладает такой собственной интерсубъективной сферой, в которой конституирует объективный мир. Здесь возникает отношение к «факторности языка», в аспекте возможности универсального языка: когда язык в целом служит условием существования мира как общего горизонта, а также выступает необходимой детерминантой понимания для любого как индивидуального, так и социокультурного, локального или исторического субъекта.

В частности, значение языка как фундамента бытия, дома бытия, через его общезначимость, интерсубъективность и герменевтическую субстанциональную способность к умножению и поддержанию смыслов – все это глубоко (онтологически) и вопрошающе открытым образом также описывается в работах М. Хайдеггера, Ю. Хабермаса, Г. Гадамера, где последний прямо заявляет, что понимание есть явление языковое..., а язык есть то, что несет в себе и обеспечивает общность мироориентации [5, с. 48].

Отечественные мыслители выходят на проблему интерсубъективности, подтверждая роль и значение феномена интерсубъективности на материале того, что заложено в опыте герменевтики и феноменологии. М. Бахтин говорит о «горизонтах» целого в сознании, где понятие Другого задано и герменевтически, и интертекстуально, когда важно понять, чем определяется раскрытие смысла, имея в виду, что это зависит от «другого» образа или смысла, которые могут иметь и другую природу (литературный, научный, художественный и т. д.) и другой уровень – от обыденного до теоретико-научного [1, с. 366–367]. При этом М. Бахтин также пытается расчленить понимание на отдельные акты, которые всегда слиты в понимании, подчеркивая сложность этого феномена. Он говорит о психофизи-

ологическом восприятии знака, узнавании его, понимании значения, понимании контекста значения, активно-диалогическом понимании, включенном в диалогический процесс [1, с. 381].

Итак, философские традиции анализа интерсубъективности напрямую зависят и связаны с трансцендентальной платформой (Э. Гуссерль и др.) и философией диалога (М. Бахтин, Л. Выготский, А. Лосев, Ю. Лотман и др.), философской герменевтикой (К. Ясперс, Г. Гадамер и др.), они формируются на базе отношения к трансцендентализму, и все это представляет собой определенный тип зависимости. И сегодня философия складывается как попытка преодоления трансцендентальной интерпретации субъекта, Я, Другого, в контексте плюрализма подходов как проявления новой динамики интерсубъективности.

Говоря о сегодняшней ситуации в сфере философских исканий, можно отметить, что проблема исследования феномена интерсубъективности напрямую связана с наличием интерсубъективности и ее роли как основания и когнитивного фактора в самой философии. Сегодня философия серьезно зависит от интерсубъективной динамики внутри ее самой. Данный процесс выступает тем плодотворным условием в рамках всей философии и конкретно в рамках названной темы, где сегодня мы имеем новые акценты, новые варианты философского диалога, коммуникации в известном режиме «вопросы и ответы» на заданную, обозначенную самим временем тему. Такой, на наш взгляд, выступает тема особой природы конвенционального.

Философские попытки исследовать феноменологию конвенционального мы можем найти как в отечественной, так и немецкой философии. Прежде всего философские подходы здесь опираются на такое основание, как совокупная природа аксиологичности сознания. Именно тот, кто занимается природой ценностного основания сознания, видит, как оно конструируется благодаря феномену интерсубъективных аксиологических структур. Здесь конвенциональная «предрасположенность» сознания достаточно очевидна не только в силу его языковых оснований (ведь язык изначально конвенционален), но и сложно заданной интенциональной направленности сознания на условия его социальной феноменологии. Сознание становится таковым в силу способности устанавливать «социальные узлы», связки, позволяющие ему социально идентифицироваться и конструироваться как особому «программному собирателю» того, что обеспечивает его жизненную устойчивость, в том числе в аспекте социального способа функционирования.

Здесь можно также обратиться и к позиции Ю. Хабермаса. Не случайно, говоря о коммуникации, Ю. Хабермас подводит нас к мысли, что главное – разобратся в коммуникативном разуме, имея в виду, что главное в коммуникации на что-то опереться, с чем-то соглашаться, а не бесконечно отвергать все. Коммуникация – нечто предзаданное в бытии человека, и она (коммуникация) «несет в себе» и «объективацию» и «субъективизацию», и собственно «призывание и обналичивание конвенционального» как конструкта жизненного позволяет формироваться разным формам устойчивости, устойчивого обустройства жизни, где есть место планам, идеям, отношениям, ценностям, проектам и др. [9].

В целом мы видим, что философы как в России, так и в Германии, обращаясь и «погружаясь» в феноменологию интерсубъективного как конвенционального, в феноменологию коммуникаций «внутри» и «вне» субъектов достаточно серьезно актуализируют как когнитивный процесс, так и весь герменевтический процесс постижения роли, места и возможностей такого социокультурного субститута, ядра интерсубъективности, представленного в ракурсе ее конвенционального

ожидания, то есть «генератора», создающего сочетающиеся формы и структуры, порождаемые ею.

Философия сама невозможна вне интересубъективных оснований, которые подпитывают и обеспечивают ее развитие, «качественную интровертивную связь» с обществом, которые даны в базовых «элементах»: в языке, трансляции, артикуляции, закреплении, осмыслении, понимании, интеллектуальном взаимодействии, креативной отдаче, проблематизации, вопрошании и уверенности, в аргументации, истолковании, интерпретации и др. И все это лежит в «основаниях интересубъективности».

В заключение следует отметить, что проблема интересубъективности как многогранно выраженная в творчестве великих мыслителей России и Германии сама подтверждается процессом «длительного исторического диалога» культур в рамках многих столетий. Каждая из стран создает те мыслительные концепты, которые позволяют «быть» зеркалом для других и субъектом в пространстве взаимосвязанной «цепи» собирания смыслов, умов, авторитетных мыслителей, позволяющих благодаря этому дящемся диалогу разобраться в постоянно усложняющемся движении к будущему, где глубинная философская мысль каждой культурной системы, общества «стоит дорогого» — позволяет совершенствовать жизнеспособность и ориентиры в этой сложной современной динамике развития человечества.

Библиографический список

1. *Бахтин, М.М.* Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. — М., 1996.
2. *Выготский, Л.С.* Избранные работы : в 3 т. / Л.С. Выготский. — М., 1989.
3. *Лотман, Ю.М.* Тартусско-московская семиотическая школа. Труды / Ю.М. Лотман. — М., 1998.
4. *Пятигорский, А.М.* Избранные труды / А.М. Пятигорский. — М-Лондон, 2002.
5. *Гадамер, Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер. — М. : Прогресс, 1988.
6. *Гадамер, Х.-Г.* О круге понимания // Актуальность прекрасного / Х.-Г. Гадамер. — М. : Искусство, 1991.
7. *Гумбольдт, В.* О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине / В. Гумбольдт // Неприкосновенный запас. — 2002. — № 2(22).
8. *Гуссерль, Э.* Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. — Спб., 1911 ; *Он же.* Логические исследования // Картезианские размышления. — Минск, 2000.
9. *Хабермас, Ю.* Коммуникативное общество / Ю. Хабермас. — М., 2007.
10. *Хайдеггер, М.* Путь к языку / М. Хайдеггер // Время и бытие. Статьи и выступления — М. : Республика, 1993.
11. *Ясперс, К.* Введение в философию / К. Ясперс. — М., 1998

УДК 821.112.2.01

ЛИЧНОСТЬ И НАСЛЕДИЕ НИЦШЕ В ОЦЕНКЕ РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА И СТЕФАНА ЦВЕЙГА

Т.А. Шарьпина

В статье идёт речь о восприятии личности Ницше и его наследия русскими мыслителями Серебряного века и австрийским писателем С. Цвейгом. Высказывается мысль о том, что именно в русской философской традиции он был воспринят в созидательном аспекте ницшеанского нигилизма.

Ключевые слова: имморализм, эстетизм, сверхчеловек, дионисийство, ницшеанский нигилизм, нравственные ценности, идея вечного обновления.

Двадцатое столетие открывалось «бумом» вокруг личности и философских откровений Фридриха Ницше. Это парадоксально уже потому, что творческому закату философа предшествовала атмосфера непонимания и отчуждения. Как справедливо писал Лев Шестов: «Своим отношением к науке Ницше оскорбил профессиональных учёных всех оттенков, ибо он равно отшатнулся и от позитивистов, и от идеалистов» [8, с. 108]. Чуть позже, анализируя психологическую трагедию философа, С. Цвейг заметит, что «убийственная пустота окружает позднего Ницше, мертвая тишина» [7]. Став мгновенно известным, ещё молодой учёный, смелыми гипотезами и догадками перевернувший привычное представление о классической древности, восстановил против себя уважаемую филологическую общественность и получает гневную отповедь от У. Виламовица-Мюлендорфа, затем следует разрыв с Вагнером и вагнерианцами, друзьями юности. Как свидетельствует С. Цвейг, на вершине творческой активности Ницше не может найти ни одного издателя, готового опубликовать что-либо из его сочинений за двадцать предшествующих лет, а четвертую часть «Заратустры» философ издаёт в сорока экземплярах на собственные скудные средства.

Тем не менее двадцатое столетие открывалось апофеозом философа Ницше. Парадоксальность творческой манеры Ницше определила и парадоксальность восприятия его наследия. Красочность стиля и неординарность мышления привлекли к его философии и эстетическим идеям таких разных, с точки зрения мировоззрения и художественных принципов, писателей, как Г. Гауптман, Г. Гофмансталь, Р. Хух, Г. Зудерман, Т. Манн, И. Бехер и многих других. Яркая образность философских трудов Ницше и сама философия музыкального творчества дала своеобразный импульс художественным исканиям немецких композиторов первой половины XX века. Так, Г. Малер первоначально называет свою Третью симфонию по заглавию сочинения Ницше «Веселая наука», а Рихард Штраус не только написал музыкальную поэму «так говорил Заратустра», но и пытался воплотить в своём творчестве идеи философа о взаимозависимости музыки и слова. Одноактные оперы «Саломея» и «Электра» несут в своей концепции следы своеобразно воспринятых «дионисийских» идей Ницше.

Однако слава философа не способствовала глубокому проникновению в суть его учения. Прежде всего, этической системы. Оказавшись «властителем дум» интеллектуальной элиты, Ницше. По сути, не был услышан и был воспринят

в ореоле демонического имморалиста, певца сверхчеловека, некой «белокурой бестии». Нравственно ущербному филистеру шекотал нервы и будоражил воображение культ сильной личности, призыв к бестиальности. Своеобразие ситуации, по справедливому замечанию М. Кореновой, заключалось в том, что по сути понятие «ницшеанец» прочно входило в обиход ещё до того, как читающая публика могла реально познакомиться с творчеством этого писателя-философа [4, с. 52].

Сказанное выше относилось к характеристике русских поклонников Ницше, но справедливо и по отношению к немецкому обывателю. Нельзя не согласиться с тем, что с самого начала определение «ницшеанец» носило скорее оценочный характер и потому прилагалось к совершенно разным литературным явлениям, не имевшим во всяком случае непосредственной связи с идеями Ницше, но отличавшимися некоторой новизной тем, сюжетов, стилистикой» [4, с. 51]. Характеристика ницшеанца непременно связывалась с имморализмом, культом сверхчеловека, относительностью и «сдвинутостью» нравственных понятий. Подобная вульгаризация идей философа происходила из-за игнорирования или непонимания концепции исторического процесса в его трудах. Так, в самом течении развития заложена, по мысли Ницше, беспристрастная, безотносительная, всеобъемлющая жестокость, а основным законом жизни, вследствие этого, является закон самоотрицания. Отсюда делается вывод о неизбежном «саморазрушении», самоопределении человека и стадиальной относительности нравственных понятий. Филистерское упрощение идейного наследия философа привело к тому, что Ницше не только в большинстве случаев не был понят современниками, но даже в работах последнего времени встречается подобная стандартная схематизация его взглядов [3]. Сложившаяся ситуация болезненно переживалась философом, пророчески писавшим: «Меня поймут после ближайшей европейской войны». Представляется актуальным и в настоящее время комментарий приведенного высказывания Ницше, данный С. Цвейгом: «И в самом деле, истинный смысл, историческая необходимость великих увещеваний уясняется только из напряженного, зыбкого и грозного состояния нашего мира на пороге нового столетия: в атмосферном гении, который всякое предчувствие грозы претворял из нервного возбуждения в сознание, из предчувствия в слово, — в нем мощно разрядилось неимоверное давление спертой нравственной атмосферы Европы, величественная гроза духа — предвестие губительной грозы истории» [7, с. 387].

Стремлением дать справедливую оценку творческому наследию философа проникнуты появившиеся почти одновременно книга А. Швейцера «Культура и этика» (1923) и очерк С. Цвейга «Фридрих Ницше» (1925), а также появившиеся значительно позже статьи и высказывания Т. Манна, в частности «Философия Ницше в свете нашего опыта» (1947). Однако даже во вдохновенном очерке С. Цвейга мы не встречаем столь тонкого проникновения в нравственно-этическую систему и эстетические воззрения философа, каким обладают работы русских философов и писателей А. Белого, В. Вересаева, Вяч. Иванова, Л. Шестова, Д. Мережковского. Связи Ф. Ницше с русской культурой и литературой — предмет специального исследования [2; 5]. Отметим только пристальное внимание философа к творчеству Л.Н. Толстого, Ф. Достоевского, И. Тургенева, А. Пушкина и нравственно-этической проблематике их произведений. Вероятно, благодаря сходству разрабатываемых идей (так, одновременно с Толстым Ницше занимается вопросом происхождения нравственности и ролью религии в жизни общества) наследие Ницше органично вошло в круг насущных исканий русской духовной культуры. Именно в трудах русских мыслителей начала XX века было найдено

рациональное зерно ницшеанского нигилизма — страстное стремление создать новую систему нравственных ценностей, способствующую формированию нового человека будущего, не скованного рамками догматической морали.

Рассуждая о культуре Ницше на рубеже веков, Л. Шестов проникает в самую суть трагической двойственности его философии, трагического непонимания филистером сути его идей: «Может быть, во всех великих случаях до сих пор происходило одно и то же: толпа молилась на бога, а этот бог был сам только бедным жертвенным животным» [8, с. 95]. Слишком пронизательный и честный, по мысли Л. Шестова. Ницше в конце концов остается один на один со всеми ужасами бытия. Анализируя диалектику «добра» и «зла» в философии Ницше, русский мыслитель акцентирует свое внимание на том, что «зло» теряет в названном учении свое «сатанинское» начало, превращаясь в одну из творческих жизненных сил природы. «Зло» — то, что люди называют «злом» и что до сих пор представлялось нам самой страшной и мучительной загадкой, ввиду его нелепого и бессмысленного противоречия с наиболее дорогими нашему сердцу упованиями, перестает быть для Ницше «злом». Более того, он в «зле» находит добро, в «злых людях» — великую творческую силу», — замечает Л. Шестов [8, с. 122] и приводит соответствующий отрывок из высказываний Ницше: «Всё то, что добрые зовут злом, должно собраться вместе для того, чтобы родилась истина. Рядом со злой совестью всегда росло знание».

Среди немецких мыслителей XX века наиболее точно смысл формулы Ницше «Бог мертв» и образа сверхчеловека был воспринят М. Хайдеггером в статье «Слова Ницше «Бог мертв», акцентировавшим свое внимание на созидательном аспекте ницшеанского нигилизма: «С осознанием того, что «Бог мертв», начинается осознание радикальной переоценки прежних ценностей.<...> Деградация задающих меру ценностей прекратилась. Нигилизм — взгляд, что «высшие ценности обесцениваются», — преодолен» [6, с. 166].

Диалектика «добра» и «зла» как в философских, так и в эстетических воззрениях Ницше во многом напоминает диалектику взаимоотношений фаустовского и мепистофельского начала в гениальной трагедии Гёте.

Сопоставление Гёте и Ницше, выдающихся личностей, определивших во многом духовную, этико-эстетическую ауру Германии на рубеже XVIII–XIX и XIX–XX веков очевидно, тем более что имя Гёте неоднократно встречается в работах Ницше. К идеализации великого немца Ницше придет в последний период творчества.

Так, для С. Цвейга «Ницше — гений мощных поворотов; в противоположность Гёте, который обладал гениальным даром избегать опасности» [7, с. 320]. Говоря о необыкновенной научной и человеческой искренности философа, С. Цвейг пишет, что для Ницше истина — «не застывшая «чистая» форма, а пламенная воля к её достижению и к пребыванию в ней, не решенное уравнение, а непрерывное демоническое повышение и напряжение жизненного чувства, осуществление жизненного предназначения во всей полноте: Ницше стремится не к счастью, а только к правдивости» [7, с. 342]. В противоположность этому вся жизнь Гёте зиждется на примирении. На компромиссе. Очерк С. Цвейга не содержит анализа эстетических воззрений Гёте и Ницше. Но австрийский писатель фиксирует внимание на одном из поворотных событий в их судьбах — посещении Италии. И для того, и для другого это путешествие обозначило особую веху в развитии творчества, мировосприятия, дало толчок для пересмотра этико-эстетических позиций. В связи с этим определяется, оформляется и концепция античности. С. Цвейг

не конкретизирует свои выводы, останавливаясь лишь на психологическом аспекте путешествия: «Гёте находит в Италии то, что он ищет, едва ли больше: он ищет глубоких сцеплений (а Ницше — высшей свободы), величия прошлого (а Ницше — величия будущего и полного отрешения от истории); он, с сущности изучает то, что под землей: античное искусство, дух Древнего Рима, тайны растений и горных пород (тогда как Ницше, опьяняясь и вновь отрезвляясь, неизменно всматривается в то, что над ним сапфировое небо, безгранично ясный горизонт, магия повсюду разлитого света, пронизывающего все поры его тела). Поэтому Гёте переживает Италию по преимуществу эстетически и церебрально, а Ницше — жизненно: если Гёте привозит из Италии прежде всего художественный стиль, то Ницше находит там жизненный стиль» [7, с. 358]. В эскизе Цвейга выявляется психологическая подоплека этико-эстетических воззрений на античность Гёте и Ницше.

В заданной схеме противопоставления двух выдающихся немцев Цвейг определяет только один пункт схождения — идея вечного обновления, присущая взглядам обоих. Так, для Ницше «философ вынашивает и изнашивает свои убеждения», и ему «вредно быть прикованным к одной личности. Если он нашел себя, он должен стремиться время от времени терять себя — и затем вновь находить» Его существо — непрерывное преобразование, самопознание путем самоутраты, вечное становление, а не покоящееся, неподвижное бытие; поэтому «Стань тем, кто ты есть» — единственная жизненная заповедь, какую можно найти в его сочинениях. Гёте тоже иронически говорил, что его постоянно ищут в Веймаре, когда он уже давно в Йене, — излюбленный образ Ницше — образ сброшенной змеиной кожи — за сто лет предвосхищен в письмах Гёте» [7, с. 347].

Почти за три десятилетия до опубликования очерка С. Цвейга, создавая собственную концепцию античности в трилогии «Христос и Антихрист» Д. Мережковский. В целом достаточно тенденциозно противопоставляя двух выдающихся немцев, находит психологически точный момент схождения в их судьбах. Таким моментом становится чувство «глубинного трагизма». Символический образ Гёте, воссозданный Д. Мережковским на рубеже веков, безусловно, возник под воздействием той характеристики великого немца, которую даёт поздний Ницше в «Сумерках богов». Для Д. Мережковского ведущей чертой в облике Гёте становится не только вечное стремление к обновлению и «любовь к жизни», но чувство глубокой печали. Говоря словами Ницше, «он увидел в нем прежде всего человека рубежа веков, словно обращенного в прошлое и будущее, личность, соединяющую в себе два начала, ставшей символом преодоления века («Сумерки богов»). Известно, что в этико-эстетических концепциях позднего Ницше аполлоновское начало отстает перед дионисийским. В «Сумерках богов», как бы отказываясь от юношеской идее всеэллинского пессимизма, Ницше утверждает в качестве основного пафоса дионисийских мистерий антимистический инстинкт «воли к жизни», как бы гарантировавший греку «вечное возвращение жизни» [1]. В качестве примера и символа подобного мировосприятия мысль позднего Ницше обращается к гению Гёте, самому недонисийскому, ранее названному им аполлоновским творцу. Так замыкается разорванный круг, и флейта Марсия примиряется с кифарой Аполлона, стихия ищет равновесия в гармонии: «Гёте — явление не немецкое, а европейское. <...> Гете создал сильного, высокоразвитого, во всех отношениях физически ловкого, держащего самого себя в узде, самого себя уважающего человека, который может отважиться разрешить себе всю полноту и все богатство естественности, который достаточно силен для этой свободы; человека. для которого нет более ничего запрещенного, разве что слабость, все равно,

называется ли она пороком или добродетелью. Такой ставший свободным дух стоит с радостью и доверчивым фатализмом среди вселенной, веруя, что лишь единичное является негодным, что в целом все искупается и утверждается, — он не отрицает более. Но такая вера — высшая из возможных вер; я окрестил её именем Диониса» [1, с. 107].

Нарисованный философом психологический портрет Гёте является, на наш взгляд, яркой иллюстрацией образа сверхчеловека будущего и ломает стандартный пресловутый взгляд на эту категорию в философских построениях Ницше. Вышеприведенная характеристика свидетельствует о том, что в основе концепции сверхчеловека лежит не идея имморализма и жестокости, а постулируемый Ницше в качестве основной жизненной закономерности закон самоотрицания, изменчивости и преодоления, воплощенный для философа мифическом образе Диониса.

Возвращение к Гёте позднего Ницше ещё раз подтверждает мысль о том, что при всем своем своеобразии концепция философа складывалась в общем русле развития немецкой эстетической теории XVIII—XIX веврв. Эстетизм как особая форма философского и художественного мировидения, абсолютизирующий роль искусства в общественном развитии и творческого начала в духовной структуре личности, имел свое начало ещё в трудах Винкельмана, теоретической и художественной деятельности Гёте и Шиллера, в работах Шеллинга и немецких романтиков. В этом контексте парадоксальный имморализм философа должен был послужить основой новой нравственности, а его носитель выступал продолжателем традиций классической немецкой культуры. Эта преемственность не была прочувствована С. Цвейгом, но интуитивно воспринята и творчески развита русскими писателями и мыслителями Серебряного века.

Библиографический список

1. *Ницше, Ф.* Сумерки кумиров / Ф. Ницше // Соч. : в 2 т. — М. : Мысль, 1990. — Т. 2.
2. *Данилевский, В.Ю.* Русский образ Фр. Ницше / В.Ю. Данилевский // На рубеже XIX—XX вв. Из истории международных связей русской литературы. — Л., 1991.
3. *Кутлуни, А.Г.* Эстетизм как способ понимания жизни в философии Ницше / А.Г. Кутлуни, М.А. Малышев // Философские науки. — 1990.— № 9.
4. *Коренева, М.Ю.* Д.С. Мережковский и немецкая культура / Ницше и Гёте. Притяжение и отталкивание / М.Ю. Коренева // На рубеже XIX—XX вв. Из истории международных связей русской литературы. — Л., 1991.
5. *Фридрих Ницше* и русская религиозная философия : в 2 т. — Минск ; М. : Алкиона—Присцельс, 1996.
6. *Хайдеггер, М.* Слова Ницше «Бог мертв» / М. Хайдеггер // Вопросы философии. —1990. —№ 7.
7. *Цвейг, С.* Фридрих Ницше / С. Цвейг // Собр. соч. : в 6 т. — Тула : Гриф, 1994.
8. *Шестов, Л.* Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше. Философская проповедь / Л. Шестов // Вопросы философии. —1990.— № 7.
9. *Шестов, Л.* Достоевский и Ницше / Л. Шестов // Сочинения. — М. : Раритет, 1995.
10. *Nietzsche, F.* Werke in drei Bänden / F. Nietzsche. — München : Carl Hauser, 1969.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.1:65.01

ВИРТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ (СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

Е.В. Желнина

В работе представлен краткий обзор проведенного структурно-функционального анализа виртуальных социальных сетей, предложена базовая модель данного социального явления с позиций коммуникативного акта, а также выделены социокультурные аспекты общения в виртуальных социальных сетях молодежи России и Германии.

Ключевые слова: социальная сеть, информационные технологии, интернет-пространство, социокультурный аспект, общение, коммуникация, молодежь.

Понятие «социальная сеть» как некое сообщество наиболее активных интернет-пользователей вошло в лексикон современных ученых сравнительно недавно, хотя в научной среде его упоминание связано с работами австрийского социального психолога Я. Морено, говорившего о важности рассмотрения общества как сложного переплетения человеческих взаимоотношений, которые так или иначе можно определить как социальные сети. С того момента, когда информационные технологии буквально лавиной ворвались в дома и на рабочие места современных людей, и потребность, и необходимость, и интерес к виртуальным социальным сетям неизмеримо возрос. Популярность такого рода образований достаточно велика: около 59% (или почти 19 млн чел.) из 31,9 млн пользователей интернета в России; а в мировом пространстве так называемыми «обитателями» социальных сетей являются две трети от 1,1 млрд всех пользователей интернета [3].

Основной целью нашего исследования мы поставили рассмотрение общения молодых людей посредством виртуальных социальных сетей через призму структурно-функционального анализа. В связи с этим ключевыми задачами работы стали:

- 1) рассмотреть социальные сети с позиций структурно-функционального анализа;
- 2) выявить причины и социокультурные аспекты общения молодежи в социальных сетях.

В процессе разработки темы использовался вторичный анализ статистических данных [3; 5] и материал по рассмотрению социального явления в рамках

структурно-функционального анализа [2, с. 393], разработанного Р. Мертоном. Необходимо отметить, что одним из ключевых моментов данной работы является обнаружение такой латентной функции, как поддержание деятельности и принесение прибыли компаниям, создающим и распространяющим интернет-порталы, различного рода интерактивные программы и оболочки для виртуального общения пользователей виртуальными социальными сетями.

В результате анализа имеющейся информации мы выделили следующие социально-культурные причины, побуждающие интернет-пользователей вступать в виртуальные социальные сети и активно там общаться [3]:

- распространение широкополосного доступа в интернет в офисах и домах – причина кроется в появившейся доступности виртуальных сетей;
- социальные сети – удобный способ общения людей из разных регионов страны;
- ускорение темпа жизни – у человека остается очень мало времени на межличностное неформальное общение, так как перманентно в его жизнь входят учеба, работа, карьера...;
- значительная динамика социальных изменений;
- стремление к демонстративности собственных результатов, успехов, достижений;
- стремление заменить утраченные социальные связи (например, родственные и соседские);
- виртуальные социальные сети становятся неким суррогатом отсутствующих в реальной жизни социальных институтов (например, дискуссионные клубы, профессиональные сообщества, объединения по интересам, околополитические кружки и т. д.);
- абсолютно конкретные прагматические цели, утилитарная функция виртуальных социальных сетей: обращение пользователя в некую базу знаний за интересующей его информацией.

В результате рассмотрения общения в виртуальных социальных сетях с позиций структурно-функционального анализа была разработана базовая модель данного социального явления как коммуникативного акта [2, с. 161, 238]. Рассмотрим основные ее элементы.

– **Кто** сообщает. Активный субъект коммуникативного акта, отправитель социально значимой для ее получателя информации. Необходимо отметить, что это может быть как индивидуальный, так и коллективный актор. Кроме того, к этой категории можно отнести компании, создающие и распространяющие различного рода оболочки и платформы, обслуживающие процесс виртуальной коммуникации [4, с. 214].

– **Что** сообщает. Некая социальная информация, обладающая особым качеством – она должна быть социально значимой для получателя, он должен нуждаться в ней по какой-либо причине.

– **Как** сообщает. Здесь можно выделить несколько способов передачи социально значимой информации: в виде напечатанного текста, картинки или фотографии, аудиозаписи сообщения и его видеоролика.

– **По каким** каналам. В виртуальном общении этот элемент коммуникативного акта идентичен для всех интернет-пользователей – это телекоммуникационный канал.

– **Кому** сообщает. Получатель социально значимой информации также активный и ключевой участник коммуникативного процесса.

– С каким **эффектом**.

Что касается такого элемента виртуального коммуникативного акта как «эффект общения», то он достаточно тесно связан с функциями рассматриваемого нами социального явления, среди которых можно выделить: информационную, экспрессивную, прагматическую, развлекательную функции, а также функции взаимодействия и воздействия. Необходимо отметить, что перечисленные функции являются **явными функциями** виртуальных социальных сетей.

Важно сказать, что компании, занимающиеся разработкой и распространением интернет-порталов и различного рода интерактивных программ (например, «Нетскейп комьюникейшнс»), используемых в социальных сетях, занимают ведущие позиции в рейтингах наряду с такими корпорациями, как «Майкрософт», «Форд Мотор» и «МакДоналдс» [4, с. 214]. И это, на наш взгляд, является ключевой **латентной функцией** такого явления, как виртуальные социальные сети.

Наличие латентных функций порождает вполне явную проблему социальной ответственности резидентов социальных сетей за предоставляемую ими информацию. Существенен тот факт, что данный вопрос актуален как для российских пользователей социальных сетей, так и для их немецких коллег [1, с. 166]. И необходимо отметить, что в Германии тема этой ответственности рассматривается в том числе и на уровне Правительства, которое в рамках борьбы с нелегальной торговлей личными данными граждан страны предложило значительно ужесточить деятельность структур, развивающих и расширяющих виртуальные социальные сети. Кроме того, борьбу за усиление ответственности в сфере интернет-общения активно ведет и общественность: в 2009 году в Германии организована специальная компания «Следи за своей сетью» («Watch your web!») [5], направленная на разъяснение и подготовку людей к специфическим опасностям, которые поджидают их в интернете и (что особенно важно) в виртуальных социальных сетях. Безусловно, контроль за социальной безопасностью в информационном пространстве осуществляется во многих странах мира, но подобной консолидации общества и государства (какая наблюдается в Германии) мы не смогли обнаружить ни в какой другой стране.

В заключение отметим, что виртуальные сети являются неизбежным социальным явлением жизни современного человека, и поэтому необходимо активно пользоваться этим ресурсом общественной коммуникации, минимизируя его явно негативные последствия и используя по максимуму его позитивный, созидательный потенциал (например, через распространение в этих источниках различного рода социальной рекламы).

Библиографический список

1. *Бориснев, С.В.* Социология коммуникации : учеб. пособие для вузов / С.В. Бориснев. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 270 с.
2. *Кравченко, С.А.* Социология : учеб. пособие для вузов / С.А. Кравченко. – М. : Экзамен, 2002. – 512 с.
3. *Парад социальных сетей* в России // Центр информационных коммуникаций. – http://www.commcenr.ru/mmedia/articles/2009_07_09_04.html (01.02.2010 г.).
4. *Ротман, Г.* 50 компаний, которые изменили мир : пер. с англ. А.Б. Богдановой. – М. : АСТ : Транзиткнига, 2005. – 381 с.
5. *Фюрстенау, М.* «Следи за своей сетью» / М. Фюрстенау. – www.dw-world.de (01.02.2010 г.).

УДК 316:334.2

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕРМАНИИ

Т.Н. Иванова

В работе рассматривается социально-экономическая ситуация в Германии, анализируется система социального обеспечения и народного образования государства, раскрываются проблемы безработицы, миграции, рынка труда, здравоохранения, преступности и языка.

Ключевые слова: безработица, язык, преступность, миграция, рынок, труд, поколение, молодежь.

Сегодня о Германии рассказывают слишком односторонне. А именно: пытаются показать только положительные стороны Германии, тем самым создавая имидж процветающей страны с молочными реками и кисельными берегами, намеренно умалчивая о тех внутренних проблемах, которые легко можно обнаружить, если серьезно ознакомиться с немецкими газетами или журналами. Но для того, чтобы оценить истинное положение дел, необходимо тщательное и детальное изучение информационных источников. В данной статье делается попытка представить и отразить то, чем и как живет сегодняшняя Германия, что и почему в ней происходит.

Накопленный Германией опыт в решении многих социальных вопросов не только нужно изучать, но и лучшее из этого опыта необходимо применять в нашей стране, а кое-что, поверьте, можно и позаимствовать. Нельзя забывать, что в перспективе Германия — наш главный геополитический партнер в Европе.

Анализ и показ социальных проблем, которые есть на сегодняшний день в Германии, и ознакомление с ними тех людей, которые еще стремятся покинуть нашу страну и думают, что их ждут в Германии рай и экономическое чудо, возможно, поможет им переосмыслить свое решение и не допустить сделать серьезный шаг, ориентируясь только на те яркие и красочные картинки, которые они видят по телевизору.

Так какие же это социальные проблемы проанализированы нами? Конечно, в первую очередь проблемы безработицы. Число безработных приблизилась к 20% от всего трудоспособного населения, многие потеряли работу и экономический спад лишь обострил проблему безработицы, причем не только в новых, но и в старых землях. Расходы по валютному союзу, мировой экономической кризис привели к снижению темпов роста в экономике, увеличению долгов. Особенно трудно переживают настоящее время жители бывшей ГДР, привыкшие к социальным гарантиям, но которые они сейчас в значительной степени потеряли, при том что зарплата в Восточной Германии значительно ниже, чем зарплата аналогичных служащих Западной Германии, а цены приблизительно совпадают. В последнее время под нажимом немецких аборигенов для иностранцев и переселенцев принят новый закон, который значительно затрудняет вхождение и адаптацию иностранцев и иммигрантов независимо от национальности.

В последнее время сильно растет число преступников, число наркоманов и алкоголиков среди переселенцев, набирает силу организованная преступность. Часто переселенец из России или стран СНГ не может найти работу, плохо знает язык, не находит друзей, жилья, которого катастрофически не хватает в Германии

и для коренных жителей. Это вызывает рост цен на арендуемое жилье, кредит же, который предоставляется банком для приобретения жилья, выдается только при наличии рабочего места, да и банковский процент растет не по дням, а по часам, на сегодня 60 из 100 семей снимают квартиры внаём и более шестидесяти процентов зарплаты идет на оплату аренды жилья.

Медицинское обеспечение в Германии на очень высоком уровне, но дороговизна операций, высокие цены на лекарства, резкое увеличение числа таких заболеваний, как СПИД, заболеваний, вызванных загрязнением окружающей среды, — все это также вызывает рост социальных проблем в обществе, хотя, конечно, Германия много делает для решения всех перечисленных социальных проблем.

Немного коснёмся экономической модели Германии. Для Германии характерна капиталистическо-социалистическая рыночная экономика, причем лозунг ее экономики — свобода выбора при потреблении, свобода выбора профессии и рабочего места, свобода предпринимательской деятельности, свобода распоряжения частным имуществом, включая средства производства, и свобода заключения договоров. Координацию спроса и предложения обеспечивает чувствительный механизм — механизм цен и конкуренция, т. е. когда нужно при максимально низких ценах достичь максимального разнообразия и качества.

Ухудшение экономического положения Германии в последние годы обнажило слабые места в народном хозяйстве Германии. Слишком долго немцы жили очень хорошо, и неблагоприятное положение мировой экономики, трудности перехода восточных земель от командной экономики к рыночной в условиях слабой конкурентной способности предприятий — все это сразу же обнажило слабые места в хозяйстве. Они стали отставать в информационных технологиях, в тех отраслях, где были традиционно сильными, стали сдавать лидирующие позиции. Немецкие товары отличаются дороговизной на мировом рынке, в связи с чем в политических и общественных кругах ведутся жаркие дискуссии, как оздоровить экономического гиганта — Германию. Предлагается реформировать дорогостоящую систему социального обеспечения и народного образования, отступление государства из многих областей частной экономики, сокращение бюрократии в государстве и на предприятиях. Но сделать это сложно, потому что Германия, согласно ст. 20 Конституции, демократическое и социальное федеративное государство, оно обязано защищать каждого человека от социальной ненадежности и обеспечивать социальную справедливость (страхование на случай болезни, оплата больничных листов, страхования от безработицы, по старости, от увольнения). И дебаты идут на всех уровнях, ведь нужно найти оптимальный компромисс между большими социальными гарантиями и свободой действия предпринимателей.

Все эти факты притормаживают процесс выравнивания жизни в восточной и западной частях Германии. Тем не менее в стране многое изменилось в лучшую сторону: повсеместно в восточных землях появляются большие и маленькие фирмы, ремесленные предприятия, фирмы услуг.

Германия — это страна, которая является классическим государством-экспортером, и ее успех в этом направлении не помешало бы учесть нашей стране. Так, практически не имея природных ресурсов, Германия занимает второе место в мире (после США, но перед Японией) по экспорту товаров и услуг. Первые два места в экспорте занимают автомобили и станки.

Интересно, что у нас на слуху немецкие промышленные гиганты «Фольксваген», «Даймлер-Бенц», «Сименс» и др.

Подчеркнём свое мнение о том, что разделение по национальному признаку не делает государство сильным. Это только разобщает народы, и здесь приведём пример с американцами. Нет такой национальности, как американцы, так как есть только континент Америка. Но человек любой национальности, проживающий на территории Соединенных Штатов Америки, с гордостью называет себя американцем, так же как и германцы, да и многие народы мира, и, на наш взгляд, большую ошибку допускают наши политики, искусственно вводя различия по национальному признаку, что вызывает массу проблем в нашем государстве. Конечно же, это далеко не полная характеристика Германии, но полагаем, что общее представление получить можно и по мере обзора тех или иных статей и социальных проблем современной Германии.

Меры по трудоустройству, а также множество других мер содействия по восстановлению экономики бывшей ГДР поглощают огромные средства. В Германии ведется борьба с безработицей, профсоюзы обладают в Германии очень большими правами, без их согласия невозможно уволить, невозможно принять на работу иностранных граждан. Ведется очень жесткая борьба, создаются различные союзы по борьбе с безработицей.

Кроме того, для ликвидации безработицы используется кредитование молодых людей, если они хотят открыть свое дело, около двух миллиардов марок выделяет правительство на это дело. Если вам нет еще 25 лет, то вы можете этим воспользоваться и открыть свое дело, было бы желание.

Многие биржи труда вообще стараются найти нетрадиционные способы. Но требуется осознание двух простых истин: во-первых, в области занятости нельзя руководствоваться только конъюнктурой рынка; во-вторых, стоимость работы не должна быть слишком высока.

Очень важной проблемой для немцев являются переселенцы из стран бывшего Советского Союза. Если до развала Советского Союза основную часть переселенцев составляли немцы из Польши, то начиная с 1990 года первенство здесь захватили выходцы из СССР.

В первой волне переселения в 1950–80-х годах переселенцы были в основном лицами пожилого возраста, сохранившими культурные традиции, прекрасно разговаривающими на немецком языке, знакомыми с историей Германии, прекрасно представляющими себе, какая она была, да и есть. На сегодняшний день большинство переселенцев не имеет даже элементарных языковых навыков, и эта проблема становится все более масштабной, так как хотя за последние годы приток переселенцев заметно снизился, но все же численность выезжающих в Германию продолжает оставаться высокой для Германии.

Проблема переселенцев из России, Украины, Казахстана в Германию на сегодняшний день очень актуальна, у них немецкий паспорт, но немцами они себя не чувствуют. Одной из главнейших проблем для переселенцев и страны, их принявшей, является социальная адаптация.

Чувство новой Родины к ним по приезду в Германию не пришло, да и как это могло случиться так быстро, чаще всего, если это и происходит, то только во втором или третьем поколениях, может быть, тогда и придет чувство единения с Германией, как с Родиной. Ну а сейчас нельзя забывать, что у многих переселенцев остались в России родственники, друзья, товарищи по работе, могилы их матерей или отцов. Часто, когда проводят опросы или берут интервью у переселенцев, то приходится слышать рассказы о том, как трудно они вживаются в эту благополучную страну. Да, их приняли, им дали пособие, их разместили временно,

они смогли купить автомобиль, бытовую технику, но они жили в другой системе, с другими привычками, с другими традициями, у большинства переселенцев большие проблемы с языком.

Но не менее важной проблемой для многих переселенцев является преодоление языкового барьера. О том, что изменилась клиентура обращающихся в службу социальной помощи, говорят работники данной службы. Если раньше прежде всего приезжали старые люди, то сегодня едут молодые семьи. Знание немецкого языка хуже, а часто вообще никакое, несмотря на языковой тест, который должны сдать желающие выехать в Германию. Они сдают его еще в стране, из которой выезжают. Но из рассказов прошедших тестирование становится ясно, что зачастую его сдают, выучив наизусть несколько предложений.

По приезду в Германию многие, особенно молодежь, замыкаются, некоторые идут в школу, получают образование, а затем профессию, небольшая часть уходит в преступный мир. Попытка как-то влиться в новую среду у некоторой части переселенцев проявляется в том, что они путем жестоких драк, употребления алкоголя или наркотиков пытаются обратить на себя внимание своих немецких сверстников. Бездна будни для многих детей, особенно если их семьи живут на средства, получаемые от организации социальной помощи.

У России и Германии очень много схожих социальных проблем, и поэтому нам следует учитывать положительный и отрицательный опыт в решении социальных проблем, накопленный в Германии.

Библиографический список

1. <http://geosite.com.ru/pageid-468-5.html>
2. <http://catalog.fmb.ru/germany3.shtml>
3. <http://www.ref.join.com.ua/260917.html>

УДК 316.3:316.6

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЦЕННОСТНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ И ГЕРМАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Н.Б. Горбачева

В статье рассматриваются жизненные позиции молодого поколения в России и Германии. Предлагается сравнительный анализ ценностных ориентаций, приоритетов, взглядов молодежи двух стран в условиях социально-экономического кризиса. В статье представлены краткие сведения социологических исследований ценностных предпочтений молодежи в России и Германии.

Ключевые слова: ценности, молодежь, семья, социализация.

В период социально-экономического кризиса, который охватил все мировые сообщества, в таких обществах, как российское и германское, происходят перемены, коренным образом преобразующие их основные социальные институты, затрагивающие социализацию подрастающего поколения.

Положение молодежи в обществе и перспективы ее развития представляют для общества большой интерес и имеют практическое значение, потому что они определяют его будущее.

Большую роль в социализации и развитии подрастающего поколения играют образовательные учреждения, которые участвуют не только в образовательном процессе, но и выполняют воспитательную функцию.

В условиях экономической нестабильности социализация современного молодого поколения, не только российского, проходит сложный процесс переосмысления всех ценностей, норм и ориентаций.

Исследования немецких социологов показали, что экономический кризис по-разному влияет на немецкую молодежь: одни стараются получить образование, деая ставку на карьеру, другие предпочитают ничего не делать, полагая, что не в силах что-либо изменить в своей жизни.

В Германии создана добротная система образования, куда входят хорошие бесплатные государственные школы и университеты. Есть возможность для занятия политикой. Во всех сферах общественной и политической жизни существует много организаций, в том числе и молодежных. Тот, кто хочет и прикладывает соответствующие усилия для реализации своих возможностей, может добиться многого, чтобы обеспечить свое будущее [1]. Фраза, рожденная в России «учиться, учиться и еще раз учиться», подходит для германской молодежи в качестве реализации её возможности.

Исследователи из университета Эрлангена установили, что уровень интеллекта немцев с конца 1990-х годов снижается примерно на два пункта в год, тогда как с 1950-х годов неуклонно повышался. В книге молодых немецких журналистов «Поколение тупых» утверждается, что Германия становится все глупее, обосновывая этот факт частым просмотром телевидения, увлечением компьютерными играми, отсутствием интереса к прочтению книг, особенно у населения молодого возраста. Критичное отношение к подрастающему немецкому поколению авторы книги определяют примером, «когда невежество и дилетантизм становятся повсеместными, когда молодежь начинает кичиться тем, что не читает Гёте и Шекспира, когда гением эйнштейновского уровня большинство считает кандидата, ответившего правильно на все вопросы телевизионной игры «Кто хочет стать миллионером?» [3].

В России на сегодняшний день в условиях социально-экономических трансформаций подростки и молодые люди оказались в сложной ситуации: оплата образовательных услуг выше предельных норм, хотя сохраняется незначительная доля бюджетных мест в вузах. И желание учиться и получить высшее образование зависит не только от желания молодого человека, но и от финансовых возможностей родителей.

При этом, по данным социологического исследования ВЦИОМ, проведенного в 2009 году, россияне разделяются во мнении, насколько наличие высшего образования сказывается на будущей карьере. Почти половина (45%) опрошенных отмечает, что добиться успехов на профессиональном поприще в наше время можно и без высшего образования, и столько же (44%) респон-

дентов думают, что для удачной карьеры диплом о высшем образовании все-таки необходим [2].

Тем не менее молодым людям важно понимать, что образование – основная база для их будущего, и тот, кто не будет учиться, будет иметь плохие шансы, причем в любой стране мира.

По исследованиям «Левада-центра», в 2009 году сократилась доля ежедневно смотрящих телевидение, особенно заметного среди молодых россиян возрастом до 24 лет. Применительно к этой части молодежи фраза «посмотреть телевизор» теряет смысл, т. к. юноши и девушки все чаще используют Интернет не только для получения видео- и аудиоинформации, а также в качестве коммуникативного канала [4].

Утрачена ценность чтения среди молодого населения России. Процесс информатизации привел к тому, что 79% россиян не читают. Если в 1991 году среди молодежи было 48% читающих, то в 2007 году эта цифра составила только 28% (данные Левада-центра – Центра социологических исследований Ю. Левады) [9].

Существенное место в социализации человека занимает семья – главный социальный институт. Под влиянием семьи закладываются основы нравственного воспитания человека, его культурного и духовного развития, вырабатываются нормы и правила поведения, закладываются основы его культурного и духовного развития, раскрываются индивидуальные качества личности, осуществляется самоутверждение и самореализация человека. Именно в семье ребенок приобретает ценности, с которыми входит во взрослую жизнь, строит свою жизнь и свою семью, ориентируясь в основном на опыт, приобретенный в родительской семье, передавая из поколения в поколение традиции, культуру. Таким образом, осуществляется преемственность поколений.

Опрос, проведенный в 2008 году сотрудниками кафедры социологии Тольяттинского государственного университета среди 489 юношей и девушек, показал, что молодежь все чаще проводит свободное время, релаксируясь в музыке (43,3%) или общаясь с друзьями (72,8%), получает мало полезной информации из литературы (80% опрошенных читают меньше одного часа в день). Любопытны и такие новые социальные нормы в поведении подростков, как занятие покупками, путешествия, участие в разного рода праздничных мероприятиях даже с родителями. Приблизительно треть респондентов считают немаловажными такие характеристики, как участие в повседневных делах и заботах семьи, организованный быт, возможность проявлять заботу о членах семьи.

Результаты исследования показали, что в условиях нестабильности, социальных изменений в обществе, сегодняшняя тольяттинская молодежь нуждается в психологической поддержке родных (60%), в «понимании со стороны родных и близких» (76,3%) и интересном общении между членами семьи (51,8%). Таким образом, современная тольяттинская молодежь ориентируется на семейные ценности как стабилизатор морально-психологического устойчивого положения в обществе в условиях социокультурного изменения и экономического кризиса.

Как свидетельствуют результаты проведенного исследования Институтом социологии РАН в 2007 году семейные ценности, такие как создание прочной, счастливой семьи, воспитание детей, занимают прочные лидирующие позиции в структуре ценностных ориентаций молодых россиян. В одном ряду с такой ценностью стоит создание материального достатка.

Итак, ценности семьи занимают прочные лидирующие позиции в структуре жизненных ориентаций подавляющего большинства молодых россиян. При этом они демонстрируют мотивации в отношении реализации ценностей прочной полноценной семьи.

Существует мнение, что в Западной Европе молодежь не стремится создавать семью, но это не совсем так. По результатам опроса, проведенного институтом Билефельда, 72% молодых людей убеждены, что нуждаются в семье. Но в силу неуверенности в завтрашнем дне, плохих финансовых условий стремятся отодвинуть создание своей собственной семьи на более поздний срок.

Институт семьи и брака как в России, так и в Германии, находится в постоянном развитии. По словам министра труда, здравоохранения и семьи федеральной земли Гессен Юргена Банцера, на протяжении веков семьи нередко базировались на материальных предпосылках и необходимости продолжения рода, а в XX веке на первый план вышли взаимные чувства, привязанность и общие интересы. «Для нынешнего молодого поколения значимость и необходимость семьи как официального союза двух любящих людей уже не столь высока. У современной молодежи совершенно иные приоритеты, чем у их отцов и матерей. Да и жизненный опыт родителей, и их мнение уже не имеют для юношества большого значения. Кроме того, изменилась общественная мораль, чем, вероятно, и продиктован более длительный срок проверки чувств партнеров и связанное с этим более позднее вступление в брак и рост числа гражданских браков» [6].

Возраст получения профессии, создания семьи, то есть, по сути, обретение самостоятельности немецкой молодежи зависит от ряда факторов:

- пол: молодые женщины, как правило, раньше, чем мужчины, покидают родителей и заводят свою собственную семью;
- уровень образования: чем он выше, тем на более поздний срок откладывается создание семьи;
- национальность: более 20% немецкой молодежи – дети мигрантов, рожденные за пределами Германии. Представители этой категории молодежи, как правило, раньше обретают профессию, а также вступают в брак.

Таким образом, анализ социологического исследования Института социологии РАН, проведенного в 2007 году, предоставляет возможность увидеть устремления современной молодежи в возрасте от 17 до 26 лет, различающейся своими жизненными целями. Но одно для них главное – для большинства молодых людей безусловными остаются ценности семьи и работы: или она желаемая и интересная, или она дает возможность достичь материального благополучия.

Современная молодежь планирует многого добиться в жизни, при этом она рассчитывает на свои силы, так как в основном полагает, что материальное положение человека зависит, прежде всего, от него самого: в этом убеждены 70% россиян в возрасте от 17 до 26 лет, в то время как половина старшего населения (50%) считают, что их жизнь зависит в первую очередь от экономической ситуации в стране.

В 90-е годы прошлого столетия, согласно опросам, наблюдалась следующая картина иерархии ценностей немецкой молодежи, где на смену традиционным материальным ценностям (таким как «стабильный заработок», «собственная семья», «хорошая работа» и т. д.) пришли более абстрактные:

- 1) мир;
- 2) дружба;
- 3) свобода;

- 4) уверенность в завтрашнем дне;
- 5) внутренняя гармония.

На сегодняшний день система ценностей молодых людей в Германии обнаруживает тенденцию выравнивания. Семья, дружба, партнерство, а также самостоятельность сопровождаются повышенным стремлением к личной независимости. Творчество, безопасность и порядок классифицируются как важные. Добродетели усердия и честности находятся в возрастающем почете. Таким образом, современные и традиционные ценности переплетаются в жизненных ориентациях молодых людей немецких земель.

В заключение отметим, что и в России, и в Германии под влиянием внешних факторов происходят изменения ценностных ориентаций молодого поколения, которое является будущим общества, государства. На формирование ценностей у подростков и молодежи влияет как политика государства, так и система образовательного и семейного процесса социализации.

Библиографический список

1. В Германии для молодежи открыты все пути... // Европа-Экспресс. — 10 Августа. — 2009. — № 33(597). — Режим доступа: http://www.euxpress.de/archive/artikel_15226.html
2. Высшее образование — не необходимое условие карьеры, считают россияне. — Режим доступа: <http://www.semya2008.ru/career/20080915/55411698.html>
3. Германская молодежь глупеет на глазах. — Режим доступа: <http://news.kuda.ua/15442>
4. Дубин, Б. Медиа: телевидение для пожилых / Б. Дубин // Ведомости. 08.09.2009, № 168 (2438). — Режим доступа: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2009/09/08/213352>
5. Ломанн, У. Молодежь Германии в 2006 — резюме репрезентативного исследования / У. Ломанн. — Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/3/Lohmann/>
6. Семья и ее роль в современном германском обществе // Европа-Экспресс. — 11 Января. — 2010. — № 3(619). — Режим доступа: http://www.euxpress.de/archive/artikel_16403.html
7. Albert, M. Jugend ohne Perspektive? — «Alte» Werte und «neuer» Generationenkonflikt / M. Albert. — Bielefeld. 2003.
8. Gille, M. Jugendliche und junge Erwachsene in Deutschland / M. Gille, S. Sardeibiermann., W. Kaiser. — München. 2003.
9. http://unatlib.org.ru/download/center_5/study_reading/doc2.doc
10. Hurrelmann, K. Jugend in Deutschland / K. Hurrelmann. — Bielefeld. 2006.

УДК 30

РОЛЬ МОЛОДЕЖИ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКО-НЕМЕЦКИХ СЕМИНАРОВ

А.А. Айвазян, К.М. Ольховиков

Статья охватывает ряд методологических вопросов, связанных с пониманием гражданских ориентаций современного российского студенчества. Эти вопросы также прошли своеобразную апробацию в ходе российско-немецких семинаров, посвященных приоритетам и методам молодежной политики. Перспективы развития гражданского общества не могут прирастать за счет внешних заимствований, но предполагают развитие собственного экспертного сообщества.

Ключевые слова: гражданское общество, гражданин, молодежь, студенчество, молодежная политика.

В то время как вся жизнь вырастает и черпает силы из народных глубин, гражданское общество формируется как верхушечный феномен, постепенно распространяющийся на весь народ и все человечество.

Фердинанд Тённис

Развитие контактов между Россией и Германией на уровне различных субъектов гражданского общества позволяет формулировать целый ряд достаточно новых самооценок. В особенности эти новации значимы для понимания меняющейся роли молодежи в современном обществе. Российская ситуация получает шансы вполне адекватного узнавания собственных истоков и перспектив.

В 2007 и 2008 годах (октябрь) были проведены семинары в рамках пребывания немецких делегаций в Свердловской области по программе Департамента по делам молодежи Свердловской области. Участниками, соответственно, двух семинаров были (как с немецкой, так и с российской стороны) социальные работники, преподаватели, руководители органов молодежной политики. Семинары проводились в тренинговой форме, применялись игровые технологии.

Российская сторона перед этими семинарами была в основном вооружена исследованиями российского студенчества, большая часть которых укладывалась в мониторинг студенчества, проводимый кафедрой социологии и социальных технологий управления УГТУ-УПИ с 1995 года. Остановимся на ключевых исходных характеристиках молодежи, которыми обладает российское экспертное сообщество.

В современной России статус студента стал признаком социализированной молодежи. Культурные и стилевые приоритеты сближают пеструю категорию городской молодежи именно через признание и воспроизводство потребительских, информационных, карьерных вариаций, привнесенных динамикой цивилизационных процессов. С другой стороны, современное российское студенчество является полноправным наследником студенчества советского. Практически во всех жизненных темах и стремлениях дети насыщаются, удовлетворяя голод отцов. И в то же время студент живет другим пониманием своего статуса и социальных интересов,

что нельзя списать на простую необратимость технологических и идеологических изменений. Будучи вполне типичными молодыми людьми, студенты сегодня менее типичны в своем студенческом качестве, чем это было в советские времена. Студент как таковой становится носителем цивилизационной миссии, но его культурные характеристики утрачивают специфический студенческий статус.

Студент политически аморфен. Это комсомольское наследие макиавеллизма и простой стадности в качестве эрзаца общины не оставляет шансов политической артикуляции студенческой культуры в ее ближайших перспективах. Достаточно трудно дифференцировать молодежные филиалы современных российских партий и движений, — это еще более безнадежное занятие, чем искать признаки сходства-различия между самими этими партиями и движениями. Власть держащая «Единая Россия» не может отличаться от своих оппонентов более чем «Наши» — от своих.

Фигура студента наиболее коротким путем актуализирует проблему гражданского общества как искусственного и вероятного в современной России. За последние четыре десятилетия Сорбонна бунтовала неоднократно и вплоть до танков на улицах Парижа. За славную восьмидесятипятилетнюю историю УГТУ-УПИ студенческие волнения (если о таковых имеет смысл говорить в сопоставлении с западноевропейскими историями) ни разу не привели к захвату учебного заведения, не позволяют вспомнить о каких-либо ярких проявлениях революционной (гражданской) самостоятельности студентов. Зато стройотряды, зато первый президент РФ и т. д. Не дойдет до студенческого бунта и сегодня, поскольку наш студент испытывает иные соблазны, подвергается иному социальному давлению, мотивирован в иных контекстах социального смысла, позиционирован иными способами идентификации, — в целом является носителем «не западного» культурного самосознания. Наша российская рутина удачно маскирует любые коллизии и трансформации культурных ценностей и установок.

Флуктуации всех видов социального неравенства, замешанные на патологическом экономическом расслоении российского общества, делают неэффективными любые способы бунта, предопределяют интровертную жизненную драму отечественного студента. Вся активность по сути подчинена конфликтным линиям адаптации, до интернализации в ее адекватном исполнении дело не доходит. Образ «стареющего юноши», воспетый А.А. Блоком, остается инвариантным синдромом революционно-контрреволюционной отравы серебряного века. Редкостное здравомыслие сегодняшних российских студентов ничуть не обязано прагматическим веяниям глобализации. Просто вместо колхозной картошки грубо материализовалась сеть рабочих мест для официантов и прочих обслуживающих лиц.

Мотивы только логически могут быть очищены от психологических переживаний, их фактический социальный смысл, их феноменальные конфигурации, безусловно, отягощены специфическими переживаниями, гарантирующими эмоциональную предсказуемость повседневных предпочтений и установок выбора. Бессмысленно говорить о социальном отборе в веберовском смысле, когда происходит вытеснение одного типа социального действия другим типом, — на первый план выдвинута чисто потребительская (консумативная в парсонсовском смысле слова) задача. Российское студенчество объективно не прагматично, неизбежно выражает преобладание иррационально-экзистенциальных смещений в социально-технологических схемах построения карьеры. Правильное и неправильное в инструментальном (как рационально-эмпирическом, так и прагматическом) смысле фактически «снято» в жизненных задачах российского студен-

та. Он обречен рисковать собой вопреки рискам системы, но не усовершенствуя ее, не оспаривая ее значимых особенностей, а ожидая возможных «просветов» в замкнутом цикле бесперспективности управленческих смыслов.

Кризис российской идентичности слабо представлен в голове современного российского студента. Собственно говоря, это не отличает его, на первый взгляд, от студента как такового. Но студент в России имеет привычную связь с интеллигентскими рудиментами превращения собственного статуса в культурный вызов сложившимся институтам власти, в своего рода «национальный грех», о котором писал Н.А. Бердяев. Определенность-неопределенность студенческого культурного статуса олицетворяет знаковый момент институциональной драмы неразвитых предпосылок гражданского общества в современной России. Студент всегда лучше других не знает, что он значит для будущего цивилизации, современный российский студент наверняка знает, что это не так.

Иллюзия российской культуры и российской гражданственности в качестве симптомов кризиса идентичности совершенно выходят за рамки логики самосознания. Нам сегодня противостоит уникальная в своей предсказуемой алогичности реальность человеческих способов действия, определяющих жизнеспособность «кухни» научных открытий и цивилизационную рыхлость, наряду с гражданской отсталостью, воплощенная в современном российском студенте. Такого студента нельзя воспитать, но его можно любить и вовлекать в интереснейшие исследовательские проекты социальной значимости.

Для российско-немецких семинаров была избрана единая методологическая основа. Это сопоставление и возможная соизмеримость политико-государственных и социальных аспектов гражданственности. При этом участники столкнулись с проблемой формулировки исходного понимания гражданского общества и гражданина. И это понимание выливалось в различие критериев оценки реальной и потенциальной роли молодежи в формировании гражданского общества.

В ходе первого семинара образовались три «полемиических» группы. Немецкая делегация выражала своеобразное единство интеллектуально-информационного поля, а представители России отчетливо поделились на сторонников патриотической и образовательной активности.

Участники семинара от Германии склонялись к пониманию гражданского общества как действительной жизнедеятельности, включающей в себя профессиональную работу, свободу и творчество. А категория «гражданин» выражала двойственную натуру человека – не только его свободу и права в государстве, но и обязанности перед государством, определенную меру подавления человеческого начала. Молодежь, с точки зрения немецких экспертов, воспринималась как равноправный партнер в выстраивании гражданской предсказуемости. В центре работы с молодежью стоят вопросы создания благоприятных условий для развития, социализации и решения психологических проблем. От семинара представители германской делегации ожидали открытости, обмена опытом, расширения знаний. Во время докладов участники группы рассказывали о собственных методах работы с молодежью (преимущественно, с подростками). В целом впечатляет индивидуальный (не групповой) подход к работе с молодежью (работа на «качество», а не на «количество»), что в целом отличает молодежную политику в Германии. Доминирующим содержательным сюжетом предстала проблема насилия среди подростков.

Патриотически ориентированные представители России слабо различают понятия «гражданское общество» и «государство». Для этой группы «гражданин» –

категория ответственности перед государством (наличие его прав и свобод умалчивается), хороший гражданин самоотвержен во имя Родины. В целом аргументация такого понимания основана на бессознательных архетипических образах. Роль государства (могучего всемогущего демиурга) в молодежной политике представлялась этой группой не только в полном финансировании этой отрасли, но и в контроле, регулировании, «в воспитании патриота» (речь о социализации не шла) — то есть в духе советского времени. Одно из главных ожиданий этой группы от семинара — «познакомиться, приятно провести время». Основные проблемы молодежи, названные данной группой, сводились к материально-финансовым, экономическим трудностям, а также к утрате ценностей, коллизии «отцов и детей».

Отечественные сторонники образовательной активности склонны рассматривать «гражданское общество» как «светлое будущее» с развитыми правами и свободами человека, с развитым социальным сектором, хотя бессознательно и разделяя целый ряд архетипических образов с «патриотами». Эти эксперты понимают необходимость внедрения инновационных методов в работу с молодежью, ориентируются на социализацию в духе рыночной экономики, но в реальной работе скорее исходят из патриархальных советских методов. Вероятнее всего, именно для данной группы участников семинара был наиболее эффективен в плане обмена опытом.

В целом российские и германские эксперты обнаружили ряд существенных сходств. Содержательные сюжеты, способные вызывать солидарную реакцию, вращаются вокруг профессиональной социализации, отягощенной деструктивными следствиями глобализации, а также в понимании причин девиантного поведения подростков и способов его коррекции.

Второй российско-германский семинар был посвящен по преимуществу конкретным социальным технологиям работы с молодежью. А по части методологических склонностей участников, уже в начале семинара возникло ощущение *deja vue*, с одной лишь разницей — отечественные сторонники активной образовательной политики фактически «растворились». Возникло своеобразное смысловое поле диалога, спора и потенциального сближения между социально-ориентированной моделью, которую чаще отстаивали представители немецкой делегации и патриотичной моделью, которую чаще артикулировали представители России. Ожидания от семинара, круг содержательных проблем, интерес к методикам работы были идентичны с первым семинаром, как в плане различий, так и в плане сходств, что позволяет говорить о некоторых закономерностях российско-германского диалога в этой области социальной работы.

Обмен опытом между двумя профессиональными группами превращается в обмен архетипами, характерами, ментальностями. Ведь опыт строится не только и не столько на общепринятых научных или профессиональных методических универсальных навыках, сколько на общественном самосознании, историческом разнообразии опыта естественных и искусственных социальных общностей, а также на особенностях языка, культуры в целом.

Российская молодежная политика ориентирована на массовый (количественный) охват молодежи, на коллективные мероприятия и достаточно массовые формы работы с молодежью в целом. Молодежная политика Германии ориентирована на проблемные группы молодежи, акцентируется работа с девиантными подростками, делается упор на индивидуально-личностные, социально-психологические формы работы. При этом вопрос о культурных корнях подобных различий остается открытым. На феноменологическом уровне личностный подход к гражданскому обществу как гаранту социальных свобод гражданина — отличает

Германию и в ряду западных стран, коллективный подход к гражданской сфере как посреднику между государством и гражданином – российское наследие общинного и советского укладов жизни. Возможности взаимопонимания этих двух различных трактовок связаны с осознанием необходимости «догнать» вполне идеалистические горизонты культурных ценностей. Немецкая молодежная политика ступила несколькими десятилетиями раньше на этот путь. Идеи жизненного мира молодежи, ее участия в искусственно создаваемой и оптимизируемой реальности гражданского общества порождены социокультурной ситуацией современной Германии и подходят далеко не всем. Но в ряде концептуальных и прикладных моментов немецкие рецепты весьма созвучны российским реалиям и критическим потребностям. Принципиальным препятствием к адаптации немецкого опыта остается структурно-функциональная ментальность субъектов российской молодежной политики. На прагматическом уровне это вырождается в стремление к массовому охвату молодежи, «чтобы без дела не болталась», но на уровне институциональных и гражданских субъектов молодежной политики все настойчивей звучит новый лексикон, осознаются новые качественные, в том числе и индивидуалистические приоритеты.

В ходе второго семинара руководитель немецкой группы назвал семинар «дорогой с двусторонним движением», при этом обозначив конкретную проблемную ситуацию, а именно: работу с русскоязычными мигрантами. Немецкое, как и в целом европейское, видение адаптации мигрантов вполне укладывается в формулу: «мигранты – другие, мы их «своими» не считаем, но при этом мы вполне демократичны – мы помогаем им решать возникающие в ходе адаптации конфликты». На самом деле, русскоязычному мигранту эта демократичность не нужна, если его не принимают за «своего» (как бы при этом ни уважались его демократические права), он будет отчуждаться от подобной политики и социума в целом. Таким образом, немецкие эксперты аргументируют необходимость работы с более широким кругом субъектов гражданского общества даже в таких специфических вопросах как адаптация русскоязычных мигрантов. Наиболее уместна эта работа в русле формирования предпосылок толерантности молодежи, включая все средства популярных среди молодежи культурных стилей и образцов. Хотя результативность любого воспитательного формирующего воздействия на молодежь, даже при всей демократичности, сомнительна.

Слишком многое завязано на национальные особенности ассимиляции. Ассимиляция «по-русски» в российское общество означает процесс признания мигранта «своим», его вхождение в определенные коллективы и сообщества. А считать кого-либо «своим» будут, лишь руководствуясь критериями нашего, российского образа жизни, владения русским языком и осведомленности по части российских популярных пристрастий и юмористических реалий. Ассимиляция «по-немецки», как особый европейский вариант, подразумевает процесс сосуществования «не-немецких» этносов во главе с немецким этносом, но на демократически толерантной основе. Насколько достижимо взаимное понимание столь различных смысловых контекстов, сказать трудно. Во всяком случае, русские и немецкие эксперты не только фиксируют подобные различия, но и приступили к разработке решений, учитывающих новые нюансы, на инструментальном уровне.

В ходе российско-немецких семинаров возникло понимание гражданского общества как достаточно условной характеристики качественного состояния общества, где почти все определяется уровнем признания прав и свобод личности. В российской научной и политической риторике это понятие часто «рифмуется» с процессами

демократизации, укрепления российской государственности, социально-экономического развития России. В немецком обществе исходят из иных приоритетов и проблем, вращающихся вокруг вопросов цивилизованности и суверенности личности, своеобразной социальной экологии немецкой и европейской культуры.

Подобные семинары конкретизируют контраст ценностных приоритетов, имеющих глубинное культурное происхождение, позволяют обеим сторонам оптимизировать понимание и объяснение собственной уникальности. Здесь невозможен буквальный обмен опытом, за исключением копирования некоторых чисто технических инструментальных методик или их фрагментов. Вместе с тем только так, через взаимные признания в полемике и диалоге, может прирастать современное экспертное сообщество. Главный итог — рост компетентности экспертов в области молодежной политики, зачастую решающих судьбы гражданских начинаний.

УДК 316:612

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ И ПРОБЛЕМАХ ПОДРОСТКОВОГО ВОЗРАСТА

М.В. Манова

В работе рассматриваются проблемы подросткового возраста. Бурные изменения, психологические и физиологические, которые переживает каждый подросток, с одной стороны, требуют поддержки специалистов, с другой, любое вмешательство во внутренний мир подростка может иметь неизгладимые последствия. Уделяется внимание наиболее важным противоречиям подросткового возраста, которые сопровождают его на протяжении всего периода.

Ключевые слова: подростковый возраст, амбивалентность, повышенная эмоциональность, ролевая диффузность, защитные механизмы личности.

В различных периодизациях жизненного цикла человека (Д.Б. Эльконин, Э. Эриксон, Л.С. Выготский, А. Фрейд и т. д.) [3; 7; 8] подростковый возраст начинается в 11–12 лет и заканчивается в 17–18 лет. При этом согласно периодизации, предложенной А. Фрейд, можно выделить три подпериода подросткового возраста (материалы семинара «Детский психоанализ», проведенного под руководством сотрудников Центра А. Фрейд (Лондон) 1995–1996):

- с 11–12 до 13–14 лет — предподростковый период, «предвестники подросткового бунта»;
- с 13–14 по 16–17 лет средний подростковый период;
- с 17 по 19 лет поздний подростковый период (в других периодизациях юношеский возраст) [4].

Исходя из данной периодизации подросткового возраста, видно, насколько он сложен, неоднозначен и противоречив, какие разные жизненные цели

и проблемы у подростка в 12 лет и 17-летнего юноши. Общим для них является, безусловно, то, что в 12 лет мы имеем дело уже не с ребенком, а в 17 порой еще не со взрослым человеком. Эти пять-шесть лет – огромная ступень от детства во взрослость, точнее – прыжок [7].

Итак, мы имеем дело уже не с ребенком, но еще и не со взрослым. Это *первое из противоречий* подросткового возраста, которое очень важно учитывать, занимаясь психологической практикой и профессиональной ориентацией.

В этот достаточно краткий период жизни подростку предстоит решить ряд задач, что позволит ему ощутить себя по-настоящему взрослым. Перечислим эти задачи.

1. Отделение от родителей и обретение подлинной психологической независимости.
2. Окончание школы, получение профессии или выбор направления дальнейшего обучения. Профессиональное самоопределение.
3. Преодоление кризиса идентичности, ролевой диффузности («самоидентификация»).
4. Новый виток социализации в среде сверстников, основанный на установлении более глубоких, эмоциональных отношений.
5. Обретение взрослой, зрелой сексуальности, адаптация к этому новому состоянию. Обретение друга (подруги) другого пола.
6. Попытки осознания своего предназначения, экзистенциальный анализ своей судьбы [3; 5; 7].

Все перечисленные задачи, стоящие перед подростком, не просто очень важны, а носят экзистенциальный характер. Ни одна из перечисленных задач не является второстепенной, решение ни одной из них человек не может отложить на потом. Одновременное же решение всех этих проблем очень сложно в силу противоречивости их друг другу.

Явно просматривается противоречие между требованиями новых витков социализации (задачи 1, 2, 3, 4, отчасти 5) и углублением внутренней жизни (задачи 5 и 6). Для успешного протекания подросткового периода человек не может сосредоточиться полностью только на одном из этих аспектов в ущерб другому. Когда перед человеком открывается свой собственный мир переживаний, возникает жажда понять другого и найти близких людей, подросток вынужден отвечать требованиям, которые предъявляет общество – закончить школу и выбрать свой дальнейший путь.

Это *второе противоречие* подросткового возраста.

Причем само углубление внутренней жизни подростка идет тоже в двух направлениях: когнитивном и эмоциональном. С одной стороны, это углубление осознания себя и более широкое понимание социального контекста своей жизни; с другой – это повышенная эмоциональность, расширение спектра переживаний.

Это *третье противоречие* подросткового возраста.

Из задач, которые должны быть решены человеком в подростковый период, вытекают и психологические особенности подростка.

Наиболее характерными *особенностями* подросткового возраста, которые выделяют многие психологи, являются следующие.

Глобальность изменений, которые происходят с подростком. Подростковый возраст является переходным от детства к взрослости и перемены, происходящие с человеком в этот период, затрагивают многие сферы жизни подростка. Например,

резко меняется физический облик человека, происходит изменение социально-психологических отношений, изменяются отношения с родителями и сверстниками, меняется самооценка и отношение к себе в целом, меняются интересы и т. д. Причем зачастую эти изменения носят очень резкий, скачкообразный характер. Подростку приходится привыкать к «новому телу», к новому образу себя [5].

Одним из очень важных аспектов «повзреления» тела является обострение сексуальных проблем: когда тело уже обрело взрослую сексуальность, но ни лично, ни тем более социально подросток к этому еще не готов. Эти проблемы питают и без того высокую эмоциональность подростка [5].

Повышенная эмоциональность подростка. Подростку свойственен более высокий эмоциональный фон по сравнению с предшествующим периодом детства. Резкие смены настроения без, казалось бы, видимых причин: от эйфории до уныния, от всплесков активности до апатии.

Повышенной эмоциональностью окрашены противоречивые отношения с родителями: встает проблема психологического отделения от них.

Еще одним источником повышения эмоциональности являются отношения со сверстниками. Стремление найти понимание и поддержку, страх отвержения, переживания группового давления и желание отстоять свою индивидуальность — все эти переживания, свойственные человеку в любом возрасте, у подростков обостряются необыкновенно.

Развитие абстрактного мышления. В анализируемом возрасте у человека пропадает интерес к философским концепциям, стремление концептуализировать и систематизировать свои, уже довольно обширные, знания о мире и себе. Достигает «взрослого» уровня абстрактное мышление. Это, с одной стороны, механизм, который уравнивает избыточную эмоциональность, с другой — вступает с ней в противоречие.

Роль диффузность, формирование идентичности. Эта особенность подросткового периода прекрасно изучена и описана Э. Эриксеном [8]. Согласно его концепции человек на каждом этапе своего развития переживает конфликт, связанный с преодолением определенного противоречия, которое ставит перед ним естественный ход онтогенеза и социализации, противоречия между стремлением к стабилизации и необходимостью изменчивости [8].

Подросток стремится найти адекватную концепцию самого себя, обрести устойчивые представления о себе как личности и члене социального сообщества, то есть «самоидентифицироваться». Самое главное для подростка — оставаться самим собой в своих представлениях о себе и представлениях других о нем. Однако эта потребность в становлении и определенности представлений о себе сталкивается с желанием приобрести как можно более разнообразный опыт и «примерить» разнообразные социальные роли, что является необходимым шагом в процессе идентификации [8].

Согласно Э. Эриксону, всякая стадия развития естественным образом примыкает к предшествующей? и порой оказывается, что на эффективности протекания очередной стадии развития сказываются неразрешенные конфликты более ранних стадий [8].

Период формирования идентичности подростка считается, и совершенно справедливо, одним из самых острых и сложных этапов в жизни человека, и поэтому именно в этот период остро дают о себе знать неразрешенные на более ранних стадиях проблемы. Например, если в период раннего детства ребенок не сумел гармонизировать свои отношения с родителями и почувствовать свою

относительную независимость и самостоятельность, то сейчас эти проблемы могут всколыхнуться с новой силой [5].

По нашему мнению, именно необходимость преодоления ролевой диффузности и болезненный поиск ответа на вопросы «Какой я?», «Кто я?» во многом питают противоречивость подросткового возраста в целом.

Противоречивость, амбивалентность подростка. Противоречивость буквально пронизывает всю внутреннюю жизнь молодого человека. Эта противоречивость осознается и самими подростками. Специалисты-практики выделили проблемы и противоречия подросткового возраста, с которыми они часто сталкиваются в процессе групповой работы с подростками:

- 1) стремление влиться в группу – стремление выделиться;
- 2) стремление к самостоятельности – ожидание помощи;
- 3) желание проверить свои силы – ощущение беспомощности;
- 4) желание быть принятым, значимым для других – недоверие к окружающим;
- 5) желание быть взрослым – недоверие к миру взрослых;
- 6) ранимость – демонстративная грубость;
- 7) потребность в романтике – цинизм;
- 8) желание иметь свою точку зрения – стремление иметь кумира, примыкать к чужим авторитетам;
- 9) потребность в общении – потребность в одиночестве;
- 10) острые сексуальные переживания – боязнь этого опыта [2; 4].

Можно было бы продолжить этот список противоречий, разрывающих внутренний мир подростка. Стараясь противостоять собственной противоречивости, преодолеть ее и тем самым облегчить себе процесс самоидентификации, подростки обычно выбирают одну из двух поведенческих стратегий.

Первый вариант проявляется в повышенной стереотипизации поведения, «прикрепленности» к тому или иному полюсу. На разнообразные вызовы среды подросток реагирует более или менее однозначно. Например, на повышенную эмоциональность, напряженность ситуации – неумеренными шутками, говоря подростковым языком, – «приколами» [4].

Другой вариант связан с резким переходом от одного типа реакции к прямо противоположному, от одного полюса к другому, например, от романтизма к цинизму. На самом деле, мы просто имеем дело не с одной стереотипной реакцией, а с двумя. Подросток как будто ставит себя в условия выбора «либо-либо», «50 на 50», «все или ничего» [4].

Сознательное или подсознательное обострение внутренних противоречий, казалось бы, облегчают выбор: легче выбрать из двух вариантов, чем из десяти или из ста. На самом деле, такая постановка вопроса лишь усугубляет ситуацию, делает ее внутренне более сложной. Именно такого рода выбор является, согласно динамической концепции мотивации А.Г. Асеева, одним из механизмов повышения мотивационного напряжения, и, соответственно, вызывает дополнительное эмоциональное напряжение. Эмоциональность подростка получает тем самым дополнительную стимуляцию.

Надо сказать, что названные десять противоречий являются лишь крайними точками континуума шкалы поведенческих особенностей или личностных предпочтений. Если бы подростку было доступно проявление всего спектра реакций в зависимости от требований ситуации, то, несомненно, мы могли бы говорить о поведенческой гибкости и, как следствие, большей адаптивности.

Потребность в независимости от семьи и обретение новых авторитетов вне ее. Именно эту задачу и особенность подросткового возраста имеют в виду, когда говорят о «подростковом бунте». Зачастую смена авторитета семьи на авторитет сверстников происходит очень резко и выглядит как полное отвержение семейных ценностей. Это можно рассматривать как еще одно из противоречий подросткового возраста: избавляясь от зависимости семьи, подросток может попасть в другую зависимость, иногда более однозначную [1; 6; 7].

Рассматривая психологическое отделение молодого человека от семьи, следует остановиться прежде всего на трех моментах, сопутствующих этому процессу.

Во-первых, на появлении «другого взрослого» в качестве референтного лица. Речь идет о замещении фигур матери и отца как непререкаемых авторитетов. В этот период подросток часто находится под влиянием внесемейного авторитета, этим авторитетом может оказаться учитель, тренер, руководитель секции, любой взрослый, способный заинтересовать подростка, произвести на него впечатление своим образом жизни, своими целями, опытом.

Это естественный промежуточный шаг на пути психологического отделения от семьи и становлении собственной самостоятельности. Зачастую у подростка эти новые референтные лица меняются, это лишь поиск себя, «примеривание на себя» ценностей и образа жизни других людей.

Вторым вариантом отделения от семьи может быть появление кумиров, часто такими кумирами являются рок- и поп-звезды, киногерои и герои книг (последнее сейчас встречается реже). Подростки изучают их биографии, оклеивают комнату их портретами и т. д. Важно, что часто родители не только не разделяют увлечений сына или дочери, но даже и не принимают их. Это тоже проба подростком сил на попрание психологической независимости.

Третьим вариантом поведения, помогающим обрести подростку относительную психологическую самостоятельность, является резко возросшая ценность общества сверстников и ориентации на групповые ценности.

Появляется «своя» жизнь, о которой подчас родители не знают. Не обязательно речь идет о чем-то социально опасном или неприемлемом, просто формируется зона интимности, куда родителям доступа нет.

Подростку, познающему жизнь, часто неведомо чувство опасности и одновременно у него появляется жажда исследования необычных областей жизни. Следствием этого могут явиться эксперименты с алкоголем и наркотиками, разумеется, не всегда безобидные. Если эти эксперименты являются нормой группы, с которой себя идентифицирует молодой человек, это очень опасно. Часто из соображений групповой солидарности или страха одиночества и отвержения подросток не может отказаться от подобных предложений.

Повышенная чувствительность к получаемому опыту. Учитывая все выше сказанное о происходящих глобальных изменениях в практически всех сферах жизни подростка (физиологической, психологической, социальной), мы можем сделать вывод о подростковом периоде как особом этапе жизни человека, когда он оказывается беззащитен перед этим шквалом изменений. Подросток не успевает осознать всего, что с ним происходит, приспособиться к этому, принять себя в новом качестве.

Этот период по некоторым признакам и феноменам напоминает проявления посттравматического синдрома (ПТС), когда полученный человеком опыт настолько неадекватен его внутреннему миру, концепции себя, представлениям о жизни, что не может быть осознан и адекватно утилизирован. Перекресток внутренних изменений подростка – подобие травмы [4].

В таком состоянии, когда сознательный анализ получаемого опыта затруднен, интериоризация его происходит бессознательно. Фактически часто мы имеем дело с незащищенным бессознательным, где легко и произвольно может запечатлеться многое. Неблагоприятные влияния, травмирующие впечатления, случайные поведенческие образцы, эффектные идеи – все это легко может проникнуть во внутренний опыт подростка в «непереработанном» виде. И если продолжить аналогию с ПТС, то при крайне неблагоприятном стечении обстоятельств можно получить нечто подобное «множественной личности» (что является одним из феноменов ПТС), когда во внутреннем мире человека как будто сосуществуют мало связанные друг с другом части внутреннего опыта, каждая из которых может проявиться весьма неожиданно. Справляться с этим бывает довольно сложно, и поведение уже взрослого человека остается мало адаптивным и импульсивным.

Даже если рассматривать эту возможность как маловероятную, невозможно отрицать, что подростковый период является одним из наиболее чувствительных к интроекции чужого опыта.

Интроекцию как защитный механизм личности описал еще З. Фрейд, но наиболее широкое использование этот термин приобрел в гештальттерапии. Имеется в виду «поглощение» чужого опыта и ценностей, без глубокого осознания и принятия их. Это своего рода «окаменелости» во внутреннем мире человека, которые лишают его возможности быть непосредственным, подталкивают к стереотипным шагам, заставляют избегать изменений.

Окружающие «запикивают» во внутренний мир подростка свой собственный опыт, а он, в силу обвальности происходящих с ним процессов, не способен не только правильно его организовать, но даже и точно разобраться, что стоит принимать как свое, а что необходимо отвергнуть.

Эти обстоятельства накладывают большую ответственность на окружающих взрослых, а психолог, работающий с подростками в консультационной практике, должен быть особенно корректен и осторожен [2].

С другой стороны, именно в этот период профессиональная помощь в разрешении проблем, которые не были разрешены на более ранних этапах развития и дают о себе знать, может оказаться наиболее эффективной.

Неожиданность, масштабность и скорость протекания изменений, происходящих с подростком, могут создать у него ощущение, что все они происходят без его воли и участия, как будто извне. Он не знает, как быть в данной ситуации и может остаться пассивным. Если исходить из идеи изменений, то в случае с подростками стоит говорить не о создании условий для осознания необходимости изменений и развития, а скорее о помощи в осознании тех бурных изменений, которые с ним происходят. Нужно помочь подростку чувствовать себя не только объектом перемен, происходящих с ним, но и стать их субъектом, полноправным участником [4].

Библиографический список

1. *Божович, Л.И.* Проблемы развития мотивационной сферы ребёнка / Л.И. Божович // Изучение мотивации поведения детей и подростков. – М., 2002.
2. *Бурменская, Г.В.* Возрастно-психологическое консультирование. Проблемы психического развития детей / Г.В. Бурменская, О.А. Карабанова, А.Г. Лидерс. – М.: Изд-во МГУ, 2000.
3. *Выготский, Л.С.* Педология подростка / Л.С. Выготский // Собр. соч.: в 6 т. – М., 2004. – Т. 4.

4. Лебедева, Е.И. Психология изменений и изменчивый мир подростка в групповой работе / Е.И. Лебедева // Журнал практического психолога. — 2006. — № 2.
5. Ремшмидт, Х. Подростковый и юношеский возраст: Проблемы становления личности / Х. Ремшмидт. — М., 2004.
6. Фельдштейн, Д.И. Психология становления личности // Д.И. Фельдштейн. — М. : Международная пед. академия, 2008.
7. Эльконин, Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте / Д.Б. Эльконин // Избр. психол. труды. — М., 2009.
8. Эрикссон, Э. Идентичность: юность и кризис / Э. Эрикссон. — М., 2006.

УДК 316

ГЕНДЕРНОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖНОЙ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ И РОССИИ)

А.В. Ростова

Автор статьи анализирует особенности гендерного воспитания как один из факторов формирования молодежной культуры. В статье сравнивается российский и немецкий опыт реализации гендерного воспитания молодого поколения. В работе рассматриваются проблемы становления гендерного воспитания в Германии.

Ключевые слова: молодежная культура, гендер, гендерное воспитание, гендерные стереотипы, система образования

С — егодня гендерная проблематика прочно вошла в контекст разных наук — философии, социологии, права, антропологии и других. Гендерно-чувствительной оказалась и педагогика. Именно здесь, как показывает практика, присутствуют в огромном количестве гендерные стереотипы.

В России еще предстоит сделать то, что в Германии рассматривается в качестве нормы, а именно: построить гендерно-нейтральную систему воспитания и образования. Германия, как известно, характеризуется высокой социальной активностью мужчин и женщин.

Гендерное воспитание особенно важно в условиях глобализации общества, а значит, и глобализации и модернизации всей системы образования. Новая система призвана формировать у школьников и студентов гражданскую ответственность, свободу от каких бы то ни было предрассудков и стереотипов (включая гендерные), толерантность к инаковости, что способствует формированию в молодежной среде гендерной культуры как необходимого условия всесторонней реализации личности.

В Германии общепринятым является термин «гендерный подход в педагогике», тогда как в отечественной науке употребляются термины «гендерное воспитание» и «гендерная педагогика».

Что же подразумевается под гендерным подходом в педагогике? В первую очередь это деятельность педагога, которая несет в себе соблюдение гендерного равенства в учебном и воспитательном процессе. Кроме этого, трансляция целой совокупности знаний, которые могли бы помочь учащимся освободиться от различного рода предрассудков, стереотипов и нетерпимости по отношению к противоположному полу.

Гендерное образование решает целый спектр различных проблем, именно поэтому его можно считать одним из механизмов формирования молодежных ценностей и, шире, молодежной культуры. Определим основные задачи, решаемые гендерным образованием и воспитанием:

1. Ознакомление молодого поколения с ценностями, нормами и правилами межполового общения. Стоит отметить, что не только молодые, но и зрелые мужчины и женщины не умеют общаться друг с другом, рассматривают противоположный пол как «другое», а значит, неизведанное, непознанное и враждебное.

2. Формирование телесной идентичности. Здесь в воспитательный процесс вступает еще и психологическая работа с учащимися. Данный пункт особенно значим при половом созревании.

3. Выявление специфики мужской и женской психологии, различий в поведении представителей разных полов. Психология мужчины и женщины различна, а потому часто непонимание психологической подоплеки поступков является фундаментом для формирования гендерных стереотипов.

4. Формирование гендерной терпимости между представителями разных полов, которые основывались бы на системе общечеловеческих и моральных ценностях.

В Германии становление гендерного подхода в образовании осуществлялось постепенно. Долгое время образование носило стихийный характер, и преимущество в получении образования отдавалось мальчикам. Вплоть до XVIII века в Германии, как в прочем и во всей Европе, доминировали традиционные взгляды на предназначение женщины как хранительницы семейного очага, продолжательницы рода. Мужчина же рассматривался в качестве кормильца и защитника семьи. В соответствии с этим определялся и род занятий.

В XVIII веке в Германии были осуществлены образовательные реформы, что отразилось на становлении новой образовательной парадигмы, которая была направлена на подготовку обоих полов не только к семейной, но и к общественной жизни. Однако, несмотря на это, дифференцированный подход все же преобладал, что выражалось в подготовке мальчиков преимущественно к профессиональной деятельности, а девочек – к роли хорошей матери и хозяйки.

В XIX веке образование в Германии продолжало характеризоваться сохранением гендерной дискриминации. Только в конце XIX века девушки получили возможность обучаться в университетах, благодаря развитию различного рода женских объединений и распространению феминистского движения. Именно в это время происходит формирование основных принципов гендерного воспитания.

Однако в начале XX века все достижения были перечеркнуты фашистским режимом, который вернул в немецкое общество ранее царившие традиционные гендерные установки и стереотипы.

Послевоенный период разделил территорию Германии на два государства, в которых гендерный подход в образовании осуществлялся по-разному.

В ГДР сложилась весьма парадоксальная ситуация. С одной стороны, женщины наравне с мужчинами имели возможность получить образование и квалификацию. С другой стороны, в стране во всех сферах, включая образование,

господствовала двойная мораль. В государстве «бесполого сексизма» женщина не допускалась в высшие эшелоны власти.

В ФРГ только в 1949 году происходит законодательное признание гендерного равенства. Наряду с этим формируются министерства культуры, которые являются ответственными за внедрение гендерного подхода в образование. Этому поспособствовала образовательная реформа 60-х годов XX века, которая была направлена на углубление индивидуального и дифференцированного подхода к обучению и воспитанию, на устранение дискриминационных элементов, что повлекло за собой гендерную экспертизу учебников и учебных пособий.

На сегодняшний момент развитие гендерного подхода в образовании в Германии основывается на важном принципе: гендерное равенство как одна из важнейших составляющих всей политики государства.

Реализация данного подхода осуществляются благодаря целой совокупности мероприятий, осуществляемых государством. Отметим некоторые из них: расширение гендерно-информационного пространства, гендерная статистика, проведение крупномасштабных кампаний, направленных на решение проблем гендерной дискриминации и формирование социальной ответственности, а также, что, на наш взгляд, является весьма важным, углубление гендерной компетентности родителей и педагогов как основного фактора формирования гендерной культуры подрастающего поколения.

Достоинством такой политики в Германии является ее комплексный характер. В каждой из входящих в состав земель образованы центры гендерных исследований, в вузах открыты кафедры гендерной педагогики, на постоянной основе функционируют курсы повышения квалификации для педагогов.

Помимо этого, гендерный подход в образовании здесь внедряется в учебно-воспитательный процесс, что выражается в присутствии гендерной проблематики в преподавании обществознания, языка, естествознания и других дисциплин.

Достаточно большое влияние на гендерное воспитание молодежи в Германии оказывают информационные технологии, телевидение, радио. Одно из первых мест занимает Интернет, где изобилует весьма разнообразная гендерная информация, интересная не только для молодого, но и для старшего поколения.

Таким образом, гендерный подход в образовании в Германии преследует несколько взаимосвязанных целей, среди которых организация равноправного сотрудничества юношей и девушек в общей деятельности, создание условий для партнерства в межполовом взаимодействии, снятие традиционных культурных предрассудков на чувственное самовыражение мальчиков и юношей, пробуждение у девушек самоактивности и повышение их самооценки, поощрение равностороннего участия родителей обоих полов в школьном воспитании детей.

Необходимо отметить, что в России гендерный подход в образовании только делает свои первые шаги. В крупных областных и краевых центрах образуются центры гендерных исследований, где разрабатывается разнообразная тематика, в том числе и проблемы гендерной педагогики. Одним из достижений отечественных ученых в области гендерной педагогики является гендерная экспертиза ряда учебников для высшего образования.

Подводя итог, стоит отметить необходимость обогащения российской науки немецкими разработками в области гендерной педагогики. Продуктивное взаимодействие российских и немецких ученых позволит сформировать новую молодежную культуру, которая исключала бы гендерную дискриминацию, сексистские стереотипы и нетерпимость в отношении противоположного пола.

УДК 070.19

ИМИДЖ РОССИИ В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЕ

Е.Е. Данилович, Н.С. Ярыгина

На основе сравнительного анализа немецких изданий за 2009 год представлен имидж России, каким он формируется журналистами в современной прессе Германии.

Ключевые слова: имидж государства, немецкая пресса, поливизационная теория, внешняя политика, стереотипы.

Объем информации о России в немецкой прессе растет с каждым годом. Это подтверждают статистика и исследования западных и российских аналитиков, проводимые с 1993 года по настоящее время. В 2007–2010 гг. благодаря стабильному сотрудничеству России и Германии на протяжении нескольких лет проблема и особенности освещения внешней и внутренней политики нашей страны на страницах немецких СМИ и в устных обсуждениях затрагивалась не раз. Интересы добавили и российско-американские отношения, изменившиеся в связи с началом правления Барака Обамы, и мировой финансовый кризис в обеих странах. В 2009 году российско-немецкие экономические отношения вступают в новую фазу сотрудничества, что отражается на страницах немецких изданий. Немецкая пресса – одна из главных структур, формирующая представления о России среди жителей Германии, и одна из формирующих имидж Российского государства на территории ФРГ.

Имидж государства – сложное, многоплановое явление, требующее внимательного и комплексного исследования. От международного имиджа страны зависит ее место, вес и значимость в системе международных отношений. Одним из важных принципов формирования имиджа и репутации государства является отражение информации о внешней и внутренней политической жизни страны в публикациях зарубежной прессы вообще и немецкой, в частности [2].

Имидж (от англ. *image*, от лат. *imago* – образ, вид) – целенаправленно формируемый образ (лица, организации, явления), призванный оказать определенное эмоционально-психологическое воздействие на конкретную группу лиц [1]. Имидж выделяет явление, образует его черты, отличающие его от других, или, наоборот, – позволяет отождествлять явление с желаемой группой, к которой оно, может быть, в действительности и не принадлежит. Имидж определяется как система тотальной коммуникации, где фигурируют такие элементы, как общая и корпоративная философия организации или личности, их история, среда обитания, язык, одежда, поведение, принципы идентификации друзей и недругов, символика и т. п.

В монографии «Основы PR» Эраста Галумова [3, с. 98] имидж государства – это комплекс объективных, взаимосвязанных между собой характеристик государственной структуры (экономических, географических, национальных, демографических и т. д.), сформировавшихся в процессе эволюционного развития государственности как сложной многофакторной подсистемы мирового устройства, эффективность взаимодействия звеньев которой определяет тенденции социально-экономических, общественно-политических, национально-конфессио-

нальных и иных процессов в стране [3, с. 98]. От международного имиджа страны зависит ее место, вес и значимость в системе международных отношений, в глобальной модели мирового порядка, в ряду мировых цивилизаций [3, с. 31].

Одни исследователи выделяют *имидж объективный*, или реальный, – впечатление о стране, которое есть у внутренней (российской) или зарубежной общественности; другие – *субъективный* – то есть представление лидера страны, его окружения о том, каким образом воспринимается образ страны в глазах граждан, или представление граждан страны о том, какой их страна видится за рубежом; третьи – *моделируемый* – тот образ, который пытаются создать команда руководителя страны или специально привлекаемые имиджмейкеры [3].

Согласно исследованиям американского социолога Герберта Ганса [13, с. 98], современные журналисты придерживаются в своей деятельности восьми ключевых ценностей. Наиболее важными в контексте имиджа государства видятся следующие две:

1) *этноцентризм*. Многие журналисты видят мир глазами соотечественников, что отражается на характере новостей;

2) *альтруистическая демократия*. Неписанным идеалом современной журналистики является утверждение, что «политика должна придерживаться курса, основанного на служении интересам общественности» [7, с. 56].

Сквозь призму этих двух особенностей, касающихся в первую очередь международной деятельности, журналисты Германии пишут о России. Общую характеристику имиджа жизни различных государств как систем и разные подходы к типам восприятия действительности дает поливизационная теория. Она предполагает, что сейчас в мире сосуществуют как минимум два цивилизационных типа: *западный* (технократический) с открытым демократическим типом общества, основанным на ценностях свободы, примате частной собственности, индивидуализме и рационализме, и *восточный*, тесно связанный с религиозным сознанием, имеющий, как правило, тоталитарный тип общества с лидером во главе, с приматом общественной собственности и коллективного труда [8, с. 56].

Анализ цивилизационных различий Востока, Запада и России позволяет прийти к выводу, что российская цивилизация по всем позициям оказывается самобытной, целостной, гармоничной, поэтому примеряющей противоречия Запада и Востока, гасящий остроту их конфликта [8, с. 84]. Среди немецких журналистов, независимо от политической тенденции публикующих их СМИ, существует прочный профессиональный консенсус относительно жанра сообщений о России, знание того, что *именно* в результате отбора новостей может получить статус информационного факта. Этот консенсус индуцирует высокую степень повторяемости новостных сообщений, селективных по указанным критериям. Результатом является формирование стереотипов.

Прочный профессиональный консенсус сообщений о России, неоднозначность мнений на отражение событий российской действительности в немецкой прессе, разные типы сформированных стереотипов обуславливают актуальность и повышенный интерес к подобным исследованиям. Для данной публикации было проанализировано более 800 материалов о России конца 2008 – начала 2010 года: из газет «Die Zeit», Sueddeutsche Zeitung, Frankfurter Rundschau и журналов «Der Spiegel», «Focus». Основными критериями выбора изданий для анализа стали их информативность, наличие качественных аналитических материалов разных жанров, широкая читательская аудитория, включая подписчиков, и высокая степень ее доверия к данным СМИ.

На основе проведенного сравнительного анализа были выявлены позитивные и негативные стороны жизни России, как их оценивают немецкие журналисты, и особенности освещения событий об РФ вышеперечисленными изданиями.

Материалы «Die Zeit» и Frankfurter Rundschau отличаются подбором негативно окрашенных фактов, сделаны с упором на политические и экономические проблемы России, чаще других используют яркие метафоры, эмоционально окрашенные слова и устойчивые стереотипы.

«Der Spiegel» и «Sueddeutsche Zeitung» на 30% используют нейтральную лексическую окраску и отличаются повышенным интересом к культурологическим и социальным особенностям страны. В материалах также встречаются яркие метафоры для описания и бинарные оппозиции, издания продолжают традиции художественного описания.

«Der Spiegel» часто работает в жанре интервью, что позволяет снять оценочную нагрузку с самого журнала и журналиста.

«Focus» напоминает «Der Spiegel», однако в своих материалах чаще остальной прессы лексически нейтрален.

Проанализировав различные немецкие издания, можно выделить основные тематические аспекты, на основе которых раскрывается имидж России:

- международная политическая деятельность президента Российской Федерации в 2008–2009 гг.;
- образ В. Путина в качестве премьер-министра и особенности двоевластия в России (важный пункт, поскольку исторически русский человек отождествляет себя с образом власти);
- пик финансового кризиса в России в 2009 году;
- трагедии в России (новые подробности дела об убийстве Анны Политковской, убийство адвоката С. Маркелова, журналистки А. Бабуровой, крушение «Невского экспресса», пожар в «Хромой лошади»);
- российско-грузинский конфликт 2008 года и его последствия;
- нестабильная обстановка в республиках Северного Кавказа;
- развитие отношений России и Америки в связи с избранием Барака Обамы президентом США;
- олимпиада в Ванкувере – поражение зимней «сверхдержавы».

Некоторые СМИ противопоставляют предыдущей характеристике утверждение, что Россия теряет статус сверхдержавы и пытается сохранить позиции потенциального центра власти. Анализ вышеперечисленных источников позволил выявить некоторые особенности политического правления в России в 2009–2010 гг. и ее внешней политики, как их видят:

- «Москва как потенциальный центр власти» без гегемонии США, ориентация внешней российской политики на Азиатские страны, в частности, на Китай;
- одобрение российским правительством вывода войск из Афганистана как противопоставление деятельности НАТО;
- ослабление позиций государства за счет финансового кризиса;
- процветание коррупции;
- демократическое двоевластие и «царствование» (Путин назван «гражданским царём»);
- «потепление» отношений двух разных полюсов мира и ослабление «холодной войны». Спор на страницах изданий: войдет ли Россия в НАТО?

Особенности экономического развития представляются так: во время финансового кризиса изменились потребительские взгляды на жизнь, распространен-

ные в столице; рушится автомобильная промышленность России; «потемкинская демократия» и «двоевластие» мешают развитию стабильной экономики и препятствуют выходу из рецессии; возникают проблемы у «нерушимой» олигархии; а нефть — источник экономической силы и экономической стабильности.

Среди *позитивных* сторон выделяются следующие.

1. Россия — стратегический и экономический партнер № 1, с которым можно строить хорошие политико-финансовые отношения.
2. Степень влияния России на международной арене значительно возросла ещё во время президентства В.В. Путина.
3. Внешняя политика Дмитрия Медведева, проводимая в 2009/2010 году, больше устраивает западных журналистов, нежели политика, проводимая Путиным, или события 2008 года.
4. Россия открыта для коммуникации и диалога.
5. Новые подробности грузино-осетинского конфликта реабилитируют имидж России и снимают статус агрессора.
6. Русские писатели, деятели культуры, кино и хореографии авторитетны во всем мире.

Негативный образ жизни России характеризуется немецкими СМИ следующим образом.

1. Коррупция и проблема взяток в российском обществе — доминантная тема.
2. Метафора «матрешки» используется как аллегория возможности переподчинения власти: президент — вице-премьер. Кроме того, как правило, и президент А. Медведев, и вице-премьер В. Путин ассоциируются с царской властью.
3. Метафора «спящего» или «очнувшегося медведя» — как символ скрытой агрессии, «дремучести» и политической мощи государства.
4. Россия — страна «потемкинской демократии».
5. Москва рассматривается как пример общества потребления, мир гламура и показатель высокого уровня классового расслоения.
6. Российские СМИ зависимы от учредителей, поэтому в них однобока подача информации.
7. Любовь русских к шумным гуляниям, легким деньгам — одна из причин экономической нестабильности страны.

Увеличение срока президентства, война на Кавказе, отношения с США и предшествующие всем этим событиям криминальные разборы (убийство А. Политковской, арест Ю. Ходорковского, отравление А. Лугового, просьбы выдать Б. Березовского России), — значительным образом повлияли на формирование образа жизни РФ за рубежом вообще и в ФРГ, в частности. До сих пор эти проблемы открыты и регулярно освещаются на страницах немецкой прессы, вызывая у читателей вопросы о наличии демократии в России, коррумпированности власти, бессилии законодательства и т. д.

Из проанализированных материалов о российско-американских отношениях можно сделать вывод, что в материалах прессы Германии Россию до сих пор рассматривают через призму устойчивых советских стереотипов и остатков веяний 90-х годов. По-прежнему в сознании журналистов и в их публикациях отражаются факты наличия в России высокого уровня смертности, особенно детской, коррупции, олигархии, юридически необоснованных решений и проблем судебной системы.

Главные отличия критических материалов немецких журналистов от российских состоят в степени эмоциональной окраски, независимости от влияния государства и специфичности толкования особенностей жизни страны.

Библиографический список

1. *Большая Российская энциклопедия*. Новый энциклопедический словарь. — М. : Рилон классик, 2008. — С. 426.
2. *Галумов, Э.А.* Имидж страны и власть / Э. Галумов // Психология и бизнес. — Online сайт (www.eartist.narod.ru)
3. *Галумов, Э.А.* Основы PR / Э.А. Галумов. — М. : Летопись XXI, 2004.
4. *ИноСМИ* (www.inosmi.ru)
5. *Инопресса портал* (inopressa.ru)
6. *Русско-немецкий портал* (www.dw-world.de)
7. *Саченко, И.И.* Международная журналистика. Введение в специальность : учеб. пособие : в 3 ч. / И.И. Саченко, Е.Ф. Конев. — Минск : БГУ, 2000. — Ч. 2. — 56 с.
8. *Свитич, Л.Г.* Феномен журнализма / Л.Г. Свитич ; под ред. Я.Н. Засурского. — М. : Икар, 2000. — С. 144
9. *Тарасов, В.С.* Государство. Новейший философский словарь / В.С. Тарасов ; под ред. А.А. Грицанова. — М. : Изд-во В.М. Скакун, 1996. — С. 476.
10. *Der Spiegel* (www.spiegel.de)
11. *Die Zeit* (zeit.de)
12. *Focus* (focus.de)
13. *Gans, H.* Deciding What's News / H. Gans. — N.Y. : Pantheon Press, 1979.
14. *Sueddeutsche Zeitung* (Sueddeutsche.de)

УДК 070.19

ОБРАЗ ФРГ В РОССИЙСКИХ СМИ

Н.С. Ярыгина

В статье описаны процессы, происходящие в российско-немецких СМИ конца XX века, когда закладывались основы современных масс-медиа этих стран. Представлены результаты исследования публикаций ведущих российских СМИ (газет и новостных радиостанций) за 2009 год, повлиявших на представление отечественной аудитории о ФРГ.

Ключевые слова: образ ФРГ, восточная и западная цивилизации, информационные войны, психология целевой аудитории, структура современных масс-медиа, газетно-рекламный кризис.

Н е один десяток веков насчитывает история общения русских и немцев. «На протяжении столетий российско-германские отношения в самом широком понимании были одним из важнейших элементов европейской безопасности. От их состояния многое зависело в Европе и в эпоху «концерта европейских держав», и в биполярном мировом устройстве после второй мировой войны» [1]. Прошедший 2009 год активизировал внимание мировой общественности к российско-германским отношениям неслучайно. Двадцать

лет прошло с момента воссоединения двух немецких государств, «национальный» раздел которых в далеком 1949 году фактически спровоцировал начало холодной войны. А 1989-й стал началом новой эпохи для многих народов, но более всего для восточных немцев: «В стране господствовала эйфория в связи с предстоящим объединением, небывалый национальный подъем» [5].

Падение Берлинской стены изменило психологию не только восточных и западных немцев, но и повлияло на политические и идеологические приоритеты жизни сначала Европы, а позже и других континентов. «В идеале средства массовой информации должны доводить до сведения политиков, какие темы волнуют их граждан, а также их потребности и их мнения; а политики, в свою очередь, должны через средства массовой информации оповещать общественность о своих планах и решениях. Таким образом, они зависят друг от друга: журналисты от политиков, потому что нуждаются в них как источнике информации, а политики от журналистов, потому что именно через журналистов они передают массам свои намерения, идеи и решения» [3]. Если в 90-е годы XX века немецкие публицисты были сосредоточены на «инвентаризации нового мира» — наблюдали за поиском собственной национальной идентичности немецкого народа (о чем свидетельствуют, в том числе, переводные эссе в «Иностранной литературе»), то миллениум ознаменовался освещением возбуждения уголовного дела против бывшего канцлера ФРГ и лидера ХДС Г. Коля в связи со скандалом о «черных фондах» и анализом процесса вхождения страны в Евросоюз. «Позитивным моментом в процессе преобразования печатных СМИ ГДР в прессу единой Германии можно считать то, что газетно-журнальный рынок стал необычайно многообразен. После объединения каждый восточногерманский читатель мог без ограничений удовлетворить свои информационные и культурные потребности». <...> «Концентрация в СМИ ФРГ привела к тому, что в Германии существует несколько медиагородов. Самые известные Берлин, Гамбург, Штутгарт, Кёльн, Франкфурт и Мюнхен» [4]. В России никогда таковых не было и нет. Всегда была столичная и региональная (провинциальная) пресса.

В то же самое время *перестройка* и постперестроечная реконструкция России позволила масс-медиа войти в рыночную экономику. В области журналистики произошли существенные перемены: кроме государственных, появились негосударственные (коммерческие, частные, общественные) СМИ с различными формами собственности; разнообразнее стали информационные интересы, ибо аудитория раздробилась еще на более мелкие группы; появились зарубежные аналоги на русском языке, иностранный капитал оплатил многие совместные проекты. «Рыночные отношения полностью изменили экономику, финансовое обеспечение СМИ — на страницах и в эфире...» [2].

За годы холодной войны в западных средствах массовой информации был создан вполне определенный образ СССР как империи зла, от которой исходит угроза всему демократическому миру. Распад Советского Союза, приход к власти демократов, казалось, отодвинул этот образ в прошлое, но старые стереотипы живучи. Фактически от образа империи зла» через промежуточный образ начала XXI века «империи мафии» (воровства и передела влияния, в том числе и на просторах ближнего и дальнего зарубежья) Россия сегодня вызывает неоднозначные суждения о себе. Речь идет о конструктивных переменах в политике и экономике, зачастую это остается только на словах, но и перемены, безусловно, есть. Сильная Россия всегда была неудобна. «И в борьбе за зоны влияния мы столкнемся с еще более массивной информационной войной, потому что таковы законы

современного политического жанра. В век новых технологий ничего не бьет так сильно, как медиа. Поэтому не стоит стесняться правильно промоутировать собственные достижения. Это лишь еще один инструмент по возвращению державе достойного ее имиджа. Еще одно оружие в Великой Отечественной Медийной Войне. Которую нельзя проиграть» [7]. Не секрет, что пограничную с немцами категорию населения страны образуют этнические немцы, приток которых в Германию из стран Восточной Европы активизировался после падения «железного занавеса». «За последние десять лет вернулось 2,6 млн человек, более половины из них составляют наши бывшие соотечественники. Хотя многие из них уезжают из Казахстана и Украины, в Германии их именуют «русаками» [1]. Именно эти люди и сегодня формируют на сегодняшний день у немцев образ России и русских – образ, который отнюдь не совпадает с оригиналом. Это особенно интересно проследить в условиях газетно-рекламного кризиса начала XXI века.

Какой видится Германия российскому читателю и слушателю?

Исследования ряда центральных газет и популярных новостных радиостанций за прошедший 2009 год позволяют выяснить, что более всего волновало журналистов, а значит, в большей или меньшей степени их целевую аудиторию. Оказалось, что основными поводами публикаций являются события, персоналии, исторические экскурсии, политические и экономические проблемы, культура и спорт. Можно выделить несколько основных тем, отраженных на страницах российской прессы, которые формируют образ ФРГ у современного читателя.

1. Парламентские выборы в Германии как политическое событие.
2. Газовый конфликт России и Украины, и участие в нем Европейского сообщества.
3. 20 лет со дня падения Берлинской стены. Осуждение профашистов и фальсификации исторических фактов, активизация деятельности антифашистских организаций.
4. Пик финансового кризиса в Германии (в частности, вопрос немецкого автопрома и несостоявшейся продажи «Опеля» «Магне» и «Сбербанку», покупка российским бизнесменом В. Юсуфовым верфей в Waden Jards).
5. Берлинский кинофестиваль.
6. Культура и спорт.
7. Заигрывание с иммигрантами-мусульманами и проблемы в этой связи.
8. Толерантность в отношении сексуальных меньшинств.

Печатная пресса регулярно обращается к теме российско-немецких отношений. В большинстве материалов отмечается стабильность международных связей России-Германии и прогресс в развитии экономических отношений. Основным политическим вопросом 2009 года стала проблема отражения парламентских выборов в Германии.

Остановимся подробнее на материалах ведущих российских СМИ, создающих читателям России с позиции концепции редакций образ современной ФРГ.

«Российская газета» – официальный орган Правительства РФ, прибегает к некоторой идеализации политических отношений Кремля и Бундестага и заинтересована в официальном отражении информации саммитов и встреч. Во всех публикациях отмечается стабильность международных связей Россия – Германия; лидеры стран стремятся к доверительности при проведении переговоров, деловых встреч, «чтобы ситуация была win-win, когда выигрывают обе стороны. Тем не менее подчеркивается, что Ангела Меркель выступает за расширение НАТО в Грузии и Украине, в «газовом» конфликте она не имеет жёсткой пози-

ции, так как не хочет портить отношений с последней. В статьях экономической тематики (а их более всего от общего количества публикаций) обращается внимание на кризис в Германии, обсуждается проблема немецкого автопрома, в частности, несостоявшейся продажи «Опеля» «Магне» и «Сбербанку», описываются планы возможного совместного энергетического проекта. Интерес к Германии у газеты особенно активизируется во время выборов нового канцлера и президента страны, которые «прошли очень скучно, с низкой явкой избирателей». Своеобразна передача фактов в материалах, поскольку они даны без раскрытия образа политического лидера страны. Самой широко обсуждаемой на страницах «Российской газеты» стала антифашистская тема и тема памяти. В частности, интерес представляет уникальный в своем роде Музей Советской Армии, созданный в немецком городке Вюнсдорф, где после войны размещался штаб Группы советских войск в Германии. Как отмечает в интервью В. Борхерт, создатели «хотели показать, какое значение имело пребывание советских войск в бывшей ГДР во времена «холодной войны» на границе между НАТО и Варшавским договором». В этой связи отдельного упоминания достойны материалы о нацистских преступниках, которые должны быть судимы на территории Германии. Например, Иван Демьянюк, в конце концов, депортирован из США для ответа за нацистское прошлое. Практически нет публикаций о культуре Германии и спорте, за исключением, пожалуй, ситуации вокруг футбольного матча Россия – Германия в сентябре 2009 года.

«Известия» – российская общественно-политическая и деловая ежедневная газета, учрежденная еще в 1917 году, пишет о российско-немецких отношениях менее официально, более критично. Самой широко обсуждаемой темой на страницах газеты было 20-летие со дня падения Берлинской стены. В текстах «Известий» преобладают стереотипы советского прошлого, связанные с историей ГДР, раскрывается проблема ностальгии восточных немцев по ГДР. Важным лейтмотивом на страницах газеты становится антифашистская тематика и проблемы фашизма. Так, описываются методы агитаций, особенности движения фашистского толка, униформ и удовлетворения эгоистичных человеческих потребностей: нарушении равенства востока и запада, прагматичное использование членства в лидирующей партии для карьерного роста. Детально рассматривается роль Советского Союза и проблемы фальсификации исторических фактов. Журналисты приходят к выводу, что из-за подобных процессов принижается значение роли СССР во Второй мировой войне, и современная молодежь, включая немецкую, не знает деталей истории. Много говорится об антироссийской компании, которая проводилась в Берлине, но при этом газета пишет о российско-немецких отношениях эпохи ФРГ – ГДР. В отличие от «Российской газеты», кроме экономики и политики Германии, редакцию «Известий» интересует культура и спорт этой страны, причем каждая публикация высвечивает проблему, актуальность ее постановки, тем самым делая читателей соучастниками событий. Сделка «Магна» и «Ope1» предстает как «переговорная» битва в несколько раундов: выгодная сделка для России, но невыгодный проект для GM и немецкой стороны, несмотря на поддержку правительства. «Известия», в отличие от «Российской газеты», подчеркивают, что особенностью новой немецкой политики становится общемировая практика вмешательства государства в экономику. Раньше это возмущало лидеров ФРГ в российских коллегах, а теперь они сами следуют таким же курсом. В социальном плане Германия предстает перед читателями «Известий» как страна с большим количеством мигрантов с СССР.

«Коммерсант» – ежедневная общенациональная деловая газета представляет своим читателям качественную и оперативную информации о мировом и российском бизнесе, политике и перестановках в органах власти, главных событиях в обществе, культуре, спорте. «Коммерсант» первым после распада СССР предложил читателям газету западного типа, насыщенную новостями с американизированным принципом подачи новостей («принцип перевернутой пирамиды»). За период с 10 сентября по 10 октября истекшего года в совокупности Германия упоминается в газете «Коммерсант» около 300 раз. Основное внимание уделено политическим новостям Германии, к примеру, итогам парламентских выборов. Большинство публикаций посвящено спортивным событиям: соревнованиям по фехтованию, теннису, шахматам, волейболу. С августа по ноябрь 2009 года в газете было опубликовано 20% статей, касающихся экономики и торговли и 32% – политическим вопросам. Основные деловые события: газовое взаимодействие и сделка «Опель» – «Магна». Несколько публикаций посвящены культурным событиям, в которых приняла участие немецкая интеллигенция. К примеру, выставка «Меняющийся мир», которая была посвящена 20-летию падения Берлинской стены и международный Берлинский кинофестиваль.

«Независимая газета» (далее – «НГ»), позиционирующая себя как общественно-политическая, но, по сути, в представлении российской читательской аудитории воспринимаемая до сих пор как оппозиционное издание, рожденное Перестройкой. В первую очередь материалы посвящены тому, как повлиял кризис на развитие российско-немецких отношений. В отличие от предыдущих изданий, журналисты «НГ» пишут, что товарооборот между Россией и Германией сократился по отношению к аналогичному периоду предыдущего года вдвое, однако динамика развития экономических связей будет положительной. Немцы остаются одним из главных инвесторов в Российскую экономику.

Тема кризиса становится темой номер один в деловом еженедельнике «Эксперт». По мнению журналистов этого издания, финансовые проблемы заставили немцев по-новому взглянуть на свою экономическую роль в Евросоюзе. Германия перестает быть «дойной коровой» и становится «экономической эгоисткой». Журналисты сравнивают немецкие моногорода с российскими и подчеркивают схожесть их проблем в двух разных стран. В стратегическом плане и в аспекте внешней политики Германия – страна зависимая от военной силы США. Это страна, толерантная к гей-меньшинствам.

В журнале «Коммерсант власть» образ Германии предстает через исторические аллюзии и образ политического лидера – Ангелы Меркель.

А. Меркель позиционируется как «герой России», названная так за деятельность на посту канцлера в течение последних четырех лет. Она ведет еще большую пророссийскую политику, чем ее предшественник.

Среди журналов выделяется еженедельное общественно-политическое издание «Русский Newsweek», издаваемое концерном «Аксель Шпрингер Раша». Германия в 2009 году упоминается 1106 раз. Журнал пишет о покупке рабочей верфи Wadan Yards как яркого примера вмешательства правительства в экономику и отражение финансового кризиса в провинции Германии. Гамбург же признается самым экономически перспективным городом Германии. На страницах журнала ФРГ показана как страна, которая, как и многие страны Европы, заигрывает с иммигрантами и которая может пострадать из-за собственной этнической толерантности. Журнал много пишет о скорби немецких болельщиков из-за гибели голкипера сборной Германии, и этой трагедии посвящены многие страницы рубрики «Спорт».

Российские радиостанции, в частности, оппозиционная «Эхо Москвы» создает образ ФРГ как нейтральный с преобладающим количеством фактической информации, но, в отличие от прессы, достаточно резко в духе концепции редакции говорит о двуличности политики Германии в отношении России.

Таким образом, образ ФРГ у россиян формируется в положительном ракурсе. Большинство событий, которые могли бы иметь отрицательную окраску, подаются с нейтральной точки зрения. Несмотря на остроту некоторых политических и экономических тем, Германия предстает перед российской аудиторией как надежный и близкий союзник. Большое количество публикаций и программ посвящены Второй мировой войне, объединению ГДР и ФРГ. Аудитории предлагается самой отделить факты от мнений и составить собственное отношение и суждение об этой стране, исходя из предложенных СМИ событий и материалов.

Библиографический список

1. *Ватлин, А.Ю.* Германия в XX веке : Российская политическая энциклопедия / А.Ю. Ватлин. – М. : РОССПЭН, 2002. – С. 293.
2. *Гребельников, А.А.* Средства массовой информации постсоветской России: пятнадцать лет спустя : монография / А.А. Гребельников. – М. : Изд-во РУДН, 2008. – С. 3.
3. *Майн, Херманн.* Средства массовой информации в Федеративной Республике Германии / Херманн Майн. – Фолькер Шпис ТОО : Коллоквиум, 1996. – С. 154.
4. *Орехова, О.Е.* Печатные СМИ Германии в условиях социально расколотого общества : монография / О.Е. Орехова ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. междунар. журналистики. – М. : МГИМО-Университет, 2008. – С. 36.
5. *Орлова, М.И.* ГДР: рождение и крах / М.И. Орлова. – М. : Изд-во МГУ, 2000. – С. 109.
6. *Павлов, Н.В.* Германия на пути в третье тысячелетие : пособие по страноведению / Н.В. Павлов. – М. : Высш. шк., 2001. – С. 283.
7. *Сергей Минаев.* Великая Отечественная Медийная Война // <http://www.vz.ru/columns/2006/3/14/25917.html>

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.1

ВЕДУЩИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИСКУРСА

О.И. Таюпова

В статье рассматриваются проблемы различных подходов к изучению дискурса. С учетом основных положений лингвистической прагматики и теории вариативности выявляются возможности этих направлений, способствующие дальнейшему развитию теории как художественных, так и нехудожественных текстов.

Ключевые слова: *текст, художественные и нехудожественные типы текстов, категория вариативности, дискурс, прагмалингвистика.*

Текст как высшая коммуникативная единица является предметом всестороннего исследования прежде всего в работах отечественных и немецких лингвистов. При рассмотрении и анализе современных подходов к изучению текстов различных жанров и видов существенным является прежде всего четкое разграничение в глобальном текстовом континууме двух групп текстов. И если первую составляют художественные тексты, традиционно являвшиеся объектом изучения со времен античной риторики и сформировавшей в конце XIX века стилистики, то вторую группу представляют тексты, используемые в повседневной жизни членов социума (ср. Gebrauchstexte). Более четкому разделению объектов исследования способствовало бы, на наш взгляд, и разграничение в использовании терминов жанр и вид текста. Так, термин «жанр» целесообразнее использовать в отношении к художественным и поэтическим текстам, а для текстов бытовой направленности применять термин вид (подвид).

При обозначении того или иного текстового континуума в лингвистических исследованиях довольно часто употребляется термин дискурс (франц. *discours*, англ. *discourse*). Как показывает проведенный анализ, понятие дискурса является одним из ключевых в коммуникативной лингвистике, несмотря на то что допускает множество научных интерпретаций.

К многозначности данного термина приводит известное многообразие трактовок содержания, вкладываемого в понятие дискурса. Так, первоначально в отечественной лингвистике термин «дискурс» являлся, в известной степени, синонимом термину «функциональный стиль» речи или языка. В частности, в работах В.В. Виноградова и Г.О. Винокура утверждается, что любой функциональный стиль реализуется в соответствующих группах текстов: газетных, разговорных,

бюрократических посредством соответствующих грамматических и лексических систем. В англосаксонской традиции «дискурс» означал именно тексты в их текстовой данности и в их особенностях.

На наш взгляд, термин «дискурс» целесообразно использовать для обозначения текстового континуума, представленного в различных сферах коммуникации: официально-деловой, деловой, научной, научно-технической, публицистической, юридической, обиходно-бытовой и др. В этом случае понятие «дискурс» будет носить обобщающий характер, в то время, как термин «текст» будет по отношению к нему видовым [1].

Активное употребление термина «дискурс» наблюдается в языкознании в последней четверти XX века, когда произошел своеобразный коммуникативно-прагматический «поворот», оказавший существенное влияние на подходы к исследованию текстов в целом. Развитие коммуникативно-прагматического подхода к изучению как художественных, так и нехудожественных текстов привело к изменению приоритетов в парадигме научного исследования и переходу от преимущественно системно-ориентированной лингвистики к интенсивному развитию прагматически ориентированного языкознания. С позиций прагматически ориентированного языкознания текст рассматривается как коммуникативно-прагматическая величина, организуемая с определенными намерениями и целями. С подобных позиций изучение художественного текста является чрезвычайно важным, но частным разделом этого направления [2]. В отношении бытовых текстов следует заметить, что только во второй половине XX века немецкими лингвистами был поставлен вопрос о текстовой безграмотности членов социума как неумении составить соответствующий текст повседневного характера или адекватно его истолковать [3]. В рамках прагматического перехода первостепенную роль стали играть вопросы употребления языка и условиях, в которых протекает коммуникативная деятельность, т. е. экстралингвистические факторы.

В художественных текстах, в отличие от текстов, используемых в повседневной жизни членов социума, внутритекстовая действительность «имеет креативную природу.., носит условный, как правило, вымышленный характер» [4]. Исследование художественных текстов осуществляется в настоящее время с учетом основных положений таких дисциплин, как поэтика, текстология, герменевтика, функциональная стилистика, и представлено несколькими научными дисциплинами. К их числу относятся лингвистический, лингвостилистический и литературоведческий анализ, данные которых обобщает и синтезирует филологический анализ художественного текста. В зарубежной германистике в ряде случаев [5] под анализом текста понимается любая форма его грамматического, стилистического, риторического, а также литературоведческого толкования и объяснения, иначе интерпретации.

При исследовании текстов с позиции современной герменевтики [греч. *hermeneutike (techne)* – истолковательное (искусство)] осуществляется комментирование текста, выявление полного смысла содержания художественного произведения и его значения в истории литературы, в то время как текстология изучает приемы анализа литературных произведений в целях восстановления истории их создания, критической проверки и установления подлинности текстов. Полученные данные используются, в частности, в процессе литературоведческого анализа текстов, который не только способствует развитию филологической культуры обучаемых и более глубокому пониманию особенностей словесно-художественного творчества писателя, но и прививает им навыки обоснованного выбора

и использования языковых средств в текстах в соответствии с их литературным жанром, а также учит осмыслению эстетической ценности прочитанного.

В процессе анализа многообразия подходов к нехудожественным текстам, существующих в современной отечественной и зарубежной лингвистике, можно констатировать, что они активно изучаются рядом смежных филологических дисциплин, в частности, лингвистикой и типологией текста, прагма- и социолингвистикой, лингвистической стилистикой, или стилистикой текста, а в качестве одной из основных задач выдвигается задача создания типологии текстов и подчеркивается ее особая социальная значимость [6].

В свою очередь, подход к тексту с позиции лингвистики текстов позволяет выявить общие закономерности и признаки, характерные для этой высшей коммуникативной единицы в целом. Лингвистика текстов как раздел языкознания исходит из того, что в основе организации связных текстов лежат определенные общие правила в отношении реализации в них категорий: связности, темпоральности, модальности и т. д. Проблема текстовых категорий, или постоянных признаков, на основании которых текст отличается от простого набора предложений, является с конца XX века предметом пристального изучения в работах как отечественных, так и зарубежных лингвистов, например, И.Р. Гальперина, Н.Д. Зарубиной, Т.И. Николаевой, М.Б. Храпченко, Э. Агриколы, Х. Изенберга, Ф. Данеша, Д. Фивегера, В. Дресслера, Р. Богранда, Ц. Тодорова и др. В целом можно согласиться с тем, что задача лингвистики текста именно в том и состоит, чтобы найти и построить определенную систему категорий текста.

Проведенный нами анализ работ, посвященных рассмотрению названной проблематики, показывает, что число выделенных признаков текста может варьироваться от одного (см., например, работы Н.Д. Зарубиной, О.И. Москальской, М.А.К. Халлидея, Р. Хассана) до восьми у Х. Изенберга или тринадцати у И.Р. Гальперина. На наш взгляд, как резкое сокращение числа выделяемых текстообразующих категорий, так и чрезмерное их увеличение имеет свои отрицательные моменты.

В первом случае объединение всех категорий текста в одну макрокатегорию вынуждает сторонников данной точки зрения не только выделять ее составляющие, но и анализировать их. Так, например, Н.Д. Зарубина, считающая основным признаком текста последовательность, тем не менее рассматривает отдельно ее составляющие, к числу которых, по ее мнению, относятся координация компонентов текста, прономинализация, стилистически означенная модальность, инкомплетивность и инверсионность. Аналогичным образом поступают М.А.К. Халлидей и Р. Хассан, включающие в понятие когезии такие ее составляющие, как референция, субституция, конъюнкция, эллипсис и лексическая когезия.

Вместе с тем значительное увеличение числа текстообразующих признаков представляется также не совсем целесообразным. Так, из восьми признаков текста, выделяемых Х. Изенбергом: коммуникативная функциональность, семантическая, ситуативная обусловленность, интенциональность, общественное санкционирование в смысле общепринятости, адекватное оформление, соответствующая композиция и грамматичность, последние три можно, по-видимому, объединить. В целом сущность этих трех признаков текста заключается в том, что адресант должен оформлять создаваемый им текст не только в соответствии с действующими языковыми нормами, но и с учетом требований, предъявляемых к организации конкретного вида текста.

Исследование текстов с позиции такой научной дисциплины, как типология, базируется прежде всего на том, что каждый текст уникален и в зависимости

от выполняемой им коммуникативно-прагматической функции имеет свои характерные особенности. В связи с этим целью типологии текстов является исследование и последующая рубрикация прозаических текстов с учетом различных критериев. Это могут быть как языковые, так и неязыковые параметры. Их выбор зависит не только от целей и задач, поставленных исследователями при составлении соответствующих типологий, но и от исходных теоретических позиций лингвистов. Одной из частных задач типологических исследований речевых произведений является прежде всего [7] тщательное описание и систематизация использования языковых средств и неязыковых явлений в различных видах текстов.

Следует заметить, что, несмотря на ряд исследований в данном направлении, законченной, терминологически единой типологии текстов в настоящее время не существует. Отсутствие универсальной классификации текстов связано, в частности, с чрезвычайно сложной организацией текста, а также с наличием его различных видов и подвидов с характерными для них языковыми и внеязыковыми особенностями. Под текстом в настоящей статье понимается определенный лингвистический феномен, комплекс совокупно функционирующих компонентов лингвистического и экстралингвистического плана, в котором языковые средства осуществляют свои коммуникативно-прагматические функции в тесном взаимодействии с паралингвистическими явлениями.

Необходимость дальнейшего развития типологии текстов как самостоятельной научной дисциплины обусловлена задачами исследования не только отдельных характеристик речевых произведений, таких как когерентность, референция, модальность, темпоральность, но и конкретных видов (подвидов) текста. В конечном счете задача типологии текста как самостоятельной научной дисциплины состоит в необходимости сведения всего многообразия речевых произведений к некоторому обозримому числу их определенных типов [8: 261; 9: 143]. На современном этапе становления научной дисциплины выделяются два относительно самостоятельных ее раздела, а именно: типология монологических и типология диалогических текстов.

Весьма продуктивным подходом, на наш взгляд, является также изучение как художественных, так и нехудожественных текстов с позиций теории вариативности. Целью таких исследований является выделение комплекса языковых и неязыковых (паралингвистических) признаков для отдельных жанров и видов текстов, а основное внимание сосредоточено на изучении использования вариантных средств, участвующих в коммуникативно-прагматическом варьировании [10].

Специфика коммуникативно-прагматического варьирования в текстах заключается в том, что вид текста [11; 12; 13] является некой моделью речевого поведения коммуникантов в социуме, образцом их регулярных речевых действий, формой организации обыденного знания и представляют собой в известном смысле схему по созданию определенного текста. Действующие в текстах коммуникативно-прагматические нормы представляют собой правила комбинирования и использования в них вербальных и невербальных средств, употребление которых нормы текстов соответствующим образом регулируют. Для каждого вида (подвида) текста имеется своя коммуникативно-прагматическая норма, представляющая собой набор его обязательных (ведущих) и факультативных (вторичных) признаков, поэтому в пределах нормы того или иного текста могут существовать и сосуществовать несколько языковых вариантов.

Благодаря подходу к изучению текстов с позиции теории вариативности удалось установить, что в данном случае представлена вариативность двух типов.

Во-первых, вариативность, действующая в текстах, приводит к образованию разных видов (подвидов) текстов, которые используются в различных сферах коммуникации: официально-деловой, деловой, научной, научно-технической, публицистической, юридической, обиходно-бытовой и др. В этом случае представлен первый тип коммуникативно-прагматической вариативности – «внешняя» вариативность, благодаря которой создаются и разграничиваются разные виды (подвиды) текстов.

Второй тип коммуникативно-прагматической вариативности можно считать «внутренней» вариативностью, поскольку она действует в самих текстах и реализуется при помощи употребления/неупотребления в них как средств различных языковых уровней, так и некоторых экстралингвистических явлений. На основе внутренней вариативности достигается известное многообразие изложения информации в каждом отдельном виде (подвиде) текста. В целом подход к тексту с позиций категории вариативности является весьма продуктивным, поскольку он дает возможность не только охарактеризовать отдельные виды и подвиды текстов с точки зрения использования в них языковых и неязыковых средств (ср. вариантность средств языкового выражения как в рамках отдельных видов (подвидов) текстов), но и позволяет разграничить их (ср. варьирование, создающее разные виды (подвиды) текстов) (набор вариантов средств).

Таким образом, наличие и использование значительного числа различных подходов к исследованию текстового континуума способствует его всестороннему изучению с разных теоретических позиций и научных направлений и расширяет наши представления о тексте как особом лингвистическом феномене.

Библиографический список

1. *Богданов, В.В.* Речевое общение: прагматические и семантические аспекты / В.В. Богданов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1990.
2. *Блох, М.Я.* Композиционные типы информации и их выражение во внутренней речи (на материале англоязычной художественной литературы) / М.Я. Блох, Ю.М. Сергеева // Филологические науки. – 2008. – № 2. – С. 56–65.
3. *Antos, G.* Studien zu Sprach- und Kommunikationsproblemen im Alltag. Am Beispiel von Sprachratgebern und Kommunikationstrainings / G. Antos. – Tübingen: Niemeyer, 1996.
4. *Николина, Н.А.* Филологический анализ текста / Н.А. Николина. – М. : Академия, 2003.
5. *Bussmann, H.* Lexikon der Sprachwissenschaft / H. Bussmann. – 2, völlig neu bearb. Aufl. – Stuttgart: Kröner, 1990.
6. *Sandig, B.* Textstilistik des Deutschen / B. Sandig. – 2. Aufl. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2006.
7. *Таюпова, О.И.* Типология текста : учеб. пособ. / О.И. Таюпова. – Уфа : РИО БашГУ, 2002.
8. *Helbig, H.* Zur Stellung und zu Problemen der Textlinguistik / H. Helbig // Deutsch als Fremdsprache, 1980, №1, S. 257 – 266.
9. *Lux, F.* Text, Situation, Textsorte: Probleme der Textsortenanalyse / F. Lux. – Tübingen : Narr, 1981. – 391 S.
10. *Таюпова, О.И.* Коммуникативно-прагматическое варьирование в малоформатных прозаических текстах современного немецкого языка : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / О.И. Таюпова. – М., 2005. – 54 с.

11. Heusinger, S. Pragmalinguistik: Texterzeugung, Textanalyse; Stilgestaltung und Stilwirkungen in der sprachlichen Kommunikation / S. Heusinger. – Frankfurt a. Main : Haag und Herchen, 1995. – 162 S.
12. Маслова, А.Ю. Введение в прагмалингвистику / А.Ю. Маслова. – 2-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2008. – 152 с.
13. Linke, A., Nussbaumer M. Studienbuch Linguistik / A. Linke. – 4., unveränd. Aufl. – Tübingen : Niemeyer, 2001.

УДК 81'36

ОБЩЕСИНТАКСИЧЕСКОЕ ПОЛЕ: ИЕРАРХИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

О.А. Кострова

Границы и способы описания синтаксиса до сих пор относятся к дискуссионным проблемам теории языка. Дискуссионным является как состав синтаксических единиц, так и инструментарий, с помощью которого они анализируются. Цель статьи – раскрыть проблемность того и другого и наметить возможные решения проблем.

***Ключевые слова:** общесинтаксическое поле, метасимволизация, метонимизация.*

Выделение единиц анализа составляет ключевую проблему любой науки. В синтаксисе выделяют, как правило, две основные единицы: словосочетание и предложение [см., например, Duden 1998: 609]. Такое вычленение представляется недостаточно убедительным по нескольким причинам: 1) оставляет открытым вопрос о минимальной синтаксической единице; 2) не выявляет иерархию синтаксических единиц; 3) понятие предложения является слишком объемным, поскольку включает в себя простые, сложные и осложненные предложения. В других работах к синтаксическим единицам относятся слово, синтаксическая форма слова, словосочетание, член предложения, простое и сложное предложение и текст [ср. Абрамов 2001: 96]. Однако и здесь остается открытой проблема иерархии синтаксических элементов.

При построении синтаксической иерархии чрезвычайно плодотворным оказывается понятие «элементарное предложение (ЭП)», введенное В.Г. Адмони для обозначения того общего, «что происходит в каждом отрезке речи, принадлежащем к одному из существующих в языке логико-грамматических типов предложения, обладающем определенной формой модальности и способностью распространяться по определенным закономерностям» [Адмони 1963: 19]. На наш взгляд, это понятие, с одной стороны, явилось прототипом для целого ряда похожих понятий, таких как «базовые модели синтаксических структур» [Золотова, Онипенко 2001], «элементарная предикативная единица» [Покусаенко 1983: 33]. С другой стороны, понятие ЭП послужило поводом придания самостоятельного статуса сложному предложению, что на материале русского языка было обосновано В.А. Белошапковой [ср. Ильенко: 59], а позже нашло отражение и на материале немецкого языка [Кострова 1992].

В современной трактовке, учитывающей разграничение предложения как моделируемой единицы языка и высказывания как речевой единицы, ЭП представит как структурная единица синтаксиса «безотносительно к ее функциональной роли в развернутой речи» [Адмони 1963: 19]. Функциональная нерелевантность позволяет осмыслить эту структурную единицу как метаязыковой инвариант, реализуемый в целом ряде речевых вариантов-высказываний.

Вместе с тем ЭП реализуется в речи в виде частных вариантов. Варианты ЭП различаются по синтаксической функции и коммуникативно-прагматической установке. Описывая речевую реализацию ЭП, В.Г. Адмони причисляет к средствам его распространения причастные, инфинитивные и обособленные конструкции [Адмони 1973: 161]. Не отрицая их функциональной значимости, мы хотели бы тем не менее подчеркнуть их языковой статус, позволяющий считать перечисленные конструкции языковыми структурными элементами, обладающими полупредикативностью и образующими переход к словосочетаниям, в которых предикативные отношения присутствуют имплицитно и которые реализуют переход синтаксических единиц к лексическим. На наш взгляд, полупредикативные конструкции представляют свернутую форму ЭП и относятся к периферийным элементам синтаксических полей.

Понятие ЭП позволяет развивать теорию синтаксического поля, возникающую на основе коммуникативной или функциональной грамматики. В современном языкознании благодаря трудам А.В. Бондарко наиболее полное воплощение получила теория функционально-семантического поля [Бондарко]. Теория синтаксических полей остается в тени более общей проблемы систематизации синтаксиса [ср., например, Онипенко 2001, Левицкий 2003]. При этом речь идет, как правило, о синтаксических полях, в которых выделяются центральные, базовые модели синтаксических структур, сопоставимые с понятием ЭП, и периферийные модели, ограниченные в употреблении речевым регистром или связанным лексическим наполнением [Онипенко 2001].

Упомянутое выше понимание ЭП как метаязыкового конструкта позволяет трактовать его как образующий центр общесинтаксического поля (ОСП). Необходимость введения нового термина, предложенного в свое время в устной беседе В.А. Жеребковым, диктуется, на наш взгляд, тем, что каждая синтаксическая единица в качестве метаязыкового конструкта объединяет вокруг себя конкретные реализации этого конструкта, организованные, в свою очередь, по принципу синтаксического поля. Чтобы развести эти понятия, требуется метаязыковая единица более высокого уровня обобщения — общесинтаксическое поле. Под ОСП мы понимаем, таким образом, метаязыковой конструкт, объединяющий иерархический ряд синтаксических микрополей. В центре ОСП находится синтаксическое поле, формирующееся вокруг ЭП; к его периферии относятся синтаксические поля, организованные вокруг структурных инвариантов словосочетаний и продолженных синтаксических форм (ПСФ) [Кострова 1992]. Тем самым ОСП представляет собой иерархически упорядоченную модель синтаксиса, обнаруживающую возможность переходов к более низкой и более высокой ступеням языковой организации: слову и сверхфразовому единству соответственно.

Речевая реализация ОСП осуществляется через функционально-прагматические поля (ФПП) [ср. Баранов 1983], состав которых определяется речевым регистром и социально-культурными условиями употребления. Каждое ФПП включает речевые реализации базисных и периферийных моделей. К первым относятся речевые формы ЭП, ко вторым — их укороченные формы (словосочетания) и их удлиненные (продолженные) формы (ПСФ).

ПСФ, образующие в ОСП переход к гипersинтаксису и тексту, выделяются по признаку полипредикативности, который эксплицируется полностью или частично. Эти единицы состоят из двух или нескольких ЭП и служат для обозначения сложных денотатных ситуаций. Классическим репрезентантом ПСФ является сложное предложение, в котором отношение полипредикативности грамматикализовано. Примерами других ПСФ являются ЭП, осложненные причастными или инфинитивными оборотами, предложными или вставными конструкциями, слитные предложения, а также цепочки семантически связанных предложений. Иерархия синтаксических полей в общесинтаксическом поле показана на рис. 1.

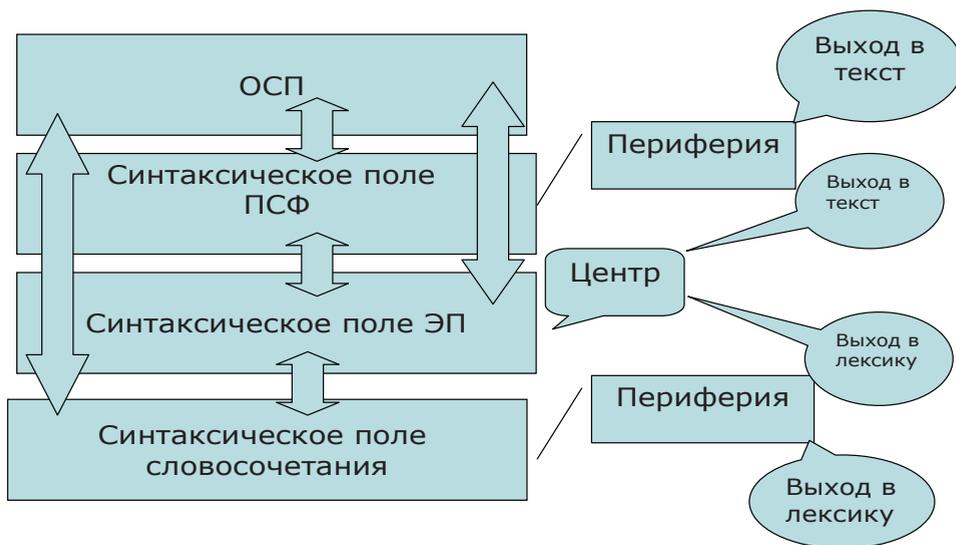

Рис. 1. Иерархия синтаксических полей в общесинтаксическом поле (ОСП)

Теория поля предполагает, кроме выделения элементов, составляющих его структуру, установление связей между этими элементами и объяснение их взаимных переходов. В теории синтаксических полей связи объясняются чаще всего на основе синтаксической синонимии – понятия, основанного на семантической общности разноструктурных конструкций. Однако синонимия не охватывает всех случаев связи между синтаксическими единицами. Синонимия не объясняет, например, связь ЭП в составе сложного предложения, не объясняет осложнения предложения полупредикативными конструкциями. Кроме того, понятие синонимии имеет констатирующий (и в этом смысле статичный) характер. Понятие же связи обнаруживается в динамике языкового развития.

Динамический подход, позволяющий увидеть «прорастание» [ср. Köller 1983: 21] новых смыслов в рамках ОСП, может быть осуществлен введением в описание понятия семантико-синтаксического процесса. Эти процессы придают синтаксическому знаку экспрессивный характер, позволяют объяснить функционирование языковых единиц в условиях разных контекстов и их подвижность в составе соответствующих микрополей и ОСП в целом. Мы относим к таким процессам метафоризацию, метонимизацию, перемещение, импликацию, повторение, расчленение, включение. Каждый из них ведет к усложнению смысла высказывания

в целом, поэтому их можно объединить в понятии «метасимволизация» [ср. Кострова 2004: 23]. Покажем на примерах, как возникает связь и подвижность синтаксических единиц в результате действия этих процессов.

Рассмотрим пример, содержащий три ЭП в составе сложного комплекса, который входит в состав микрополя продолженных синтаксических форм:

(1) *Gefordert sind* «Genie» und «Herz», (2) *zwei Attribute*, (3) *die fortan zum Wahrzeichen wahrer Poesie werden* [Rüdiger Safranski: 40].

Каждое ЭП этого комплекса может быть отнесено к базисному микрополю ОСП – микрополю ЭП, что проявляет связь этого микрополя и микрополя ПСФ.

Первое ЭП не может быть отнесено к центру своего микрополя, поскольку выдвижение на первое место причастия в функции предикатива делает высказывание экспрессивным, вследствие чего оно перемещается на периферию микрополя. Возникающую экспрессию можно рассматривать как смысловое усложнение, привносящее в высказывание некоторую имплицитную оценку, что сближает данное ЭП с осложненным предложением, образующим центр другого микрополя. Переход к стилистике иллюстрирует рис. 2.

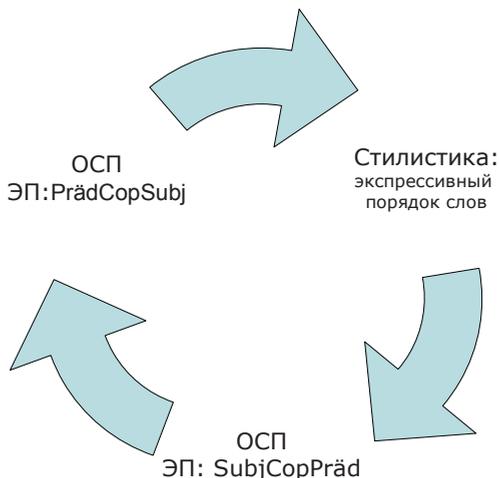

Рис. 2. Переход к стилистике

Второе ЭП мы рассматриваем как результат действия процесса метонимизации, следствием которого явилось употребление сокращенной конструкции (ср. *pars pro toto*). Оно тоже относится к периферии микрополя. И только третье, стилистически нейтральное ЭП можно отнести к ядру микрополя.

Рассмотренный пример показывает, насколько сложным является взаимодействие элементов как в составе микрополей, так и в составе ОСП в целом.

Таким образом, введение понятия ОСП позволяет представить общую иерархическую модель синтаксиса, охватывающую синтаксические единицы и их взаимные связи. Модель выявляет универсальность элементарного предложения как единицы синтаксиса, поскольку к нему сводятся другие синтаксические единицы (словосочетания, сложные предложения и цепочки предложений). Построение модели ОСП выявляет его специфическое свойство, которое состоит в проницаемости уровней: его центральная единица (ЭП) имеет выход как

в более высокий уровень организации языковых единиц (текст), так и на более низкий уровень (лексику).

Выявление и по возможности полное описание варьирования ЭП и ОСП необходимо для создания системной эмпирической грамматики любого языка. Особенно полезно такое описание для грамматики иностранного языка, поскольку в языковом сознании пользователей такой грамматики присутствует ОСП родного языка, которое, несомненно, отличается от такового в изучаемом иностранном языке

Библиографический список

1. *Абрамов, Б.А.* Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков / Б.А. Абрамов ; под ред. Н.Н. Семенов, О.А. Радченко, Л.И. Гришаевой. – М. : Владос, 2001.
2. *Адмони, В.Г.* Исторический синтаксис немецкого языка / В.Г. Адмони. – М. : Высш. шк., 1963.
3. *Адмони, В.Г.* Синтаксис современного немецкого языка (система отношений и система построения) / В.Г. Адмони. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1973.
4. *Баранов, А.Г.* Функционально-прагматическая концепция текста / А.Г. Баранов. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1993.
5. *Золотова, Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. – 2-е изд-е, стереот. – М. : УРСС, 2001.
6. *Ильенко, С.Г.* Концепция синтаксических единиц В.А. Белошапковой и вопрос о «неопознанных синтаксических объектах» / С.Г. Ильенко // Т.В. Белошапкова, Т.В. Шмелева (сост.). Традиционное и новое в русской грамматике : сб. статей памяти Веры Арсеньевны Белошапковой. – М. : Индрик, 2001. – С. 57–65.
7. *Кострова, О.А.* Продолженная синтаксическая форма в контактной коммуникации (на материале современного немецкого языка) / О.А. Кострова. – Самара, 1992.
8. *Кострова, О.А.* Экспрессивный синтаксис современного немецкого языка / О.А. Кострова. – М. : Флинта : МПСИ, 2004.
9. *Левицкий, Ю.А.* Основы теории синтаксиса / Ю.А. Левицкий. – Пермь : Пермский ун-т, 2003.
10. *Онипенко, Н.К.* Теория коммуникативной грамматики и проблема системного описания русского синтаксиса / Н.К. Онипенко // Русский язык в научном освещении. № 2. – М., 2001. – С. 107–121.
11. *Покусаенко, В.К.* Переходные конструкции в области сложного и простого предложения / В.К. Покусаенко. – Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1983.
12. *Duden.* Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. 6., neu bearbeitete Aufl. /Hrsg. von der Dudenredaktion / Bearb. von Peter Eisenberg, Hermann Gelhaus, Helmut Henne, Horst Sitta und Hans Wellmann. – Bd. 4. – Mannheim ; Leipzig ; Wien ; Zürich, 1998.
13. *Köller, W.* Funktionaler Grammatikunterricht: Tempus, Genus, Modus: Wozu wurde das erfunden? / W. Köller. – Hannover : Schroedel Schulbuchverl, 1983.

УДК 81'373

СИНТАГМЕМНЫЙ АНАЛИЗ ЭКВИВАЛЕНТНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

Н.С. Шарафутдинова

Статья посвящена изучению контенционального наполнения авиационных терминов русского и немецкого языков. Лингвокогнитивный подход с элементами морфотемного анализа дает возможность проследить закономерности языковой объективации мыслительных понятий в языке техники и установить когнитивное наполнение эквивалентных научно-технических терминов различных языков.

Ключевые слова: контенциональное наполнение, лингвокогнитивный подход, синтагмемный анализ, морфотемный анализ, термин.

Формирование понятий, закрепляемых в термине, происходит в процессе становления и развития специальных знаний в конкретных терминологиях. Термин становится носителем и хранителем фрагмента информации. Тем самым термин представляет собой особую когнитивно-информационную структуру, репрезентирующую в конкретной языковой форме профессионально-научное знание.

Когнитивный подход в изучении современной научно-технической терминологии обусловлен тем, что он позволяет глубже описать закономерности взаимодействия языка и сознания, речи и мышления в подязыке науки и техники. На наш взгляд, в лингвокогнитивных исследованиях более эффективным является использование метода морфотемного анализа, разработанного А.И. Фефиловым [1].

Суть морфотемного анализа заключается в том, что единица языка рассматривается в перспективе комплексной формально-семантической структуры. Морфотема языковой единицы – это, с одной стороны, форма во всех ее проявлениях (букв. *морфа*), с другой стороны, – семантическая основа, смысловой мотив (букв. *тема*) [2, с. 25].

Лингвокогнитивный подход с элементами морфотемного анализа дает возможность более полно представить формально-семантическую структуру терминов и тем самым проследить закономерности объективации, или языкового воплощения, мыслительных понятий в языке техники. Участие логико-семантических категорий в становлении научно-технической терминологии изучено недостаточно, в частности не определен характер взаимодействия логико-семантических категорий друг с другом, не установлены типовые, стереотипные, а также нестереотипные архитектурные структуры научно-технических терминов и их когнитивное наполнение.

Предлагаемая статья посвящена изучению контенционального наполнения авиационных терминов русского и немецкого языков.

Под контенционалом М.В. Никитин понимает совокупность признаков, отраженных в данном понятии (значении, имени) [3, с. 85]. В традиционной семантике под контенционалом понимают сигнификативное ядро значения, то есть жесткую структуру конечного множества значений (признаков) [4, с. 25].

Под контенционалом мы понимаем содержание объективированного мыслительного понятия. Согласно морфотемной концепции языка и речи традиционно

выделяемое лексическое значение слова трактуется как согласованный с исходным логико-семантическим признаком морфотемы и соотносённый с другими замыкающими, смежными логико-семантическими признаками контенсиональный признак, фиксирующий в языковом сознании какое-то мыслительное содержание «наивного понятия о вещи, свойстве, действии, процессе, событии и т. п.» [5, с. 56]. Контенсионал реализуется через синтагмему (объективированные понятийные комплексы), которая состоит из глубинных семантических признаков, то есть из структурных, логико-категориальных, модификационных и собственно контенсиональных признаков.

Синтагменный анализ терминов является частью морфотемного анализа языка и речи. При проведении данного анализа интересуют следующие признаки лингвемы, то есть языковой единицы.

1. Категориально-семантический признак (КСП) – это исходный компонент семантической структуры терминологического наименования, который выражается определяемой конститuentой, а в многословных терминах – базовым словом терминологической лексической единицы. При этом не важно, имеет ли термин форму сложного слова или словосочетания. Именно категориально-семантическому признаку принадлежит роль организующего начала, он подчиняет себе всю семантическую структуру термина.

При логической классификации имён по семантическим классам различают имена с субстанциальным, акциональным, квалитативным, локальным, квантитативным и темпоральным значением. При этом класс имени, представляемый категориально-семантическим признаком (КСП), зависит от того, какой логико-мыслительный класс понятий им объективируется: субстанциальный класс – КСПСуб; акциональный класс – КСПАкц; квалитативный класс – КСПКвал; локальный класс – КСПЛок; темпоральный класс – КСПТемп; квантитативный класс – КСПКван.. Большинство (78,5% немецких и 77% русских) терминов анализируемой терминологии относится к субстанциальному классу и актуализирует в форманте, представляющем категориально-семантический признак, логико-семантическую категорию субстанциальности. Логико-семантическая категория субстанциальности актуализируется в авиационных терминах в виде наименований летательных аппаратов, самолётных/ вертолётных деталей, приборов, оборудования и профессий.

2. Детерминативно-семантический признак (ДСП) имеет зависимую позицию от категориально-семантического признака и выражается детерминирующим (определяющим) компонентом термина. Он, так же как и КСП, объективирует один из шести логико-мыслительных понятий: субстанциальность, акциональность, квалитативность, локальность, квантитативность и темпоральность. Например: ДСПРел_Акц + КСПСуб: *Meßgerät, измерительный прибор*; ДСПЛок + КСПСуб: *Oberflügel, верхнее крыло* и т. д.

В отраслевом термине могут быть актуализированы несколько детерминативно-семантических признаков. Например:

Морской патрульный самолёт Seeüberwachungsflugzeug

ДСП1 ДСП2 КСПСуб ДСП1 ДСП2 КСПСуб

В ДСП1 воплощено место эксплуатации данного самолёта, а в ДСП2 – его назначение. Поскольку каждый дополнительный признак сужает значение основного термина, то значение термина «*Seeüberwachungsflugzeug*» и его русского эквивалента «морской патрульный самолёт» ‘уже, чем у терминов «*Seeflugzeug*» и «*Überwachungsflugzeug*», «морской самолёт» и «патрульный самолёт».

Если ДСП не выполняет определяющую функцию, то эту роль берёт на себя дополнительный детерминативно-семантический признак (ДДСП). ДДСП

выступает определением ДСП и несёт в себе отличительный признак, выделяющий термин из ряда других, однородных с ним. Сравните: *Einradfahrwerk* – *одноколёсное шасси*, *Zweiradfahrwerk* – *двухколёсное шасси*, *Vierradfahrwerk* – *четырёхколёсное шасси* (ДДСПКван + ДСПСуб + КСПСуб). Эти термины отличаются друг от друга выражением количества колёс, ср.: «КСПСуб_холотив *шасси* + АСПРел *имеет* + ДДСПКван *одно* + ДСПСуб_меротив *колесо*», «*шасси имеет два колеса*», «*шасси имеет четыре колеса*». ДСП в подобных терминах семантически опустошён и выполняет лишь связующую функцию между КСП и ДДСП.

3. Номинационно-семантический признак фиксирует в усечённом виде смежное логико-мыслительное понятие, не являющееся целью репрезентации, а выступающее в качестве фона, перспективы видения исходного, обозначаемого логико-мыслительного понятия. Номинационно-семантический признак (НСП) сливается с номинативной оболочкой форманта, несущего категориально-семантический или детерминативно-семантический признак. Например: *двигатель*: КСПСуб /НСПРел_Акц: *двигать*/; *faltbarer Flügel*: ДСПКвал /НСПРел_Акц: *falten*/ + КСПСуб/НСПРел_Акц: *fliegen*.

Данный признак, так же как и предыдущие два, объективирует один из шести логико-мыслительных понятий.

4. Лексикализованный и морфолого-синтаксический уровень формантизации. На этом уровне объективации логико-семантические признаки модифицируются, то есть лексикализируются их функциональные и модификационные нагрузки. Различают следующие разновидности логико-семантического признака субстанциальности: инструментив (признак, объективирующий инструменты, приборы, детали), транспортив (признак, объективирующий транспортное средство), агенс (признак, объективирующий лицо, деятеля), обьектив (признак, объективирующий объект, неодушевленный предмет, подвергающийся воздействию, ср.: *Ölkühler* – *маслорадиатор*), пациентив (признак, объективирующий субъект, подвергающийся воздействию, или одушевленный объект, ср.: *Passagierflugzeug* – *пассажирский самолет*), фабрикатив (признак, объективирующий материал, из которого изготовлен предмет), форматив (признак, объективирующий внешнюю форму предмета, ср.: *звездобразный двигатель*), фактитив (предмет, созданный в результате какой-то деятельности, ср.: обшивка), меротив (признак, объективирующий часть (отдельную деталь) целостного прибора, ср.: *крыло* самолета), холотив (признак, объективирующий целый предмет, состоящий из множества предметов, ср.: *крыло самолета*), инклюзив (предмет с внутренним пространством, включающий в себя другой предмет, ср.: топливный *бак* – *Benzintank*), контринструментив (инструментальный предмет, используемый для противодействия какому-то объекту или явлению, ср.: противообледенительная установка – *Eisabweisungsanlage*), комитатив (сопроводительный предмет, предмет, сопутствующий другому предмету, ср.: *поршневой двигатель*), ауксилиаратив (предмет, служащий как вспомогательное средство при функционировании другого предмета, ср.: *радиолокатор*), посессив (предмет, являющийся обладателем другого предмета, ср.: *президентский самолет*) и др. [1, с. 53–55; 6, с. 37–38].

5. Ассоциативно-семантический признак (АСП). На этом уровне понятийные категории объективируются имплицитно, то есть без специальных формантов, но легко воспроизводимых в сознании коммуникантов. Ассоциативные семантические признаки (АСП) термина можно воспроизвести при знании его дефиниции. Например, на основе дефиниции термина «гидросамолёт» мы можем выявить его разноуровневые семантические признаки: «Гидросамолёт – самолёт,

способный осуществить взлёт с водной поверхности и посадку на неё» [7, с. 39]; гидросамолёт: КСПСуб_транспортив (самолёт) /НСПрел_Акц/(летать) + АСПРел_Акц (осуществляет взлёт и посадку) + ДСПЛок (гидро).

Вышеназванные семантические признаки функционируют в тесной взаимосвязи друг с другом и позволяют представить синтагмему термина.

Следует отметить, что ассоциативно-семантические и номинационно-семантические признаки могут варьироваться даже в пределах одного термина, так как словарная дефиниция одного и того же термина может быть различной в зависимости от адресата и цели словаря. Однако базовыми, а значит, и неизменными, являются категориально-семантические и детерминативно-семантические признаки, которые собственно и составляют ядро лексического значения того или иного термина.

Сравнительное изучение синтагмем эквивалентных терминов позволяет предполагать, что синтагмемные признаки эквивалентных русских и немецких терминов в основном совпадают. Данный факт подтверждает универсальность авиационных терминов в обоих языках.

Основываясь на выявленные признаки контенционала авиационных терминов немецкого и русского языков можно построить основные морфотемные модели, по которым происходит формирование терминов. Наиболее продуктивной морфотемной моделью образования авиационных терминов в немецком и русском языках является следующая морфотемная модель: ДСПСуб + КСПСуб: *Turbinschaufel*, *лопатка турбины*, *Funkgerät*, *радиоустановка*, *Blatthalter*, *топливный бак*, *кислородное оборудование*. Вторая по продуктивности модель ДСПРел_Акц + КСПСуб: *Einfüllstutzen*, *заправочный штуцер*, *Flugtechnik*, *лётная техника*, *Meßinstrument*, *измерительный прибор*.

Итак, синтагмемное наполнение большинства терминов передается через субстанциальность, реализованную в основной части наименования, и субстанциальность или реляциональность с акциональным признаком, актуализированную в определяющей его части. Субстанциальность, реализованная в определяющей части термина, относительно активно взаимодействует с КСП субстанциальности или с КСП реляциональности или акциональности.

Признаки КСП и ДСП являются ключевыми для определения синтагмемного содержания термина, так как именно в них отражаются основные признаки, которые заложены в термине.

Рассмотрим синтагмему терминов, называющих отдельную деталь целостного прибора (*каркас крыла – Flügelgerippe*, *каркас лонжерона – Holmrahmen*). Упрощенная синтагма этих терминов: «то, что (КСП) + является (АСП1 Рел_Акц) + частью (АСП2 Суб_меротив) + целого предмета (ДСПСуб_холотив) + и предназначен для чего-то (АСП3 утитив)». Например, синтагма термина *колесо шасси* – «колесо (КСПСуб_инструментив), являющееся (АСП1 Рел_Акц) частью (АСП2 меротив) шасси (самолёта) (ДСПСуб_холотив) и предназначенное для передвижения (АСП3 Рел_Акц_утитив) по земле (АСП4 Лок)».

При сравнении термина с его синтагмемой становится очевидным, что в акустеме термина отражены лишь существенные синтагмемные компоненты, позволяющие отличить термин от других ему подобных. Остальные синтагмемные компоненты получают статус ассоциативно-семантического признака и легко восстанавливаются в языковом сознании. В морфотемную формулу термина нами включены лишь синтагмемные компоненты, получившие эксплицитное закрепление в термине.

Средства выражения формата в эквивалентных разноязычных терминах могут и не совпадать. Например, в немецком термине «*Hakenrohr*» нашло отражение схо-

жесть трубы с крючком, а в его русском эквиваленте «Г-образная труб(к)а» зафиксирована схожесть трубы с изображением буквы Г. В эквивалентных терминах «*Rundholz*» и «*трубчатый лонжерон*» также закреплены различные ассоциации: *rund* (круглый) и *трубчатый* (труба). На основе различных ассоциаций возникают и термины-синонимы, сравните: *пилообразная кромка*, *зубчатая кромка* (пила и зубы).

Приведем примеры терминов со смысловым отношением предназначения. *Aufklärungsflugzeug* – *разведывательный самолёт*: «самолёт (КСП), предназначенный (АСП1) для разведки (ДСП) объектов (АСП2) противника (АСП3)»; *Kampfhubschrauber* – *боевой вертолёт*: «вертолёт (КСП), предназначенный (АСП1) для боевых (ДСП) действий (АСП2)».

Синтагмемный анализ терминов русского и немецкого языков дает возможность легче выявить и объяснить специфику лингвокогнитивного сознания в разноязычных терминосистемах. Полученное знание будет полезным не только для теории терминоведения, но и в практике перевода специальной литературы.

Библиографический список

1. *Фефилов, А.И.* Морфотемный анализ единиц языка и речи / А.И. Фефилов. – Ульяновск : УлГУ, 1997. – 246 с.
2. *Фефилов, А.И.* Когнитологические аспекты морфотемного анализа / А.И. Фефилов // Морфотемика. – Ульяновск : УлГУ, 2008. – С. 6–62.
3. *Никитин, М.В.* Лексическое значение слова / М.В. Никитин. – М. : Высш. шк., 1983. – 215 с.
4. *Орловская, Е.* Логические аспекты изучения понятий / Е. Орловская // Логические исследования. Вып. 1. – М. : Наука, 1993. – С. 20–33.
5. *Апресян, Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М. : Наука, 1974. – 368 с.
6. *Шарафутдинова, Н.С.* Лингвокогнитивные основы научно-технической терминологии / Н.С. Шарафутдинова. – Ульяновск : УлГТУ, 2006. – 131 с.
7. Краткий словарь авиационных терминов / Н.М. Боргест, А.И. Данилин, В.А. Комаров ; под ред. В.А. Комарова. – М. : Изд-во МАИ, 1992. – 224 с.

УДК 811.112.2.(075)

ТИПОЛОГИЯ ОТНОШЕНИЙ ОБНОВЛЕННЫХ НОМИНАЦИЙ С ЗАМЕНЯЕМЫМИ ЛЕКСЕМАМИ ПРИ ПЕРЕИМЕНОВАНИИ

Ю.М. Шемчук

Основной целью данной статьи является описание типологии отношений обновленных номинаций с заменяемыми лексемами. В статье рассматриваются проблемы классического переименования и конкуренции неологизма и заменяемой лексемы.

Ключевые слова: неология, неологизм, номинация, переименование

Классический случай полного забвения заменяемой лексемы представлен именами собственными. Являясь в первую очередь зависимыми от воли человека, они часто сменяют друг друга при сохранении постоянства обозначаемого. Директивная смена названий улиц, городов и т. п. приводит к полному вытеснению прежнего топонима. Очевидными случаями переименования денотатов можно считать смену названий городов бывшего СССР: *Рыбинск* (вместо прежнего *Андропов*), *Набережные Челны* (вместо *Брежнев*), *Тверь* (вместо *Калинин*), *Владикавказ* (вместо *Орджоникидзе*), *Шарыпово* (вместо *Черненко*) в России, а также *Луганск* (вместо *Ворошиловград*), *Змиев* (вместо *Готвальд*), *Мариуполь* (вместо *Жданов*) на Украине. В Грузии города *Гегечкори*, *Махарадзе*, *Маяковский*, *Цулукидзе* и *Цхакая* переименовались в *Мартвили*, *Озургети*, *Багдади*, *Хони* и *Сенаки*. Азербайджанские города *Ждановск* и *Кировабад* стали после переименования *Бейлаган* и *Гянджа*. Литовский *Капсукас* поменяли на переименование *Мариямполье*, а эстонский *Кингисепи* уступил место новому слову *Курессааре*. В Киргизии появилась обновленная номинация *Иссык-Куль* (ср. прежний топоним *Рыбачье*).

Обновленные названия станций московского метрополитена: «*Царицино*» (бывшая «*Ленино*»), «*Александровский сад*» (бывшая «*Калининская*»), «*Театральная площадь*» (бывшая «*Площадь Свердлова*»), «*Охотный ряд*» (бывшая «*Проспект Маркса*»), «*Лубянка*» (бывшая «*Дзержинская*»), «*Чистые пруды*» (бывшая «*Кировская*»), «*Сухаревская*» (бывшая «*Колхозная*»), «*Алексеевская*» (бывшая «*Щербаковская*»), «*Тверская*» (бывшая «*Горьковская*»), «*Китай город*» (бывшая «*Площадь Ногина*»), «*Выхино*» (бывшая «*Ждановская*»).

Иногда возвращается в узу забытая лексика. Оглядываясь на прошлое, переименовывается то, что уже было ранее переименовано. Классическим примером такого переименования может стать название известного русского города: *Санкт-Петербург* (1703–1914) > *Петроград* (1914–1924) > *Ленинград* (1924–1991) > *Санкт – Петербург* (с 1991) > *Петербург* > *Путер* (разг. вариант в наст. вр.).

В Германии наблюдаются аналогичные процессы. Однако здесь больше переименовывали не города, а улицы. (Исключение г. Хемниц.) Так, например, сменялись названия одной улицы г. Галле: *Waldstraße* (1905–1933) > *Hindenburgstraße* (1934–1945) > *Karl-Liebknecht-Straße* (1945–1963) > *Otto-Kanning-Straße* (1964 – по наст.вр.). Другую улицу в г. Галле – улицу *Kaiserstraße* (1888–1945) – после окончания Второй мировой войны переименовали в *Willy-Lohmann-Straße*, а улица *Halle-sche Straße* в период с 1937 по 1945 г. называлась *Adolf-Hitler-Straße*.

Примером переименования улиц может послужить также ситуация в г. Виттенберге. После второй мировой войны в городе было переименовано более шестидесяти улиц, которые получили названия в честь великих людей как Германии (*Goethestraße* (ранее *Admiral-Scheer-Straße*), *Mozartstraße* (ранее *Boelckestraße*), *Robert-Koch-Straße* (ранее *Lesingenstraße*), *Heinrich-Heine-Straße* (ранее *Roonstraße*)), так и России (*Tschaikowskystraße* (ранее *Großadmiral-von-Turpitz-Straße*), *Leo-Tolstoi-Weg* (ранее *Hans-Lody-Weg*), *Maxim-Gorki-Straße* (ранее *Eichhornstraße*)). Среди переименований улиц г. Виттенберга встречаются также улицы, названные в честь политических деятелей: *Ernst-Thälmann-Straße* (ранее *Adolf-Hitler-Straße*), *Karl-Marx-Platz* (ранее *Arsenalplatz*), *Karl-Liebknecht-Platz* (ранее *Rudolf-Jordan-Platz*) и т. п. Некоторые прежние названия, представлявшие собой личное имя, сменились на нейтральные, вызывающие у людей положительные эмоции: *Blütenweg* (ранее *Georg-Kütemeyer-Straße*), *Lerchensraße* (ранее *Hans-Malkow-*

ski-Straße), *Am Bach* (ранее *Heinrich-Messerschmidt-Straße*), *Rosenweg* (ранее *Hermann-Fischer-Straße*), *Narzissenweg* (ранее *Paul-Berk-Straße*).

Классическое переименование может быть представлено также именами нарицательными. Примеры вытеснения одних наименований лиц по профессии другими: «*Reisestellenleiter* (устар.) – *Travel-Manager* менеджер, туроператор в бюро путешествий, *Umweltschutztechniker* (устар.) – *Abfalltechniker*, *Recyclingtechniker* – специалист по вторичной переработке отходов, *Bauschlosser* (устар.) – *Konstruktionsmechaniker* конструктор» [Новикова 2006, 18]. Ср. также устаревшую и вышедшую из употребления лексику *Bonne*, на смену которой пришла *Erzieherin*.

Обновленные номинации поднимают социальный престиж и уважение людей к некоторым профессиям. Таким образом, *Putzfrau* становится *Raumpflegerin*, *Hebamme* → *Entbindungspflegerin*, *Straßenkehrer* → *Betriebshelfer (der Straßenreinigung)*, *Tapezierer* → *Innenarchitekt*, *Blumenverkäuferin* → *Floristin*. Облагораживающие переименования притягивают, они – аттрактивны.

В большинстве случаев, однако, переименование происходит не одnorазово и резко, а подчас постепенно. Наличие заменяемой лексики и обновленной номинации есть величина непостоянная. Переименования и старые номинации на первом этапе языкового развития выступают в отношении конкуренции средств выражения. В результате этой конкуренции могут победить обновленные лексемы, как наиболее удобные и целесообразные для конкретных условий общения, т. е. конкуренция выступает в роли закономерного явления, продиктованного коммуникативной целесообразностью. Например, для наименования одного и того же лица по профессии существуют старые, еще не вышедшие из употребления, и новые слова. «Механик по аппаратам связи» по новому будет *Kommunikationselektriker* (ср. старую лексику *Nachrichtengeräte-mechaniker*). Новое слово *Industriemechaniker* «механик в области металлургии» в настоящее время конкурирует с прежним *Metallgewerbemacher*. Лексическая инновация *Automobilmechaniker* «автослесарь» также используется вместе со старым обозначением *Kraftfahrzeugschlosser*. Другие примеры, заимствованные из автореферата Е.Ю. Новиковой: обновленное название профессии *Recyclingtechniker* употребляется параллельно с лексемой *Abfalltechniker*, *Asset-Manager* пришло на смену традиционным названиям *Vermögens- oder Finanzverwalter*. Ср. также новые названия *Art Direktor* ← *Künstlerischer Leiter*, *Büroinformationselektroniker* ← *Büromaschinenmechaniker*, *Clinical-Engineer* ← *Krankenhaustechniker*, *Community-Manager* ← *Community Specialist*, *Conference-Manager* ← *Sitzungsmanager*, *Consultant* ← *Berater*, *Dispatcher* ← *Außendienstkoordinator*, *DTP-Layouter* ← *DTP-Setzer*, *Energiebroker und –trader* ← *Stromhändler*.

Процесс вытеснения переименованием прежнего имени – процесс противоречивый. До окончательного закрепления в языке лексические инновации проходят своеобразную проверку временем, в течение которого обновленная номинация и заменяемая лексема равноправно сосуществуют в языке. Продолжительность конкуренции прежнего имени и переименований неодинакова: одни конкурируют долго, на протяжении десятилетий и даже столетий, в другом случае переименование сравнительно быстро и окончательно приходит на смену старой номинации. Может случиться полное вытеснение обновленной номинацией прежнего названия, а может наблюдаться их соперничество довольно длительный период времени до той поры, когда возникает необходимость унификации и, следовательно, сокращения названий одного и того же референта.

В соответствии с рассмотренными типами отношений следует говорить о распространенности случаев параллельного употребления обновленной номинации с уже зарекомендовавшей себя лексической единицей. Со временем, сначала конкурируя, а затем после победы в конкурентной борьбе со старой номинацией обновленная номинация может полностью вытеснить то имя, на смену которому она вошла в язык, но резкая смена тоже не исключена.

Таким образом, типологию отношений обновленных номинаций с заменяемыми лексемами можно представить таким образом:

- классический случай полного забвения «старого слова»;
- конкуренция обновленной номинации и заменяемой лексемы.

Последний тип отношений, как показал анализ фактического материала, превалирует. Конкуренция обновленной номинации и заменяемой лексемы является одной из самых заметных особенностей современного состояния языка. В лексической системе содержится довольно большой пласт лексических инноваций, борющихся за право преимущественного использования.

Библиографический список

1. Новикова, Е.Ю. Структура, семантика и тенденции развития наименования лиц по профессии в современном немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.Ю. Новикова. – М., 2006. – 25 с.

УДК 81+811.112.2'25

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА И ПЕРЕВОД

К.А. Касаткина

Статья посвящена проблемам вербализации концептов в тексте художественного произведения и переводческому аспекту их функционирования. В статье рассматривается понятие языковой картины мира и ее отражение в романе «Liebe in St. Petersburg» Х. Консалика. Языковые маркеры национально-культурного сознания являются компонентами переводческих лакун, что проявляется в реализации концептов «любовь», «свое-чужое», «пространство и время».

Ключевые слова: лакуна, концепт, художественный текст, культура, прецедентное имя, межкультурная коммуникация, языковые маркеры национально-культурного сознания, языковая картина мира.

В эпоху интенсивного межкультурного общения проблемы взаимодействия различных культур становятся неоспоримым фактором, а язык изучается сквозь призму речевой деятельности его носителей – представителей определенного этноса и определенной культуры. «Язык как средство общения людей и сформированная с его помощью культура данного общества находятся в непрерывной связи и непрерывном взаимодействии,

что и определяет их развитие», пишет в своей книге «Война и мир языков и культур» С.Г. Тер-Минасова [7, с. 17]. В каждом обществе существует своя культура, своя система ценностей и понятий, которая отражается в языке. Язык выражает концептуальную систему, существующую в данном обществе, поскольку он является частью мыслительной деятельности говорящего. Концепт стал одной из основных единиц когнитивной лингвистики, являясь предметом рассмотрения ряда наук: культурологии, межкультурной коммуникации, переводоведения.

Понятие «концепт», введенное в лингвистику Д.С. Лихачевым, обозначает «сгусток культуры в сознании человека», «пучок» представлений, знаний, ассоциаций, сопровождающий слово [6, с. 40]. Концепты, по мнению Демьянкова [2, с. 27], существуют сами по себе, подвергаясь реконструкции людьми. В. Красных рассматривает концепт как некую максимально абстрагированную идею «культурного предмета», не имеющего визуального прототипического образа, хотя и возможны визуально-образные ассоциации, с ним связанные [4, с. 272]. Анализ структуры и содержания концептов представляет собой концептуальный анализ. Говоря о современных подходах к концептуальному анализу (работы О.А. Александровой, Е.С. Кубряковой, Ю.С. Степанова, И.С. Выходцевой, И.П. Черкасовой) следует отметить прежде всего исследования культурно-семиотические, выполненные в сопоставительном аспекте. В межкультурной коммуникации концепты, понимаемые как основные ячейки культуры в ментальном мире человека, могут использоваться как опорные элементы для сопоставления менталитетов, а также культурно-ценностных доминант.

Итальянский писатель, переводовед У. Эко говорит о наличии у всякого представителя любого социума «определенных ментальных схем», на основании которых мы способны опознавать некое данное обстоятельство, в котором находится некий данный объект» [8, с. 37]. Переходя в плоскость рассмотрения проявления концептов в межкультурном общении, следует выделить лингвокультурное направление, позволяющее изучать объединение представителей определенной лингвокультуры через концептуальное пространство, проявляющееся в языке определенного социума. Каждая культура представляет широкий спектр национально и культурномаркированных единиц, предопределяющих возникновение межкультурной асимметрии, и как следствие этого непонимание в процессе устной или письменной коммуникации. И здесь на передний план выходит перевод как явление, способное устранять межъязыковые и межкультурные различия, а это означает и коммуникативные помехи в общении.

Все исследователи единодушны в том, что концепт проявляется в трех процессах, которые происходят в составе концептосферы индивида: формирование концепта, его вербализация и интерпретация участниками процесса коммуникации [1, с. 109]. При этом подчеркивается важность социокультурных и исторических аспектов возникновения и развития определенных концептов в определенных языковых сообществах.

Концептосфера языка проявляется через наличие особых национально-маркированных признаков, явлений, наименований, что позволяет рассматривать своеобразные маркеры национально-культурного сознания, явления, обладающие национально-культурной спецификой, представляющие собой «продукты» речевой деятельности языковой личности определенного этнолингвокультурного сообщества. По сути, такие маркеры выступают в качестве вербальных репрезентантов образов национально-культурного сознания, формируют национально когнитивные базы участвующих в межкультурном общении этнолингвокультурных личностей.

Говорить о языковых маркерах национально-культурного сознания можно применительно к различным ситуациям межъязыкового общения, отмечая лингвоструктурные, лингвоэкологические, лингвокультурные типы, проявляющиеся в самых разнообразных ситуациях межкультурного общения [5, с. 71]. В данной статье предпринята попытка выделить лингвокультурные маркеры национально-культурного сознания через призму концептуализации немецко-русской картины мира. По М. Хайдеггеру, «картина мира, сущностно понятая, означает не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина». Иначе говоря, картина мира, по сути, есть отражение окружающего мира в голове человека. Картина мира несет на себе национально-культурный отпечаток, представляет собой идеальное, концептуальное образование, имеющее двойственную природу: необъективированное, как элемент сознания (различные «ментальные схемы») и объективированное – в виде семиотических образований, какими являются различные тексты, а в более широком трактовании – социальные структуры, искусство, архитектура.

Каждый естественный язык отражает определенный способ концептуализации мира. Таким образом, языковая картина может быть определена как совокупность знаний о мире, запечатленных в конкретном языке, как «мир в зеркале языка» [1, с. 112].

В процессе межкультурного общения происходит трансформация языковой картины мира, а наилучшим из способов достичь успеха в межкультурной коммуникации является перевод.

Модель эффективного межкультурного общения через переводчика включает факторы учитывания роли языковых маркеров национально-культурного сознания в формировании различных языковых картин мира у коммуникантов, принадлежащих к различным лингвокультурам, поскольку именно подобные явления вызывают особые переводческие трудности, именуемые «лакунами».

Феномен одностороннего отсутствия языкового явления в сопоставляемых языках определяется как «пропуск» [Hockett 1954], «пробел» [Hale 1975], но наиболее часто как «лакуна». Понятие и термин «лакуна» занимают сегодня одно из центральных мест в сопоставительной культурологии и теории межкультурной коммуникации.

Культурологи, этно- и психолингвисты исследуют межъязыковые и внутриязыковые, лексические, грамматические, стилистические, культурологические, контрастивные, имплицитные и эксплицитные лакуны. Наиболее изученными считаются явления лексических лакун, поскольку лексико-семантическая система любого языка открыта, непосредственно связана с экстралингвистическими факторами, поэтому в лексике национально-культурное своеобразие языка проявляется достаточно наглядно. Д.И. Ермолович определяет лакуны как «лексически не выраженные концепты», в такой же степени участвующие в «мыслительной деятельности народа, как и лексикализованные» [3, с. 44].

Художественный текст наиболее ярко демонстрирует принадлежность к определенной культуре, а концепты, вербализуемые в нем, являются отражением и выражением соответствующей картины мира.

С точки зрения перевода каждый инокультурный текст содержит достаточно много «переводческих лакун», которые проявляются в несовпадении картин мира автора и читателей. Вербализуемые в тексте концепты часто приводят к прагматической адаптации при переводе, проявляющейся в комментариях, а также использовании переводческих трансформаций.

Роман Х. Консалика «*Liebe in St. Petersburg*» служит ярким тому подтверждением. Концепт «Россия» является центральным в данном произведении, о чем говорит уже и само название, соединяющее в себе как бы две противоположные и в то же время тесно взаимосвязанные культуры – России и Германии. Однако роман интересен и тем, что языковое выражение базового концепта описывается через призму динамики сопутствующих концептов: любовь, свое/чужое, добро/зло, пространство и время.

Поскольку роман написан в 80-е годы двадцатого столетия, в картине мира немецкого читателя образ России позитивно маркирован и не отождествляется с образом врага. Особенностью романа является тот факт, что универсальные с точки зрения межкультурной коммуникации концепты, такие как любовь, добро, зло носят здесь более лакунизированный характер, что проявляется в использовании определенных стереотипов.

Во имя любви Gregor von Puttlach оставляет блестящую карьеру военного атташе, остается в России, становясь, по сути, военным преступником в Германии. Подобный эпизод вряд ли будет соответствовать русской картине мира, где более стереотипен факт отказа от любви во имя долга.

Стереотипными представлениями немцев о России являются холод, снег, Сибирь, наличие меховой одежды, медведи, длинные дороги. Все это в полной мере проявляет себя в романе Х. Консалика.

В произведении много реалий, культурных символов, характерных для русской картины мира, но представляющих «лакуны» для немецкого читателя. Для описания российской действительности используются прецедентные для русской культуры имена – ср. Tolstoj, Puschkin, Bolschewiki, Zar, Rasputin. При этом некоторые вербализуемые в романе прецедентные феномены для русской картины мира не являются таковыми, однако используются автором, чтобы передать образ многонациональной России, который уже сформировался в Германии (например, обычай прощания перед долгой дорогой – ср. mit Salz bestreuen, «советский» стереотип о роли «связей» в России – ср. In Rußland einflußreiche Freunde zu haben ist mehr wert als hundert Segen der Popen; имена служанок – Ewdokija Surabjewna, Alla Iwanowna).

Отдельно о категории «пространство» и «время». Роман охватывает временной отрезок в 62 года (с 1913 по 1975 г.). Линейное восприятие времени, характерное для немецкой культуры, передается в романе во взаимосвязи с пространством, как ориентированное в пространстве и движущееся к определенной цели. Примером могут служить описания событий, берущих начало в прошлом (1913 г., 1918 г., 1920 г.) и движущихся к определенной цели (1975 год, посещение России уже немолодыми главными героями). При этом концепт «пространство» имеет также лакунизированный характер, поскольку для немцев это прежде всего «личное пространство» – дом, семья, а для передачи русской картины мира используются частые описания долгих дорог, многодневных переездов, связанных с трудностями и опасностью. Концепт «пространство» трансформируется в языковой картине мира, приобретая различные формы (ср. Der Michejews Palast an der Mojka, riesiges Gutachten in Transkoje, großes Haus in Berlin), перемежаясь с концептом свое/чужое (ср. eine bescheidene Wohnung in Paris). Для убедительности восприятия Консалик использует прецедентные феномены (ср. Intourist-bus как символ общения с иностранцами в России 70–80-х годов, eine kalte Gurkensuppe, Datscha).

Проблема восприятия концептуальной картины романа и передача ее при переводе вызвала интерес как немецкоговорящих, так и русских читателей. Результаты опроса выявили следующее:

– немцы, не посещавшие Россию, воспринимают описание событий как нечто нейтральное, для них основным концептом, вызывающим интерес, является концепт «любовь»;

– немцы, знакомые с Россией по деловым контактам, считают описание событий и поступков героев чересчур экзотическими, отмечая излишнюю помпезность (описание медведей, живущих в поместье – ср. den Bären Wanja in Park spazieren führen; сцена охоты на волков – ср. der riesige graue Wolf schien sich im der Luft herumzuwerfen, blitzschnell hatte Anna Petrowna das Gewehr gehoben);

– русские студенты-лингвисты и специалисты, владеющие немецким языком, не согласны по ряду событий и считают необходимым введение комментариев в переводе с целью прагматической адаптации (например, некоторое упрощение описания событий при переходе большевика Erschov на сторону идеологических противников, что вряд ли могло соответствовать действительности в описываемый исторический период; наличие поместий в Сибири у лиц высшего дворянского сословия, несколько примитивное отождествление царской армии с казаками).

Таким образом, знакомство с инокультурной картиной мира через художественный текст представляет собой уникальную возможность межкультурного диалога. Примечательно, что подобные диалоги становятся возможными благодаря информационной коммуникации, расширяя возможности участников ближе познакомиться с культурой России и Германии.

Библиографический список

1. *Александрова, О.В.* Язык. Культура. Общение / О.В. Александрова // Сборник научных трудов. – М. : Гнозис, 2008. – С. 107–115.
2. *Демьянкова, В.З.* «Концепт» в философии языка и в когнитивной лингвистике / В.З. Демьянкова // Концептуальный анализ языка: Современные направления исследования. – М., 2007.
3. *Ермолович, Д.И.* Наш перевод, вперед лети! В лакуне остановка / Д.И. Ермолович // Мосты. – 2009. – №1(2). – С. 40–59.
4. *Красных, В.* Свой среди чужих: миф или реальность / В. Красных. – М. : Гнозис, 2003. – 375 с.
5. *Привалова, И.* Интеркультура и вербальный знак / И. Привалова. – М., 2005. – 472 с.
6. *Степанов, Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М. : Шк. «Язык русской культуры», 1997. – 824 с.
7. *Тер-Минасова, С.Г.* Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики... / С.Г. Тер-Минасова. – М. : АСТ : Астрель : Хранитель, 2007. – 286 с.
8. *Эко, У.* Сказать почти то же самое. Опыты о переводе / У. Эко. – СПб., 2006. – 576 с.
9. *Konsalik, Heinz G.* Liebe in St. Petersburg. Die Bucht der schwarzen Perlen: Zwei Romane in einem Band, 2007. – 592 S.

УДК 81'25

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ДИССОНАНС В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

А.Н. Злобин, А.К. Уточкина

В статье, посвященной проблемам переводческой эрратологии, рассматривается явление лингвокультурного диссонанса и его влияние на качество перевода.

Ключевые слова: переводческие несоответствия, лингвокультурный диссонанс, культурная составляющая перевода, прагматическая адаптация, эквивалентность перевода.

В последнее время, считает И.А. Лихтенштейн, отмечается изменение традиционных представлений о переводческой деятельности. К сожалению, это, как правило, сопровождается резким падением качества перевода и непрофессионализмом не только самих переводчиков, но и бесчисленных переводческих бюро [2, с. 43]. Опубликованные переводы как художественных, так и технических текстов, оставляют желать лучшего. Пытаясь разобраться в причинах снижения качества переводной продукции, современные исследователи проблем перевода всё чаще обращают внимание на взаимосвязь языка и культуры. Ошибки, обусловленные отсутствием широкого культурного кругозора, фоновых знаний, знания инокультуры, да и предмета перевода, приводят к появлению переводческих несоответствий как в процессе понимания, так и в процессе порождения текста [3, с. 38]. Примером тому может служить лингвокультурный диссонанс, т. е. несоответствие текста перевода (ПТ) исходному тексту (ИТ), что свидетельствует о том, что качество перевода находится не на должном уровне.

Для того чтобы убедиться в этом, обратимся к примерам из опубликованного перевода с немецкого на русский язык рассказов Элмара Шенкеля из сборника «Schule des Vergessens», выполненного переводчиком Еленой Шевченко [4].

Текстема	ПТ 1	Отклонения	ПТ 2
Besucherströme fraßen sich wie Lawa durch das Nest	Потоки гостей <i>вгрызались</i> в пространство, как лава, в <i>глухое захо- лустье</i>	1. « <i>Потоки вгрыза- лись</i> » (буквализм). 2. « <i>Глухое захо- лустье</i> » (семантическая избыточность)	Потоки гостей, словно лава, запо- лоняли город

Представляется целесообразным отметить, что в данном случае глагол *вгрызаться* стилистически не соответствует ИТ, поэтому для передачи характера и смысла данного предложения, на наш взгляд, подходит другой русский глагол — *заполнять*, который соответствует нормативным требованиям, а именно жанрово стилистической норме перевода.

Кроме того, переводчик использует семантически избыточное словосочетание *глухое захо- лустье*, в котором, как и в предыдущем примере, наблюдается лингвистический диссонанс. Рассмотрим теперь следующий пример.

Текстема	ПТ 1	Отклонения (отсутствие культурной адаптации)	ПТ 2
Am letzten Tag wurde der Vogel abgeschossen, meist von einem, der es nicht verdiente. Holzstücke spritzen unter dem Aufschrei der Leute in alle Richtungen. («Schuetzenfest»)	В последний день следовало подстрелить птицу, и, как обычно, это сделал тот, кто меньше всего заслуживал. Щепки брызнули во все стороны под людские крики.	1. <i>Подстрелить птицу</i> 2. <i>Щепки брызнули</i>	В последний день следовало сбить выстрелом деревянный макет птицы ¹ , укрепленный на шесте. Чаще всего сделать это удавалось тому, кто меньше всего этого заслуживал. Под возгласы толпы щепки разлетались во все стороны. ¹ <i>Деревянный макет птицы служит мишенью в соревнованиях по стрельбе (прим. пер.)</i>

В данном примере мы обнаруживаем вызванное влиянием ИТ нарушение переводчиком нескольких норм ПЯ. Так, словосочетание *людские крики* ассоциируется больше с реакцией на какую-либо трагическую ситуацию или происшествие. Предлагаемое нами словосочетание *возгласы толпы* предполагает наличие собравшихся по какому-либо поводу людей (в нашем случае на праздник стрелков) и, в отличие от *людских криков*, не имеет оттенка негативности. Таким образом, переводчику мы бы рекомендовали дать ситуативный перевод данного предложения.

Следующее нарушение в представленной выше текстеме вызвано несоблюдением известного квалифицированному переводчику постулата В.Н. Комиссарова о том, что нужно «переводить смысл, а не букву». Так, предложение «*Щепки брызнули во все стороны под людские крики*» воспринимается однозначно как переводное.

И ещё одно, на наш взгляд, нарушение связано опять же с нормой ПЯ: в данном случае употребление глагола *брызнуть* и существительного *щепки*. В понимании русскоязычного читателя *брызнуть* могут только жидкости или предметы, их содержащие. Так, *щепки* в разные стороны *брызнуть* не могут. Используя такое словосочетание, переводчик опять же не соблюдает нормативные требования к переводу, в результате чего снова снижается качество перевода. Нетрудно убедиться в том, что в данном предложении следует использовать глагол *разлететься*, входящий в семантическое поле существительного *щепки* и соответствующий в данном случае норме ПЯ (ср. «Лес рубят, щепки летят»).

Рассматривая перевод данного фрагмента ИТ с точки зрения соблюдения прагматической нормы перевода, мы приходим к выводу, что переводчик не внёс поправки на культурные различия между ИЯ и ПЯ. Это привело к недостаточному пониманию исходного текста рецептором перевода из-за отсутствия у него необходимых фоновых знаний. У читателя возникает непонимание происходящего: непонятно откуда взявшиеся *щепки* почему-то *брызгают в стороны* после выстрела в *птицу*. Лингвокультурного диссонанса можно было бы избежать, прибегнув к прагматической адаптации текста: ведь речь идет о празднике стрелков (Schützenfest), отсутствующем в русской культуре. В данном случае с помощью описания ситуации необходимо объяснить получателю перевода, что речь идёт о *макете деревянной птицы*, используемом в состязании по стрельбе.

Описание значения исходной единицы применяется в условиях отсутствия регулярного словарного соответствия, а также при несовпадении смысловых

функций соответствующих единиц в ИЯ и ПЯ [1, с. 113]. Такими соответствующими единицами при несовпадении смысловых функций в ИТ и ПТ являются, на наш взгляд, существительные *Vogel* и *птица*. То, что *птица* (*Vogel*), которую подстреливают на праздник стрелков, — деревянный макет, и то, что перед началом соревнования её укрепляют на шесте, известно немецкому читателю. Само понятие *Schützenfest* (праздник стрелков) является немецкой реалией, т. е. словом оригинала, которое обозначает местное явление, которому нет соответствия в быту и понятиях других народов.

Таким образом, слово *птица* в ПТ требует разъяснительного перевода, необходимого для понимания текста русскоговорящим читателем, который и обязан был обеспечить квалифицированный переводчик. Незнание или же недопонимание ИТ самим переводчиком приводит к появлению ПТ, который будет не понят также и читателем. Используя терминологию А.Б. Шевнина, мы классифицируем выявленное несоответствие как несоответствие рецептивного типа, или агноним [3, с. 38]. Использование добавления «*деревянный макет птицы, укрепленный на шесте*» обеспечивает эквивалентность перевода на уровне способа описания ситуации.

Как известно, подобный переводческий комментарий служит пониманию текста рецептором и рассматривается как дополнительный прием, сопровождающий слова, переведенные с помощью любого способа лексико-семантической трансформации, но при этом требующие расширенного пояснения, например, если толковые словари не дают вокабулы, достаточно глубокой для данного контекста, или само понятие вообще отсутствует или трактуется иначе в переводящей культуре [1, с. 113].

Произведя лишь грамматико-семантические замены в процессе создания нового текста на ПЯ и не имея фоновых знаний (или не зная когнитивного контекста), необходимых для работы с ИТ, переводчик в упомянутом выше примере не дал необходимую в данном случае прагматическую (культурную) адаптацию текста на ИЯ, что привело к созданию ПТ, имеющего сниженную прагматическую ценность для рецептора перевода. Подобные примеры позволяют нам говорить о том, что переводчики, порождая лингвокультурные несоответствия как рецептивного (т. е. в процессе понимания), так и экспрессивного (т. е. в процессе создания ПТ) типов, не обеспечивают адекватного понимания текста рецептором перевода [3, с. 37].

Таким образом, именно отсутствие культурной составляющей у переводчика, как подтверждают примеры, приводит к лингвокультурному диссонансу и искажению содержания ИТ.

Библиографический список

1. Казакова, Т.А. Практические основы перевода / Т.А. Казакова // Серия «Изучаем иностранные языки». — СПб. : Союз, 2001. — 320 с.
2. Лихтенштейн, И.А. Количество, не переходящее в качество / И.А. Лихтенштейн // Гермес : научно-худож. сб. / сост. А.Н. Злобин. — Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2009. — С. 43–46.
3. Шевнин, А.Б. Переводческая эрратология как инструмент научного познания / А.Б. Шевнин // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. — Вып. 5. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — Н. Новгород : НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009. — С. 35–39.
4. Шенкель, Элмар. Школа забвения : рассказы / Элмар Шенкель ; пер. с нем. Е. Шевченко. — Казань : ДАС, 2002. — 100 с.

КОММУНИКАТИВНАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ПЕРЕВОДА ОБЪЯВЛЕНИЙ О ВАКАНСИЯХ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

С.М. Вопяшина

В статье рассматривается перевод немецких объявлений о вакансиях на русский язык. В центре внимания находится проблема достижения коммуникативной эквивалентности при переводе. Анализ показывает, что немецкие и российские тексты имеют существенные различия в области выполняемых функций, что, безусловно, сказывается на построении текста и выборе соответствующих языковых средств и приводит к трудностям при переводе.

Ключевые слова: функции текста, коммуникативно-прагматическая характеристика текста, коммуникативная эквивалентность.

Трудовой дискурс представляет собой в настоящее время большой интерес для исследователей, в том числе и в аспекте межкультурной коммуникации, поскольку трудовая миграция приобрела глобальные масштабы. Одним из широко распространенных текстов этого дискурса являются объявления о вакансиях, размещенные в печатных изданиях (газетах и журналах). Перевод таких текстов может заинтересовать потенциальных работников, сотрудников международных кадровых агентств, осуществляющих посреднические функции между работником и работодателем, а также тех, кто изучает опыт составления текстов объявлений о вакансии.

Объявления о вакансии (50 ед.), анализируемые в данной статье, размещены в достаточно крупных изданиях «Frankfurter Allgemeine Zeitung», «Frankfurter Rundschau», «Die Zeit», имеющих широкое распространение и публикующих интересующие нас тексты в репрезентативном объеме.

Принимая за основополагающий принцип перевода текста коммуникативную эквивалентность, обратимся к коммуникативно-прагматической характеристике исходных текстов.

Объявления о вакансиях создаются с целью найти работника, наиболее подходящего для исполнения некоторых обязанностей, следовательно, основная интенция автора – заинтересовать своим объявлением определенный, неслучайный круг людей, отвечающих предлагаемому набору требований и, в свою очередь, нуждающихся по каким-либо причинам в получении предлагаемой вакансии. Можно предположить, что работодатель не заинтересован в «текучке». Являясь активной заинтересованной стороной, он определяет круг возможных соискателей в соответствии со своими требованиями и статусом. Успешность коммуникации в данном случае зависит от того, сможет ли работодатель четко и ясно сформулировать свои требования, предпочтения, сможет ли на этом этапе убедить потенциального работника обратиться за вакансией и насколько адекватно интерпретирует посыл потенциальный работник [2].

Согласно этой интенции, логично вытекающей из описанной выше коммуникативной ситуации, определяется основная функция текста – информативная. Информативность немецких объявлений о вакансиях очень высока

и заключается в наименовании самих вакансий, самоидентификации компании и виртуальной идентификации работника.

Самоидентификация осуществляется посредством наименования организации, в которой открывается вакансия. В объявлении, кроме того, обязательно указываются реквизиты компании и, как правило, имя и фамилия контактного лица: *HARTKOPF & CIE Personenberatung GmbH*

Schlossstr.20 (Sud), 51429 Bergisch Gladbach

Telefon: 022 04-9506-11 (Peter Hartkopf),

Fax: 022 04-9516-22, E-Mail: Info@Hartkopfcie.de

Адресант также максимально конкретизируется. Прежде всего, через наименование вакансии: *Assistent/-in in Vertrieb, Steuerfachangestellte/r, Buchhalter/-in*, и описание рабочих задач: *Vergabe von Baumassnahmen und anderen Leistungen in Zusammenarbeit mit der Bauverwaltung der Länder; Erstellen von Mietvermittlungen und Wirtschaftlichkeitsuntersuchungen*. Идентификация осуществляется путем указания на некоторые параметры, которыми кандидат на вакансию должен обладать, а именно:

– квалификации: *Sie sind Diplom-Ingenieur oder staatlich geprüfter Techniker/-in; ...Studium der Betriebswirtschaft und Ausbildung zum Bilanzbuchhalter; ...Abgeschlossenes FH-Studium (z. B. Wohnungswirtschaft/Betriebswirtschaft/Architektur);*

– опыта работы: *Sie verfügen über eine entsprechende Berufserfahrung im Außendienst, aber nicht unbedingt in der Lebensmittelindustrie; ...mindestens 5 Jahre Erfahrung in der Kfz-Zulieferungsindustrie...; praktisches SAB-Erfahrung wünschenswert;*

– определенных компетенций. Среди компетенций можно выделить как наиболее общие: *gute Englischkenntnisse/English in Wort und Schrift, Teamfähigkeit und Belastbarkeit, hohe Einsatzbereitschaft und Flexibilität*, так и специальные, свойственные достаточно узкому кругу специалистов: *Kenntnisse im Projectmanagement, Praktische Kenntnisse für Fertigungsmethoden Hanban, 5S, Hoshin, TPM, GPAO*.

Информативность реализуется и в типовой структуре текста. Объявления о вакансиях, независимо от объема имеют четко структурированную форму: название организации-работодателя/логотип, самопрезентация, определение вакансии, требования к кандидату, информация об условиях труда, перспективах карьерного роста, реквизиты.

Наряду с информативной во многих текстах реализуется волюнтаристическая функция или функция воздействия, тесно взаимосвязанная с оценочной и эмоциональными функциями. Так, самоидентификация работодателя сопровождается самопрезентацией или краткой характеристикой организации-работодателя, которая может быть официально-деловой, т. е. содержащей основные объективные данные: *HEMA S.A.S. gehört zur weltweit tätigen französischen SIDEL Gruppe und stellt Abfüllanlagen her und bietet Dienstleistungen an für die Bereiche Food und Nonfood*, либо носит выраженный рекламный характер (рекламность проявляется в вербально репрезентируемой высокой самооценке): *Die klaren strategischen Ziele, ein hochmotiviertes Mitarbeiterteam sowie eine Sortimentspolitik auf höchstem Niveau bilden die Voraussetzung für eine weiterhin positive Entwicklung der Marke*.

Воздействующая функция, безусловно, реализуется и в описании возможностей вознаграждения и перспектив карьерного роста: *Wir bieten Ihnen eine mehrronatische Einarbeitungszeit in Lübeck. Zusätzlich zu Ihrem Grundgehalt erhalten Sie eine attraktive Leistungsbezahlung. Neben einer Home-Office-Ausstattung steht Ihnen ein Dienstwagen auch zur privaten Nutzung zur Verfügung. Bei dieser selbständigen und verantwortungsvollen Aufgabe in einem internationalen Umfeld bieten wir Ihnen eine sichere und zukunftsorientierte Position*.

Особое значение следует уделить фатической функции или контактоустанавливающей. Так, многим объявлениям о вакансии свойственна адресность, диалогичность. В тексте она эксплицируется личными и притяжательными местоимениями в предложениях утвердительного, вопросительного и побудительного типа: *Zu Ihren Aufgaben gehören..., Sie sind es gewohnt, in hohem Masse selbstständig zu arbeiten; Wenn wir Interesse geweckt haben, möchten wir Sie gerne kennen lernen; Wir freuen uns auf Ihre aussagefähige Bewerbung!* В результате некоторые объявления воспринимаются как письма, обращенные к потенциальному работнику лично.

Таким образом, текст объявления о вакансии выполняет информативную, волюнтаривную, оценочную, фатическую функции, находящие свое выражение в коммуникативных стратегиях информирования, самопрезентации, воодушевления/стимулирования, сотрудничества.

Между описанными функциями текста объявления о вакансии может быть установлена иерархия, где доминирующей признается информативная функция.

Рассматривая исследуемые тексты в аспекте коммуникативной эквивалентности, мы опираемся на теорию З.Д. Львовской, которая считает, что коммуникативная эквивалентность определяется на основе базисного принципа перевода и предполагает максимально возможную верность концептуальной программе автора ИТ и приемлемость ПТ в принимающей культуре и репрезентируется в следующих нормах перевода: 1) перевод никогда не должен вступать в противоречие с концептуальной программой автора исходного текста (ИТ), то есть не должен приводить к ложным импликациям и должен содержать импликации, релевантные для концептуальной программы ИТ и для ее понимания адресатом ПТ, независимо от того, имеют ли эти импликации эксплицитные или имплицитные маркеры; 2) перевод не должен противоречить релевантным факторам коммуникативной ситуации принимающей культуры, то есть он должен быть адекватным новой ситуации; 3) перевод не должен вступать в противоречие с нормами речевого и неречевого поведения принимающей культуры в целом и с текстовыми конвенциями в частности [1].

Исходя из описанной выше специфики изучаемого текста, считаем, что при переводе должна быть сохранена, прежде всего, информативная функция текста. Здесь можно выделить ряд важных моментов.

Во-первых, необходимо учитывать, что в немецком языке сосуществуют две формы наименования профессии или должности (также номенклатура) – мужская и женская, что и эксплицируется в наименованиях вакансий (см. выше), и сигнализирует о наличии важного социокультурного признака – равноправия мужчин и женщин на рынке труда. В русском языке в таких именах наблюдается ярко выраженная асимметрия: отсутствие женского варианта имени – *менеджер, коммерческий директор*; наличие стилистически окрашенного варианта – *инженерша, врачиха*, использование имен мужского рода для обозначения лица по профессии – *окулист, водитель, консультант*. При переводе в данном случае должно быть использовано наименование, принятое в русском языке, с обязательным указанием в скобках (м/ж).

Во-вторых, в силу различия социокультурной реальности в России и Германии смысловое наполнение наименований вакансий может оказаться различным. Так, *Manager, Assistent, Leiter* и другие слова имеют соответствия в русском языке, но что такое «менеджер», «ассистент», «руководитель» в российском и немецком понимании? Вариативность наблюдается и в выборе одного из множественных словарных соответствий, например, *Sachbearbeiter – исполнитель, консультант,*

делопроизводитель, референт. Во избежание недоразумений следует обратить пристальное внимание на перевод элементов текста, содержащих информацию о требованиях работодателя, на описание вакансии.

Задача переводчика несколько осложняется также тем, что транснациональные компании используют английские варианты номенклатуры: *Production Manager, Senior Security Technician, Program Manufacturing Leader*. Согласно существующей переводческой практике такие наименования могут быть перенесены в текст перевода в оригинальной форме с последующим описанием задач и требований работодателя, выполняющих детерминирующую функцию.

В-третьих, определенную трудность для перевода составляют наименования квалификаций и должностей, не совпадающие в России и Германии. В данном случае для эквивалентной передачи информации возможен описательный и комментирующий перевод, например, *Referendarin – стажер, (человек, приобретающий на рабочем месте практические навыки работы и усваивающий дополнительные теоретические знания в течение двух лет после окончания высшего учебного заведения)*, или *W 1, W 2, W 3* в составе наименований *Juniorprofessor (W 1) – профессор, имеющий начальную тарифную ставку 3507 евро, Universitätsprofessor W 2 – профессор, имеющий тарифную ставку W 2 – 4175 евро, W 3 Professor für Romanische Literaturwissenschaft – профессор-специалист по романской литературе, имеющий тарифную ставку – 5059 евро.*

Языковые единицы, репрезентирующие функцию воздействия и фатическую функцию, не составляют особого труда при переводе, ср.: *Мы гарантируем: работу в стабильной и дружной компании, интересную работу с высоким уровнем доходов.* Вопрос заключается в том, что стиль российских текстов объявлений о вакансиях отличается от немецкого. Он более «сухой», информативно менее развернутый. Для сравнения приведем типовой текст обычного российского объявления: *Директор департамента электромонтажных работ. 30-50 лет. В/о (строительное, электротехническое). О/р обязателен. З/н по результатам собеседования. З/н от 80 т.р. + участие в прибыли. Т. 781-80-77.д. 16 м. Волгоградский проспект.* Фактически основная функция российских аналогов – информативная, признаки других функций выражены незначительно, единичными примерами, слабо эксплицированы в тексте. Эмоциональная норма, таким образом, не совпадает в разных лингвокультурах, в русском языке она значительно ниже в текстах объявлений о вакансиях, что создает дополнительные трудности для перевода и, безусловно, оказывает значительное влияние на уровень коммуникативной эквивалентности при переводе [4, цит. по: 3].

Сохранение при переводе немецкой лично ориентированной специфики неизбежно приводит к нарушению третьего постулата З.Д Львовской – перевод не должен вступать в противоречие с нормами речевого и неречевого поведения принимающей культуры в целом и с текстовыми конвенциями в частности.

Возникающие, таким образом, проблемы в передаче информационной и других составляющих текстов объявлений о вакансии объясняются во многом с позиций межкультурных отличий. Преодоление этих проблем видится в использовании следующего переводческого инструментария: прямого переноса имени, транскрипции и транслитерации, описательно перевода, переводческого комментария, адаптации к иноязычному способу объективации, учета узуса принимающего языка.

В заключение отметим, что в статье отмечены проблемные зоны и представлены наблюдения и выводы общего характера. Они могут быть детализированы при более глубоком рассмотрении различных аспектов (например, семантического, социокультурного, стилистического, прагматического) перевода изучаемых текстов.

Библиографический список

1. *Львовская, З.Д.* Современные проблемы перевода : пер. с исп. / З.Д. Львовская. — М. : ЛКИ, 2008. — 224 с.
2. *Наумов, В.В.* Лингвистическая идентификация личности / В.В. Наумов. — М. : КомКнига, 2006. — 240 с.
3. *Трошина, Н.Н.* Стилистическая эквивалентность перевода как проблема межкультурной коммуникации / Н.Н. Трошина // Ментальность. Коммуникация. Перевод : сб. статей памяти Ф.М. Березина (1931–2003) / РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-инф. исслед. ; отд. языкознания ; отв. ред. и сост. канд. филол. наук М.Б. Раренко. — М., 2008. — 280 с. — С. 159–179
4. *Stolt, B.* Kulturbarrieren als Verständnisproblem / B. Stolt // *Moderna Sprak.* — Göteborg, 1998. — Vol. 82, № 2. — S. 110–125/ Цит. по: Работа. Учеба. — 16–22.06.09. — № 23.
5. *Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung.* — 8.07.09. — № 27.
6. *Frankfurter Rundschau.* — 23.12.06. — № 299.
7. *Die Zeit.* — 2009. — № 6.

УДК 811.112.2'25

**НЕМЕЦКИЙ И РУССКИЙ УСТАВ КАК ОБЪЕКТ
ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКОГО И ПЕРЕВОДЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ**

А.Н. Малявина

В статье рассматриваются особенности перевода русских учредительных документов на немецкий язык в лингвостилистическом и социокультурном аспектах. Показаны схожие внутрителиевые черты русских и немецких уставов и существенные различия их лингвистического оформления и функционирования в социуме, приводящие к трудностям при переводе.

Ключевые слова: *устав, коммуникативная компетенция, норма, лингвостилистические особенности перевода, социокультурное своеобразие.*

Успешное функционирование предприятия в межкультурной среде, развитие его партнерских отношений, подкрепленных имеющими юридическую силу документами, зависит не только от точного представления экономической и политической ситуации, но и от соблюдения требований, предъявляемых как при устном, так и письменном общении между представителями разных культурных социумов. Иными словами, кроме необходимости овладения профессиональными, свойственными определенной области материальной деятельности, компетенциями, в условиях современного бурно развивающегося международного общения и сотрудничества, насущным стало приобретение коммуникативной компетенции в широком смысле этого понятия.

Особенно актуально это требование для специалистов, занимающихся переводческой деятельностью в международных компаниях или работающих на предприятиях, имеющих обширные деловые связи за пределами России. Основными составляющими коммуникативной компетенции по результатам исследований, проводимых Советом Европы [7; 14], являются следующие компетенции: *лингвистическая* (овладение системой сведений обо всех уровнях языка как родного, так и иностранного), *социолингвистическая* (способность воспринимать и адекватно реагировать на экстралингвистические факторы и тенденции развития языка и его существования), *дискурсивная* (овладение анализом связного текста, сверхфразового единства), *стратегическая* (способность восполнять в процессе общения недостаточность знаний языка, речевого и социального опыта), *социальная* (способность вступать в коммуникативные отношения), *социокультурная* (овладение совокупностью знаний о стране, национально-культурных особенностях социального и речевого поведения носителей языка и способность пользоваться этими знаниями). Список необходимо дополнить компетенциями: *переводческой* (способность понять смысла оригинала на исходном языке, адекватно передать релевантную информацию в процессе создания совершенно нового текста на переводящий язык, учитывая функции и цели создания транслата), *межкультурной* (понимание разницы между культурами и владение способами успешного взаимодействия представителей разных культур) и «*предметно направленной*» (приобретение знаний в определенной профессиональной сфере: экономике, компьютерной технике, лингвистике и т. д.).

Требование овладения расширенным списком компетенций является основополагающим для специалистов, переводящих официально-деловую документацию предприятий, а также поддерживающих иноязычные сайты компаний.

Официально-деловой стиль, дифференцирующийся на такие подстили, как законодательный (юридический), дипломатический и административно-канцелярский [3], реализуется в различных документах, среди которых наиболее интересным с точки зрения воплощения коммуникативной компетенции в аспекте переводческой деятельности является *устав* юридического лица, определение которого не имеет существенных расхождений в русской и немецкоязычной экономической и юридической традициях:

Устав юридического лица – учредительный документ, на основе которого создается, и действует юридическое лицо. В уставе определяется правовое положение (правовой статус) юридического лица. В уставе обязательно указывается полное и сокращенное наименование юридического лица; его местонахождение; цели и сферы деятельности; порядок управления (компетенция общего собрания акционеров – для акционерного общества, Совета директоров, правления, генерального директора); размер уставного капитала и его изменения; реорганизация и порядок ликвидации [9].

Устав – установленный государством (государствами), собственником имущества либо общественной организацией свод правил, регулирующих [...] правовой статус конкретных юридических лиц [...] – в этом случае устав выступает как учредительный документ [11].

Satzung heißt die Grundordnung einer Kapitalgesellschaft, einer Genossenschaft (Bezeichnung dort: Statut), einer Körperschaft des öffentlichen Rechts (z. B. bei einer Gemeinde) oder eines Vereins. Sie wird schriftlich abgefasst. In der Satzung z. B. einer AG müssen nach §23 AktG u. a. folgende Angaben gemacht werden: der Name der Firma; der Sitz der Gesellschaft; der Tätigkeitsbereich des Unternehmens; die Höhe des Grundkapitals.

Satzung ist der Oberbegriff der schriftlich niedergelegten Verfassung (Grundordnung) eines rechtlichen Zusammenschlusses. Sie ist u. a. die Bezeichnung für den Gesellschaftsvertrag der AG und KGaA. Auch der Gesellschaftsvertrag einer GmbH kann als Satzung bezeichnet werden.

Die Vorlage einer Satzung ist eine der Bedingungen, die ein Idealverein (§21 BGB) zur Anmeldung zum Vereinsregister zu erfüllen hat, um Rechtsfähigkeit zu erlangen (§§59, 60 BGB). Sie muß u. a. den Zweck, den Namen, den Sitz des Vereins und den Eintragungswillen enthalten (§57 BGB) und soll den Ein- und Austritt der Mitglieder, die Beitragsfrage, die Bildung des Vorstandes sowie die Formerfordernisse bzgl. der Mitgliederversammlung regeln (§58 BGB) [18].

Предметом исследований устава в аспекте межкультурной коммуникации и перевода могут служить моменты, обусловленные дифференцирующими факторами в языковом воплощении уставов, особенностями национально-культурного восприятия и передачи предписаний и норм конкретной языковой среды, специфичность систем кодировок и формы письменного оформления юридического документа, а также степень раскрытия и интерпретации представленной в уставе информации, зависящей от уровня развития правовых механизмов в той или иной стране.

С лингвостилистической точки зрения русскоязычной традиции [3; 4; 6] внутрителиевыми чертами устава как текста официально-делового стиля, формирующими его структуру и языковые приметы, которые проявляются в лексике, фразеологии, словообразовании, морфологии и синтаксисе, являются однозначность, точность, четкость и лаконичность формулировок; нормализация и стандартизация средств выражения; стандартность и единообразие речевых средств (речевые стереотипы, клише, шаблоны, типовое оформление); императивный, неличный характер, тон предписания и долженствования; использование юридической терминологии; своеобразие лексики и фразеологии; употребление слов в прямых, конкретно-логических, номинативных значениях; неприемлемость эмоционально окрашенной и иностилевой лексики; допущение терминологических вариантов; близость к общелитературному языку.

Кроме того, необходимо отметить, что для устава *характерно* словосложение, заимствование интернациональных словообразовательных моделей; *типично* преобладание имен над глаголами и имен существительных над местоимениями; *продуктивен* мужской род (обозначение профессии в мужском роде); *активен* родительный падеж существительных; широко *представлены* аббревиатуры; *обильна* лексика отглагольного происхождения; *распространены* неличные формы глагола (причастия, инфинитив) и формы повелительного наклонения; *распространены* отыменные предлоги и союзы; типичны формы настоящего времени глагола, выполняющие функцию предписания; *не выражены* формы субъективной оценки и модальности; *принято* четкое членение конструкций, яркое выражение синтаксической связи (обычно лексически обозначенной), нанизывание деепричастных и причастных оборотов, прямой порядок слов; *характерно* обилие однородных членов и различных перечислений с цифровыми и буквенными обозначениями.

В традиции германской лингвостилистической концепции [2; 13] устав как текст, принадлежащий официально-деловому стилю (*unmittelbare Direktive*), характеризуется однозначностью, законченностью, точностью, терминологической строгостью; строгостью формы и шаблонностью структуры документа; особенностями композиции (членение на части, параграфы, статьи, пункты и т. д.); анонимностью (отсутствием автора); языковой экономией, с одной стороны,

и необходимостью пояснений, с другой, то есть детальностью изложения (повторение, подробные предложения); обилием терминов юридического характера и отсутствием пояснений и объяснений терминов (в отличие от законов); неличным характером, передающимся конструкциями пассива и статива; преимущественным употреблением глагольных словосочетаний (*Streckformen*); побудительностью содержания, передающейся модальными словами, глаголами с семантикой побуждения, императивом, безличными конструкциями, конструкциями «*haben + zu*» и «*sein + zu*»; наличием штампов, клише, общих фраз; частотностью использования условных придаточных предложений или других конструкций, передающих «условное» значение; параллелизмом конструкций предложений; умеренным применением аббревиации; использованием наименований лиц по профессии или должности общего рода или в форме и женского, и мужского рода; отсутствием эмоциональности, эстетики, риторических фигур.

Обобщенное рассмотрение текста устава с точки зрения лингвистики и стилистики убедительно демонстрирует сходство по основным внутрителивым чертам и некоторые различия в выборе средств языкового оформления (например, в немецком языке больше грамматических конструкций для передачи функции побуждения).

Теоретически при переводе текста устава (т. е. в процессе работы над юридическим переводом) существуют определенные закономерности и сложности, лапидарно представленные ниже.

Юридический перевод — это перевод текстов, относящихся к области права и используемых для конвертации информацией юридического характера между разноязычными социумами. Поскольку право является предметной областью, связанной с социально-политическими и культурными особенностями страны, то есть требующей владения коммуникативной компетенцией в ее широком понимании, юридический перевод представляет собой непростую задачу. Для адекватной передачи юридической информации язык юридического перевода должен быть в соответствии с внутрителивыми особенностями предельно точным и достоверным, так как ошибки в тексте-транслате могут иметь как непосредственные, так и опосредованные юридические и правовые последствия.

При переводе текстов подобного рода нельзя забывать о том, что исходный текст организован в соответствии с определенной правовой системой и социокультурной средой, что находит свое отражение в содержащихся в нем юридических формулировках и социокультурных маркерах, а текст перевода предназначен для использования в рамках другой правовой системы и культуры с характерными именно для неё юридическими формулировками, особенностями казуистики и восприятия государственных законов и свойственных данному языковому социуму норм.

Помимо терминологических лакун или отсутствия соответствующих лексических эквивалентов, следует помнить, что текстовые конвенции в исходном языке часто зависят от культурных особенностей и могут не соответствовать конвенциям текста перевода. У языковых конструкций, характерных для исходного языка, нет прямых эквивалентов в языке перевода. В связи с этим одной из задач перевода является нахождение конструкций в языке перевода, имеющих функции, аналогичные функциям конструкций исходного языка [10].

В качестве достоверного с точки зрения практики подтверждения теоретических формулировок и сделанных ранее выводов необходимо наглядно продемонстрировать особенности перевода текста устава с учетом лингвистической, социокультурной и прагматической составляющей, а также согласно скопос-

теории. Подробное изучение фактического материала, учитывающее работу с параллельными текстами оригиналами на немецком языке, позволяет определить следующие особенности перевода устава с русского языка на немецкий.

1. Лингвостилистические особенности перевода:

– **терминологических лагун:** *Совет директоров* не *Aufsichtsrat*, а *Direktorenrat*; *Ликвидация Общества влечет за собой его прекращение без перехода прав и обязанностей в порядке правопреемства к другим лицам* – *Die Liquidation der Gesellschaft ist die Auflösung der Gesellschaft ohne Rechtsnachfolge*, или терминов, несовпадающих по семантике: *фирма* – это не *Unternehmen*, *уставный капитал АО* – *Grundkapital*, а не *Stammkapital*; *большая сделка* – *bedeutendes Geschäft*, *größeres Geschäft*, *großes Geschäft*, *Transaktion*; *ликвидация* – *Liquidation*, *Auflösung*;

– **аббревиатур и сокращений.** Данный пункт требует более детального рассмотрения, так как существует некоторое расхождение теории и практики передачи сокращений. Теоретически необходимо транслитерировать латиницей русские сокращения (ср.: рус., нем., англ. *АО*, *ООО* и т. д.) [5, с. 123–124], что на практике зачастую не соблюдается: сокращение нередко включалось в официальное название компании на иностранном языке, а значит, возможно существование «*Goldene active GmbH*»; предприятие является совместным или многонациональным концерном, а значит, есть вероятность передачи русского *АО* немецким *AG*, причем в описанных случаях частотна также постановка сокращения после фирменного наименования, характерного для немецкоязычной социокультурной среды. Довольно часто приходится прибегать к расшифровке сокращений типа *ИНН*, *КПП*, *ОРГН* наряду с их побуквенной транслитерацией, например: *OGRN*, *Steuerzahlernummer (INN)*, *Steuermeldekode (KPP)*,

– **штампов и клише:** *фирма называется* (*Фирменное наименование Общества*) – *Die Gesellschaft führt den Namen*, а не *heißt/trägt den Namen*; *председатель уполномочен* – *der Vorsitzende ist ermächtigt*, а не *der Vorsitzende ist berechtigt*;

– **наименований организаций, министерств, различных служб, регистрационных учреждений, законов и др.** При переводе необходимо учитывать принадлежность данных лагун разным социальным, политическим и культурным социумам: *Министерство юстиции Российской Федерации* – *Justizministerium der Russischen Föderation*, а не *Bundesjustizministerium*, *Федеральный закон* – *Föderalgesetz*, а не *Bundesgesetz*, *МИФНС* – *interregionale Inspektion des föderalen Steueramtes der Russischen Föderation*;

– **ложных друзей переводчика и ложных эквивалентов:** *аффилированные лица* – *nahe stehende Personen*, а не *affilierte Personen*; *годовой отчет* – *Jahresabschluss*, а не *Jahresbericht*, *бухгалтерский баланс* – *Bilanz*, а не *buchhalterische Bilanz*;

– **синонимии и повторов как инструмента исключения неидентичного юридического толкования:** *председатель* – *der Vorstand* или *der Vorsitzende*; 60 раз используется корень *устав* в русском тексте, состоящем из 6228 слов, 16 раз повторяется корень *Satzung* в оригинальном тексте устава на немецком языке, состоящем из 1973 слов;

– **усложненных синтаксических конструкций с помощью членения:** *Генеральный директор при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей должен действовать в интересах Общества, осуществлять свои права и исполнять обязанности в отношении Общества добросовестно и разумно* – *Bei der Ausübung der Rechte und Erfüllung der Pflichten soll der Generaldirektor im Interesse der Gesellschaft handeln. Er soll gewissenhaft und vernünftig seine Rechte ausüben und mit der Gesellschaft verbundenen Pflichten erfüllen.*

2. Социокультурное своеобразие и его передача:

– **оформление уставной документации в разных деловых культурах** различно, например: из предложения *Открытое акционерное общество «Золотые активы»*, в дальнейшем именуемое «*Общество*», создано и действует в соответствии с Уставом *Общества* видно, что слово общество пишется с большой буквы как того требуют правила составления деловой документации в русской традиции, но в немецком языке, во-первых, все существительные пишутся с прописной буквы, а во-вторых, нет традиции последующего специального выделения слова: *Die offene Aktiengesellschaft Active Gold, nachfolgend «Gesellschaft» genannt, ist gegründet gewesen und arbeitet nach der Satzung der Gesellschaft*;

– **печатные знаки** функционируют в русском и немецком языках в соответствии с ГОСТ и DIN-5008 [17], а значит, и передавать их необходимо согласно требованиям языка перевода: *в § 23–24 – in §§23–24; имеют 10% акций – 10 Prozent Aktien besitzen; № 3 – #3 или Nr. 3*;

– **написание названия валюты и место его нахождения** также имеют расхождения: *в размере 300 евро/€ – in Höhe von 300,00 EUR* или *€ 300,00*;

– говоря о государственном законодательстве, правовой системе в аспекте национального менталитета, необходимо отметить, что педантичность и приверженность букве закона жителей Германии проявляется в более точном обозначении конкретных законодательных актов, например: формулировка *согласно Федеральному закону* характера для русской языковой традиции, а в немецких уставах чаще можно встретить *gemäß §3, Art. 4 Abs. 6 Gesetz 456*; кроме того, в русской юридической литературе предусмотрен такой порядок следования перечисления частей нормативно-правовых актов: указание пункта статьи, а потом номер статьи закона, то есть от меньшей составляющей к большей (*в пункте 4 статьи 53 Федерального закона*), и наоборот, в немецкой – *Auf Grund des §65 Abs. 1 Z 6 des Abfallwirtschaftsgesetzes 2002 (AWG 2002)*;

– **оформление цифры** как вида фактического материала одинаково в обеих культурах, но на практике данного правила придерживаются не всегда, что является недочетом работы переводчика: *3 члена Собраниа – drei Mitglieder der Versammlung*, а не *3 Mitglieder der Versammlung*;

– **наименование лиц**: в русской традиции отдается предпочтение мужскому роду, что поддерживается языковыми нормами, в немецкоязычных уставах предпочитают, в соответствии с привитыми культурными принципами равноправия мужчин и женщин, не делать акцент на одном роде, а использовать существительные общего рода *Vorsitzende, Bevollmächtigte, Person, Mitglied* или двойное наименование *Vertreterinnen und Vertreter*, при этом необходимо отметить, что форма *AktieninhaberInnen* в проанализированном корпусе текстов не встречается;

– различия наблюдаются также в неидентичности подаваемой органам государственной власти отчетной документации предприятия, в качественном отличии предоставленных на проверку и аудит документов бухгалтерского учета и финансовой отчетности в русской и немецкой деловой традиции;

– отмечено также проявление такого важного социокультурного поведенческого принципа, как отношение к работе: ср. *Члены Совета директоров при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей должны действовать в интересах Общества, осуществлять свои права и исполнять обязанности в отношении Общества добросовестно и разумно – Bei der Ausübung der Rechte und Erfüllung der Pflichten sollen die Mitglieder des Direktorenrates im Interesse der Gesellschaft handeln. Sie sollen gewissenhaft und vernünftig ihre Rechte ausüben und mit der Gesellschaft verbunde-*

nen Pflichten erfüllen. Проведенный анализ текстов уставов немецких предприятий не выявил случаев подобного разъяснения особенностей трудовой дисциплины, но, учитывая пожелание заказчика (что соответствует скопос-теории), в переводе необходимо было сохранить данные лексические единицы.

В заключение необходимо отметить, что перевод устава предприятия в новых условиях межкультурного взаимодействия является не только сложным с лингвостилистической, социокультурной и переводческой точек зрения, требующим безукоризненного владения коммуникативной компетенцией в широком смысле этого понятия, но и ответственным не только с позиции профессиональных обязательств, но и в правовом аспекте процессом.

Библиографический список

1. *Богатырева, Н.А.* Стилистика современного немецкого языка = *Stilistik der deutschen Gegenwartssprache* : учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак-тов / Н.А. Богатырева, Л.А. Ноздрина. — М. : Академия, 2005. — 336 с.
2. *Брандес, М.П.* Стилистика немецкого языка : учеб. пособие для ин-тов и фак-тов иностр. яз. / М.П. Валгина — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Высш. шк., 1990.
3. *Валгина, Н.С.* Теория текста. Текст как функционально-стилевая категория / Н.С. Валгина. — <http://evartist.narod.ru/text14/26.htm>
4. *Голуб, И.Б.* Стилистика русского языка / И.Б. Голуб. — 3-е изд., испр. — М. : Рольф, 2001. — 448 с.
5. *Ермолович, Д.И.* Имена собственные на стыке языков и культур / Д.И. Ермолович. — М. : Р. Валент, 2001. — 200 с.
6. *Кожина, М.Н.* Стилистика русского языка : учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. 2101 «Рус. яз. и лит.» / М.Н. Кожина. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Просвещение, 1993. — 224 с.
7. *Общеввропейские компетенции* владения иностранным языком : пилотный образец межкультурной стратегии / П.У. Мансилла, А.М. Рьехос. — http://logosbook.ru/educational_book/pdf/2-3_07/08.pdf
8. *Щукин, А.Н.* Лингводидактический энциклопедический словарь / А.Н. Щукин. — М. : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. — 746 с.
9. *Экономический словарь*. — http://abc.informbureau.com/html/onoaa_pdeaexaneiai_eeo.html
10. *Юридический перевод*. — http://ru.wikipedia.org/wiki/Юридический_перевод
11. *Юридический словарь*. — <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/19057>
12. *Юридический словарь*. — <http://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/19082>
13. *Fleischer, W.* *Stilistik der deutschen Gegenwartssprache* / W. Fleischer, G. Michel. — 2., unveränderte Auflage. — VEB Bibliographisches Institut, Leipzig, 1977. — 394 s.
14. *Gemeinsamer europäischer Referenzrahmen für Sprachen: lernen, lehren, beurteilen*. — <http://commonweb.unifr.ch/pluriling/pub/cerleweb/portfolio/downloadable-docu/Referenzrahmen2001.pdf>
15. *Investitionen in Russland* Beiten Burkhardt Rechtsanwaltsgesellschaft mbH, 2005. — http://www.bayern.ru/pdf/Invest_Russland.pdf
16. *Rechtswörterbuch*. — <http://www.rechtsworтерbuch.de/recht/s/satzung/>
17. *Wehner, J.-O.* Regeln und Empfehlungen zum Schreiben und Gestalten von Schriftstücken mit Textverarbeitungssystem (nach DIN 5008) / J.-O. Wehner. — Berlin, 2003. — http://www.regionale-schule-dorf-mecklenburg.de/falk/KVHS/download/neu/Schreib_Normen_din5008.pdf
18. *Wirtschaftslexikon*. — <http://www.wirtschaftslexikon24.net/d/satzung/satzung.htm>
19. *Wirtschaftslexikon*. — <http://www.wirtschaftslexikon24.net/d/statut/statut.htm>

УДК 81:659

РИТОРИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТОВ РЕКЛАМНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ

С.П. Анохина

*В статье проводится сопоставительный анализ компонента *deposito* двух основных прототипов рекламных текстов: реклама продукта и имиджевой рекламы.*

Ключевые слова: риторическая структура, аргументативные тактики и приемы, макроритория, дополнительные функции.

Античная риторика предоставляет довольно обширный аппарат для успешного составления персуазивных текстов, к которым и относятся тексты рекламных объявлений. Нас интересует, в частности, такой содержательный элемент речи, как *deposito* – действенное расположение фактов и аргументов для достижения своего речевого намерения у соответствующей публики по поводу соответствующей темы.

Схема этого элемента речевого произведения реализуется в персуазивных текстах в четырехкомпонентной структуре: *exordium – narratio – argumentatio – peroratio* (Yanich 2005, 140). *Exordium* – это зачин, начало речи, где осуществляется контакт с публикой: необходимо привлечь внимание (*attentum parare*) и положительно настроить публику (*captatio benevolentiae*). *Narratio*, которое часто переплетается с *argumentatio*, представляет собой изложение существа речи или темы текста. *Peroratio* – это заключение речи, где повторяется обобщается вышеизложенное, чтобы вызвать у публики определенные эмоции. Изучение взаимосвязей между риторической структурой и компонентной структурой представляет интерес прежде всего в прикладных целях, но в настоящей работе мы обращаемся к их сопоставительному описанию. При этом следует подчеркнуть, что в силу чрезвычайно ограниченного фактического материала надеемся лишь предложить некоторые проблемы для дискуссии и для их последующего более детального и обширного исследования, в случае если они смогут кого-либо заинтересовать.

Обратимся к прототипу «Имиджевая реклама», представленному текстами о банках. (В силу технической невозможности мы ограничиваемся анализом лишь вербального компонента текстов). Первый текст из газеты *Die Welt am Sonntag*, Nr.49, 9. Dezember 2007:

Die Welt ist voller Chancen. Setzen Sie auf die Nr.1 der Vermögensverwalter

Das Private Banking der BHF-Bank erreichte im Report «Die Elite der Vermögensverwalter» erneut die Bestnote. Mit 412 von 450 Punkten erzielten wir die höchste Punktzahl und wurden mit dem Prädikat «summa cum laude» ausgezeichnet. Kein Institut erfüllt damit die Anforderungen anspruchsvollen Privatkunden und Familienunternehmer besser als unsere Vermögensverwalter. Nutzen Sie die Chance und setzen Sie jetzt auf die Nr.1. Rufen Sie uns an...

Как видим, *exordium* представлен в заголовке, причем каждая его часть находит свое выражение в отдельном предложении: *attentum parare* – в первом, *captatio benevolentiae* – во втором, на что указывает словосочетание *die Nr.1 der Vermögensverwalter*. Прототип данного рекламного текста определяется его доминирующей макрофункцией – представить в положительном свете организа-

цию и тем самым побудить реципиента обратиться к ней. Отсюда для реализации данной функции в слитном элементе *narratio + argumentatio* – собственно тексте, выступают такие дополнительные функции, как: сослаться на традицию – *ergneut*, и цитация других СМИ, причем авторитетных специалистов: ...im Report «Die Elite der Vermögensverwalter».

В качестве тактики персуазивной аргументации выступает один из приемов повседневной «обывательской» аргументации, а именно: заключение на основании сравнения типа $X > Y$: *Kein Institut erfüllt damit die Anforderungen... besser als unsere Vermögensverwalter*. Таким образом, имеет место имплицитное обращение к ценностям – надежность и качество организации, что в целом имеет следствием *captatio benevolentiae*.

Элемент *peroratio* представлен последним предложением текста и представляет собой такую стилистическую фигуру, как лексико-грамматический повтор заголовка: предложение представляет собой по грамматическому типу повтор второго предложения заголовка и в лексическом отношении – почти полный повтор второго и ключевое слово первого.

Следующий текст представляет собой рекламу швейцарского банка. Текст опубликован в бортовом журнале австрийских авиалиний *Skyline* Nr. 5, 2000.

Wir haben die Verwaltung von Vermögen zu unserem Beruf gemacht. Unsere Kunden profitieren vom Können ausgewiesener Spezialisten. Dabei sind wir am gemeinsamen, langfristigen Erfolg orientiert, persönlich in der Beratung, kompromisslos in der Redlichkeit, offen im Umgang und verankert in einem starken Team. Die Vonotobel-Gruppe betreut über ATS 600 Milliarden an Kundenvermögen und ist die einzige Schweizer Bank mit einer österreichischen Banklizenz. An einer Betreuung nach Schweizer Privatbanktradition interessiert? Dann rufen Sie uns an. Dr. Roland Hengartner, Vorsitzender der Geschäftsleitung, Bank Vonotobel Österreich AG

DIE SCHWEIZER BANK FÜR IHR VERMÖGEN

(далее следует фотография автора)

Bank Vonotobel Österreich AG

Данный текст представляет собой интерес как диффузный в отношении риторической структуры. Кроме *peroratio*, все остальные элементы рассеяны по всему тексту. Так, *exordium*, в котором выражены и *attentum parare*, и *captatio benevolentiae*, представляет собой уже и *narratio*. *Captatio benevolentiae* представлен в дальнейшем, то есть в *narratio*, таким словосочетанием, как *Unsere Kunden profitieren...*, синтагмой *Dabei sind wir am gemeinsamen, langfristigen Erfolg orientiert*, а также является следствием моральной аргументации – обращения к такой ценности как «ответственность»: *persönlich in der Beratung, kompromisslos in der Redlichkeit, offen im Umgang und verankert in einem starken Team*. Последнее представляет собой реализацию одной из дополнительных функций в рамках макрофункции – побудить реципиента обратиться в данную организацию, так как в ней подчеркиваются определенные качества организации. Этой же цели служит и такая дополнительная функция как «представить организацию как отличительную по отношению к другим аналогичным», что находит свое выражение в: *Die Vonotobel-Gruppe... ist die einzige Bank mit einer österreichischen Banklizenz*.

В то же время это и одна из составляющих *argumentatio*, а именно: прием заключения на основании сравнения (хотя и имплицитного). Из других приемов бытовой аргументации отметим заключение на основе причинно-следственных отношений: получение дохода клиентами данного банка обусловлено высоким уровнем профессионализма его работников: *Können ausgewiesener*

Spezialisten. Кроме бытовой аргументации, автор прибегает и к рациональной аргументативной стратегии: *Die Vonotobel-Gruppe betreut über ATS 600 Milliarden an Kundenvermögen...*

Peroratio данного рекламного текста представлен риторическим вопросом, реализующим основную макроинтенцию этого прототипа; здесь же находит реализацию и дополнительная функция в рамках макроинтенции вербально: номинация адресанта — одного из топ-менеджеров банка, и визуально — его фотография. Слоган представляет собой не только элемент peroratio, но и элемент captatio benevolentiae.

Русскоязычные тексты этого прототипа представлены в региональной и местной прессе. Текст в АИФ-Самара, № 6, 2010:

<p>Получить царский кредит наличными? 15% годовых в рублях</p>	<p><i>Естественно!</i></p> <p><i>Имеете ли Вы желание сделать ремонт в доме? Или же решили Вы съездить в отпуск, посмотреть дальние города и страны. Желаете ли вы рождения ребенка, и нужна новая мебель для детской? Для каждой Вашей цели даруем мы прекрасное средство — воистину царский кредит наличными.</i></p> <p><i>Преимущества кредита от ОТП Банка на любые цели: процентная ставка по кредиту — 15% годовых; Сумма кредита — до 400 000 рублей; Срок рассмотрения Заявки — 3–5 дней; Возможно досрочное погашение кредита.</i></p>
<p><i>Сумма кредита: 15000–400000 рублей РФ включительно. Срок кредита: до 6 месяцев. Единовременная плата по кредиту: 2% от суммы кредита. Ежемесячная плата по кредиту: не взимается. Возможно полное или частичное досрочное погашение кредита. Минимальная сумма досрочного погашения: 4000 рублей. Комиссия за досрочное погашение: не взимается. Обязательное обеспечение: поручительство физического лица (до 50000 рублей РФ вкл. — для филиалов ОАО «ОТП Банк», до 100000 рублей РФ вкл., для филиала «Санкт-Петербургский» и г. Москвы, возможно предоставление кредита без поручительства физического лица). Условия действительны на 25.01.2010. Генеральная лицензия № 2766. ОАО «ОТП Банк».</i></p> <p style="text-align: right;"><i>ОТП банк Доверяя друг другу</i></p>	

Прежде всего хотелось бы отметить типологическую двойственность данного текста, так как большая его часть представляет собой рекламу продукта. Имиджевая реклама представлена в заголовке, который реализует как *exordium* и *attentum parare* (в риторическом вопросе), так и *captatio benevolentiae* (в ответе на него), а также в слогане в результате обращения к такой ценности как «надежность», хотя она и не имеет прямой номинации.

Весь остальной текст представляет собой narratio, в котором каждая из основных функций прототипа «реклама продукта» находит свою реализацию в отдельном абзаце: информативная функция (кроме того, что продукт назван в заголовке) — в риторических вопросах, где реализуются такие дополнительные функции, как «показать возможности употребления» и «еще раз эксплицитно назвать продукт».

Макроинтенция побуждения к использованию продукта представлена в двух следующих абзацах и реализуется через дополнительную функцию — подчеркнуть определенные качества продукта. Здесь же представлен и элемент argumentatio,

а именно аргумент на основании сравнения, но не в прямой номинации, а имплицитно в лексеме «Преимущества», что в совокупности призвано реализовать элемент *captatio benevolentiae*.

Текст из локальной прессы («Курьер-Тольятти». № 7(530), 25 февраля 2010) аналогичен и в типологическом плане, и в структурном предыдущему, но с некоторыми особенностями в риторической структуре, что будет более явно после его приведения.

КРЕДИТЫ

БОЛЬШИЕ И МАЛЕНЬКИЕ

БЕЗ ЗАЛОГА И ПОРУЧИТЕЛЬСТВА

До 300000 рублей

ПЕРВОБАНК

Первый объединенный банк

www.PERVOBANK.ru

Генеральная лицензия ЦБ РФ № 3461

Открытое акционерное общество

«Первый Объединенный Банк»

Процентная ставка по кредиту – 22,9% годовых при сроках 6, 12, 24, 36 месяцев, и 24,9% годовых при сроках 48, 60 месяцев. Единовременная комиссия за выдачу кредита – 2% от суммы кредита (не менее 6500 рублей). Полное досрочное погашение – без моратория и комиссий. При несвоевременном погашении кредита взимается неустойка в размере 0, 5% в день.

Exordium текста представлен заголовком и подзаголовками; в первом реализуется *attentum parare*, во вторых – *captatio benevolentiae*, и именно и только в них представлена имиджевая реклама, ср.: «первый объединенный банк». В *narratio* реализуется информативная функция через дополнительные функции «описать продукт», «назвать содержательные стороны» и функция побуждения к действию через дополнительные функции «привести условия продажи», «назвать цену». Показательно отсутствие элементов *argumentatio* и *peroratio*.

Риторическая структура немецкоязычных текстов рекламы продуктов принципиально не отличается от таковой текстов имиджевой рекламы, но в частности – взаимосвязь макроинтенций и элементов риторической структуры, аргументативные стратегии и тактики – она характеризуется определенными особенностями.

OPIUM VON YVES SAINT LAURENT

EIN KLASSIKER DER VERFÜHRUNG

Erleben Sie jetzt bei Douglas, was Unwiderstehlichkeit bedeutet. Geraten Sie in den Bann eines sinnlichen und kostbaren Duftes, der alle üblichen Regeln der Verführung außer Kraft setzt, weil ihm jeder augenblicklich verfällt: OPIUM von YSL! Orientalisch, üppig, ultimativ weiblich. Seinerzeit eine gewagte Provokation, heute ein Klassiker der Verführung. Natürlich bei Douglas.

DOUGLAS macht das Leben schöner

В заголовке как *exordium* реализуются обе его части и одновременно информативная макроинтенция этого прототипа через дополнительную функцию – эксплицитное наименование продукта. Затем в слитном компоненте *narratio* + *argumentatio* сначала реализуется апеллятивная макроинтенция через дополнительную функцию обращения к эмоциональным ценностям, которые названы

эксплицитно: *Verführung, Unwiderstehlichkeit*. При этом используется бытовая аргументация на основе сравнения типа $X > Y$: *der alle üblichen... usw*, и аргументация причинно-следственной связи: само сравнение является следствием причины, выраженной в последующем предложении: *weil...* Здесь же реализуется и информативная макроинтенция в эпитетах *sinnlich, kostbar*, реализующих дополнительную функцию «назвать отличительные качества продукта».

Эта же макроинтенция реализуется и в дальнейшем тексте через дополнительные функции «описать свойства продукта: *orientalisch, üppig*», «представить продукт как отличительный по отношению к другим аналогичным»: *ultimativ weiblich. Seinerzeit eine gewagte Provokation... usw*. Последнее представляет собой аргумент на основе противопоставления (исключения) и является одновременно уже и частью *peroratio*, так как в языковом выражении это частичный повтор заголовка. В слогане как части *peroratio* обобщается содержание текста в виде элемента *captatio benevolentiae*.

Следующий текст — один из двух под шапкой

Kauftipps zu Weihnachten: Camcorder

Sony HDR

Sehr viel Platz für Filme in sehr hoher Bildqualität bieten die neuen Camcorder mit eingebauter Festplatte. Zum Aufnehmen und Speichern des Videos brauchen Hobbyfilmer damit keine Kassetten mehr. Ganz besonders gute Testergebnisse erreicht dabei das Modell Sony HDR SR7 S. Der Camcorder mit 60 Gigabyte grosser Festplatte schafft eine überzeugende Bildqualität, bietet zahlreiche Funktionen und lässt sich einfach über den berührungsempfindlichen Bildschirm bedienen. Auch die sonstige Ausstattung ist sehr gut. Als niedrigsten Preis für das Grundmodell findet die Preissuchmaschine Idealo 1014 Euro.

Текст представляет собой по преимуществу реализацию информативной макроинтенции через эксплицитное название продукта в заголовке и шапке, которые как *exordium* представляют его часть *attentum parare*, в *narratio + argumentatio* через дополнительные функции «показать возможности применения», «указать изготовителя», «перечислить свойства продукта». Все это в целом является имплицитной аргументативной тактикой — обращение к ценностям, а именно к качеству продукта. Эксплицитно эта ценность подставлена в такой дополнительной функции, как «процитировать результаты тестов», которая реализует и апеллятивную макроинтенцию. Кроме указанной моральной аргументации, в тексте представлена и бытовая аргументация на основе причинно-следственных отношений: первое предложение текста является причиной для следствия во втором предложении.

Элемент *peroratio* представлен заключительным предложением о цене, в котором присутствует и *captatio benevolentiae*.

В русскоязычных текстах этого прототипа преобладает какая-либо одна из макроинтенций, например, в следующем — информативная

Швейная машинка Мини

Очень удобна и проста в применении, работает от батареек или адаптера (220 В). Несмотря на небольшие размеры (25×20 см), она легко справится с различными видами тканей: от ситца до грубой джинсовки. Вы можете шить и подгонять одежду по фигуре, подшивать шторы и покрывала и многое другое. Сэкономит вам деньги и время на дорогой ремонт одежды. Швейная машинка имеет функции шитья и штопки, регулировку скорости. В комплект входит набор катушек с нитками, ножная педаль и адаптер.

Лот 30516 Цена 2289 руб.

Объявление имеет классическую для такого типа текстов реализацию риторической структуры *deposito*: заголовок — *exordium* (часть *attentum parare*); *exordium* продолжается и в первой части первого предложения, где находит выражение уже *captatio benevolentiae*, и вторая часть этого предложения начинает элементы *narratio* + *argumentatio*, в которых реализуется информативная функция через дополнительные «перечислить свойства продукта, описать внешний вид, описать способ употребления, назвать ситуации употребления». В результате в этой же части реализуется и элемент *captatio benevolentiae*, следствием чего может быть действие — заказ данного продукта, к чему призвано и высказывание «Несмотря на ее небольшие размеры...», которое представляет собой реализацию апеллятивной функции с помощью бытовой аргументации на основе противопоставления. Собственно *peroratio* отсутствует, названа только цена.

Следующий текст представляет собой реализацию апеллятивной функции

ПРОВЕРЕННАЯ НАДЕЖНОСТЬ КРЕДИТ

На вашем жизненном пути

Мы появились невзначай.

Куда идти и с кем идти —

Смелее выбирай.

Мы Вам несем уют, тепло,

Надежность, доброту, комфорт,

Чтоб снегом Вас не занесло

И согревало с этих пор.

Чтоб летний зной Вас обходил,

Шум не тревожил даже днем,

Наполнен светом дом Ваш был,

Уютно было в нем!

ТЕПЛЫЕ ОКНА

Заголовок представляет собой *exordium* с реализацией обеих его частей в силу эксплицитно названной рациональной ценности. Эксплицитная номинация эмоциональных ценностей, что и составляет содержание собственно текста, реализует апеллятивную функцию и выражает элемент *captatio benevolentiae*, который, собственно также призван побудить адресата к действию, к покупке продукта. Но сам этот продукт назван только в слогане с минимальной информативностью о его свойствах и т. п. Таким образом, наблюдается однозначная взаимосвязь между определенной аргументативной тактикой и реализацией определенной макроринтенции рекламного текста. Следовательно, в данном тексте отсутствует такой элемент риторической структуры, как *narratio* + *argumentatio*.

Итак, в немецкоязычных текстах имиджевой рекламы для *attentum parare* возможны две позиции, в русском — одна, но и там, и там — это часть *exordium*. Для *captatio benevolentiae* в текстах обоих языков три позиции, причем, либо в *exordium*, либо в *peroratio*. (Имплицитно, как следствие содержания *narratio* + *argumentatio* этот элемент присутствует и в последнем). *Peroratio* в немецкоязычных текстах представлен двумя содержательными компонентами, в русскоязычных — одним; показательна при этом возможность его отсутствия как такового.

Немецкоязычные тексты рекламы товаров в отношении *attentum parare* и *captatio benevolentiae* принципиально совпадают с первым прототипом, хотя и разнятся в частности. Русскоязычные тексты сходны с первым прототипом в отношении *attentum parare* и принципиально отличаются в отно-

шении *captatio benevolentiae*, так как этот элемент риторической структуры речи представлен в них только в *exordium*; это отличает их и от немецкоязычных текстов данного прототипа.

Элемент *peroratio* также отличает их, так как в слогане немецкоязычных текстов может содержаться и элемент *captatio benevolentiae*. В текстах обоих языков рациональная ценность представлена качеством, но в немецком – имплицитно, реализующаяся дополнительной текстовой функцией и как нечто интегративное, а в русском – эксплицитно и как составляющая часть этой ценности, а именно «надежность».

Как видим, в текстах этого прототипа представлены две стратегии: бытовая с ее тактиками моральной аргументации (и для русского, и для немецкого языков), и приемами, которых в немецком тексте больше, чем в русском. Кроме того, в первом присутствует и рациональная аргументативная стратегия.

Показательно почти полное отсутствие приемов аргументации в русскоязычных текстах обоих прототипов. Это наводит на мысль, что доказательство преимуществ своего продукта (в широком смысле) для русских рекламодателей не является приоритетной задачей. Отметим также, что для русскоязычных текстов рекламы продукта характерен резкий контраст: реализация только информативной функции, либо только апеллятивной. В немецкоязычных текстах этого прототипа вторая функция выражена либо слабее, либо обе реализуются в равной мере.

Сходства и различия между описываемыми объектами могут быть обобщены в следующих заключениях. Во внутриязыковом плане немецкоязычные тексты обоих прототипов характеризуются существенными различиями: 10 дифференциальных признаков против пяти общих, и это различие обусловлено различиями в их риторической структуре: семь дифференциальных признаков против двух общих, в то время как аргументация представлена количественно одинаково: три общих признака. Аналогичная картина наблюдается и для русскоязычных текстов, где различие еще более впечатляюще: пять дифференциальных признаков и только один общий, в основе чего лежит та же причина, что и для немецкоязычных текстов, хотя свою роль играет и разница в аргументации: также один общий признак против трех дифференциальных.

В межъязыковом плане прототип «Реклама продуктов» характеризуется динамичным равновесием сходств и различий: семь общих признаков и шесть дифференциальных. Напротив, прототип «Имиджевая реклама» характеризуется резким контрастом: 10 дифференциальных признаков против четырех общих. Такие различия коренятся, скорее всего, в экстралингвистической реальности.

Библиографический список

1. *Janich, N. Werbesprache. Ein Arbeitsbuch. 4. Auflage / N. Janich. – Tübingen : Günter Narr Verlag, 2005.*

КОННЕКТОРЫ *UND*, *ABER* И *DOCH* В ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

М.Ю. Виноградов

*В статье на примере противительных и сочинительных связей коннекторов **aber**, **doch** и **und** анализируется их роль в формировании модально-прагматического поля различных видов газетного дискурса.*

Ключевые слова: модально-прагматическая суперструктура, коннектор, дискурс, семантический уровень, синтаксический уровень.

В сфере высшего профессионального образования по иностранному языку изучению языка средств массовой информации отводится скромное место. Тем не менее умение работать с газетой является, на наш взгляд, важной составляющей профессиональной подготовки учителя. Это умение развивает такую профессиональную черту, как способность быстро ориентироваться в информационном поле. Развитие этой способности должно, в свою очередь, базироваться на знании структуры публицистического текста, которое позволит декодировать интенцию автора, нередко завуалированную. Настоящая работа посвящена анализу структуры публицистических текстов в модально-прагматическом аспекте, который выводит на интенцию автора.

Анализ газетных публицистических текстов на немецком языке показывает, что авторская интенция реализуется в них в рамках единой модально-прагматической суперструктуры (понятие впервые применено О.А. Костровой), которая на модально-прагматическом уровне соответствует понятию суперпредиката, введенному Ю.С. Степановым. Оба понятия имеют реляционный характер. Но если суперпредикат выражает отношение между грамматическими предикатами, то модально-прагматическая суперструктура полилингвистический компонент – отношение автора к высказыванию как целому речевому акту. В языковом плане модально-прагматическая суперструктура размыта. Она проявляется не только через использование традиционно модальных средств, таких как модальные глаголы и частицы, но и через употребление таких, казалось бы, далеких от модальности средств, как союзы, или коннекторы. Тем не менее оказывается, что именно коннекторы (сочинительные и подчинительные союзы) играют решающую роль в имплицировании прагматической модальности. Так, анализ частотности подчинительных союзов позволил О.А. Костровой выделить две основные разновидности модально-прагматической суперструктуры: объективирующую, в которой преобладают темпоральные союзы, и персонализирующую с преобладанием союзов причинного типа. Таким образом, объективация связывается прежде всего с темпоральной упорядоченностью, а персонализация – с аргументацией.

Вопреки распространенному мнению об объективности газетных текстов, мы придерживаемся другой точки зрения. На наш взгляд, газетные тексты, особенно тексты развернутого характера, обладают персонализированной модально-прагматической суперструктурой, имплицитно авторскую аргументацию. Выявляется эта суперструктура косвенно – через употребление сочинительных союзов-коннекторов. Мы рассматриваем коннекторы как средство членения

и сочленения информации, позволяющее управлять вниманием читателя и тем самым косвенно проявляющее авторскую позицию. Сочинительные коннекторы являются более мягким средством персонализации, чем подчинительные, так как они создают видимость относительной самостоятельности сочленяемых высказываний, вытекающей из их потенциальной грамматической самостоятельности. Однако и сочинительные коннекторы сохраняют или имплицитно значения, которые могут использоваться в аргументации. Например, противительные союзы используются как средство контраргументации. Соединительные союзы могут имплицитно означать оценочное или мотивирующее значения.

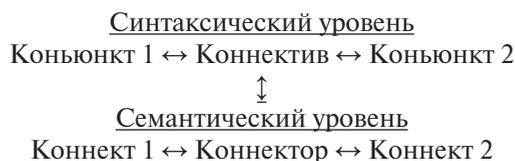
Предметом нашего исследования послужили коннекторы *aber, doch, doch* в газетном дискурсе. В качестве определения дискурса мы используем дефиницию, предложенную Ю.С. Степановым: «...дискурс — это язык в языке, но представленный в виде особой социальной данности. Дискурс реально существует не в виде своей «грамматики» и своего «лексикона», как язык просто. Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, — в конечном счете — особый мир».

В Германии проблемой коннекторов наиболее интенсивно занимается в институте немецкого языка в Мангейме Рената Паш (Renate Pasch). В своей работе мы используем определение коннекторов, данное этим автором. Коннекторами, по определению Р. Паш, являются элементы (x) со следующим набором признаков:

- 1) (x) не изменяется;
- 2) (x) не передает падежных признаков своему синтаксическому окружению;
- 3) (x) выражает специфическую двойную семантическую реляцию;
- 4) аргументами реляционного значения (x) являются пропозиции;
- 5) выражениями для аргументов реляционного значения (x) являются структуры предложения.

Формально первый признак (П1) проводит границу между коннекторами и группой изменяющихся частей речи (глаголов, прилагательных и существительных), второй признак отделяет коннекторы от глаголов и предлогов (от последних их отграничивает еще пятый признак П5), пятый признак (П5) исключает из сферы действия коннекторов инфинитивные обороты, такие как *schwierig sein, zu Hause bleiben*. Третьим критерием коннекторы отделяются от модальных слов, чье значение образует лишь один аргумент, как, например, *wahrscheinlich, vielleicht* или *leider*. Они направлены лишь на одну пропозицию, определяющую ценностную значимость факта. Четвертый критерий — аргументами реляционного значения (x) являются пропозиции — ставит своей целью исключить из сферы действия коннекторов соединение однородных членов предложения, таких как именные и глагольные группы.

Коннекторы являются элементами семантического уровня, которым на синтаксическом уровне соответствуют коннективы. Схематично это можно представить следующим образом:

Целью нашего исследования было проследить влияние типа дискурса на употребление коннекторов.

Для этого были выбраны три рубрики газеты «Die Zeit»: Politik, Wirtschaft и Feuilleton (политика, экономика и рубрика, посвященная аннотированию и рецензированию фильмов, выставок, спектаклей). Статьи данных рубрик мы рассматривали, соответственно, как политический, экономический и оценочный дискурсы. В качестве анализируемого материала были подобраны статьи объемом около 20/30, 70/80 и 150/200 газетных строк (малые, средние и большие), общим объемом 100000 знаков для каждой рубрики.

В качестве объекта исследования были выбраны 19 коннекторов, рассматриваемых У. Энгелем в разделе, посвященном тексту, в его «Deutsche Grammatik» (1988). Этими коннекторами являются: *aber, allerdings, bloss, denn, doch, eigentlich, freilich, immerhin, jedoch, naemlich, nun, nur, odter, schon, sicher, sondern, und, vielleicht, zwar*.

На первом этапе исследования частотности был проведен сплошной подсчет употребления коннекторов в каждой рубрике.

Результаты сплошной выборки следующие:

– из приведенного нами списка коннекторов наиболее употребительными явились коннекторы *aber, und, doch*. Другие коннекторы употреблялись гораздо реже. Это не позволило установить определенной зависимости между остальными коннекторами и дискурсом. На этом основании они были исключены из дальнейшего анализа;

– между объемом статьи и частотой употребления коннекторов не существует явно выраженной зависимости. Это особенно четко прослеживается на наиболее часто употребляемых коннекторах: частота употребления коннектора *und* в статьях различного объема показывает большую схожесть. Такая же тенденция наблюдается и на употреблении коннектора *doch*. Употребления коннектора *aber* не позволяет сделать такого однозначного вывода;

Politik Wirtschaft Feuilleton

	20–30	70–80	150–200	20–30	70–80	150–200	20–30	70–80	150–200
Aber	9	25	34	7	14	34	7	12	34
Doch	2	9	16	10	17	22	3	9	19
Und	16	25	54	18	28	48	23	37	89

– тип дискурса может влиять определенным образом на частоту употребления коннекторов *aber, doch, und*. Для рубрики Politik наиболее высока частота употребляемости коннектора *aber*, для *doch* такой рубрикой является Wirtschaft, для *und* – Feuilleton. Хотя доминирование употребления коннектора *und* очевидно, повышение частоты использования этого коннектора в статьях рубрики Feuilleton можно интерпретировать их повествовательным и описательным характером. События, описываемые в этой рубрике, не являются столь актуальными и носят развлекательный характер. Внутреннее спокойствие автора выражается в использовании меньшего количества высказываний, имеющих противительный характер. Наличие внутренней заинтересованности автора при описывании событий рубрик Politik и Wirtschaft (что выражается также в том факте, что данные рубрики помещаются в начале многих периодических изданий), иллюкутивная установка автора неким образом должна повлиять на мнение читателя, все это обуславливает повышенную частоту употребления коннекторов *aber* и *doch* в соответствующую

щих рубриках. Чем вызвана такая разница употребления *aber* и *doch*, предстоит еще выяснить. Возможно, причина кроется тоже в иллокутивной установке автора и в семантической нагрузке самих коннекторов.

В данной работе мы попытались ответить на вопрос, существует ли зависимость между дискурсивной направленностью текста и коннектором. На толкование и обоснование этой зависимости будет направлено наше дальнейшее исследование.

Библиографический список

1. Степанов, Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка / Ю.С. Степанов. — М., 1998.
2. Engel, U. Deutsche Grammatik. 2. Auflage / U. Engel. — Heidelberg, 1996.
3. Kostrova, O.A. Satz und Ausserung: einfach und complex; Lehrwerk zum Spezialkurs. — Samara: Verl. der paedagogischen Universitaet. 1998.
4. Mendosa, I. Zur Koordination im Russischen: u, a und da als pragmatische Konnektoren. Slavistische Beitrage. Band 338 / I. Mendosa. — Muenchen, 1996.
5. Pasch, R. Illokutionsstrukturtypen und Typen der Verknuepfung von Inhalten illokuti- ver Handlungen. In: Motsch, W. (Hrsg.) / R. Pasch. — 1987. — S. 119–161.
6. Pasch, R., BrauBe, U. Handbuch der deutschen Konnektoren (в рукописи).

Источники

«Die Zeit» N. 24–27, 43–48, 50–52 (1996); 1, 3–5, 7, 11, 13–15, 17–18 (1997).

УДК 811.112.2

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ СВЯЗНОСТИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В НЕМЕЦКОМ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Ф.У. Жаббарова

Статья посвящена проблеме связности текста. В ней рассматриваются лексические средства связи, являющиеся одним из способов репрезентации категории связности на материале немецкого научно-технического текста. В статье выявляются наиболее важные лексические средства связи.

Ключевые слова: когезия, категория связности, лексические средства, научный текст, анафорическая направленность, катафора.

Проблемы признаков текста, отличающих его от простого набора пред-
ложений, обсуждаются в работах как отечественных, так и зарубеж-
ных лингвистов (И.Р. Гальперин, Т.И. Николаева, Н.Д. Зарубина,
Н.П. Пешкова, Ф. Данеш, В. Дресслер, Р. Богранд и др.). При этом

существенное внимание уделяется таким важнейшим признакам текста, как связность и цельность. Категория связности наряду с категориями информативности, модальности, временной перспективы включается в число сугубо текстовых категорий, поскольку содержание любого речевого произведения излагается последовательно, линейно в цепочке взаимосвязанных предложений. В современном немецком языке используются различные средства внутритекстовой связи. Например, союзы, частицы, текстообразующие вводные конструкции (also, erstens, außerdem u. a.), лексические, грамматические и композиционные средства связи. Так, И.Р. Гальперин [1, с. 80] подразделяет средства когезии в тексте на грамматические, логические, ассоциативные, образные, композиционно-структурные, стилистические и ритмико-образующие. Средства связи могут объединять части высказывания в целое, представляющее собой группы высказываний с общей микротемой, отдельные высказывания в сверхфразовые единства, а сверхфразовые единства между собой.

В текстах разных функциональных стилей и видов преобладают разные средства текстовой связи. Так, для аналитических текстов ведущими будут логические и композиционные, а для информационных и описательных – лексические, грамматические, композиционные связи.

Доминирующим фактором организации языковых средств в научном стиле является их обобщенно-отвлеченный характер на лексическом и грамматическом уровнях языковой системы. Обобщенность и отвлеченность придают научной речи единую функционально-стилистическую окраску.

Что же касается лексики научного стиля, то для нее характерно широкое использование абстрактных слов, явно преобладающих над конкретными (Verdunstung, Gefrieren, Druck, Strahlung usw.). В отвлеченных и обобщенных значениях используются не только слова с абстрактной семантикой, но и слова, обозначающие конкретные предметы объективной реальности.

В научном изложении почти не употребляются слова, выражающие единичные понятия и конкретные образы. Обобщенно-отвлеченный характер речи подчеркивается также употреблением специальных слов типа *gewöhnlich*, *immer*, *stets*, *jeder* и т. д., например: *In der Natur kommen die Elemente gewöhnlich als Isotopengemisch vor* [3, с. 13]. В научной речи многочисленны и разнообразны по составу средства связи самостоятельных предложений, абзацев, разных по величине отрезков текста. Для связи высказываний и отдельных абзацев могут использоваться лексический повтор, указательные и личные местоимения 3-го лица, местоименные наречия (*dabei*, *dadurch*, *damit* u. a.), наречные слова (*dort*, *hier* u. a.), союзы (*und*, *deshalb*, *da*, *jedoch*, *oder* u. a.). Ср.: *die beiden Spaltprodukte und die zwei bis drei entstehenden Neutronen fliegen mit großer Geschwindigkeit auseinander. Dabei stoßen sie zunächst an Nachbaratome und geben dort einen Teil ihrer Energie ab* [3, с. 16].

В текстах научного стиля распространено такое своеобразное явление, как многократное употребление одних и тех же лексических единиц, прежде всего терминов. Действительно, научное общение невозможно без использования терминологии, поскольку в области науки и техники требуется максимально точное определение понятий и явлений действительности, отражающее точность и объективность научных истин и рассуждений. Повтор какого-либо слова или словосочетания, в научном тексте часто термина, служит языковым средством выражения общего компонента мысли и связывает отдельные фразы текста. Общий компонент мысли может называться одним и тем же словом,

т. е. используется буквальный лексический повтор. Например: Schwere Atomkerne zerlegen – das bedeutet: Atomkerne spalten. Heute weiß man, daß fast alle Atomkerne spaltbar sind [3, с. 14]. В данном случае номинативная цепочка складывается из термина Atomkern, выраженного именем существительным. Они могут состоять также из чередования термина и местоимения третьего лица: Das Material, das hierfür geeignet ist, heißt Moderator. Es muß einen hohen Anteil von Atomen mit niedrigen Atomgewicht aufweisen [3, с. 17]. Личные, относительные и указательные местоимения связывают два предложения, замещая какой-либо член предложения или указывая на содержание всего придаточного предложения, какой-то его части или даже целого отрезка текста. При построении номинативных цепочек используются также слова- синонимы, отношения гипоним-гипероним, гипероним-гипоним: Ein anderes und zugleich das älteste Anreicherungsverfahren, das insbesondere in den USA, Frankreich und Russland eingesetzt wird, ist das Diffusionsverfahren. Diese Methode ist jedoch bei weitem nicht so wirtschaftlich wie beispielsweise die Ultrazentrifuge [3, с. 27].

В формировании связности текста участвуют и номинативно-коммуникативные единицы, обладающие левосторонней (анафорической), правосторонней, в которых содержится указание на последующее – катафора, и двусторонней направленностью. Для лексического оформления левосторонней связи употребляются преимущественно сложные и производные слова, синонимы, гиперонимы, гипонимы. Текстовая связь с правосторонней направленностью может осуществляться посредством антонимов, слов с полярной семантикой (anders, umgekehrt, entsprechend, entgegengesetzt, Gegenteil u.a.), количественных и порядковых числительных. Ср.: Viele anspruchsvolle Komponenten, z. B. die Pumpen, sind praktisch gleich. Aber die Wärme wird anders erzeugt: Im Reaktor entsteht sie durch Kernspaltung [3, с. 2]. Номинативно-коммуникативными единицами, обладающими двусторонней направленностью, являются глаголы, вводящие речь, вопросительные наречия, отрицательные слова [2, с. 239].

Таким образом, к числу важнейших лексических средств связи могут быть отнесены различного рода повторы, используемые в научном тексте для многократного названия основных предметов и их отношений в нем. При этом связь осуществляется за счет постепенного развертывания темы, когда часть содержания предыдущего высказывания повторяется в последующих и становится отправной точкой дальнейшего развития мысли.

Библиографический список

1. *Гальперин, И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М., 1981.
2. *Einführung in die Grammatik und Orthographie der deutschen Gegenwartssprache / Von einem Autorenkollektiv unter Leitung von K.-E. Sommerfeldt, G. Starke, D. Nearius, 3., unveränderte Auflage.* – VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1985.
3. *Informationskreis Kernenergie Tulpenfeld 10, 5311.* – Bonn, 2001.

УДК 803.0-3(082)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

А.А. Волкова, Л.М. Сапожникова

Объектом исследования в данной статье являются прецедентные собственные имена, семантические параметры, частотность и характер их использования в немецких литературных художественных текстах XIX–XX вв.

Ключевые слова: прецедентность, имя собственное, прецедентное собственное имя.

В последнее время все больше внимания уделяется проблемам связи языка и культуры. Мультикультурный состав населения большинства стран мира обуславливает актуальность исследования данной проблематики и особенно вопроса понимания между носителями разных культур. Для успешного осуществления процесса коммуникации между представителями разных лингвокультур владение лишь вербальным кодом в ряде случаев является недостаточным без необходимых внеязыковых знаний, т. е. без необходимых элементов, входящих в когнитивную базу представителей той культуры, на языке которой ведется общение.

В связи с этим особое внимание уделяется изучению прецедентных феноменов вообще и прецедентных имен в частности, как одних из наиболее важных единиц когнитивной базы отдельного лингвокультурного сообщества [ср. Гудков, 2003]. Прецедентные имена, легко вплетаясь в «канву» влилингвистических знаний большинства представителей той или иной культуры, отражают многолетний коллективный опыт, а также особенности языковой картины мира отдельно взятой нации.

Исследуя прецедентные феномены разного уровня прецедентности, В.В. Красных отмечает, что в основе прецедентности данных феноменов лежит их известность всем представителям отдельного лингвокультурного сообщества и постоянно возобновляемая апелляция к ним как в устной, так и в письменной речи большинства членов данного сообщества [Красных 2003: 170]. Общеизвестность прецедентных феноменов для членов данного или других лингвистических сообществ указывает на их этноспецифический или общий для культурного ареала характер, а постоянно возобновляемая в разных культурах апелляция к ним на степень их актуальности в когнитивном плане.

В основе данной статьи лежит исследование употребления и функционирования прецедентных собственных имен (далее ПСИ) в немецких литературных художественных текстах XIX и первой половины XX веков. Особенности данного исследования заключаются в работе, помимо лексикографических источников, с электронным корпусом текстов немецкой художественной литературы XIX–XX веков. «Deutsche Literatur. Von Lessing bis Kafka». Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе в ходе работы с лексикографическими источниками было отобрано 24 СИ – антропонимы, которые могут быть классифицированы как ПСИ ввиду их общеизвестности и сформировавшегося у них минимализированного представления о признаках исходного номинанта, которое кодифицировано в словарях. Для этой цели были использованы лексикон «Eigennamen im deutschen Wortschatz» [Köster 2003] и словарь Duden. Bedeutungswörterbuch [Duden 2002].

Затем была проведена работа с электронным корпусом немецких литературных художественных текстов XIX–XX веврв. В ходе этой работы были исследованы частотность и особенности употребления отобранных ПСИ в художественных текстах различных периодов.

Все отобранные для последующего исследования СИ – антропонимы были разделены на две группы по характеру исходного ономастического объекта. В первую группу были отнесены 4 ПСИ, первоначальными носителями которых являются реальные исторические личности, упоминание о которых можно найти в исторических справочниках, учебной литературе, энциклопедиях и т. п. Отдельные свойства этих реальных исторических личностей легли в основу понятийности соответствующего ПСИ:

Casanova, Don Juan, Herostrat, Napoleon

Во вторую группу вошли имена ономастических объектов, существовавших лишь в мифическом (мифологическом, литературном) контексте (20 ПСИ)

▪ имена литературных персонажей (9 ПСИ): ***Blaubart/Blaubartskönig, Don Quichotte, Dulzinea, Kaliban, Mephisto, Robinson Crusoe, Romeo, Sancho Pansa, Tarzan***

▪ имена богов, титанов и героев мифов (6 ПСИ): ***Adonis, Apollo, Faun, Furie, Herkules, Megäre***

▪ имена библейских героев (2 ПСИ): ***Judas, Goliath***

Анализ семантических параметров исследуемых ПСИ показал, что семантика ПСИ мотивирована:

1) внешними признаками исходного номинанта:

Adonis, Apollo, Venus – внешнее совершенство и привлекательность носителя имени;

Tarzan, Goliath, Herkules – физическая сила, высокий рост, крепкое телосложение и выносливость носителя имени;

2) образом жизни, привычками:

Casanova, Don Juan – дамские угодники, герои-любовники, пользующиеся особой популярностью среди женщин;

Robinson Crusoe – живущий в дали от цивилизации, одинокий, предоставленный сам себе человек;

3) характером, поведением:

Furie, Megäre – взбалмошная, сварливая, склочная женщина, также часто используется для обозначения ревнивой женщины;

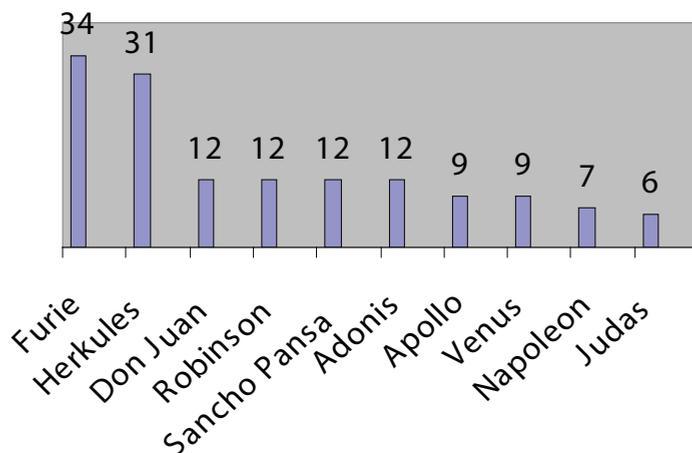
Judas – предатель, коварный, исполненный злобы человек.

Используя в своем произведении ПСИ, автор апеллирует к первоначальному носителю данного СИ, вызывая у читателей ассоциации с исходным номинантом. Таким образом, можно утверждать, что использование ПСИ в художественных текстах представляет собой обращение к культурным фоновым знаниям представителей отдельного лингвокультурного сообщества, отражает их национальные стереотипы и национальные ценности.

В ходе работы с электронным корпусом художественных текстов был проведен анализ частотности употребления отобранных ПСИ.

Результаты данного анализа отображены на следующей диаграмме:

Частотность употребления ПСИ в литературных художественных текстах 19-20вв.

На следующем этапе работы с корпусом художественных текстов были исследованы случаи употребления отобранных ПСИ в литературных текстах XIX и XX веков. Далее приведены примеры употребления наиболее частотных ПСИ.

Примеры употребления ПСИ в немецких литературных текстах XIX в.		
ПСИ	Число примеров	Пример употребления ПСИ в художественном тексте
<i>Furie</i>	34	«Dieses dritte Glas soll zum Andenken meiner unglücklichen Freundin ungenossen verschäumen...«Sibylle! <i>Furie!</i> » rief Wilhelm aus, indem er aufsprang und mit der Faust auf den Tisch schlug, «welch ein böser Geist besitzt und treibt dich?» [Goethe: Wilhelm Meisters Lehrjahre, S. 783]
<i>Herkules</i>	31	«Er griff in die Brust und glaubte, durch den himmlischen Beistand stark wie <i>Herkules</i> , die Schlangen erwürgt zu haben» [Meyer: Die Hochzeit des Mönchs, S. 103]
<i>Adonis</i>	12	«In diesem verworrenen Treiben, wo die Teller tanzen und die Gläser fliegen lernten, saßen mir gegenüber zwei Jünglinge, schön und blaß wie Marmorbilder, der eine mehr <i>dem Adonis</i> , der andere mehr <i>dem Apollo</i> ähnlich» [Heine: Reisebilder. Erster Teil, S. 80]

Примеры употребления ПСИ в немецких литературных текстах XX в.		
ПСИ	Число примеров	Пример употребления ПСИ в художественном тексте
<i>Robinson Crusoe</i>	12	«Aufs Haar gleicht sie einem unglücklichen Hausvater, den die Fluten des sonnabendlichen Scheuerns auf einen Stuhl am kalten Ofen geschwemmt haben, wo er sitzt – <i>ein neuer Robinson Crusoe</i> – mit Kind, Hund» [Rabe: Die Chronik der Sperlingsgasse, S. 165]
<i>Venus</i>	9	«Sieh jene weiße, die sich selig aufschlug und dasteht in den großen offenen Blättern wie <i>eine Venus</i> aufrecht in der Muschel...» [Rilke: Neue Gedichte, S. 91]
<i>Napoleon</i>	5	«Ihr Lächeln sagt es, das ganz unmotiviert ist, da wir Ernst machen«, sprach die Gräfin und kreuzte die Arme wie <i>Napoleon</i> » [Ebner-Eschenbach: Der Kreisphysikus, S. 29]

Исследование частотности употребления ПСИ в литературных художественных текстах XIX–XX веков показало, что палитра общекультурных ПСИ, используемых в художественных текстах XIX века, значительно богаче палитры ПСИ в текстах XX века. В художественных текстах XIX века представлены все из 25 исследуемых ПСИ, тогда как в текстах первой половины XX века зафиксированы случаи употребления лишь пять из исследуемых ПСИ. Данное обстоятельство можно объяснить изменением когнитивных приоритетов и снижением степени актуальности и когнитивной значимости классических общекультурных ПСИ. В то же время литература XX и XXI веков все больше оперирует ПСИ, источником которых является массовая культура (Rambo, Mickmaus и т. д.), прецедентность которых еще не кодифицирована на лексикографическом уровне.

Библиографический список

1. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. – М., 2003. – 288 с.
2. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Краснов. – М., 2003. – 376 с.
3. *Der Große Duden*. Bd. 4. Grammatik. – 1962. – 763 S.
4. *Duden*. Das Bedeutungswörterbuch. – 2002. – 1104 S.
5. Köster, R. Eigennamen im deutschen Wortschatz. Ein Lexikon / R. Köster. – Berlin : New York, 2003. – 196 S.

УДК 811.112.2.09

ФЕНОМЕН «НЕМЕЦКОГО РУССКОГО ГОВОРА»: К ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ

М.А. Ефремова, Т.В. Гречушникова

В статье изложены социальные условия, определяющие характерные черты языковой интеграции различных групп иммигрантов в Германии. Рассмотрены возникающие социолекты, их особенности и перспективы существования, влияние на развитие современного немецкого языка.

Ключевые слова: Германия, иммигрант, языковая интеграция, социолект, языковая интерференция.

Д ля 15,1 млн людей, населяющих Германию сегодня, характерно миграционное прошлое [1, с. 43]. Этнические немцы, в основном переселенцы из стран бывшего СССР (3 млн) [2], и представители мусульманской диаспоры (3,3 млн – 4% населения), в частности турки (2,6 млн) [3, с. 53], образуют самые значительные группы иммигрантов. Активная

политика переселения началась в 1988 году, пик пришелся на начало 1990-х годов. С 2005 года по сей день показатель принятых этнических немцев не превышает нескольких тысяч в год. Большая часть первых переселенцев владела немецким языком плохо или не владела им вообще. В результате в 1996 году в процедуру приема переселенцев были введены экзамены по немецкому языку [2]. Данная мера была призвана сгладить языковую интеграцию иммигрантов, однако ряд факторов предопределил формирование особой субкультуры и языка в их среде.

Причинами неполной языковой интеграции явились, во-первых, компактное заселение переселенцев, во-вторых, их стремление к обособлению в пока еще «чужой» стране. Наличие большого количества «земляков» позволило активно использовать русский язык, но немецкие реалии и немецкий вокруг также не могли не оказать влияние на язык иммигрантов. В результате формируется «немецко-русский» социолект, по определению М. Максимова, «немецкий русский говор» [4]. Для него характерна фонетическая, лексическая, семантическая и морфосинтаксическая интерференция. Словообразование происходит по правилам русского языка с использованием частей, заимствованных из немецкого лексем. Особенно этому процессу подвержены глаголы: *замельдоваться* нем. *sich anmelden* – зарегистрироваться; *митовать* нем. *mieten (die Wohnung)* – снимать, арендовать квартиру; *безухать* нем. *besuchen* – посещать. Устойчивые словосочетания часто полностью калькируются: *делать урлауб* нем. *Urlaub machen* – проводить отпуск; *поставить антраг* нем. *Antrag stellen* – подать заявление. Также встречаются прилагательные и служебные слова, не имеющие аналога в русском языке, например, нем. *doch, oder so* [4].

Важным явлением в «немецко-русском» социолекте становится заполнение лакун, т. е. процесс раскрытия смысла некоторого понятия, принадлежащего к чужой культуре. Например, «термин» нем. *Termin*, «монатскарте» нем. *Monatskarte*. В русском языке эквивалент этим словам можно найти: *Monatskarte* – месячный проездной билет, *Termin* – встреча в назначенное время, но употребление одного слова вместо нескольких гораздо удобнее. Важной функцией языка иммигрантов является также стилистическая: игра слов с целью создания коннотаций, понятных только носителю русского языка, например, слово «арбайтслёзы» (от нем. «*arbeitslos*» – безработный, правильное произношение [‘ар-байтс-лос]), обозначающее пособие по безработице, указывает на небольшой размер этого пособия – такой, что «хоть плачь» [4].

Данный язык носит неофициальный характер, однако на территории Германии выходит ряд русскоязычных печатных изданий, в которых данный смешанный язык используется. В 2008 году вышло второе издание «Толкового словаря современного немецкого русского говора» М. Максимова [5], что также говорит о приобретении социолектом определенного статуса. Со временем подобный смешанный язык становится не средством плавной, постепенной интеграции, а самоцелью, в том числе для создания комических проектов. Проект «Квеля» представляет собой кардинальное смешение немецкого и русского, на этом языке сочиняются песни, ведутся интернет-дневники. Существуют разные мнения по поводу происхождения названия этого проекта: от нем. *Quelle* – источник, либо от нем. *quälen* – мучить [6].

Существование «немецко-русского» говора дает возможность говорить о неполной языковой интеграции переселенцев, однако данная группа иммигрантов признана самой интегрированной в немецкое общество. Об этом свидетельствует их высокий образовательный уровень (28% имеют полное среднее образова-

ние, только 3% не закончили школу) и большое количество браков с коренными немцами (67%) [7]. Учитывая эти тенденции, можно ожидать скорого снижения актуализации «немецко-русского говора».

Хуже всех интегрирована группа турецких иммигрантов. В настоящее время в Германии живет уже третье поколение приехавших из-за нехватки рабочей силы в середине 1950-х годов «гастарбайтеров». Интеграция первого поколения была стихийной, неупорядоченной, у второго поколения она оказалась наиболее успешной. Однако третье поколение турецкой диаспоры представляет наибольшую проблему для страны. Отсутствие мотива интегрироваться связывают в первую очередь с религиозными различиями, радикализацией мышления, «желанием вернуться к своим корням» [8].

В результате неполноценной языковой интеграции иммигрантов возникают социальные диалекты, основанные на смешении грамматических и лексических особенностей языка немецкого и языка исторической родины. Такое слияние немецкого и турецкого языков получило название «Канак Шпрак» (Kanak Sprak). Название происходит от пренебрежительного обозначения немцами гастарбайтеров, прежде всего турецкого и арабского происхождения, «Kanake» [9]. Данный сленг уже не просто служит средством общения в районах локального расселения турецких иммигрантов, он выходит за рамки повседневной коммуникации, получая распространение в современной литературе, музыке и кинематографе. В 1995 году на этом социолекте выходит книга Ф. Займоглу «Kanak Sprak», выражающая мироощущение второго и третьего поколения иммигрантов в Европе [9]. Речь отдельных героев в современном немецком кино «Knockin' On Heaven's Door» (1997) и «Kanak Attack» (2000) будет непонятна носителям стандарта нормативного немецкого из-за активного использования героями «Канак Шпрак».

В «мультиэтнических» районах, где немецкий язык тесно соприкасается с языками иммигрантов, возник молодежный сленг «Киц» (Kiezdeutsch). Для него характерны упрощения и некоторые новшества с грамматической точки зрения, языковая изобретательность и креативность, а также активное употребление слов из языков иммигрантов: *wallah* (араб./тур.: ей-богу!; видит бог!), *abi* (тур.: старший брат, уважительное обращение к старшему по возрасту мужчине) [10].

Характер языковой интеграции иммигрантов определяется, прежде всего, социальными условиями. Этнокультурная однородность, локальное расселение, приверженность семейным традициям предопределили возникновение и активное развитие социолекта «Канак Шпрак». Молодежный язык мультиэтнических районов «Киц» демонстрирует, с одной стороны, языковую интеграцию иммигрантов, с другой, влияние языков их исторической родины на немецкий. «Немецко-русский говор», обусловленный социальными и психологическими факторами начального периода адаптации переселенцев, существует не только как необходимое средство коммуникации и самоидентификации непохожих на коренных немцев переселенцев из России, но уже и как область шуток, коннотаций, стилистически окрашенных высказываний. Однако желание быть включенным в немецкое общество, стремление получить образование, браки с представителями коренного населения способствуют скорейшей языковой интеграции. Это позволяет говорить о временном характере данного социолекта. Ввиду актуальности проблемы интеграции вообще, особенности и перспективы процесса языковой интеграции представляют большой интерес для лингвистов, будь то статус социолекта, социолект как признак самоидентификации и самопрезентации, как способ психологического взаимодействия с себе подобными и окружающими и др.

Библиографический список

1. Шайян, Ж. Германия: жить вместе / Ж. Шайян // Deutschland. – 2008. – № 5. – С. 43–45.
2. Вайц, В. Переселенцы в Германии: от бегства в никуда к интеграции по-русски / В. Вайц. – 2010. – <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,5170754,00.html> (27.01.2010).
3. Баде, К.Й. Ислам в Германии / К.Й. Баде // Deutschland. – 2008. – № 5. – С. 53–58.
4. Язык русских эмигрантов в Германии. – 2009. – http://ru.wikipedia.org/wiki/Язык_русских_эмигрантов_в_Германии (25.11.2009).
5. Толковый словарь современного немецкого русского говора. – 2008. – <http://www.nemrus.net/> (22.11.2009).
6. Deutschrussisch. – 2009. – <http://de.wikipedia.org/wiki/Deutschrussisch> (27.11.2009).
7. Исследование: лучше всех в немецкое общество интегрированы выходцы из бывшего СССР // Deutsche Welle. – 2009. – <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,3974353,00.html> (26.01.2010).
8. Погорельская, С.В. Мусульмане в Германии: Специфика интеграции / С.В. Погорельская // Актуальные проблемы Европы. – 2008. – № 1. – С. 147–176.
9. Kanak Sprak – 24 Mißtöne vom Rande der Gesellschaft. – 2009. – http://de.wikipedia.org/wiki/Kanak_Sprak_%E2%80%93_24_Mi%C3%9Ft%C3%B6ne_vom_Rande_der_Gesellschaft (25.11.2009).
10. Brammertz, C. Kreativität und Innovation: die multiethnische Jugendsprache Kiezdeutsch. – 2008. – <http://www.goethe.de/ges/spa/siw/de3645403.htm> (27.11.2009).

УДК 811.112.2:81'366.58

**ВРЕМЕННЫЕ ФОРМЫ
НЕМЕЦКИХ ГЛАГОЛОВ-ПОКАЗАТЕЛЕЙ
СРАВНИТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Г.Л. Денисова

В статье на материале немецкого языка исследуется семантика временных форм глаголов, организующих предложения со значением сравнения. Автор прослеживает связь между лексическим значением глаголов-показателей сравнительного отношения и значениями их временных форм.

Ключевые слова: сравнение, семантика, временные формы, компаративное высказывание.

Следует отметить, что все глаголы-показатели сравнительных отношений, овнешняющие в компаративном высказывании отношение между сравниваемыми представлениями (темой и эталоном), употребляются только во временных формах индикатива (табл. 1).

Таблица 1

Временные формы глаголов-показателей сравнительных отношений

Временные формы индикатива	В художественном тексте		В научно-популярном тексте		В учебном тексте		В энциклопедическом тексте		Всего примеров	
	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
Презенс	170	45,7	301	98,7	451	100	670	94,2	1592	86,6
Претеритум	188	50,5	3	1	—	—	39	5,5	230	12,5
Перфект	10	2,7	—	—	—	—	—	—	10	0,5
Плюсквамперфект	4	1,1	—	—	—	—	—	—	4	0,2
Футурум	—	—	1	0,3	—	—	2	0,3	3	0,2
Итого	372	100	305	100	451	100	711	100	1839	100

По нашим данным, приведённым в табл. 1, доминирующими временными формами глаголов-показателей сравнительных отношений являются: 1) в художественной литературе – претеритум и презенс индикатива, 2) научно-популярной, учебной и энциклопедической – презенс индикатива. Другие временные формы индикатива встречаются в высказываниях, организуемых глаголами-показателями сравнительных отношений, крайне редко. По нашим подсчётам, использование презенса индикатива в компаративных высказываниях составляет в художественной литературе 45,7, в научно-популярной – 98,7, в учебной – 100, в энциклопедической – 94,2%. Употребление претеритума в художественной литературе составляет 50,5, в научно-популярной – 1,0, в энциклопедической – 5,5%. Нам представляется, что преимущественное применение в компаративных высказываниях презенса и претеритума индикатива обусловлено семантикой финитных глаголов.

Вероятно, в связи с тем, что значение финитных глаголов с семантикой сходства/отличия, которые организуют компаративные высказывания, интерпретируется как свойство темы, они, как правило, выступают в форме качественного презенса: *Entsprechend ihrem Verwendungszweck werden unter Berücksichtigung der Holzarten Rohholz-Sortengruppen gebildet, die sich durch ihre Qualität und Abmessungen voneinander unterscheiden* [12, с. 240]. М. Регула называет этот вид презенса «Eigenschaftspräsens» [9]. Е.И. Шендельс считает, что качественный презенс можно охарактеризовать словами В.В. Виноградова, сказанными им по поводу сущности настоящего времени в русском языке. В.В. Виноградов отмечает, что глагол в форме настоящего времени обозначает некоторую данность, независимую от ограничений вида и времени, свойственность лицу или предмету, сочетаемость с субъектом. Он обозначает отношение, осуществляющееся вне ограничений во времени при всяких условиях и вследствие этого как бы присущее, свойственное субъекту [1, с. 570–517].

Е.И. Шендельс выделяет в значении качественного презенса две семы: «а) качественная характеристика – презенс обозначает действие или состояние, приписываемое данному субъекту как его качество, свойство; б) постоянство глагольного признака – действие не мыслится как соотнесённость с определённым моментом речи, а представляется неким постоянным признаком (если нет специальных указаний противоположного характера), независимым от момента речи. В этом значении глагол теряет свой динамический характер, мы не представляем

себе данного действия как заключённого в какой-то хронологической рамке, мы не думаем о протекании действия вообще» [3, с. 55]. Предполагается, что глагол в форме качественного презенса передаёт существенный, с точки зрения говорящего, постоянный признак субъекта. «Качественный презенс обозначает признак, длящийся столько, сколько существует субъект» [3, с. 57].

Применительно к признаку, устанавливаемому путём сравнения, формулировка, предложенная Е.И. Шендельс, требует некоторого уточнения. Вероятно, следует принять во внимание то, что качество может быть присуще объекту как на всём протяжении его существования, так и на каком-то этапе, качественно отличном от других этапов его существования. Так, в следующем высказывании речь идёт о качествах, свойственных лицу на вполне определённом этапе его развития: *Heute gleicht er sich wieder. Ein Mann, der nie aufgibt* [8, с. 297]. Изменение качеств лица позволяет разграничить этапы его жизни, сравнить качества, характерные для него в разное время. Поэтому, с нашей точки зрения, правомерно утверждение, что качественный презенс обозначает признак, имеющий место на всём протяжении существования предмета или на каком-то из этапов его существования, качественно отличном от предшествующих или последующих этапов.

Финитный глагол с семантикой сходства/отличия может употребляться в компаративных высказываниях в форме претерита: *Sie hob sich von anderen durch ihre ruhige Art ab* [7]. *Da wir zum Brotausfahren einen Planwagen benutzten, glich das Fuhrwerk, mit dem wir nun ins übernächste Dorf fahren, schon eher einem Zirkusgefährt* [11, с. 120]. Такой претерит характеризуется Е.И. Шендельс как презентный претерит. Ему свойственно обозначение действий или состояний, совпадающих с моментом речи.

В компаративных высказываниях возможно употребление финитного глагола с рассматриваемой семантикой в форме перфекта: *Seine Behauptungen haben nicht gestimmt* [5]. Е.И. Шендельс говорит в подобных случаях о дистантном перфекте. Она выделяет в его значении следующие семы: «прошедшее время или препозиция действия по отношению к моменту речи, дистантность по отношению к моменту речи» [3, с. 69]. Набор сем дистантного перфекта таков, что он может обозначать как законченное, так и длительное действие или состояние. «Отсутствие границы, отделяющей момент речи от предшествующего временного отрезка, делает возможным эффект длительности» [2, с. 69]. Употребление в данной форме финитных глаголов-показателей сравнительных отношений мы связываем с возможностью представления состояния как длительного. Такое смысловое содержание временной формы не противоречит лексическому значению глаголов, которые в компаративном высказывании представляют отношение между объектами как качество, свойство.

В компаративных высказываниях финитные глаголы сходства/отличия могут употребляться в форме плюсквамперфекта: *Früher hatte der Garten einem Schmuckkästchen geglichen* [6]. Мы определяем плюсквамперфект в компаративных высказываниях как дистантный, предшествующий плюсквамперфект. В его значении выделяются семы: «прошедшее время», «предшествование по отношению к другому действию», «дистантность». «Как и в дистантном перфекте, сема «пересечённость» не выражена, так как отсутствует временная граница между двумя сменяющимися друг друга действиями» [3, с. 74].

Очень редко финитный глагол в компаративных высказываниях употребляется в форме футурума: *Der Täter wird identisch sein mit dem Gesuchten* [4, с. 197]. В данном высказывании футурум обозначает факт, который будет иметь место в будущем.

Названные временные формы, в которых может быть употреблён глагол с семантикой сходства/отличия в компаративном высказывании, находятся во взаимодействии. Рассмотрим взаимодействие временных форм, свойственное финитным глаголам в компаративных высказываниях, которые организуются глаголами сходства/отличия.

Отношение презенса и претерита индикатива в компаративных высказываниях можно классифицировать как синонимию. Областью употребления претерита, как правило, является художественная литература (табл. 1): авторская речь, внутренние монологи персонажей. «Синонимия презенс – претерит ограничена внутренней речью, что объясняется особенностями этой импрессионистской формы, когда повествование переносится в сферу сознания персонажей со своими локально-временными координатами» [3, с. 83]. Претерит как бы «теряет свою сему «прошедшее время» и под давлением внешних лексических показателей и стилистических условий становится равнозначным презенсу» [3, с. 83].

Финитные глаголы в формах перфекта, плюсквамперфекта и футурума индикатива в компаративных высказываниях, в отличие от презенса и претерита индикатива, обладающих семой «совпадение с моментом речи», объективируют представление о состоянии, не совпадающем с моментом речи. Они употребляются при описании факта сходства/отличия в прошлом и будущем. Вместе с тем у дистантного плюсквамперфекта и футурума обнаруживается общее свойство с качественным презенсом. В их семантической структуре отсутствует смысловой элемент, который бы указывал на границу, отделяющую момент речи от предшествующего или последующего временного отрезка, поэтому финитный глагол и в этих формах может представлять результат сравнения как качество или свойство объектов.

Иными словами, факт сходства/отличия в этих случаях может представляться как свойство или качество и носит вневременной характер. Однако, являясь качеством объектов, конечных во времени, факт сходства/отличия может относиться к настоящему, прошедшему или будущему отрезку времени. Поэтому относительно момента сказывания результат сравнения заключается во временные рамки. Если результат сравнения констатируется в момент сказывания, то в компаративных высказываниях употребляется форма презенса: *Da er in eine Furche gefahren wurde und ganz schief nach rechts hängt, die Vorräder unnatürlich verdreht eingeschlagen, ähneln er den bewegungslosen, ausgebrannten Fahrzeugen ringsum* [10, с. 255]. Если результат сравнения будет констатирован после момента сказывания, то в компаративном высказывании употребляется футурум.

Таким образом, глаголы с семантикой сходства/отличия употребляются в компаративных высказываниях преимущественно в форме качественного презенса и презентного претерита. Глагол в форме качественного презенса передаёт существенный, с точки зрения говорящего, постоянный признак субъекта. Презентный претерит обозначает в рассматриваемом случае результат сравнения, совпадающий с моментом речи. Выбор временных форм перфекта, плюсквамперфекта и футурума индикатива предопределяется двумя факторами: моментом констатации результата сравнения и необходимостью согласования временной формы финитного глагола с временной формой, в которой осуществляется повествование. Набор сем перечисленных временных форм позволяет обозначать как представление о законченном, так и о длительном действии или состоянии. Такое смысловое содержание временных форм не противоречит лексическому значению глаголов, представляющих отношение между объектами как качество, свойство.

Библиографический список

1. *Виноградов, В.В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов; подгот. В.А. Белошапкова и Н.Н. Прокопович. — 2-е изд. — М.: Высш. шк., 1972. — 614 с.
2. *Натанзон, М.Д.* Относительное употребление времён в современном немецком языке / М.Д. Натанзон. — М., 1948.
3. *Шендельс, Е.И.* Многозначность и синонимия в грамматике: на материале глагольных форм современного немецкого языка / Е.И. Шендельс. — М.: Высш. шк., 1970. — 204 с.
4. *Deutsche Sprache.* Kleine Enzyklopädie / hrsg. von W. Fleischer, W. Hartung, J. Schildt, P. Suchsland. — Leipzig: Bibliograph. Institut, 1983. — 724 S.
5. *Kempcke, G.* Handwörterbuch der deutschen Gegenwartssprache: in 2 Bänden / unter der Leitung von G. Kempcke. — Berlin: Akademie, 1984. — 1399 S.
6. *Klappenbach, R.* Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache: in 6 Bänden / Hrsg. R. Klappenbach und W. Steinitz. — B.: Akademie, 1981–1985. — 4578 S.
7. *Müller, W.* Duden. Bedeutungswörterbuch / hrsg. u. bearb. von W. Müller. — 2., völlig neu bearb. u. erw. Aufl. — Mannheim; Wien; Zürich: Bibliograph. Institut, 1985. — 797 S.
8. *Neutsch, E.* Auf der Suche nach Gatt / E. Neutsch. — Halle (Saale): Mitteldeutscher Verlag, 1973. — 200 S.
9. *Regula, M.* Grundlegung und Grundprobleme der Syntax / M. Regula. — Heidelberg: Winter, 1951. — 202 S.
10. *Steinberg, W.* Wasser aus trockenen Brunnen / heraus. von H.D. Tschörtner. — Halle; Leipzig: Mitteldeutscher Verlag, 1982. — 567 S.
11. *Strittmatter, E.* Nachtigall-Geschichten / Reihengestaltung von L. Reher. — Leipzig: Philipp Reclam jun., 1987. — 333 S.
12. *Technik.* Kleine Enzyklopädie / Herausg. J. Jentzsch, H.-D. Junge, G. Kohblanck, H. Schubert; Gutachter Ch. Weißmantel. — Leipzig: Bibliograph. Institut, 1980. — 752 S.

УДК 803.0

**ИНФЕРЕНТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ
МОДАЛЬНОГО ГЛАГОЛА *MÜSSEN***

Р.Д. Шакирова

В статье рассмотрена инферентивная функция модального глагола müssen. Установлено, что, помимо маркирования эпистемической модальности, глагол müssen обозначает в высказывании одновременно инферентивную информацию. Выделены ситуации, в которых глагол müssen употребляется в инферентивном значении.

Ключевые слова: *эвиденциальность, инференциальность, логическое умозаключение, логический вывод, модальный глагол müssen, реконструкция, перцептивная деятельность, говорящий.*

Отмечаемое в последние десятилетия повышение интереса лингвистов к категории эвиденциальности можно, вероятно, связать с ее универсальностью. Несмотря на то, что не все языки имеют специализированные грамматические формы, главным образом морфологические средства, базирующиеся на формах перфекта, для экспликации эвиденциальной семантики, она обнаруживает себя в таких, казалось бы, далеких от этой категории языках, как немецкий язык. В настоящей работе анализируется инферентивное значение немецкого модального глагола *müssen*, выбор которого в качестве предмета исследования обусловлен его высокой частотностью.

В силу того, что инференциальность рассматривается как подтип эвиденциальной семантики, уточним в первую очередь само понятие эвиденциальности. По утверждению Н.А. Козинцевой [Козинцева, 1994: 93], одной из первых в отечественной лингвистике обративших серьезное внимание к категории эвиденциальности, семантику высказываний с эвиденциальным значением можно представить как содержащую рамочную (EV) и пропозитивную части (P): *Г* сообщает, что [*X* видел/полагает/узнал, что] *P*, где *Г* – говорящий, *X* – субъект модуса EV («хозяин» информации). Сама информация приобретает посредством: а) чувственного восприятия; б) логического умозаключения, в) сообщения. Согласно В.А. Плунгяну [Плунгян, 2000: 321], в сфере эвиденциальности находятся значения эксплицитного указания на источник сведений говорящего относительно сообщаемой им ситуации. Как видим, эвиденциальная семантика связана с эксплицитным обозначением источника информации говорящего, на базе которого строится его высказывание.

Говоря о понятии инферентива, который в переводе с английского слова *inference* означает «вывод, заключение», необходимо отметить относительное единодушие лингвистов в его понимании. Будучи подтипом эвиденциальной семантики, инференциальность соотносится с эксплицитным обозначением в высказывании информации, полученной посредством логического умозаключения на основе сенсорного наблюдения или жизненного опыта говорящего.

Хорошо известно, что не все языки обладают особыми грамматическими формами для выражения инференциальности, как, впрочем, и эвиденциальности в целом. Между тем языки, в которых отсутствуют такие средства, передают инференциальную семантику совмещенно с другими, близкими и не очень близкими значениями. Например, помимо обозначения в высказывании модальности достоверности, немецкие модальные глаголы во вторичной функции эксплицируют инференциальное значение.

Своеобразие глагола *müssen* заключается в том, что в противоположность другим маркерам инференциальной семантики, к которым, помимо модальных глаголов, мы причисляем также модальные слова, полумодальный глагол *scheinen*, он уместен как в ситуации реконструкции события на основе наблюдения косвенных данных, так и в ситуации логического умозаключения без опоры на перцептивную деятельность.

О реконструкции ситуации можно говорить в том случае, когда событие восстанавливается говорящим по косвенным данным, которые можно созерцать на протяжении определенного времени после того, как само событие уже произошло. При этом говорящий, не будучи свидетелем восстанавливаемой ситуации, делает логический вывод о сообщаемом лишь благодаря восприятию «следов», которые остались на месте «происшествия». В следующем высказывании посредством оптического наблюдения ситуации главный герой произведения

реконструирует картину случившегося, а именно: через окно в комнату влетел дрозд: *Ich trete in die Türöffnung, der Hund steht auf, ich halte ihn am Halsband. Alles, was ich sehe, ist eine dicke Amsel, die unter dem Fenster sitzt, aufgeplustert zu einem schwarzen Federball, aus dem vorne der orangefarbene Schnabel heraussticht. Sie muss gegen das Fenster geflogen sein, obwohl das Glas kaum durchsichtig ist und jede einzelne Scheibe die Topflappengröße nicht übersteigt* (J. Zeh «Adler und Engel»). В другом примере ситуация восстанавливается на базе визуального восприятия следов, появившихся от непотушенной сигареты: *In den Lackmantel auf Höhe der Seitentasche ist ein riesiges Loch geschmolzen... Sie steckt die Hände in die Taschen, aus Verlegenheit. Die Rechte kommt durch das Loch gleich wieder zum Vorschein. «Hast du geraucht?»...«Nein, gelesen», sagt Bertha. «Und geraucht, im Bett». «Du mußt vor dem Einschlafen deine brennende Zigarette in die Tasche gesteckt haben»* (J. Kuckart «Die schöne Frau»).

Однако не всегда перцептивная деятельность сопутствует логическому умозаключению говорящего. Без опоры на чувственное восприятие действительности говорящий делает логический вывод, исходя из своего жизненного опыта. Так, в следующем примере говорящему предлагается работа. Этот факт становится предпосылкой для логического вывода о том, что сосед слышал об отсутствии у него работы: *Ein paar Wochen danach rief mich Thomas Steuber an, unser früherer Nachbar, und fragte, ob ich ihm einen Jahreswagen, einen 5er BMW, in Gröbenzell bei München abholen könnte. Er bot mir zweihundertfünfzig Mark dafür, plus Spesen, plus Fahrtkosten. Er mußte gehört haben, daß ich arbeitslos war* (I. Schulze «Simple Stories»). В другом случае говорящий делает логический вывод о том, что в доме должен быть главный выключатель на основе своего жизненного опыта, другими словами, личного знакомства с такой ситуацией в прошлой жизни: *Als genug Holz neben dem Kamin lag, fragte Phil: «Funktioniert der überhaupt?» «Das werden wir sehen. Laßt uns auf die Suche gehen, solange wir Licht haben. Habt ihr auch gemerkt, dass die Schalter nicht gehen? Irgendwo muß ein Hauptschalter sein, aber ich habe ihn noch nicht gefunden...»* (B. Schlink «Die Heimkehr»).

Касательно модального значения достоверности, отметим, что глагол *müssen* обозначает одновременно высокую степень уверенности говорящего в вероятности сообщаемого события.

Итак, модальный глагол *müssen*, наряду с маркированием эпистемической модальности, сигнализирует о том, что высказывание сформулировано на базе логического умозаключения говорящего, посылками для вывода которого послужили либо его перцептивная деятельность, либо его жизненный опыт.

Библиографический список

1. Козинцева, Н.А. Категория эвиденциальности (проблема типологического анализа) / Н.А. Козинцева // Вопросы языкознания. — 1994. — № 3. — С. 93.
2. Плунгян, В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: учеб. пособие / В.А. Плунгян. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — С. 322-324.

УДК 811.112.2.09

КОНЦЕПТ «СКОРОСТЬ И ТЕМП» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА ПИСАТЕЛЕЙ РАННЕГО НЕМЕЦКОГО ЭКСПРЕССИОНИЗМА

К.С. Опарина

Статья представляет собой исследование, выполненное в рамках когнитивной лингвистики. В данной статье исследуется структура и своеобразие языковой объективации концепта «скорость и темп» в малой прозе раннего немецкого экспрессионизма.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт, лексико-семантическое поле, художественная картина мира, немецкий экспрессионизм, малая проза.

В начале XX века произошла смена научной парадигмы в сторону акцентирования ее на антропоцентризме. Научный интерес обратился ко всем сферам существования человека, в том числе и к его мышлению, как одной из наиболее важных областей его ментальной деятельности. Таким образом, развитие как отечественного, так и зарубежного языкознания характеризуется бурным развитием когнитивной лингвистики.

Мышление выражается не только в языке, но в первую очередь в нем. Следовательно, получить доступ к механизмам мышления наиболее возможно через изучение отражения его в языке.

В последнее время в когнитивной лингвистике наблюдается повышенный интерес к художественной картине мира. Актуальность данного понятия объясняется тем, что изучение художественной картины мира позволяет с наибольшей полнотой исследовать закономерности функционирования внутреннего мира художественного произведения как отражения национальной и индивидуально-авторской концептосферы, а следовательно, максимально всесторонне проанализировать функционирование сознания определенной языковой личности, что является первоочередной задачей когнитивной лингвистики.

Носителем художественной картины мира выступает творческая языковая личность, создающая текст художественной литературы. Картина или образ мира любого носителя языка включает в себя его языковую картину мира. Неотъемлемой и важной частью языковой картины мира, в свою очередь, является художественная картина мира индивида, которая кодируется в сознании с помощью концептов.

Немецкий экспрессионизм в литературе, чьи временные рамки пришлось на период с 1910 по 1925 год, до сих пор открывает исследователям широкие перспективы в сфере уникального языка основных категорий эстетики экспрессионизма. В данном исследовании нас в первую очередь интересуют понятие витализма, связанное с ним выдвижение экспрессионистами на первый план категории движения с высокой скоростью и высокий темп жизни как единственная возможность существования человека. Особенно перспективным в этом плане является этап раннего немецкого экспрессионизма, завершившийся с началом Первой мировой войны.

Писатели, создававшие свои произведения в этот период, вынуждены были творить в условиях ожидания катастрофы, грозящей уничтожить их привычный

мир, что и произошло на самом деле. Это заставляло писателей-экспрессионистов спешить изо всех сил в их стремлении выразить свои идеи и донести их до сознания общества особым языковым кодом. Жажда перемен пронизывает все творчество представителей раннего немецкого экспрессионизма. Так, Г. Гейм записал в дневнике в 1910 году: «Geschähe doch einmal etwas. Würden einmal wieder Barrikaden gebaut. Ich wäre der erste, der sich darauf stellte, ich wollte noch mit der Kugel im Herzen den Rausch der Begeisterung spüre» [7].

Известный исследователь австрийского и немецкого экспрессионизма Н.В. Пестова констатирует в своей монографии «Случайный гость из готики»: «В социальном поведении экспрессионистского поколения манифестируются то же радикальное отрицание существующих общественных форм, тот же воинственный индивидуализм, та же приверженность к эпатажности и провокации, шокированию публики, которые составили мировоззренческую этическую и эстетическую доминанту всех параллельных и последующих национальных и интернациональных авангардных движений» [2, с. 60].

Натурализм и его язык, по мнению представителей зарождающегося экспрессионизма, изжили себя не только как направление в искусстве, но и как своего рода онтологическая парадигма, на основные категории которой опирались многие предыдущие поколения европейцев и, в частности, немцы и австрийцы.

Один из важнейших представителей раннего немецкого экспрессионизма К. Эдшмид писал в своем труде «Über den dichterischen Expressionismus»: «Die Welt <...> im letzten Zucken, im eigentlichsten Kern aufzusuchen und neu zu schaffen, das ist die größte Aufgabe der Kunst». «Ein «neues Weltbild» mußte geschaffen werden, das nicht mehr teil hatte an jenem nur erfahrungsgemäß zu erfassenden der Naturalisten, nicht mehr teil hatte an jenem zerstückelten Raum, den die Impression gab, das vielmehr »einfach« sein mußte, eigentlich, und darum schön» [5, S. 59]. Экспрессионисты призывали не просто к отказу от некоторых художественных категорий эстетики натурализма, а к созданию принципиально новой картины мира, что должно было повлечь за собой кардинальные изменения в искусстве, в первую очередь в литературе и в художественном языке.

Как уже было упомянуто выше, в данной статье анализируется структура и способы речевой объективации концепта «скорость и темп». Анализ проводится на материале трех рассказов Г. Гейма и К. Эдшмида «Йонатан», «Корабль», и «Смертельный май».

Как было выяснено в ходе исследования, данный концепт по структуре представляет собой сегментный концепт (классификация И.А. Стернина). Данный концепт включает в себя ядро, содержащее базовый образ и окруженное несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции.

Представляется весьма эффективным анализировать репрезентанты концепта с помощью полевого подхода.

Первоначально понятие поля восходит к трудам В. Гумбольдта и Г. Остгофа. В дальнейшем, полевой подход разрабатывался такими известными лингвистами, как Л. Вейсгербер, Й. Трир, Г. Ибсен, В. Порциг, А. Йоллес, Ф. Дорнзейф, Г.С. Щур, А.А. Уфимцева и др.

Полевой подход к изучению лексики предполагает выделение ядра, к которому относятся лексемы, наиболее соответствующие выполнению функций поля, и периферии.

Ядро данного концепта содержит в себе концептуальный признак «механическое движение, перемещение в пространстве с высокой скоростью»

и репрезентируется лексическими единицами, семантика которых содержит в себе сему «движение с высокой скоростью», в основном, глаголами. В общей сложности в тексте трех исследуемых рассказов было обнаружено 191 глагол с семантикой движения.

Глаголы с семантикой движения составляют ядро ЛСП «скорость и темп», что показал количественный анализ текста рассказа. Данные глаголы были подразделены нами на основе семантического анализа их словарных дефиниций на три микрополя. В качестве интегрального семантического признака здесь выступает сема «интенсивность движения».

1. Микрополе «движение с высокой скоростью»:

springen, herausspringen, aufspringen, (hinaus)laufen, zusammenlaufen, hinüberwerfen, entgegenwerfen, werfen, sich herumwerfen, schleudern, rennen, (herum), rasen, schüteln, zittern, auffahren, sich zusammenziehen, jagen, greifen, sich losreißen, herausreißen.

2. Микрополе «движение с умеренной скоростью»:

bewegen, sich bewegen, bewegt (sein), In Bewegung kommen, blähen, defilieren, dehnen, gehen, fortgehen, dahingehen, hinübergehen, hinausgehen, herauspressen, sich heben, (hinein)schwanken, schwanken, umdrehen, verdrehen, verschwinden, vorbeiziehen, sich zusammenziehen zurücksinken, schwingen, schweben, kreisen, sich legen, fahren, kommen, hereinkommen, herunterkommen, sich drehen, sich herumdrehen, sich umdrehen, sich umdrehen, sich aufheben, kriechen, heraufkriechen, herunterkriechen, heruntersteigen, ziehen, heraufziehen, winken, sich schleppen, voranfliegen, ausstrecken, tanzen, schlingern, schaukeln, heraustragen, verschwinden, sich herumdrehen, kreisen, sich heben, legen.

3. Микрополе «отсутствие скорости»:

liegen, ruhen.

Причисляя глаголы с семантикой движения к центру ЛСП «скорость и темп», мы опирались на утверждение В.В. Виноградова, что глагол является наиболее сложной и всеобъемлющей семантической и грамматической категорией [1, с. 422].

Любой вид движения, в нашем случае это движение с различной скоростью, наиболее полно может быть выражено глаголом.

Манифестированное во всех программных произведениях экспрессионистов (К. Пинтус, Ф. Верфель) утверждение о том, что неподвижность — есть смерть, сначала духовная, затем физическая, выразилось в жизненной концепции главного героя рассказа «Смертельный май» [6, с. 192].

Главный герой не в состоянии двигаться спокойно и равномерно. Его убежденность в том, что жизнь есть ничто иное, как вечное движение с высокой скоростью, переносится из виртуальной сферы в реальную жизнь. Главный герой, офицер, находящийся из-за ранения в госпитале, одержим идеей, что он не может остановиться ни на секунду, иначе ему угрожает смерть. Именно поэтому, всего его перемещения в пространстве быстры, нервны и хаотичны: «*Der Maler sprang heraus mit zwei geschossenen Lapins und die Augen voll Träumerei von Frauen, mit denen ihn die Einsamkeit der Heide überfallen hatte*» [DtM, S. 94].

То же самое мы наблюдаем и в рассказе Г. Гейма «Йонатан». Главный герой из-за перелома обеих ног находится в больнице в практически неподвижном состоянии. Однако больше, чем неподвижность, его мучает страх одиночества, заброшенности и грозящей смерти, что для Г. Хайма является одной из основополагающих категорий его эстетики как важнейшего представителя экспрессионизма. Конечно же, Йонатан не может встать с кровати, он вообще едва ли в состоянии двигаться физически. Однако читатель вместе с главным героем словно погружается в атмосферу постоянного движения. Это движение является совершенно

особенным. Оно не является целеустремленным движением к какой-либо цели, а скорее напоминает бесконечное падение в никуда, в смерть: *«Er hielt den Atem vor Schmerzen an, er sog ihn in sich hinein. Und dann, dann brüllte er aus voller Kehle ein furchtbares Uuuu Aaaa. Wie der Tod über dem Haus raste»* [J. S. 18].

К периферии данного концепта были отнесены следующие сегменты:

1) «физиологические/медицинские характеристики: конвульсивные движения, судороги, быстрый обмен веществ, быстрый ток крови в организме».

Так, герой К. Эдшмида ищет лишь выражения самого себя, воспринимая свое существование как нечто доведенное до экстаза, до предела собственного бытия. Он находит возможность самореализации в мире приключений, демонстрации силы, «в мире сильных мужчин, которые подчиняются своему демону» [3. S. 27], которые готовы, преодолевая боль и смерть, вознестись на вершину эмоций: *«Er füllte sich von heißester Erregung in starre Kälte geschleudert und dann von neuem beifender Hitze entgegengeworfen. In seiner Brust wütete ein Orchester, Orgeln brannten auf und in langen, grausamen Voluten hoben sich die Bläser zu einem furchtbaren Stoß»* [DtM S. 92];

2) «образ танцующей женщины/молодой девушки как источника живительной силы».

Особенно интересными для дальнейшего понимания текста являются отрывки, где природа представляется в виде женских образов. Образ женщины или девушки символизирует плодородие, живительную силу природы, начало новой жизни, но эта жизнь не может находиться в статичном состоянии, поэтому все «составляющие жизни» обладают высокой скоростью.

К. Эдшмид четырежды употребляет лексическую единицу «танцевать». Опираясь на дефиницию данного глагола в словаре Duden, можно утверждать, что наличие «tanzen» придает следующему отрывку определенную гармонию: *«Sie (die Mädchen) trugen kleine Tuniken, die wie nichts waren und tanzten auf dieser schrägen Ebene uns gegenüber zwischen den Bäumen, tanzten mit Hüften, fließend, wie die glatten Sprünge der Leoparden, Beinen... stumm vor Berauschtigkeit, und Armen, die sie im wilden Entsetzen der Schönheit in den Mond hinein schwangen»* [DtM S. 99];

3) «образ движущейся, приближающейся к главному герою женщины как надвигающаяся неумолимая смерть».

В тексте рассказов Г. Гейма этот сегмент концепта представлен двумя практически исключаящими друг друга образами: медсестра (медицинский работник, чье призвание бороться с болезнями) и чума, изображенная в виде пожилой женщины. В больнице, где лежит маленький Йонатан, смерть — это привычная вещь. В одном эпизоде медсестра строго отчитывает Йонатана за то, что он лишний раз побеспокоил ее своим звонком. Если у него болят ноги, она ничего не может сделать, ему не остается ничего другого, как покорно терпеть боль: *«Dann könnte sie jede Stunde tausendmal rennen», sagte sie, und sie schlug die Türe hinter sich zu»* [J. S. 19].

Лишь в том случае, если больной лежит при смерти, медперсонал делает над собой усилие и ускоряет темп своего движения: *«Alle Krankenschwestern rannten mit ihren klappernden weißen Schürzen in den Sälen herum, große Morphiumspritzen, Opiumdosen schwingend, wie die Ministranten eines seltsamen Gottesdienstes». «Alle Ärzte waren auf den Beinen, alle liefen hin und her zwischen den Betten, in denen die roten geschwollenen Köpfe der Kranken staken wie große Rüben in einem herbstlichen Acker»* [J. S. 19].

В рассказе «Корабль» читатель напрямую сталкивается мистикой чума преследует команду корабля и убивает всех своим смертоносным дыханием: *«Eine alte Frau in einem schwarzen altmodischen Kleid, lange weiße Locken fielen ihr zu beiden Seiten in das blasse alte Gesicht. ...Ihr schwarzer Reifrock knitterte, und sie kam auf ihn zu.»*

Герой пытается убежать от нее, несмотря на подгибающиеся от страха ноги. Здесь его движения хаотичны, быстры и представлены как последний рывок в попытке спастись от гибели: «*In einer letzten Verzweiflung richtete er sich mit Händen und Füßen auf. Sein Herz schlug nicht mehr. Er fiel wieder hin*».

Однако его попытки были тщетными, смерть одолела его, и он погиб, погрузившись в вечную неподвижность: «*Er wich zurück, griff mit den Händen in die Luft, wollte sich irgendwo festhalten, überschlug sich und stürzte krachend auf das Deck, mit dem Kopf zuerst auf eine eiserne Planke. Und da blieb er liegen mit zerschmettertem Schädel*».

Анализ рассказов двух представителей малой прозы раннего экспрессионизма позволил нам убедиться в том, что категория движения с высокой скоростью как единственно возможный способ существования человека является одной из основных в эстетике экспрессионизма.

Библиографический список

1. *Виноградов, В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. — М.—Л. : Высш. шк., 1947. — 93 с.
2. *Пестова, Н.В.* «Случайный гость из готики»: русский, австрийский и немецкий экспрессионизм / Н.В. Пестова. — Екатеринбург : ИРА УТК, 2009. — 297 с.
3. *Стернин, И.А.* Методология когнитивных исследований / И.А. Стернин. — Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2001. — 182 с.
4. *Художественное творчество.* Вопросы комплексного изучения / 1984 / под ред. Д.Д. Благого [и др.]. — Л. : Наука, 1986. — 260 с.
5. *Щур, Г.С.* Теории поля в лингвистике / Г.С. Щур. — М. : Наука, 1974. — 253 с.
6. *Martens, G.* Vitalismus und Expressionismus. Ein Beitrag zur Genese und Deutung expressionistischer Stilstrukturen und Motive / G. Martens. — Stuttgart : Verlag J.B. Metzler Stuttgart-Weimar, 1971.
7. *Pinthus, K.* Menschheitsdämmerung. Symphonie jüngster Dichtung / K. Pinthus. — Berlin : Rowohlt, 1920. — 67 S.
8. *Lektüre zum Expressionismus.* <http://www.hausarbeiten.de/suchmaschine?searchstring=expressionismus+in+der+Literatur&field=data>

Источники и словари

1. *Edschmid, K.* Der tödliche Mai / K. Edschmid / K. Edschmid // Die deutsche Literatur in Text und Darstellung. Expressionismus und Dadaismus. Herausgeg. von Otto F. Best und Hans-Jürgen Schmidt. Band 14. Stuttgart, Philipp Reclam jun. Stuttgart, 1992. — 336 S. [DtM]
2. *Heym, G.* Das Schiff / G. Heym. — <http://www.di-lemmata.de/lib/index.php>.
3. *Heym, G.* Jonathan / G. Heym. — <http://www.di-lemmata.de/lib/index.php>.
4. *Лингвистический энциклопедический словарь* / под ред. В.Н. Ярцевой. — М. : Просвещение. 1990. — 1024 с.
5. *Autorenlexikon deutschsprachiger Literatur des 20. Jahrhunderts.* Herausgeg. von Manfred Brauneck unter Mitarbeit von Wolfgang Beck. Hamburg, Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1995. — 825 S.
6. *Duden.* Deutsches Universalwörterbuch. Dudenverlag. Mannheim — Leipzig — Wien — Zürich, 2006. — 2016 S.

СИНЕРГЕТИКА – НАУЧНОЕ КРЕДО ФИЗИКА ГЕРМАНА ХАКЕНА И ЛИНГВИСТА РАЙМОНДА ПИОТРОВСКОГО

Ю.И. Горбунов

Статья посвящается основным понятиям синергетики немецкого физика Германа Хакена, а также тенденциям развития лингвистической синергетики как новой научной парадигмы в трудах российского лингвиста Раймонда Пиотровского.

Ключевые слова: синергетика, лингвистическая синергетика, бифуркации, диссипативная структура, флуктуации, диахронический скачок, языковая интерференция, имперские языки, туземные языки, пиджины, креольские языки, лингвистический автомат, энтропия.

Вторая половина XX века знаменуется в научных исследованиях все возрастающим интересом к неравновесной динамике и самоорганизации сложных систем различной природы. Формируется новая парадигма, общая для многочисленных научных направлений в силу своей междисциплинарной природы. Эта новая парадигма – синергетика – зарождается в трудах немецкого физика-теоретика Германа Хакена (Hermann Haken) [1–5] и постепенно охватывает различные отрасли современной науки – от естественных наук до социальных и гуманитарных, включая лингвистику [6].

Герман Хакен родился 12 июля 1927 года в Германии. С 1946 по 1948 год он изучал физику и математику в университете Галле, затем – в университете Эрлангена (1948–1950). Получив степени доктора философии и доктора естественных наук, Герман Хакен с 1960 года занимает должность профессора теоретической физики в университете Штутгарта. До ноября 1997 года он был директором Института теоретической физики и синергетики университета Штутгарта. С декабря 1997 года – почетный профессор и директор Центра синергетики в этом же институте, а также ведет исследования в Центре по изучению сложных систем в университете Флориды (Бока Рэтон, США).

Герман Хакен является издателем шпрингеровской серии книг по синергетике, в рамках которой к настоящему времени опубликовано уже 69 томов. Герман Хакен – автор более 300 научных работ, среди которых наиболее известны:

- Синергетика : пер с англ. – М. : Мир, 1980. – 406 с.
- Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах : пер. с англ. – М. : Мир, 1985. – 424 с.
- Лазерная светодинамика : пер. с англ. – М. : Мир, 1988. – 350 с.

В 1969 году Герман Хакен впервые ввел в своих лекциях в университете Штутгарта термин «синергетика», который обозначает новое направление междисциплинарных исследований в науке. Исконное значение греческого слова «синергетика» указывает на «общую или совмещенную энергию что-то сделать». Избирая данный термин, Герман Хакен исходил из того факта, что исследуемые в науке те или иные системы имеют способность к самоорганизации и тем самым порождают новые структуры. Предложив термин «синергетика», Герман Хакен добавил еще одно пояснение: «учение о взаимодействии», тем самым очертив общую направленность этого исследовательского течения, суть которого состоит в исследо-

вании общих закономерностей систем, состоящих из отдельных частей. При этом для более глубокого понимания общих закономерностей Герман Хакен предложил такие понятия, как «параметры порядка», «принцип подчинения» и т. д.

В дальнейшем им были открыты иные очень важные закономерности подобного рода, например, в теории детерминированного хаоса и в ходе исследования фракталов. Все эти новые результаты, несомненно, подпадают под термин «синергетика», ибо с самого начала этот термин понимался им как некая направленность исследования, а не как конечный результат.

Сущность синергетики, по мнению Германа Хакена, состоит в следующих положениях.

1. Исследуемые системы состоят из нескольких или многих одинаковых или разнородных частей, которые находятся во взаимодействии друг с другом.
2. Эти системы являются нелинейными.
3. При рассмотрении физических, химических и биологических систем речь идет об открытых системах, далеких от теплового равновесия.
4. Эти системы подвержены внутренним и внешним колебаниям.
5. Системы могут стать нестабильными.
6. Происходят качественные изменения.
7. В этих системах обнаруживаются эмерджентные новые качества.
8. Возникают пространственные, временные, пространственно-временные или функциональные структуры.
9. Структуры могут быть упорядоченными или хаотическими.
10. Во многих случаях возможна математизация [7, с. 354].

Синергетика Германа Хакена послужила мощным толчком для дальнейшего распространения ее идей в широкой сфере научных исследований социальных и гуманитарных наук. В России пальма первенства в применении идей синергетики в области лингвистических исследований принадлежит профессору Раймонду Пиотровскому (1922–2009). Заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, академик Международной Академии информатизации, Гуманитарной Академии России, заграничный член Польской Академии наук и искусств, Академии кибернетики «Одоблежа» (Швейцария, Италия, Румыния) профессор Раймонд Пиотровский в течение более 50 лет возглавлял международную группу «Статистика речи», которая объединяет ученых не только России, но и стран ближнего и дальнего зарубежья, где работают его многочисленные соратники и ученики.

Раймонд Пиотровский — автор 25 монографий, посвященных проблемам языкознания и информатики, среди которых наиболее значительными являются:

- Текст, машина, человек. — Л. : Наука, 1975. — 328 с.;
- Introduction of Elements of Mathematics to Linguistics. — Bochum : Brockmeyer, 1990;
- Лингвистический автомат (в исследовании и непрерывном образовании). — СПб. : РГПУ им. А.И. Герцена, 1999 [8–10].

В 2006 году в издательстве филологического факультета Санкт-Петербургского университета вышла в свет монография Раймонда Пиотровского «Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы», в которой рассматриваются теоретические положения синергетики применительно к статике и динамике языка и индивидуальной речемыслительной деятельности человека (РМД), обсуждаются вопросы компьютерного моделирования этих синергетических механизмов и их включение в современные системы автоматической переработки устного и письменного текстов.

Используя богатый опыт исследователей международной группы «Статистика речи», которая на протяжении нескольких десятилетий успешно занималась построением реально работающих систем по автоматической переработке текста (машинный перевод, автоматическое аннотирование текста и его статистический анализ), а также широко используя другие данные современной прикладной и теоретической лингвистики, Раймонд Пиотровский ищет следы синергетики:

- 1) в структурно-типологическом сопоставлении различных языков;
- 2) скачкообразном изменении структуры языка, который проявляется в ходе его исторического развития и часто совпадает с периодами интенсивной межъязыковой интерференции;
- 3) преобразовании «мягких» (хаотических) состояний пиджинов в более «жесткие» системы креольских языков;
- 4) сравнении энтропийных характеристик текстов разной тематики, стилевой принадлежности и патологичности;
- 5) изменении в уровне усвоения родного языка ребенком, а также иностранного языка учащимися средних и высших учебных заведений;
- 6) построении и реализации алгоритмов автоматической переработки текста (АПТ), в частности при машинном переводе (МП) и аннотировании текстов [11, с. 14].

В концепции лингвистической синергетики Раймонда Пиотровского подробно излагаются основные понятия синергетики, к которым относятся:

- развивающаяся система S , которая может находиться в состоянии устойчивости или оказываться в неустойчивом состоянии,
- флуктуации f_n , то есть внешние воздействия на систему,
- управляющие параметры системы, среди которых один (Q), или малая группа параметров (Q_1, Q_2, \dots, Q_n) может подчинять другие параметры q_1, q_j, q_k (эти последние именуются параметрами порядка).

Оперируя только что введёнными понятиями, можно определить возможности развития некоторой сложной системы. Если такая, развивающаяся во времени, система вышла из состояния устойчивого равновесия и оказалась в неравновесном (хаотическом) состоянии вблизи точки X , то она может в дальнейшем либо разрушиться, либо скачкообразно изменить свое состояние и преобразоваться, идя разными путями, в другую систему (S_1, S_2, \dots, S_n) (рис 1).

Затухание или нарастание внешних воздействий не зависит от самой системы, но определяется эффективностью связи посторонних флуктуирующих областей с внешним миром. Поэтому предсказать судьбу системы, оказавшейся в критической точке X , невозможно. Случайность (джокер) может подтолкнуть её как на разрушение, так и на новый путь развития. В последнем случае внутри хаоса возникает новый системный порядок (так называемая диссипативная структура) с новой самоупорядоченностью и новым механизмом самоорганизации. Причем, при наличии нескольких Q - или q -параметров самоорганизация может пойти по разным путям [12, с. 6–7].

Основные понятия синергетики соотносятся в теории Раймонда Пиотровского с основными парадоксами речемыслительной деятельности (РМД), или дихотомическими антиномиями, среди которых:

- 1) антиномия системы языка – системы речи и построения конкретного текста;
- 2) антиномия языка коллектива и идиолекта, то есть РМД конкретного человека;

- 3) антиномия языка в целом и его разновидностей и стилей;
- 4) антиномия коллективной или индивидуальной РМД в норме и патологии;
- 5) антиномия синхронии и диахронии;
- 6) антиномия между применением языка носителями и его освоением и использованием иноязычниками [11, с. 12–13].

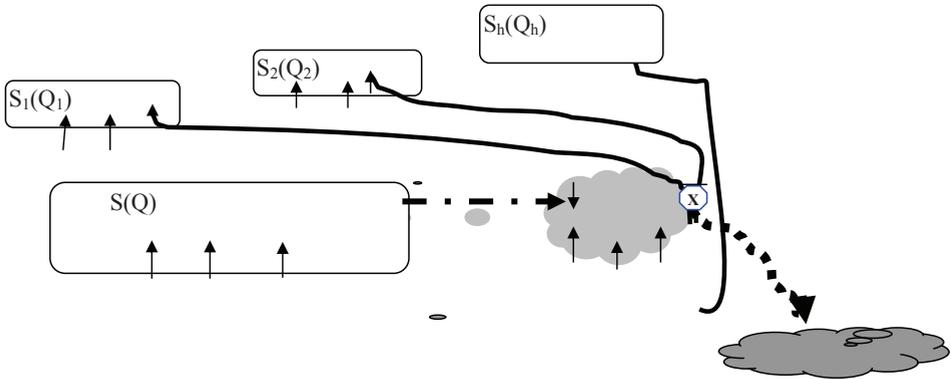

Рис. 1. Синергетические преобразования лингвистической системы (по Пиотровскому)

Условные обозначения:

- 1) районы равновесности системы ;
- 2) районы дезингрессии системы ;
- 3) зона неравновесности системы ;
- 4) флуктуации $\downarrow \uparrow$;
- 5) точка бифуркации ;
- 6) переходные системы:
 - а) в неравновесное состояние ;
 - б) в новое (диссипативное) состояние ;
 - в) в район дезингрессии (разрушение системы) ;

В своих трудах Раймонд Пиотровский рассматривает вопросы, связанные с интерференцией языков, анализирует синергетические процессы, которые лежат в основе языковых контактов в диахроническом аспекте. Диахроническая синергетика рассматривается им с учетом фактора языковой политики государства и, прежде всего, с позиции внешней экспансии языка. В этом направлении анализируется синергетика тюркских языков, синергетика имперских (доминантных) и туземных языков, которая ведет к пиджинизации и созданию креольских языков.

Пиджинизация рассматривается как процесс изменения системы доминантного языка под влиянием внешних флуктуаций. Пиджин с синергетической точки зрения представляет собой самопроизвольно и хаотически формирующуюся зону неравновесного лингвистического состояния. Пиджин, оказавшись в точке бифуркации, может либо выйти из употребления, либо, расширяя социаль-

ные, этнические и тематические сферы коммуникации, передвинуться в течение трех-четырех поколений в новое диссипативное состояние, превратившись в самостоятельный креольский язык. Важной особенностью креолизации по сравнению с функционированием пиджинов является то, что хаотическое «аграмматическое» применение редуцированной лексики доминантного языка приобретает здесь определенную структурную организацию. Главная структурная особенность, характерная для различных креольских языков, — это широкое использование аналитической морфологии и синтаксических средств для выражения грамматических отношений. При этом исчезают глагольные и остаточные именные флексии, которые заменяются препозитивными служебными словами и использованием повторов.

Межъязыковая интерференция, гибель языков, пиджинизация и креолизация доминантных языков могли бы представлять собой благоприятное поле для изучения синергетической динамики, хотя для романо- и германоязычных и некоторых других пиджинов и креольских языков, возникших в XVI–XIX веках, такая возможность наблюдать, а затем описать их формирование и развитие уже упущена. Тем не менее для теоретического языкознания и синергетической лингвистики крайне важно выработать единую информационно-статистическую и любую другую объективную методику для описания процессов интерференции и умирания языков, с помощью которой можно было бы исследовать процессы пиджинизации и креолизации, происходящие ныне в Центральной Африке, на Новой Гвинее и в Полинезии.

Особое внимание в концепции лингвистической синергетики Раймонда Пиотровского уделяется диахроническому скачку, который характеризует перестройку латинской лексико-грамматической и фонологической конструкции в новую макроструктуру романских языков. При этом на материале романских языков приводится статистика диахронического скачка — от латинского синтетизма к романскому аналитизму. Этот скачок не исчерпывается, по мнению Раймонда Пиотровского, количественными сдвигами в употреблении местоимений и формировании артикля, поскольку аналогичные процессы наблюдаются также и в других микроструктурах, а именно:

- 1) в передвижении личных форм глагола из их конечной позиции в классической латыни в начало предложения в позднелатинских и протороманских текстах;
- 2) в росте употребления предложных конструкций;
- 3) в смешении флективных падежных форм и их исчезновении к началу II тысячелетия в большинстве старороманских языков.

Весьма ценным представляется тезис Раймонда Пиотровского о возможности разных путей развития синергетического процесса в разных лингвистических ареалах при формировании из неравновесного состояния некоторого нового системного состояния. Этот тезис убедительно демонстрируется на материале развития артикля: препозитивный определенный артикль, закрепившийся в Западной Романии, и его постпозиция по отношению к именной основе в балкано-романских языках и диалектах, джокером которой явилась системная интерференция протоалбанского субстрата [13; 14].

В результате статистического анализа больших текстовых массивов были выявлены некоторые зависимости, которые рассматриваются не только в качестве внешних симптомов работы синергетических механизмов, но и как исходный материал для расчета синергетических параметров применительно к диахронии плана выражения языка.

Однако основное внимание в концепции Раймонда Пиотровского уделяется анализу лингвистической синергетики с учетом информационно-энтропийной меры. В данном случае энтропийные и информационные характеристики языка и текста рассматриваются в качестве количественной меры упорядоченности языковой системы РМД и служат косвенным свидетельством воздействия на них синергетических механизмов. В своих рассуждениях Раймонд Пиотровский опирается на результаты измерения энтропии текста, дает оценку достоверности количественных измерений энтропии и избыточности, сопоставляет энтропийные характеристики и избыточность в различных языках в аспекте лингвистической синергетики.

Особое достоинство концепции Раймонда Пиотровского состоит в том, что в ней содержатся результаты сравнительного анализа синергетики индивидуальной РМД психически здорового человека, с одной стороны, и человека с явными речемыслительными расстройствами, с другой стороны. К числу достижений психиатрической лингвистики следует отнести вывод о том, что значимые отклонения от энтропии текста от стандартного уровня в сторону ее увеличения свидетельствуют об ослаблении механизмов саморегуляции в системах языка и речи. Результаты информационных измерений имеют несомненную практическую значимость: они могут быть использованы при решении как теоретических, так и прикладных проблем при построении лингвистических автоматов.

Следует особо остановиться на вопросе о синергетике лингвистического автомата (ЛА). В концепции Раймонда Пиотровского рассматривается одна из основных задач современной инженерной лингвистики, которая состоит в расширении синергетических возможностей ЛА, что заключается в их способности к саморегуляции в ходе переработки текста, а также к поддержанию живучести и устойчивости работы системы. По мнению Раймонда Пиотровского, полное достижение этой цели возможно только тогда, когда в ЛА будет встроена достаточно сильная модель того синергетического коммуникативно-прагматического оператора (КПО), который управляет РМД человека как при порождении, так и при приеме речевого сообщения. Поскольку в настоящее время эта задача не может быть решена в полном виде по причине недостаточно ясной психофизиологической природы указанного оператора, поэтому приходится удовлетвориться примитивными аналогами КПО. Эти аналоги предусматривают, с одной стороны, человеко-машинное общение, сопровождающее переработку текста и использующее широкий ассортимент средств коррекционного доступа интерредактора к обрабатываемому тексту, а, с другой стороны, эти модули включают новые программные средства, которые позволяют системе не только следить за развитием сюжета и изменениями в построении текста, но иногда самостоятельно реагировать на некоторые из этих изменений, и, что самое главное, организовывать с помощью шаблонов-фреймов выдаваемый ЛА текстовый результат. Четко запрограммированными являются также средства обеспечения живучести ЛА, что явно исключает их самостоятельную синергетическую способность.

В конечном итоге Раймонд Пиотровский приходит к выводу о том, что синергетика позволяет по-новому взглянуть на статику и лингвистическую динамику, на соотношение порядка, хаоса и творческого контроля в речи и в языке со стороны его носителя. Синергетика намечает новые способы упрощающего моделирования лингвистической действительности. По мнению Раймонда Пиотровского, дерзкая привлекательность синергетической идеи состоит в том, что она обещает преодолеть внутреннюю дисперсность науки о языке.

Концепция лингвистической синергетики Раймонда Пиотровского является результатом нового осмысления многолетних исследований группы «Статистика речи». Синергетический аспект инженерной лингвистики открывает новые перспективы научных исследований, побуждает задуматься над причинами неудач, постигших некоторые коллективы при решении задач АПТ и МП. Ясное понимание существа синергетических механизмов языка и речи, несомненно, позволит решить важную задачу снижения барьера, отделяющего естественный язык от языка компьютера, и тем самым подойти к созданию наиболее совершенных, эффективных систем АПТ и МП.

В общем можно сказать, что концепция лингвистической синергетики Раймонда Пиотровского представляет собой значительный вклад в современную лингвистику и теорию языка. Она представляет интерес для лингвистов, преподавателей, аспирантов и студентов филологических и лингвистических факультетов, ориентирована также на информатиков и специалистов, интересующихся вопросами синергетики, теоретическими и прикладными аспектами языкознания.

Библиографический список

1. *Хакен, Г.* Синергетика : пер с англ. / Г. Хакен. — М. : Мир, 1980. — 406 с.
2. *Хакен, Г.* Синергетика: Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах : пер. с англ. / Г. Хакен. — М. : Мир, 1985. — 424 с.
3. *Хакен, Г.* Лазерная светодинамика : пер. с англ. / Г. Хакен. — М. : Мир, 1988. — 350 с.
4. *Хакен, Г.* Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным явлениям : пер с англ. / Г. Хакен. — М. : Мир, 1991. — 240 с. (2-ое изд. — М. : КомКнига, 2005. — 248 с.).
5. *Хакен, Г.* Принципы работы головного мозга: Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. / Г. Хакен. — М. : Per Se, 2001. — 353 с.
6. *Философия социальных и гуманитарных наук* : учеб. пособие для вузов / под общ. ред. С.А. Лебедева. — М. : Академический проект, 2006. — 912 с.
7. *Синергетика: 30-летнее дитя и его родитель* : интервью с Г. Хакеном, проведенное Е.Н. Князевой в сентябре 1998 года / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов // Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомеры. — СПб. : Алетейя, 2002. — С. 351–363.
8. *Пиотровский, Р.Г.* Текст, машина, человек / Р.Г. Пиотровский. — Л. : Наука, 1975. — 328 с.
9. *Piotrowski, R.* Introduction of Elements of Mathematics to Linguistics / R. Piotrowski, M. Lesohin, K. Lukjanenkov. — Bochum : Brockmeyer, 1990.
10. *Пиотровский, Р.Г.* Лингвистический автомат (в исследовании и непрерывном образовании) / Р.Г. Пиотровский. — СПб. : РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. — 256 с.
11. *Пиотровский, Р.Г.* Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы / Р.Г. Пиотровский. — СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2006. — 160 с. — (Филологические исследования).
12. *Пиотровский Р.Г.* Доказательно-экспериментальная парадигма современного языкознания / Р.Г. Пиотровский // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков: К 85-летию Р.Г. Пиотровского : материалы Всеросс. научной конф. с междунар. участием (9–11 октября 2007 года). — Тольятти : ТГУ, 2007. — С. 5–12.

13. *Пиотровский, Р.Г.* Как родился определенный артикль в романских языках / Р.Г. Пиотровский // *Res philologica. Филологические исследования. Памяти академика Георгия Владимировича Степанова. 1919–1986* / отв. ред. Д.С. Лихачев. – М. : Л. : Наука, 1990. – С. 207–216.
14. *Пиотровский, Р.Г.* Формирование артикля в романских языках: Выбор формы / Р.Г. Пиотровский. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 184 с. (История языков народов Европы).

УДК 81'42(430):(470+571)

МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ БЛОГОСФЕР ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Е.И. Зайдуллина, С.М. Вопияшина

Статья посвящена рассмотрению манипулятивных особенностей русско- и немецкоязычных блогов как жанровой разновидности современного Интернет-дискурса. В ходе анализа языкового материала авторы пришли к выводу о том, что тексты блоговых записей политиков обладают большим манипулятивным потенциалом. Для осуществления языкового воздействия автор блога использует всевозможные риторические средства. Наряду с ними широко распространены приёмы избирательного изложения материала, нарушения законов формальной логики и т. д.

Ключевые слова: коммуникация, опосредованная компьютером; блог, политический дискурс, речевая манипуляция, Дмитрий Медведев, Ангела Меркель.

В озникновение Интернета и информационных технологий по праву считаются одними из наиболее революционных событий прошлого столетия, оказавших большое влияние на коммуникативное взаимодействие между людьми и общие закономерности коммуникации. Интернет-дискурс, его формы и жанры не могли не привлечь внимание ученых-лингвистов. На сегодняшний день проводится большое количество лингвистических исследований, посвященных разнообразным аспектам Интернет-коммуникации. Появился новый термин – «коммуникация, опосредованная компьютером» [6], который определил новый объект анализа в различных областях научного познания.

Новая фактура речи в электронной коммуникации обладает высокой степенью интерактивности, манипулятивности, мультимедиаальностью, оперативностью. Компьютерному дискурсу как виду общения в компьютерных сетях присущи определенные конститутивные признаки (электронный сигнал, гипертекст, дистантность и др.) [2, с. 9].

В сфере электронной коммуникации можно выделить следующие жанры естественной письменной речи: чат-коммуникация, дискуссионные форумы,

запись в гостевой книге, сетевой дневник, блоги. Под блогом понимается «веб-сайт, содержащий датированные записи мультимедийного характера, расположенные в обратном хронологическом порядке с возможностью оставления комментариев к записям и просмотра любой записи на отдельной веб-странице» [1]. Термин «блог» был создан в 1999 году. В 2001 году в обиход вошло понятие «блогосфера», под которым понимают некую совокупность блогов как социальную сеть и динамичную информационную оболочку [3].

Среди параметров, характеризующих жанровые особенности блогов в первую очередь необходимо назвать: число авторов (один или много), преобладающий тип мультимедиа (текст, видео, аудио, изображения), длину текстовых записей (микроблоги и стандартные блоги) и тематику (общие и тематические блоги). С точки зрения целей коммуникации блоговые записи – это информативно-оценочные речевые жанры, в которых субъект не просто сообщает информацию, а рефлексивует, анализирует события и дает им оценку [2].

Анализ теоретического материала показал, что исследования блогов более интенсивно ведутся в зарубежной лингвистике. Проводилось изучение не только структурных характеристик блога, но и организации самой блогосферы, ее коммуникативной связанности, распространения языков в мировой блогосфере и т. д. [2]. В последние годы считается, что личные интернет-дневники приобрели значительное влияние в политике. Большое количество блогов поставляют новости, комментарии на актуальные темы, где обсуждаются важные политические события.

Некоторые исследователи высказывают мнение, что блоги обладают свойствами, которые могут сделать их более надежными, чем традиционные источники информации, и если блогеры действительно работают качественно и оперативно, то они могут завоевать такое же доверие, как и крупные СМИ [3]. В глазах читателей блоги заслуживают большего доверия, поскольку блоги – это открытая форма обмена информацией, они независимы и не являются частью крупных организаций со своей собственной повесткой дня. Это помогает делать репортажи более прозрачными и заслуживающими доверия, чем в традиционных источниках новостей. Это также привлекает к блоггингу многих увлекающихся политикой людей политического спектра.

Есть у этого явления и негативные стороны. Из нового типа средств массовой информации блоги стремительно превратились сначала в политический фактор, а чуть позже – в новый инструмент маркетинга и PR.

Нами было проведено исследование риторических особенностей языка блогов в аспекте формирования или корректировки с их помощью общественного мнения. Материалом исследования послужили тексты записей видео-обращений федерального канцлера ФРГ А. Меркель и Президента Российской Федерации Д.А. Медведева, размещенные на официальных сайтах глав правительств ФРГ и России в сети Интернет (<http://www.bundeskanzlerin.de> и <http://blog.kremlin.ru>). На основании тематической выборки по теме «Преодоление мирового финансово-экономического кризиса 2008/2009 гг.» было отобрано пять немецкоязычных и пять русскоязычных текстов сообщений политиков. Компаративный анализ позволил четче и подробнее определить некоторые манипулятивные особенности, заложенные в текстах выступлений политиков. Выполненное нами исследование представляет сравнительный анализ манипулятивного потенциала языкового арсенала риторических средств немецко- и русскоязычных блоговых записей.

Речевое манипулирование осуществляется на всех уровнях языка. Мы изучаем манипулятивные приёмы на основе трех критериев: количества подаваемой информации, использования конкретных языковых единиц и отклонений от законов формальной логики [4]. Рассмотрим наиболее типичные риторические речевые приемы, в которых можно выявить намерение политиков навязать адресату определенные оценки и точки зрения.

В своих блоговых записях Д.А. Медведев постоянно апеллирует к национальному сознанию, патриотизму: *«И сегодня, как всегда было в нашей истории, залог процветания России – в единстве и сплочённости народов... Это наше богатство и преимущество, которое мы должны сохранить...»*. За этими словами скрывается манипулятивный приём **введения абстрактных, денотативно свободных слов**. Эти выражения прочно вошли в словарь политиков, и, хотя аргументация зачастую выглядит неубедительно, навязчивое оперирование этим набором понятий и их многократное повторение продолжает оказывать воздействие на широкие массы избирателей.

Зачастую в речи политика обнаруживается отклонение от законов и правил формальной логики. В рамках группы приёмов, основанных на несоблюдении закона достаточного основания, нередки случаи употребления **приёма программирующей номинации**, который состоит в предвосхищении событий, т. е. события описываются как уже случившиеся [5, с. 68]: *«С использованием средств из Резервного фонда сможем покрыть все наши расходы и этого года, и следующего года, и пройти наиболее сложную часть финансового кризиса. В этом смысле я считаю, что политика, которая проводилась в области финансов в последнее время, доказала свою эффективность»*.

Значительным манипулятивным потенциалом обладают приёмы избирательной подачи информации. Наибольшей частотностью обладают случаи **опущения** невыгодной с точки зрения оратора информации. Так, в тексте блога Д.А. Медведева мы находим: *«Большинство стран столкнулись с тем, что грубые ошибки – ошибки, совершённые рядом государств, – привели к серьёзным проблемам»*. Президент намеренно не называет США в качестве первоначального источника кризиса.

Высказывания, которые содержат больше информации чем требуется, также активно используются в процессе речевой манипуляции. Избыточны **повторы** отдельных слов, словосочетаний и предложений в тексте, например: *«Прогнозы действительно не радуют, они довольно сложные, и большинство специалистов, большинство аналитических агентств даёт разные прогнозы, но они все сложные. И, конечно, мы должны ориентироваться на достаточно сложный сценарий развития»*. Данный пример можно рассматривать также как вариант приёма **«замкнутый круг»**, когда лексический повтор мешает развитию мысли и приводит реципиента в тупик.

Действиям Правительства РФ в лице Президента дается положительная оценка. Для этой цели служит широкий пласт **эмоционально-оценочной лексики**, которая порой приобретает преувеличенное звучание: *«Скажу откровенно: Россия в этот тяжёлый круговорот ещё не попала. И имеет возможности этого избежать. Обязана избежать»*.

Теперь обратимся к блогам федерального канцлера ФРГ А. Меркель. Частое использование в текстах блогов федерального канцлера **абстрактных понятий**, актуализирующих релевантные для народа ценности и идеологии (*Wachstum, Wiederaufbau, Entwicklung* и т. д.), имеет манипулятивную направленность, выражающуюся в создании политиком образа патриота и борца за процветание демократического общества.

Поскольку главной целью мирового сообщества в контекстах рассмотренных посланий канцлера является преодоление экономических трудностей, она намеренно употребляет лексические единицы со значением «преодоление кризиса»: *Krise* (далее *K.*) *überstehen*, *K. bekämpfen*, *aus der K. herauskommen*, *K. meistern*, *K. überwinden*, *K. bewältigen*, *K. bestehen*, *K. entgegenwirken*, *sich gegen K. stemmen*, *der Krise begegnen*, *etw. gegen die K. tun*, *gestärkt durch die K. kommen* и т. д. При всей смысловой, денотативной близости приведенных слов в некоторых контекстах они не являются взаимозаменяемыми без ущерба для смысла. В исследуемом нами материале для описания положительных действий своего правительства А. Меркель выбирает слова и фразы с нейтральными или положительными коннотациями. Вышесказанное касается также и следующих языковых единиц, формирующих манипулятивный приём приведения **лексико-семантических вариантов**: *Maßnahmenbündel* – *Maßnahmenpaket* – *ein großes Programm* – *Instrumentalkasten* и т. п.

Многочисленны также и приемы введения избыточной информации, например, с помощью **параллельных конструкций**: «*Wir werden die Kraftfahrzeugsteuer für ein halbes Jahr aussetzen. Wir werden einen Handwerkerbonus einführen... Wir werden ein großes Programm zur Gebäudesanierung auflegen*».

Модальность как средство оказания манипулятивного воздействия широко распространена в среде общественной коммуникации. Изменения в структуре предикативной группы могут в значительной степени скорректировать исходную мысль. Одной из разновидностей проявления модальности являются так называемые перформативные глаголы. Внесение в высказывание такого глагола позволяет автору дистанцироваться от сказанного, что придает речи объективный характер: «*Man glaubt, dass es richtig ist, dass die Kosten der Kurzarbeit und der erhöhten Arbeitslosigkeit nicht von den Beitragszahlern alleine getragen werden, sondern dass diese Kosten von der Gesamtheit der Steuerzahler und damit vom Bundeshaushalt übernommen werden*. В рассмотренном примере мы наблюдаем приём введения **неопределенного референтного индекса** или **пассивизации перформативов**.

В ходе анализа смысловой составляющей постов федерального канцлера были выявлены случаи нарушения логического характера. Приведем пример употребления приёма **установления желательных причинно-следственных связей**: «*Die Fähigkeiten und Fertigkeiten der Menschen in Deutschland – das ist unsere Stärke, nur deshalb sind wir Exportweltmeister, nur deshalb sind wir wirtschaftlich stark*».

Таким образом, в текстах видео-обращений политические лидеры используют манипулятивные приёмы, различные по своей природе и интенсивности. Перечисленные приёмы являются наиболее употребительными, но не единственными приёмами речевого манипулирования. Нами были учтены также и некоторые другие приёмы речевой манипуляции, представленные в исследуемом материале единичными примерами. Результаты нашего исследования отражены в табл. 1.

Несмотря на то что блоги задумывались как форма электронно-опосредованной коммуникации между автором блога и читателем, предполагающая открытость, транспарентность и убедительность в числе основополагающих характеристик их взаимодействия, они очень быстро приобрели черты средства воздействия. Особенно ярко это проявляется в блогах политиков, которые с помощью средств манипуляции корректируют и в какой-то степени формируют общественное мнение.

Таблица 1

Манипулятивный приём	Количество зафиксированных выражений в блогах Президента РФ	Манипулятивный приём	Количество зафиксированных выражений в блогах канцлера ФРГ
Абстрактные, денотативно свободные слова, ключевые слова	28	Абстрактные, денотативно свободные слова, ключевые слова	33
Эмоционально-оценочная лексика в манипулятивной функции (политические аффективы)	24	Неопределенный референтный индекс (пассивизация перформативов)	18
Эвфемизация	13	Лексико-семантические варианты	10
Повтор	12	Повтор, параллельные конструкции	16
Опускание	5	Трюизмы	4
Приём программирующей номинации	4	Установление желательных причинно-следственных связей	3

К анализу ораторских выступлений следует добавить тот факт, что во время сложных экономических проблем ни один из рассматриваемых политиков не описывал кризисные ситуации как непреодолимые. Лидеры России и Германии уверенно принимают вызов, обозначают границы своей политики и в конце своей речи дают обязательное для этой ситуации обещание преодолеть трудности.

Библиографический список

1. *Алексеев, А.* Записи в блоге как речевой жанр интернет-коммуникации: попытка описания / А. Алексеев. – <http://iawia.livejournal.com/572807.html#cutid1>.
2. *Атабекова, А.А.* Употребление языка в процессе сообщения знаний на пространстве web-страницы / А.А. Атабекова // Вестник Российской коммуникативной ассоциации. – Вып. 1. – Ростов н/Д : ИУБиП, 2002. – С. 8–15.
3. *Блогосфера глобальной политики.* – <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2007/1318>.
4. *Данилова, А.А.* Манипулирование словом в средствах массовой информации / А.А. Данилова. – М. : Добросвет ; КДУ, 2009. – 234 с.
5. *Копнина, Г.А.* Речевое манипулирование : учеб. пособие / Г.А. Копнина. – 2-е изд. – М. : Флинта, 2008. – 176 с.
6. *Щипицина, Л.Ю.* Коммуникативные и медиалингвистические подходы к изучению компьютерно-опосредованной коммуникации / Л.Ю. Щипицина // Вестник Челябинского государственного университета. – Вып. 37. – 2009. – С. 155–159.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР В ИЗУЧЕНИИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Н.В. Бутылов

В статье рассматривается возможность использования компьютерных игр в обучении немецкому языку. На наш взгляд, применение компьютерных игр раскрывает целый комплекс еще не в полную силу используемых возможностей по интенсификации учебного процесса. Игры способствуют развитию преподавателя как специалиста, их использование позволяет отойти от устаревших стереотипов, от однообразного повторения того или иного материала, делает занятия более живыми, легко усваиваемыми, а процесс познания становится более увлекательным.

Ключевые слова: компьютерные технологии, интенсификация учебного процесса, компьютерные игры, отдых от стереотипов, проверка знаний, комплекс возможностей.

Компьютер является универсальным средством для обработки всех видов информации. Обучающий компьютер — это инструмент, который организует самостоятельную работу студентов и управляет ею, особенно в процессе тренировочной работы с языковым и речевым материалом.

Система компьютерных игр, как и обучающих игр в целом, делает процесс формирования и развития интеллектуальных умений более интенсивным по сравнению с традиционной формой обучения. Однако игра не противостоит традиционному способу обучения, она опирается на него.

Игра представляет собой сложный социально-психологический феномен, который изучается с разных методологических позиций разными науками — логикой, лингвистикой, эстетикой, культурологией и другими. Авторы большинства словарей и энциклопедий сходятся в определении понятия игра: игра — это «совокупность действий, которые, при подчинении (играющего) определенным правилам, реализуются как развлечение».

Игру определяют также как упражнение, «в котором можно выиграть или проиграть», как «любое действие, не предназначенное для производства материальных благ, или действия, воспроизводимые для развлечения, которые нравятся просто так, а не за получаемый в конце результат, независимо от того, производятся ли материальные блага и провозглашается ли выигравший».

На наш взгляд, игра — это «игровая деятельность, управляемая правилами».

Языковая игра — это в точности то же самое, но с явными лингвистическими правилами, которым должны удовлетворять все ее участники. Языковая игра имеет следующие характеристики:

- игра управляется правилами;
- игра имеет определенные цели;
- игра — это конечное занятие;
- игра требует меньшего контроля со стороны преподавателя (имеется в виду языковой контроль);
- для обучаемых игра легче, чем какая-либо другая деятельность.

Компьютерная игра — это особый вид игр, который является одним из самых привлекательных. По определению «Нового иллюстрированного энциклопедиче-

ского словаря», компьютерная игра — это «техническая игра, в которой игровое поле находится под управлением ЭВМ или воспроизводится на экране дисплея. Компьютерная игра — одно из основных и массовых применений микропроцессорной вычислительной техники, относящейся к досугу, воспитанию и образованию» [Новый иллюстрированный энциклопедический словарь, 2003, Электронное издание на CD]. «От прочих игр компьютерные игры отличаются высокой динамичностью, зрительной наглядностью и в особенности способностью к нарастанию сложности и разнообразия по мере роста мастерства и тренированности игроков».

Будучи введенной в систему традиционного обучения, учебная игра осуществляет несколько функций [Деркач, Щербак 1991, 20–21]: мотивационно-побудительную, обучающую, воспитательную, ориентирующую, компенсаторную. Компьютерная обучающая игра также приобретает ряд **преимуществ** по сравнению с обычной обучающей игрой; к ним относятся:

- возможность пользоваться компьютером как справочником;
 - контроль и самоконтроль учащегося;
 - объективность оценки;
 - отработка явлений, вызывающих определенные трудности;
 - осуществление быстрой обратной связи;
 - возможность работы с программой в индивидуальном формате;
 - неограниченное количество учащихся, работающих с данной программой;
 - возможность просмотра результатов выполненных упражнений за прошедший и все предыдущие уроки в некоторых программах;
 - возможность возврата к занятиям с низким уровнем качества, чтобы добиться улучшения результатов путем даже многократного выполнения во многих программах;
 - подбор упражнений, направленных на формирование коммуникативной компетенции, включая ее различные составляющие: лингвистическую, социолингвистическую, социокультурную, стратегическую, социальную;
 - наличие иллюстративного материала, усиливающего коммуникативную направленность упражнений;
 - простота выполнения команд;
 - разнообразие способов выполнения упражнений;
 - дополнительная мотивация.
- Таким образом, компьютер может позволить гибко управлять процессом обучения как группы студентов в целом, так и каждого из них.

Библиографический список

1. *Деркач, А.А.* Педагогическая эвристика: Искусство овладения иностранным языком / А.А. Деркач, С.Ф. Щербак. — М.: Педагогика, 1991. — 224 с.
2. *Интернет Технологии* в образовании MBA в России. Статьи о выборе компьютерных учебников по английскому языку. — http://www.curator.ru/e-books/english_CDROM1/html (15.11.2005).
3. *Ленская, Е.А.* Компьютеризация обучения чтению на иностранном языке: возможности и перспективы / Е.А. Ленская, Л.Ф. Шашина, П.Н. Копылов // *Иностранные языки в школе*. — 1989. — № 2. — С. 36–40.
4. *Новый иллюстрированный энциклопедический словарь*. — Русский проект, 2003. — Электронное издание на CD.
5. *Родионов, А.* Своя игра / А. Родионов // *Мир ПК*. — 1993. — № 1. — С. 42. — <http://compmus9/valuehost/ru/histsoft/owngame/htm> (17.12.2005).

ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ КУЛЬТУРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Л.И. Комарова

Важную роль играет понимание читателем-инофоном национально-культурной специфики текста. Он должен обладать запасом соответствующих фоновых знаний. Наиболее эффективно соизучение языка и культуры осуществляется в условиях соответствующей аспектизации учебного процесса.

Ключевые слова: художественный текст, культурная информация, компоненты культуры, межкультурная коммуникация, страноведческая и лингвокультуроведческая компетенции.

Литература является особым видом общественной деятельности. Литературные произведения отражают определенные моменты исторического развития нации, несут в себе информацию о стране социального, политического, экономического, культурного, географического, этнографического характера. Однако культурологические сведения представлены в художественном тексте специфически. Это придает произведениям при восприятии их иностранцами ярко выраженный страноведческий колорит.

Художественный текст, словно собирающая линза, фокусирует в себе культурную информацию, накопленную в прошедших веках. Мотивы, сюжеты, коды, образы создают ощущение культурной «объемности» художественного текста, его интеллектуальной насыщенности. Это особенно хорошо видно в произведениях, вошедших в библиотеку классики. Поэтому справедливо будет утверждать, что любой значительный автор словно стоит на плечах гигантов, которые жили до него [1, с. 35].

Текст, по мнению В.А. Масловой, — «набор специфических сигналов, которые автоматически вызывают у читателя, воспитанного в традициях данной культуры, не только непосредственные ассоциации, но и большое количество косвенных» [2, с. 87]. Так, по А. Вежбицкой, любой текст является культурно обусловленным, так как, создавая какой-либо текст, носители языка, принадлежащие к определенной культуре, обычно руководствуются некой подсознательной нормой, которую она называет «культурно-обусловленным сценарием» [3, с. 63]. В текстовом общении начинает преобладать установка на обмен не фактами, а интерпретациями, картинами мира, в частности культурными. При этом воздействие на адресата происходит опосредованно, потому что текстовое общение разорвано во времени и принадлежит сфере культуры. Оно подчиняется системе семиотических кодов культуры, стоящей над языком и над текстом и детерминирующей выбор всех основных параметров решения текста [4, с. 34]. Текст можно рассматривать как форму существования человеческой культуры. Текст, с одной стороны, существует в культуре, а с другой — является одновременно ее необходимым компонентом, раскрывающим особенности национального характера, нравственно-эстетический идеал народа, так или иначе связанный с общечеловеческой системой культурных ценностей.

Приобщение к культуре другого народа посредством чтения художественной литературы, созданной этим народом, факт общеизвестный: «Чтение пьес Федерико Гарсиа Лорки скорее раскроет передо мной душу Испании, чем двадцать

туристических путешествий в эту страну. То, что рассказали мне о некоторых сторонах русской души Чехов и Толстой, остаётся верным и по сей день» (А. Моруа [цит. по: 5, с. 94]).

Таким образом, содержание художественного произведения представляется национально культурным по определению, поскольку в художественной литературе отражена вся жизнь народа, в том числе и культура как важнейшая её составляющая; язык является одним из важнейших культурных феноменов; художественный текст как произведение искусства сам является фактом культуры.

В процессе восприятия иноязычного художественного текста понимание читателем-инофоном национально культурной специфики значений соответствующих лингвострановедческих объектов, номинаций артефактов культуры, а также смысла их употребления в тексте играет важную роль, нередко определяющую успешность и состоятельность самой коммуникации посредством художественной литературы.

Лингвострановедческими объектами в художественном тексте могут быть имена собственные, несущие в своей семантике культурный компонент: *антропонимы* (имена реальных людей, а также литературных и фольклорных персонажей), *топонимы* (как реальные, так и вымышленные), названия *исторических событий, религиозных и светских праздников* и пр.; *средства речевого этикета; безэквивалентная, фоновая и коннотативная лексика* и т. д.

В качестве элементов содержания художественного текста также могут быть использованы и используются следующие компоненты культуры, несущие как общечеловеческую, так и национально-специфическую окраску (причем с каким именно — общечеловеческим или национально-специфичным объектом культуры встречается читатель — становится ясно только в процессе прямого взаимодействия конкретного читателя с конкретным текстом):

— *традиции* (или устойчивые элементы культуры), *обычаи* (определяемые как традиции в «соционормативной» сфере культуры) и *обряды* (выполняющие функцию неосознанного приобщения к господствующей в данном обществе системе нормативных требований);

— *бытовая культура*, тесно связанная с традициями, вследствие чего её нередко называют традиционно-бытовой культурой;

— *повседневное поведение* (привычки представителей некоторой культуры, принятые в некотором социуме нормы общения), а также связанные с ним мимический и пантомимический (кинесический) коды, используемые носителями некоторой лингвокультурной общности;

— *национальные картины мира*, отражающие специфику восприятия окружающего мира, национальные особенности мышления представителей той или иной культуры;

— *художественная культура*, отражающая культурные традиции того или иного этноса [5, с. 98].

Чтобы иностранный читатель сумел всё «увидеть», осознать и прочувствовать в художественном произведении, ему нужна определенная страноведческая и лингвокультуроведческая подготовка, поскольку художественное произведение, объективно обладающее большим запасом информации о стране, ее культуре, «не отдаст» эту информацию читателю, если он не имеет достаточной подготовки или если он избегает труда понимания, не желает вчитываться.

Причинами непонимания художественного произведения, неадекватного его восприятия помимо индивидуальной интерпретации событий и явлений, стерео-

типизации и этноцентризма, могут служить многие факторы. Это и смещенность временных границ «художественности» текста, и аксиологичность восприятия, и незнание или слабое знание реалий, и различия в интерпретации текста и т. п. Таким образом, представляется оправданным чтение иноязычной художественной литературы приравнять к процессу межкультурной коммуникации в его особо осложненном варианте.

В связи с этим читатель иноязычного художественного текста должен обладать запасом соответствующих фоновых знаний об общественной жизни нации в эпоху, отраженную в произведении; о времени, когда жил и писал автор, о политических, социальных, этических, философских проблемах, волновавших писателя и его современников; о формах культуры общества, запечатленных в произведении. Обучаемый должен владеть определенным набором строевых единиц языка с национально-культурным компонентом семантики (слово, фразеологизм, афоризм); реагировать на коннотативное, эмоционально-символическое значение слов, образовавшееся в рамках данной национальной культуры.

Приобретение читателем иноязычной литературы всей совокупности знаний, сведений, овладение языковыми единицами с национальной семантикой, обеспечивающими полноценное восприятие художественных произведений, происходит постепенно. Особенно интенсивно этот процесс протекает в период активного изучения языка и культуры при направляющем воздействии преподавателя. Наиболее эффективно соизучение языка и культуры, накопление страноведчески ценного ядра лексики осуществляются в условиях соответствующей аспектизации учебного процесса на всех его этапах. Страноведческая и лингвокультуроведческая компетенции обучаемых проходят путь поэтапного формирования: от нулевой через начальную и среднюю к высшей.

В связи с этим свою основную лингводидактическую стратегию мы видим в формировании целостного представления студентов о фрагментах реального бытия и культуры страны изучаемого языка и развития прагматического (по Караулову) уровня языковой, филологически образованной личности в рамках иноязычного педагогического образования студентов-филологов с целью формирования у них комплекса фоновых знаний, необходимых для осуществления межкультурной коммуникации, опосредованной художественным текстом.

Библиографический список

1. *Доманский, В.А.* Культурологические основы изучения литературы в школе : дис. ... д-ра пед. наук / В.А. Доманский. — Томск, 2000. — 411 с.
2. *Маслова, В.А.* Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. вузов / В.А. Маслова. — М. : Академия, 2001. — 208 с.
3. *Вежбицка, А.* Культурно-обусловленные сценарии и их когнитивный статус / А. Вежбицка // Язык и структура знания. — М.: ИЯ АН СССР, 1990. — С. 63–85.
4. *Дымарский, М.Я.* Текстовая компетенция и ее состояние в современной России / М.Я. Дымарский // Лингвистический семинар. — Вып. 1. Язык как многомерное явление. — Бирск : Изд. Бирского ГПИ, 1996. — С. 33–43.
5. *Кулибина, Н.В.* Художественный текст в лингводидактическом осмыслении : дис. ... д-ра пед. наук / Н.В. Кулибина. — М., 2001. — 351 с.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 82-3:(470+571)

«БОГ ЗА РУССКИХ ВСЕГДА НАКАЗЫВАЕТ»: НЕКОТОРЫЕ АРХЕТИПИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ НЕМЕЦКО-РУССКОГО ДИАЛОГА В ПОВЕСТИ Н. ЛЕСКОВА «ЖЕЛЕЗНАЯ ВОЛЯ»

П.Н. Донец

В статье рассматривается эвристический и дидактический потенциал художественных произведений, представляющих жанр вторичной межкультурной коммуникации, с точки зрения определения архетипических структур в общении между носителями тех или иных культур. На материале повести Н.С. Лескова «Железная воля» показывается, что многие черты общения между немцами и русскими, характерные для последней четверти XIX века, не утратили своей актуальности до сих пор.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, эвристический потенциал, архетипические структуры, национальный стереотип, цивилизационное превосходство.

Среди большого количества типов и жанров межкультурной коммуникации (МКК) выделяется такая ее разновидность, как *вторичная* МКК. К ней относятся, в частности, разнообразные формы отражения первичного межкультурного общения в путевых заметках, мемуарах, блогах в Интернете, статьях и телерепортажах зарубежных корреспондентов и т. д. С некоторыми оговорками к этому жанру МКК могут быть причислены отдельные художественные произведения, в которых описываются те или иные виды взаимодействия между носителями различных культур.

Вторичная МКК представляет интерес с различных точек зрения, являясь в частности, источником как эмпирического, так и дидактического материала.

Одним из наиболее ценных в этом смысле художественных произведений русской литературы представляется повесть Н. Лескова «Железная воля» (1876).

Действие этой повести разыгрывается в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века, главным образом, в среднем по величине городе где-то в Центральной России. Ее главным героем является злосчастный Гуго Пекторалис, который приезжает в Россию из Доберана (Мекленбург-Шверин) молодым многообещающим инженером, чтобы помочь в установке произведенных его фирмой машин, и затем

остаётся в ней навсегда, основав свое собственное предприятие, вначале вполне процветавшее.

С точки зрения социального взаимодействия — не в последнюю очередь, межкультурного, Пекторалис постоянно попадает в трагикомические ситуации и запутывается в бессмысленных конфликтах. Вследствие одного из таких конфликтов на почве имущественно-арендных отношений с одним из российских предпринимателей — Сафронычем — он терпит крах в семейном, экономическом отношениях и в конечном итоге физически, безвременно погибает.

Будучи написанной более 130 лет назад, повесть привлекает интерес, среди прочего, в ракурсе того, насколько изменились (либо сохранились) структуры межкультурного общения между носителями российской и немецкой культур за этот достаточно продолжительный срок. В случае если имеет место сохранение таковых структур, то мы, очевидно, вправе признать за ними статус *архетипических*.

Описанию непосредственных приключений Пекторалиса в России предшествует своего рода вводная часть от автора, в которой излагается беседа в интеллигентной русской компании: «Мы во всю мочь спорили, очень сильно напирая на то, что у немцев железная воля, а у нас ее нет — и что потому нам, *слабовольным людям*, с немцами опасно спорить — и едва ли можно справиться. Словом, мы вели спор, самый в наше время обыкновенный и, признаться сказать, довольно скучный, но неотвязный».

Несколько далее находим: «Да что это вы, господа, совсем ума, что ли, рехнулись? Ну, *железные они, так и железные*, а мы *тесто простое, мягкое, сырое, непороченное тесто*, — ну, а вы бы вспомнили, что и тесто в массе топором не разрубишь, а, пожалуй, еще и топор там потеряешь».

В острой фазе конфликта между Сафронычем и Пекторалисом встречается также примечательный фрагмент: «Да мне и приказный Жига говорит: «Я, говорит, тебе по своему самому хитрому рассудку советую: не трогайся; мы, говорит, этого немца *сиднем* передавим».

Во всех этих примерах мы сталкиваемся с поведенческими и деятельностными архетипами, поддающимися описанию в рамках оппозиции **активизм ↔ пассивизм**.

Еще одной архетипической парой, проявляющейся в ходе развития сюжета, может считаться оппозиция **последовательность ↔ спорадичность деятельности**: Пекторалис постоянно ставит себе конкретные цели и с «железной волей» добивается их осуществления — иное дело, что отличные от немецких и к тому же постоянно меняющиеся условия российской действительности того времени (да и нашего, пожалуй, не менее) требовали большей гибкости в поиске путей их достижения.

К, видимо, наиболее роковым для себя последствиям приводит Пекторалиса последовательность в выполнении данных им себе или другим *обещаний* (пример архетипических *отношений*): «О, это было необходимо нужно; у нас было такое условие, чтобы я ехал не останавливаясь, — и я еду не останавливаясь. *Я такой человек, который всегда точно исполняет то, что он обещал*», — отвечал незнакомец — и при этом лицо его, которого я до сих пор себе не определил, вдруг приняло «веселое и твердое выражение».

Этой протестантской установке противостоит культурно-специфическое российское отношение, которое почти в афористической форме выражено рассказчиком: «Обещания даются по соображениям — и исполняются по обстоятельствам».

Столь же показательной является и нижеследующая реакция собеседника Сафроныча на высказывание последнего:

«Но одуревший Сафроныч этого не боялся».

«Куда ему отпереть, — отвечал он, — ни за что он не отопрет. Ему перед своею нациею стыдно. У них ведь это уже такое положение, что сказал, то чтобы непременно и действовать».

«Ишь ты, какие сволочи!».

Много хлопот доставляет Пекторалису в России и его специфическое отношение к *честности*. Особенно это проявилось в эпизоде покупки лошади у весьма своенравного коннозаводчика Дмитрия Ерофеича. Торговец отличался тем, что «...никто на свете не умел так обмануть конем, как этот Дмитрий Ерофеич, и надувал он не как обыкновенный, сухой, прозаический барышник, а как артист, — больше для шику, для форса и для славы. Чем большим знатоком слыл или выдавал себя тот или другой покупатель, тем смелее и дерзче обманывал его Дмитрий Ерофеич».

Несколько релятивировался этот подход тем, что коннозаводчик никогда не обманывал покупателей, доверившихся ему. Об этом принципе стало, однако, известно слишком многим потенциальным приобретателям лошадей, в результате чего он стал нести финансовые убытки и был не прочь от него отказаться.

Естественно, что первой жертвой переоценки ценностей торговца лошадьми явился как раз хронический неудачник Пекторалис: «Долго он никак не мог на это решиться, но когда бог послал ему Пекторалиса, Дмитрий Ерофеич напустил на себя смелость. Чуть Гуго заговорил с ним о своей надобности иметь лошадь и попросил дать ему коня на совесть, Дмитрий Ерофеич отвечал ему:

«И, матинька, какая нынче совесть!.. коней у меня много, смотри и выбирай любого, какого знаешь, — а что такое за совесть!»

«О, ничего, Дмитрий Ерофеич, я вам верю, я на вас полагаюсь».

«А мой тебе совет — никому, матинька, и не верь и ни на кого не полагайся; что такое на людей полагаться? Что, ты сам дурак, что ли, какой вырос?».

Вопрос о том, почему именно Пекторалис спровоцировал Ерофеича на отказ от своей привычной практики, заслуживает отдельного рассмотрения. При анализе взаимодействия немецкого эмигранта с носителями российской культуры того времени бросается в глаза, что он очень часто вызывает своего рода «ресентимент» у последних. В какой-то степени эта реакция, с одной стороны, может быть обусловлена комплексом неполноценности по отношению к людям «железной воли», с другой — протестом против явно выражаемой Пекторалисом позиции «культуртрегерства», цивилизационного превосходства, ср: «Быть господином себе и тогда стать господином для других — вот что должно, чего я хочу и что я буду преследовать».

«Ну, — думаю, — ты, брат, кажется, приехал сюда нас удивлять — смотри же только, сам на нас не удивись!»

Повесть «Железная воля», написанная в 1876 году, представляет интерес и как свидетельство смены национального стереотипа немца. В произведении явно превалирует старый, бытовавший до французско-прусской войны 1870 года образ «немецкого Михеля»: мастеровитого, технически одаренного, добропорядочного, честного, законопослушного, прилежного и так далее, но одновременно неуклюжего, несколько неотесанного и наивного человека.

Вместе с тем в поведении Пекторалиса русские явно отмечают и некие тревожные, потенциально опасные черты, которым потом будет суждено вылиться в стереотипы «прусского офицера» и «немецкого фашиста»: уже в то время, очевидно, многие предчувствовали, к чему может привести «железная воля» при попытке достижения изначально ложных целей.

Точного ответа на этот вызов, как кажется, не знают ни русские персонажи повести, ни сам автор — они интерпретируют его в полумистическом, тютчевском («Умом Россию не понять...») духе:

«Зачем ты, брат Гуго Карлович, все с нами споришь и волю свою показываешь? Это нехорошо...»

И отец Флавиан поддержал Савву и сказал:

«Нехорошо, матинька, нехорошо; за это тебя Бог накажет. *Бог за русских всегда наказывает*».

Вопрос о том, наказывает ли действительно Бог за русских, и если да, то почему, заслуживает отдельного рассмотрения. Представляется, что повесть Н. Лескова «Железная воля» и в целом заслуживает гораздо большего внимания со стороны культурологов и специалистов в области межкультурной коммуникации. Изложенные в данной работе соображения представляют собой лишь малую толику разнообразного эвристического потенциала, содержащегося в этом замечательном произведении.

УДК 81'255.2:82-1

«РАСЦВЕТОВ БУДУЩИХ ЗАДУМЧИВЫЙ ХОЗЯИН...» К ПРОБЛЕМАМ ПЕРЕВОДА ИСТОРИЧЕСКИ МОТИВИРОВАННОЙ ПОЭЗИИ СОФИИ ПАРНОК

Е.Л. Кудрявцева

В статье рассматривается проблема необходимости анализа и интерпретации поэтического текста с исторической составляющей для правильного перевода его на немецкий язык.

Ключевые слова: *династия Крупп, российско-германские отношения, Фридрих Крупп, Первая мировая война, анализ и интерпретация поэтического текста, страноведческие составляющие, лексика, семантика, биографический и исторический контекст.*

Обратиться к анализу и интерпретации поэтического текста С. Парнок «Фридриху Круппу» (1914) меня вынудили проблемы, возникшие в связи с необходимостью его перевода на немецкий, родной для адресата, язык. Изначально смутили меня использованные по отношению к нему формулировки типа: «недоказанный Каин» и в то же время «серцем щедр», «тулуп» и «расцветов будущих... хозяин». В поэтическом мире возможно совмещение несоместимых лексем, но подобные характеристики должны опираться на биографические данные исторической личности. Следовательно, мне пришлось обратиться за разъяснениями к архивам существующего по сей день фонда Круппа.

Во-первых, взгляд, данный на представителя династии Крупп — отчасти отражение мнения целой эпохи середины 10-х — начала 20-х годов XX столетия. Мне-

ния, превратившегося в клише и надевшего на германского фабриканта маску врага рода человеческого, порицаемого и высмеиваемого впоследствии со страниц большевистской прессы.

Почему же «отчасти»? Слишком лично и проникновенно звучит второй ряд характеристик лирического героя: «сердцем щедр», «мудр»... Но с учетом этой многоплановости образа у читателя невольно встает вопрос: а один ли человек скрывается за именем Фридриха Круппа. Руководители архива Фонда Альфреда Круппа фон Болена и Хальбаха, доктора Ральф Штреммель и Генрих Фосс прочитали стихотворение следующим образом: «...Присланный Вами текст не может являться характеристикой одного Фридриха Круппа (1787–1826). Он никогда не занимался производством оружия. Это произошло много позже, когда фирму в середине XIX века возглавил Альфред Крупп (1812–1887). Не подразумевается ли под названием фирма «Фридрих Крупп (1811), пережившая в начале позапрошлого столетия период своего высочайшего подъема и занявшая одно из ведущих мест среди германских предприятий...» [1].

Из того же письма следует, что объем производимой на заводах Круппа военной продукции до 1920 года составлял менее 50% общего объема валового продукта.

Перелистаем страницы биографии семьи [2]. Имя Фридрих было одним из любимых в династии: так звали деда (1706–1751) и отца (1753–1795) будущего родоначальника черной металлургии, так назовут и его потомков в Австрии и Германии (1854–1902). Изначально Круппы занимались торговлей, прежде всего – скотом и продуктами питания в земле Эссен.

После смерти отца Фридрих Крупп (1787–1826) прошел обучение в гимназии и начал помогать бабушке, Елене Амалии, урожденный Ашерфельд, в ведении торговых переговоров, одновременно заканчивая курс экономики. С 1805 года на его плечи легла забота по обслуживанию принадлежащего семье металлургического заводика «Добрая Надежда». После ранней женитьбы, бабушка передала ему все права на дело. Однако «Добрая Надежда» не подавала слишком радужных надежд на процветание индустрии: возникла необходимость перейти с производства товаров широкого спроса на разработку сложных частей для паровых котлов фирмы Франца Диннендаля. Связанные с этим производственные проблемы нужно было решить быстро и продуктивно. В середине 1908 года завод вернулся в общую собственность семьи, и до момента продажи предприятия Фридрих оставался его директором. После этого он подвизался в торговле колониальными товарами на границе с Голландией (до закрытия ее Наполеоном в 1809 году) и в семейном магазине. С 1810 года он полностью посвятил себя вопросам усовершенствования металлообработки. Желание соперничать на мировом рынке с англичанами, привело его к разрешению «тайны» высококачественного чугуна. 20.11.1811 года он, вместе с братьями Кехель, Георгом и Вильгельмом, открыл собственный чугунолитейный завод. Задачей Фридриха было руководство отделом продаж и поставок, братья должны были заниматься научными изысканиями. Несмотря на все усилия Круппа, успех не приходил. В 1814 году триада Крупп-Кехель распадается, а уже весной 1815 года Фридриху удается самому произвести небольшие кусочки нового сорта чугуна, в созданном им прежде для этой цели тигле из графита и глины. С 1916 года, распростившись с последним из владельцев-неудачников, Фридрихом Николаем, Крупп руководит своим заводом единолично. К этому времени он уже усвоил, что качество чугуна зависит не от добавки в него некоего таинственного раствора, а от качества исходной продукции, тигля и знания процесса плавки. В дальнейшем ему удалость из цементной стали

и металла-сырца добывать высококачественный чугун, получивший в 1817 году знак отличия Дюссельдорфского Монетного двора. С 1818 года предприятие пошло в рост: Крупп поставлял на рынок чугун четырех уровней жесткости. Работало на него 10 человек. Однако доходы не покрывали расходов на строительство нового здания фабрики и проведение повторных химических опытов с металлом. Кроме того, Фридрих все больше уходил в труды бюрократические: с 1812 года он стал членом городского совета и занимался проблемами строительства в Эссене дорог и защиты городов от пожаров. В 1824 году он продал свой дом и переехал в здание фабрики. В работу по освоению новых сортов чугуна включился его старший сын Альфред. Фридрих Крупп умер в нищете, с долгом в сумме 10000 талеров.

Истинный расцвет предприятие пережило при его сыне, Альфреде. Именно он превратил убыточное дело в дело, приносящее тысячи и миллионы прибыли. И именно он, а не его отец, начал производство оружия по государственному заказу. Он первым начал поставлять покупателям не полуфабрикаты, а готовую продукцию, за качество коей с 1820 года давал фабричную гарантию. В 1834 году он с восьми тиглей получал 200 кг чистого чугуна. Изучение и совершенствование техники вращения, полировки и закалки позволили производить практически несокрушимый металл, необходимый при работе с плавкой золота и серебра. С подключением к процессу паровых машин, вся работа по плавке чугуна свелась в одно место. Число занятых на заводе возросло до 67 в 1835 году, а оборот — до 11049 талеров в год. Фабрика стала в то же время образовательным учреждением по подготовке инженерных кадров для тяжелой промышленности. На предприятие Круппа потянулись заказы из-за рубежа: Франции и Англии. После спада производства в 1839, в 1841 году Крупп открыл первый филиал фирмы в Париже. С 1839 года родителей поддерживал на этом поприще технически одаренный Фридрих (Австрия), разработавший станок, одновременно производивший ложки и вилки — основоположник целого ряда фабрик по изготовлению столовых приборов. Он же искал новых возможностей применения чугуна: в музыкальной промышленности, в орудиях труда, частях станков, орудий и военной амуниции. Позже началось изготовление фирмой Крупп колес (1875), а число занятых на фабриках Крупп возросло после кризиса 1857 года с 300 до 8248 (в 1865 году) человек.

Следующую проблему при работе с текстом представляли лексические единицы, не поддающиеся дословному переводу на немецкий язык. Причин тому было несколько: с одной стороны, словоформы типа «грань», «стародавний», «зарево», «тулуп», «шинель», «взрывают», «крутые» имеют в русском языке дополнительные оттенки значений, переводом не передаваемые [3]. «Грань» включает в себя как «границу», так и «острие»; то есть лирический герой погружается повествователем в межвременье и вынужден принять на себя ношу двух столетий. «Стародавний» можно воспринять как «старый, но не подлежащий прощению за давностью лет» и как «старее старого» (интересен сам выбор лексики — церковнославянской).

«Зарево», которому в русском языке сопутствовало «марев», в современном немецком вообще непереводаемо и переводчику остается только прибегнуть к словотворчеству — «Feuerschein», ибо София Парнок явно имела в виду не только огонь, сотворенный человеческими руками, но и пожар заката (как вечернего так и века) и игру пламени в горне при отливке чугуна. А может быть речь идет о небе повествователя, зареве 1914 года, одним из невольных провозвестников коего явился и лирический герой? И Фридрих Крупп тогда — лишь представитель поколения, выпестовавшего Первую мировую, один из многих и один в ответе за всех.

Абсолютным окказионализмом звучит для немца и изобретенное мной для сохранения смысла стиха и целостности образа лирического героя первой строфы «nicht ausgestrafter». Словоформа, германская по своим составляющим (две приставки, корень и окончание, представленные в иных нормативных формах прилагательных и причастий) и оттого понятная рядовому носителю языка, но — не существующая ни в одном словаре. Однако и избежать ее было невозможно — нет и не было в европейских языках причастия совершенного вида, обозначающего незавершенное действие! Если же пойти на поводу у грамматики и перевести «недоказанный» как «казненный, но не окончательно», текст принимает юмористический оттенок.

Наконец, дословный перевод «шинели» и «тулу́па» не дает ощущения дискомфорта, порожденного сочетанием «легкая шинель» и тяжелый (в подтексте, в страноведческом предзнании читателя) «тулу́п». Легка ли военная униформа по весу или потому, что ответственность за действия низшего по рангу Круппа перенимает его командир? Следовательно, в контексте первоисточника — вопрос об ответственности ученого Круппа перед человечеством за свои открытия; вопрос, поднятый несколько лет спустя и великим Б. Брехтом в «Галилео Галилее». Кроме того, при переводе исчезает дополнительный окрас строки, скрытый в ее фонетическом строе — «шинель» произносительно «легче» (выше) «тулу́па». И вопрос уже не только в том, был ли у Круппа тулуп в нашем понимании этого слова или Парнок использует это слово как знак, символ мирного быта, противопоставленный в тексте солдатской, строгой жизни.

«Взрывают» в контексте стихотворения воспринимается как наложение двух словоформ: рыть и взорвать. В итоге складывается сюрреалистическая картина, на манер «Апофеоза войны» Верещагина и «Герники» Пикассо: страшные орудия выполняют мирную работу, пахут и сеют. Но взойдет — смерть, урожай «кровоавого» винограда.

В русской традиции «крутые брови» — это не только резко очерченные, тугие, густые брови, но и показатель «крутого», жесткого, упорного характера. Следовательно, Парнок в 11-й строке возвращается к портретированию внутреннего мира лирического героя, «упорного Фридриха Круппа».

Было ли случайным использование Софией Парнок словоформы «расцвет»: имелось ли в виду производное от «расцвести, распуститься пышным цветом» или это диссимилированный вариант слова «рассвет»? Если верно второе предположение, то строфа оказывается более чем завершенной: закат первой строки сменяется рассветом последней, меж ними — человеческая жизнь, выраженная в двух символах преображения. Читателю в одной строфе дан путь лирического героя [4] от бессилия перед лицом огненной стихии к власти над ней.

Наконец, возникает вопрос об обращении повествователя к лирическому герою, Фридриху Круппу, отдаленному во времени и пространстве, обращении на «ты». Но значение этого личного местоимения в русской и германской традиции неодинаково: на Руси «ты» говорят Богу и Царю, в Германии же для подобной ситуации предполагается «Вы». Но к уважаемому близкому (по духу или по крови) человеку допустимо обращение на «Ты» (Du), к которому я и прибегла при переводе.

И наконец, как передать в переводе то ощущение творящей и одновременно губительной мощи, явленное русскому человеку прежде всего в образе Петра Великого? В строфах Парнок мы, носители традиций и культуры России, узнаем в Круппе черты царя-кораблестроителя и мыслителя, дерзкого создателя города на болотах. Чем Фридрих Крупп в контексте поэзии Софии Парнок не «Мед-

ный Всадник», стоящий «на грани двух веков как уступ», стражавшийся во славу Отчизны и оставлявший оттиски германских ботфорт на русских костях?

Интересно, что при условии владения немецким языком стихотворение получает еще более глубокие оттенки значения. Так, имя собственное Фридрих означает не более не менее как «мирный», «рожденный ради покоя», а Парнок роднит его в 12-й строке с войной, битвой («И забродила *кровь, кровавый* чужья хмель»). А атрибутив «братоубийственный» применим только к существительному «война», причем — безотносительно, гражданская или мировая.

Последнюю проблему представляли ритм и рифма стихотворения: ради их передачи на немецком языке пришлось бы значительно вторгнуться в смысл произведения, пожертвовать его подтекстом. Поэтому я выбрала так называемый «тематический» перевод — без соблюдения размеров.

Все перечисленное выше — не более чем путевые заметки переводчика, сделанные по дороге к приводимому далее тексту:

Sofija Parnok
An Friedrich Krupp
Sonett

Auf der Grenze zweier Jahrhunderte stehst Du, wie ein Felsen,
Wie eine uralte Sünde, die nicht bereut ist,
Vom Gottesstrafe nicht ausgestrafter Kain,
Brudermörderischer, beharrlicher Friedrich Krupp!

Auf dem Himmel — der Feuerschein der lodernden Landschaften.
In leichten Soldatenmantel gewechselt sein Schafpelz,
Geht der, welcher im Herzen reich und weise im Reden sparsam ist, —
Des zukünftigen Aufblühens nachdenklicher Herr...

Und die Kanonenkugeln — die Pfluge des Teufels — sprengen die Neuländer,
Und wie die Feuersamen hat sich die Schrapnelle zerstreut...
O, wie würden Deine strenge Augenbraunen aufzittern

Und wie würde [dein] Blut brodeln, den blutigen Rausch spürend!
Aber ohne Dich aufblitzte, und stürzte, und erlösch
Von Dir entworfenes gusseisernes Feuerwerk.

[1914]

Библиографический список

1. Интересна и иная точка зрения, предложенная российским литературоведом И. Беляковой. Согласно ее прочтению, лирическим героем второй строфы оказывается собирательный образ русского крестьянства и рабочего класса. Тогда по тексту рождается противопоставление двух «kollektiva» — образа династии Крупп, как представителя империалистической Европы, и образа русского мужика. При переводе ПТ были сохранены возможности обеих трактовок.
2. Цит. по: Köhne-Lindenlaub, R. Krupp / Sonderdruck aus: Neue Deutsche Biographie; hrsg. v. der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 13. — Berlin: Verlag Duncker & Humblot, 1982. — S. 128–145.
3. Я не имею в виду описательного перевода.
4. Российского крестьянства или, в ином прочтении, династии Крупп.

УДК 82(4-011)(470+571)

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ И СЛАВЯНСКИЕ ЛИТЕРАТУРЫ: ОБЩНОСТЬ И САМОБЫТНОСТЬ

А.К. Мардиева

В статье представлен общий взгляд на литературное достояние стран Восточной и Западной Европы, на их общность, не исключая национальное своеобразие. А также рассматривается вопрос о недостатках современного образования в Европе, что приводит к снижению уровня грамотности людей и формированию потребительского сознания.

Ключевые слова: литература, духовность, чтение, образование, творчество, общность, православие.

В Первом послании к Коринфянам апостола Павла читаем: «Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное» (Кор. 1:27). Очевидно, что духовное достояние человечества включает в себя не только религиозное мировоззрение, но и сложившуюся на протяжении многих столетий систему эстетико-этических категорий, нашедшую свое воплощение в различных видах художественного творчества: живописи, ваянии, архитектуре, музыке, литературе. Бесспорно, огромное влияние художественной литературы на духовный облик человечества, начиная от античности и кончая современностью. В формировании мировоззрения, вкусов и устремлений личности литература играла ведущую роль. Никто не станет отрицать тот факт, что национальные литературы всегда были связаны с актуальными и важными проблемами той страны и того времени, в которых они создавались. Но не политика и экономика определяли облик литературы, не рационализм и практичность были ее составляющими, ибо она в большей степени относилась к сфере духовно-интеллектуальной. Об этом свидетельствует одна из вечных проблем искусства – проблема предназначения художника.

Не все люди обладают творческими способностями. Так для чего же Господь дает эти способности отдельным индивидам? Какова Его цель? Дар ли это или тяжелое бремя для личности? Над подобными вопросами задумывались и сами художники, и их ценители и хулители. Проблема пришла из глубины веков – от древнегреческого Алкея – к древнеримскому Горацию, от него – к Данте и Шекспиру, Державину и Пушкину и к поэтам наших дней. Звучит она, примерно, так: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...».

В современном мире в связи с появлением новых технологий в области массовых коммуникаций книга теряет свое ведущее положение в сфере духовно-интеллектуальной жизни, уступая место интернету и виртуальному пространству. Но при этом ограничиваются не только умственное общение с книгой, эстетическое удовольствие от языка художественного текста, но и утрачиваются элементарные навыки грамотности, чему немало примеров, особенно здесь, в, казалось бы, просвещенной Европе. Несколько лет назад в кельнских газетах прошло сообщение о том, что обер-бургомистр Кельна издал распоряжение об обучении почтальонов чтению. Кстати, о низком уровне современного образования в Германии говорят сейчас и сами представители коренного населения страны. Так, собирая материал

для статьи о праздновании 250-летия со дня рождения Шиллера, социальный работник одного из интеграционных центров города пишет: «В Германии 2009 года, с моей точки зрения, сенсациями культурного ландшафта стали, судя по реакции СМИ, «Битва в Тевтобургском лесу...», а также празднование двадцатилетнего юбилея объединения страны». Далее автор статьи приводит данные опроса, проведённого им лично: из 50 человек разных возрастных категорий и уровня образования никто не мог вспомнить ни одного из произведений Шиллера [2, с. 3]. И все же литература, несмотря на ее усиленную коммерциализацию, продолжает влиять на макро- и микрокосм индивида. В том или ином направлении. Настораживает популярность откровенно коммерческой литературы, приспособленной к низменным вкусам и инстинктам, наполненной сценами насилия и ужасов, способствующих деградации личности. Население Европы в основной массе не читает серьёзные книги. В Германии можно увидеть в книжных магазинах полки со специфической классификацией – Taschenbuch – книга для сумки, т. е. безотносительно к содержанию, а также огромное количество кулинарных изданий. Вызывает также сожаление тот факт, что некогда «читающие» страны мира утрачивают свои позиции (например, Россия сейчас находится на девятом месте по количеству читающего населения).

У западноевропейских и восточнославянских стран много сходного в процессе становления литературы. Она возникла на фундаменте из трех опорных глыб: античного наследия, фольклора, христианства – в западном мире, фольклора, православия, античного наследия – в восточнославянском, что в своё время рассматривалось в трудах академиков А.Н. Веселовского, А.Ф. Лосева, Д.С. Лихачева и др. В освоении литературами народного творчества наблюдались близкие тенденции. Античность на западные литературы влияла непосредственно, на восточнославянские – через западные образцы.

Христианство внесло в литературу духовное начало не только в смысле религиозного мировоззрения, но и как приобщение к философским, эстетическим, этическим категориям. Впервые в литературе Средневековья встал вопрос о личности, ее внутреннем мире, ее морали, ее духовной глубине. При всей схожести отношения человека к Богу в западном и восточном мире можно отметить различные формы выражения этих отношений, что, например, проявляется в устремлении ввысь, строгости, аскетизме готики, в изображении сцен страданий и мучений Христа, вызывающих, по словам Аристотеля, трагический катарсис, – в западном мире и в соединении с Богом через гармонию внутреннего и внешнего (Бог не только в небе, он везде и во всем), выразившимся прежде всего в округлости форм православных храмов, в смиренности, спокойствии и умиротворении большинства православных икон – в восточнославянском. Нельзя даже ставить вопрос о том, что лучше, ибо это две стороны одного явления, подобно тому, как и общие идеи человечества находили свое разное воплощение в разных литературах и у разных писателей. Каждая эпоха подходила к этому по-своему, но на протяжении долгих столетий в западноевропейских и восточнославянских литературах неизменными оставались приоритеты: библейские заповеди, нравственные идеалы, благородные личности. Человечество жило, страдало и смеялось вместе с Данте, Бокаччо, Рабле, Шекспиром, Брандтом, Эразмом Роттердамским, Кохановским, Гёте, Шиллером, Кантемиром, Ломоносовым, Державиным, Пушкиным... Список можно продолжить, обнаружив при этом больше сходства, чем различий у представителей литератур разных народов и разных эпох.

В лучших произведениях западноевропейских и восточнославянских авторов представляли ценности, связанные прежде всего с духовным обликом личности. Герои их поступали вопреки обывательской логике, страдая, принимали хулу и поношение, иногда жертвуя жизнью. Эту позицию в XX веке сформулировал замечательный французский писатель Антуан де Сент-Экзюпери в эпитафии к «Маленькому Принцу»: «И хотя человеческая жизнь бесценна, мы поступаем так, как будто есть нечто более ценное, чем человеческая жизнь...». В жизни мы находим еще более яркие примеры духовного героизма личности, чем в художественной литературе, как, например, один из эпизодов трагической истории иконы Холмской Богородицы. Владыка Илларион, в 1944 году эмигрируя из Польши в Швейцарию, взял с собой икону. Под Люблином поезд архиепископа попал под бомбежку: вокруг шли бои, наступали советские войска. В этом хаосе владыка Илларион не смог отыскать святой образ — церковной утварью было заполнено несколько вагонов. Возникла версия, что икона сгорела в пламени войны. Никто не мог и подумать, что на самом деле она не пострадала. В то время, когда все кинулись спасать свое имущество и жизнь, икону опекала кухарка известного русского писателя Михаила Булгакова — Илария Булгакова. Рискнув жизнью, женщина вынесла ее в поле и накрыла своим телом. Она тайно привезла икону в Люблин и отдала православному священнику, а он уже сообщил в Холм, что святыня спасена.

XIX и XX столетия в истории западно-европейских и восточно-славянских литератур отмечены противоречиями, потрясениями и катастрофами. Как отмечают авторы трехтомного издания «История литератур западных и восточных славян»: «Судьбы славянских народов были более драматичными, чем судьбы большинства других народов Европы. Но тот же комплекс этноисторических проблем, отягощая развитие славянских литератур, мог давать им свои далеко не бесполезные импульсы: настраивать на волну сочувствия и сострадания к человеку, поддерживать демократические и гуманистические тенденции. Драма национального гнета или тяжкие воспоминания о нем могли в определенных ситуациях консолидировать общество, смягчая разгорающиеся между ним и искусством конфликты, мобилизовать творческие силы нации, спасти от пессимизма и безверия, обновлять традиции служения писателя отчизне» [1, с. 24].

К сожалению, эти процессы привели к разобщению славянских литератур, особенно южных и западных. В современной политической ситуации стало модным отмежевываться друг от друга, пренебрегая историческими реалиями. И даже известные публичные личности не избегают соблазна. Например, польский режиссер Кшиштоф Занусси в интервью региональному журналу на Украине сказал: «Поляки не воспринимают слово «славянин». У нас назвать кого-то «славянином», значит, намеренно его обидеть. Если кто-то... не позвонил своевременно, куда должен, или сделал что-то некрасивое, то о нем говорят — славянская душа... Поляки считают себя представителями латинской культуры» [4, с. 13–14]. При этом вспоминается древняя легенда о трёх братьях Лехе, Чехе и Русе, записанная в памятниках польской средневековой литературы. В начале XVII века дубровчанин Марко Орбини в книге «Славянское царство» рассматривал восточных, западных и южных славян (католиков протестантов и православных) как один славянский мир с общностью славянских культур, спаянный идеей славянской взаимности. Наличие объединяющей идеи не исключало сложностей внутри славянских отношений, особенно между Польшей и Россией — они более известны и муссируются в современной Польше, а также

Украиной и Польшей, что менее известно, но не менее драматично [4, с. 36]. Против упрощенного понимания славянского единства предостерегал русский исследователь славянских культур А.Н. Пыпин, который говорил «о великом разнообразии славянской жизни, о различиях, положенных между племенами природой и тысячелетней историей, о той ревливой привязанности, какую питает каждое племя к своей национальной целостности» [3, с. 36].

В современном мире усилившееся тяготение западных и южных славян к опыту западноевропейских литератур становится реальным. При всем этом общечеловеческая взаимность литератур европейского континента очевидна. Она выражается в возможности всех наций понять друг друга и в политическом, и в экономическом, и в культурологическом аспекте. «Представители различных западных и восточнославянских литератур, определяющих ее облик, пропагандируют идею общечеловеческой взаимности, расположения друг к другу. Нет талантливых произведений, которые были бы способны, играя на низменных чувствах людей, разжигать национальную рознь, вызывать ненависть одного народа к другому» [1, с. 935]. Мир слишком тесен для того, чтобы враждовать друг с другом.

Библиографический список

1. *История литератур западных и южных славян*. Т. III: Литература конца XIX – первой половины XX века (1890-е гг. – 1945 г.). – М. : Индрик, 2001. – 992 с.
2. *Тернес, Йозеф*. Размышления о Шиллере / Й. Тернес // *Contur*. – Кёльн. – 2010. – Январь-февраль.
3. *Пыпин, А.Н.* История славянских литератур / А.Н. Пыпин, В.Д. Спасович. – СПб., 1881. – Т. 2.
4. *City Live*. Західноукраїнський журнал. – 2007. – Квітень. – № 4.

УДК 821.112.2-312.8

СИМВОЛИЧНОСТЬ НЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Э.Т.А. ГОФМАНА)

И.В. Лаптева

В статье рассматривается символичность творчества Э.Т.А. Гофмана в российской действительности. Он выступает как модернист, который более столетия назад опередил появление нового мышления в философии и культуре: социальная критика и стремление к перфекционизму внутри отдельного человека, внутри общества и в мире в целом.

Ключевые слова: символичность, российская действительность, проблемы внутри общества, социальная критика, перфекционизм.

С помощью знаков и символов осуществляется фиксация и оценка индивидуальной и общезначимой информации о человеке и мире в культурных текстах, общение индивидов и социальных групп между собой, совместное целедостижение. Их смысловое значение заключается в умении представлять, фиксировать определенные стороны, черты, характеристики обозначаемого объекта, определяющие область их приложения. Это то, что понимает человек, воспринимающий или воспроизводящий данный знак.

Наиболее привычное определение «символа» связано с идеей некоторого содержания, под которым, в свою очередь, скрывается другое содержание, культурно более ценное. Принципиальное отличие символа от знака заключается в том, что его смысл не подразумевает прямого указания на означаемый объект – денотат. «Знак становится символом тогда, когда его употребление предполагает общезначимую реакцию не на сам символизируемый объект, а на отвлеченное значение (или целый спектр значений), конвенционально в той или иной степени связываемых с этим объектом» [3, с. 199]. Его существование целиком зависит от коммуникативной актуальности того или иного смысла.

Как известно, великие писатели, поэты, философы, а также объекты их творчества наряду с внешним содержанием собственных имен приобретают глубокий внутренний смысл при передаче какой-либо информации, т. е. символический характер.

Символы культуры редко возникают в ее синхронном срезе. Такие знаки приходят из прошлых столетий и, актуализируя свое предшествующее значение по отношению к современности, передаются будущим состояниям культуры. Гофман как личность представляет собой немецкого писателя рубежа XVIII–XIX вв., представителя позднего романтизма. Но когда В.Ф. Одоевского назвали «русским Гофманом», М. Шагала – «Гофманом околдованных трущоб», в данном случае смысл «Гофмана» является «планом выражения другого содержания» [4, с. 111] – многогранный талант со смешанной игрой реальным и мистическим материалом, наполненной двойниками, безумием и ужасами повседневной жизни. И как этот символ Гофман принадлежит культуре.

Как Гофман в Германии, так Шагал в Витебске поднимал все видимое силой своей фантазии в воздух: летели по небу коровы и дома, мужики с мешками за спиной и влюбленные парочки, летели дома и золотые купола, подвыпившие ремесленники и козы с тревожными женскими глазами. «Вместилище эмоций – вот что такое художник, – уверен Шагал, – они приходят к нему со всех сторон: с неба, с земли, от клочка бумаги, от очертаний тени, от паутины!» [1, с. 12].

В своей оправдательной речи от 23 февраля 1822 г. Гофман очень точно охарактеризовал себя: «Писателю, имеющему дело с юмором, должна быть предоставлена свобода легко и вольно перемещаться в своем фантастическом мире. Неужели обязан он, словно прокрустовым ложем, стеснять себя тысячами оговорок и мучительных сомнений насчет того, как могут быть превратно истолкованы его мысли?» [5, с. 370]

Э.Т.А. Гофман творил в рамках романтической модели искусства – он более тонко понимал своеобразие каждого вида искусства, освободившись от классицистической догматики и просветительской рассудочности, обращал повышенное внимание на «выражение внутреннего» (В.В. Ванслов) в искусстве, человеке и мире в целом, являлся воплощением художника универсального дарования.

Актуальность Гофмана обусловлена востребованностью символических методов творчества и напряженностью социальной критики, присущих ему и совре-

менной культуре рубежа XX–XXI веков. Художник слова, кисти и звука как знаковая фигура принадлежит российской культуре. Его творчество было популярно в кругах русской интеллигенции XIX века. Начиная с 20-х годов XX века, оно востребовано в силу присущих ему свойств – это символический синтез искусств, критика филистерской модели ценностей, комизация безумия жизни, аномалии человеческой психики, антиклерикализм и народность творчества.

Сам факт новых приближений к его искусству свидетельствует об его онтологической неисчерпаемости, о множестве таящихся в нем «резервов смысла»: сценарий «Гофманиана» А. Тарковского, опера «Сказки Гофмана» А. Петрова, театральные постановки по произведениям Гофмана Г. Козлова «P. S.» и В. Розова «Тайна двойников, или Загадка Гофмана», стихотворение «Золотой горшок» Н. Матвеевой, балет А. Петрова и Б. Краснова «Коппелия», «Крошка Цахес» в «Куклах» на НТВ, пьеса О. Постнова «Эрнст, Теодор, Амадей», выставка О. Мелехова «Город сказочника Гофмана», «Щелкунчик» в Мариинском театре М. Шемякина и «Кракатук» А. Могучего в цирке, анимационный фильм «Гофманиада», конкурсы детского рисунка «Сказки Гофмана», балет «Волшебный орех» М. Шемякина по мотивам «Щелкунчика», в перспективе открытие двух памятников Гофману и его героям в Калининграде, выполненные В. Назарук и М. Шемякиным и т. д.

Примером некорректного подбора символа автор рассматривает личность В.В. Путина в роли Цахеса в «Куклах» на НТВ во время предвыборной президентской кампании 2004 года. Организаторы сериала стремились перенести черты героя на конкретного политика. Крошка Цахес символизирует мерзкого уродца, который с помощью полученных от феи волшебных чар (с помощью обмана) околдовал целое государство и стал в нем первым министром, т. е. на политика переносятся черты персонажа и как следствие отношение к нему.

Сам Гофман писал о своей сказке: «...я не сделал пока ничего лучше, все прочее мертво и безжизненно в сравнении с ней, и мне кажется, что, совершенствуясь в писательском деле, я смог бы, пожалуй, прийти к чему-нибудь стоящему» [5, с. 207].

Основная идея сказки скорее страшна – ничтожество захватывает власть путем присвоения заслуг, ему не принадлежащих, продвижение «наверх» не самыми честными путями. В этой сказке тупоумие воспринимается как мудрость, и все пресмыкаются перед высокопоставленным мерзавцем. Это очень мощный символ. Хорошо, что сказка «Крошка Цахес» не распространена в нашем народе, поскольку это могло бы резко изменить восприятие людьми данного политика. В этом случае мы можем говорить о нечестном психологическом приеме по отношению к бывшему президенту.

Прежде чем символизировать какой-либо предмет или явление, следует обязательно убедиться в правильности выбора, чтобы не исказить действительное положение вещей. В данном случае символ был выбран не верно, но аналоги содержания этой сказки имеют место в российской действительности – это присваивание чиновниками заслуг других людей; торжество филистеров-недоучек; «превращение» невежд, глупцов и преступников в «порядочных и умных» людей; путь к успеху через ложь, лицемерие и расчет и др.

«Властитель всегда окружен злоумышленниками всякого рода и пребывает в ослеплении, гофмаршал помешан на своей родословной и непроходимо глуп, первый министр – корыстный бессовестный интриган, камер-юнкеры – сплошь развратники и осквернители девичьей чести. Каждое лицо фальшиво улыбается, а в сердце ласкательство и предательство. С виду тают от благожелательности

и чувствительности, лебезят и сгибаются в три погибели, но каждый ненавидит себе подобного, только и думает о том, как бы подставить ему ножку, чтобы он упал и не поднялся, и можно было пролезть вперед, пока тебя не застигнет та же участь» [6, с. 465].

В гофмановском философствовании ярко представлена *теория перфекционизма*: «преодоление себя, достигая подчинения тела Духу; но преодоления и подлинного успеха жизни нет без идеи самосовершенствования и воли к этому, в противном случае успех растлевает человека» [2, с. 246]. Из эгоиста доброго человека сделать нельзя внешними средствами: «никакими благодеяниями не облагородишь низкой натуры; благодеяния только отталкивают таких людей, вместо того чтобы привлекать» [6, с. 551]. Все это имеет место в России XXI века.

Творчество Э.Т.А. Гофмана — это безумие бытующих форм жизни, не соответствующих устремлениям художественной натуры. Его символы, как сюжетные схемы и другие семиотические образования, переходят из одного пласта культуры в другой. Мир, созданный воображением писателя, — это мир нашей повседневной жизни, мир реальный и мир мечтаний, мир абсурда, мир тревог и надежд, мир отчаяния и мир веры в то, что человек сильнее коварного крошки Цахеса, крысиного короля, злорадного доктора Дапертутто, мрачного барона Родериха и др.

Таким образом, символическое наследие Гофмана, являясь важным «механизмом» памяти культуры, высмеивает существующие пороки и призывает к перфекционизму внутри человека, внутри общества и в целом мире, что так актуально для современной действительности.

Библиографический список

1. *Анисимов, Г.* Приезд Шагала / Г. Анисимов // Культура. — № 33(7340). — 2002. — С. 12.
2. *Гагаев, А.А.* Философия Э.Т.А. Гофмана / А.А. Гагаев // Социализация и соц. контроль в Евразии. Наука и искусство. — Саранск, 2007. — С. 246–247.
3. *Культурология. XX век / Энциклопедия : в 2 т.— СПб. : Унив. книга, 1998. — Т. 1. — 447 с.*
4. *Лотман, Ю.М.* Избранные статьи : в 3 т. / Ю.М. Лотман. — Таллинн, 1992. — Т. 1. — 466 с.
5. *Э.Т.А. Гофман.* Жизнь и творчество. Письма, высказывания, документы / сост. К. Гюнцель. — М., 1987. — 464 с.
6. *Hoffmann, E.T.A.* Ausgewählte Werke. Berlin: Directmedia Publishing GmbH, 1998. [CD-Rom]. — 5974 S.

УДК 82(430)

DEUTSCHLAND EIN SOMMMERMÄRCHEN ODER WIE ICH IN RUSSLAND LERNT, MEINE HEIMAT ZU LIEBEN UND MIR KEINE SORGEN MEHR ZU MACHEN

Rolf-Bernhard Essig

Преподаватель немецкой литературы из Бамберга Рольф-Бернхард Эссиг, который неоднократно приезжал в Самарский и Тольяттинский университеты с лекциями и семинарами, рассказывает о своих впечатлениях и суждениях студентов о немецкой и русской культуре, истории и литературе.

Ключевые слова: германистика, патриотические чувства, груз истории, заимствованные слова, взаимопонимание, позитивные стереотипы, социальная стабильность, современная немецкая литература.

“**I**m Gegensatz zu uns haben die Deutschen eine wahnsinnige Geschichte!“ Darya und ich laufen durch den Gagarin-Park, Regen setzt ein und macht Samara noch etwas grüner. „Wahnsinnige Geschichte“, denke ich, „klar, so ist es“. Da verbessert sich Darya: „Ich meine, eine tolle Geschichte. Deutschland ist patriarchalisch, und alles ist auf die Familie gegründet. Die Traditionen sind dort noch lebendig. Bei uns hat man sie in den letzten 70 Jahren zerstört“. Mit welcher Leidenschaft diese junge Studentin von Deutschland spricht, wie kritisch sie ihre Heimat sieht!

Ich bin zum dritten Mal in der Millionenstadt an der mittleren Wolga, um an der Staatsuniversität Samara Seminare über deutsche Literatur und literarisches Schreiben zu geben. In vier Jahren hat sich die Stadt rasant verändert. Manchmal wurden ganze Straßenzüge abgerissen, und Glasfassaden ragen empor, wo vormals mit Schnitzwerk verzierte Holzhäuser standen. An der Universität merkt man äußerlich nichts von diesem Aufbruchgeist. Das Gebäude wurde seit vielen Jahren nicht renoviert, von außen wirkt es fast abschreckend. Der Staat hat sich weitgehend aus der Finanzierung der staatlichen Universität zurückgezogen und erwartet, dass sie selbst Geld heranschafft, beispielsweise über Studiengebühren. Trotzdem sind die Gänge voll, trotzdem wird im Drei-Schichten-Betrieb gelernt. Die Germanistik befindet sich im dritten Stock. Wandzeitungen und Anschlagtafeln hängen im Flur, in den Räumen Deutschlandkarten oder Bilder von Eva-Maria Hagen und Wolf Biermann. Die Atmosphäre des Fachbereichs ist ideal, hier kann ich gut unterrichten, zumal die Deutschkenntnisse der Studierenden exzellent sind.

Darya, die mit fünf anderen meinen Schreibkurs besucht, lernte ich vor zwei Jahren kennen. Damals hielt ich einen Vortrag über Susanne Riedels Roman „Eine Frau aus Amerika“, in dem es um Heimat geht, um die deutsche Volksseele, um die gefährliche Verdrängung von patriotischen Gefühlen. Ich hatte Darya gefragt, was für sie Heimat ist. „Seitdem“, erzählt sie, „habe ich darüber nachgedacht. Es war, als ginge mich die Frage ganz persönlich an, aber zu einem einfachen Ergebnis bin ich nicht gekommen“.

Nicht nur das problematische Heimatgefühl verbindet viele Russen und Deutsche. Die Last der Geschichte wiegt hier wie dort schwer, wobei man es als Nachkomme der Angreifer im Land der Angegriffenen natürlich schwerer hat. „Gitler“ (das „H“ wird im Russischen zum „G“), „Faschist“, das sind geläufige Assoziationen, wenn hier jemand „Deutschland“ erwähnt. Oft verwendet man die Begriffe nur ironisch oder witzig, immer wieder aber

auch abweisend. In Samara stehen Gebäude mit Prunkfassaden und mächtigen, 8 m hohen Torbogen, die von Stalingrad-Gefangenen erbaut wurden. Fast jede Familie hat Angehörige im Großen Vaterländischen Krieg verloren. An ihn erinnern Dutzende Kriegerdenkmale, darunter eine kilometerlange von Denkmalen gesäumte Promenade, die der Rüstungsarbeiter gedenkt, der „Helden des Hinterlandes“.

Trotzdem traf ich ausschließlich auf Menschen wie Juri oder Sergej, beide selbstständig, beide versierte Techniker und Geschäftsleute, die betonten: „Wir Russen haben gegen die Faschisten gekämpft, nicht gegen die Deutschen. Der Zweite Weltkrieg war ein schrecklicher Irrtum, denn eigentlich sind Deutsche und Russen historische Verbündete“. Weit mehr als hundert Lehnwörter belegen, wie lange man sich an Deutschland orientierte: „Kapellmeister“, „Büstengalter“, „Mittelspiel“ und „Endspiel“ (im Schach), „Streikbrecher“, „Butterbrot“ (in Russland jedes belegte Brot), „Flegel“, „Wunderkind“, „Stöpsel“ sind nur ein paar davon. Für Juri und Sergej ist die aktuelle Nähe zwischen den beiden Staaten kein Wunder: „Das Verständnis zwischen unseren Völkern ist groß. Weder Amerikaner noch Engländer noch Franzosen, ja nicht einmal die anderen slawischen Menschen verstehen die Russen so gut wie die Deutschen“. Dann kommen die positiven Stereotype wie Ordnung, Sauberkeit, Pünktlichkeit, Tüchtigkeit der Geschäftsleute und Handwerker, Qualität der Waren und die erstaunliche soziale Stabilität.

Immerhin fünf Studierende wagen sich in meinen Kurs „Literarisches Schreiben“. Vor allem Nastjas ebenso witzige wie schöne Selbstermächtigungsstudie begeistert mich inhaltlich und sprachlich, aber auch die autobiographischen Geschichten der anderen. Man merkt, wie sehr ernst, wie sehr persönlich Literatur hier genommen wird. Sprachliche Einwände hören die Seminarteilnehmer an, aber wenn sie gegen ihr Gefühl stehen, entscheiden sie sich für das letztere.

Wenige Tage später im Literaturunterricht haben wir dann aber den Salat: „It is not correct to write poems about things that are not beautiful!“ Auslöser dieser Worte ist das Gedicht „glasbau die schenkel“ von Ulrike Draesner. Es ist Dienstag Nachmittag und sehr heiß in der russischen Autokapitale Togliatti, 750 000 Einwohner, Partnerstadt von Wolfsburg und ebenso am Reißbrett entstanden. Bis gerade eben hat Schweigen im Seminarraum geherrscht. Fast denke ich, keine der etwa 30 Deutsch-Studierenden, fast alle Frauen, habe die Draesner-Verse verstanden, die das Rasieren der Schenkel beschreiben. Dabei ist die Epilierung für die russische Frau quasi verbindlich. Nachdem Dascha endlich ausgesprochen hat, dass es um Enthaarung geht, und dass sie dieses Gedicht nicht mag, kritisieren es auch andere: Da könne man ja gleich Lyrik über das Duschen schreiben oder über den Klogang! „Gedichte“, sagt Olga, „sollen über Natur und Liebe sein“. „Und schön!“, fügt Jenja an. Schließlich frage ich die tuschelnden Fünf auf der letzten Bank. Da sie Deutsch nur als Zweitsprache studieren, antwortet Pawel in Englisch: „It is not correct...“ Eine Stunde später ist es doch gelungen, viele von der Schönheit des Poems zu überzeugen. Begeisterung, ja Heiterkeit kommt allerdings erst auf, als wir Peter Rühmkorfs „Liebe Dich, Liebe“ besprechen. Das ist es: der richtige Ton, Versfüße, Reime, Witz, Melancholie und das Thema, das alle lieben!

In den kommenden Tagen schüttelt mancher Russe über die Deutschen den Kopf, über unsere Leichtgläubigkeit, die Sparsamkeit, Energie und Gefühlen betreffend, doch stets bleibt da ein positiver Unterton, der häufig an die Oberfläche dringt und sich durchsetzt als eine Melodie voll Bewunderung und Liebe – ein Wort, das man in Russland ohne Anführungszeichen verwenden darf.

Sascha beispielsweise ist Philosophiedozent, der an vier Hochschulen lehrt, um genug zu verdienen, und ein erklärter Fan von Schleiermacher und Dilthey. Er, sein Doktorvater und eine Studentin begleiten mich zu „Frau Müller“, um mit mir Bier zu trinken. In dem ganz neuen Pseudofachwerk-Gebäude mit funktionslosem Türmchen finden wir

kaum noch Platz. Offensichtlich kommt die Idee „Deutsche Küche und deutsches Bier“ in Samara bestens an. Auf der Karte stehen mehr als ein Dutzend Produkte bekannter deutscher Brauereien, darunter ein Export aus Kulmbach, ein Weizenbier aus Bayreuth und – ich kann es kaum glauben – Rauchbier aus Bamberg. Sascha bestellt nach dem Bier Wodka und spricht heiter-philosophisch: „Deutschland ist für die Russen so ein Traumland, wo wir nach dem Tod leben werden“. Vor dem Tod aber leben sie in Russland und verehren in der Ferne manches, von dem wir nicht einmal mehr richtig Notiz nehmen.

Vier intensive Stunden interpretierte beispielsweise die Hochschuldozentin Natascha mit ihren Studenten „Zieh dir was an, Mädel“ der Gruppe „Wir sind Helden“. „Pure Poesie“, sagt sie, „nicht leicht zu verstehen, aber ein toller Text und tolle Musik“. So intelligente Lieder fehlen ihr in Russland, mehr noch eine so anspruchsvolle Literatur, wie es sie gerade in Deutschland gebe. Natascha liest viel, natürlich auch die aktuellen russischen Romane, aber die seien intellektuell, künstlerisch und vom Anspruch her Klassen schlechter als die einer Ulrike Draesner, Susanne Riedel oder einer Elfriede Jelinek, sagt sie. Bei diesen Autorinnen bewundert sie besonders die ästhetische und thematische Kühnheit, die durchaus, so anders sie schreiben, an Thomas Mann oder Vladimir Nabokov denken lasse. „Die deutsche Gegenwartsliteratur“, bedauert sie, „ist in Russland leider fast unbekannt, weil die Verleger behaupten, dass sie wegen ihrer anspruchsvollen Intelligenz, Kompliziertheit und Anforderungen an den Leser damit ein zu hohes Risiko eingingen“.

Seit Jahren analysiert Natascha alles genau, was sie an deutscher aktueller Literatur bekommen kann. Nur mit unserer Literaturkritik steht sie auf Kriegsfuß, weil sie viel zu sehr auf den Inhalt konzentriert sei, viel zu wenig die Komposition, die Sprache, die ästhetische Qualität von Literatur wahrnehme, schlicht zu oberflächlich sei: „Ich bin manchmal empört, mit wie wenig Respekt die Autoren behandelt werden. Dabei übersehen Kritiker oft selbst klare Kunstgriffe oder Formideen der Autoren“.

In ihrer literaturwissenschaftlichen Arbeit hilft ihr das Deutsche sogar, wenn sie russische Aufsätze schreibt: „Falls ich Probleme bei der Formulierung bestimmter Inhalte habe, formuliere ich meine Gedanken zuerst auf Deutsch, und dann übersetze ich das in meine Muttersprache. Auf Deutsch lassen sich die Gedanken sehr klar fassen. Es verlangt schon von der Syntax her eine detailliertere, informationsreichere Ausstattung des Satzes“.

„Deutsch“, seufzt eine andere Natascha wenig später und 80 km nördlich, „ist meine zweite Sprache. Ich bin immer fröhlich, wenn ich deutsche Lieder oder Deutsch sprechen höre.“ An diesem Nachmittag in Togliatti hat sie reichlich Gelegenheit dazu, denn nach der Interpretation habe ich eine Stunde mit Gesang und Dichtung auf das Programm gesetzt. Wir sitzen im Kreis, drei Dozentinnen, etwa ein Dutzend Studentinnen und ich. Als Erstes singen wir, unterstützt von Lenas Gitarre, „Horch, was kommt von draußen rein“, dann „Der Mai ist gekommen“ und „Die Gedanken sind frei“. Keine Berührungsängste sind zu bemerken, nur die übliche Singschüchternheit, die aber vergeht. Dass Deutsch-Studentinnen Deutsch mögen, ist natürlich alles andere als ein Wunder. Die Wärme, mit der sie von der Sprache schwärmen, aber doch. Die Augen leuchten, während eine zweite Lena sagt: „Mir gefällt die Sprache, alles ist geregelt, so klar, der Mathematik sehr ähnlich.“ Alle im Kreis nicken zustimmend und selig. Außer ihnen lernen weitere 4,5 Millionen Russen unsere Sprache; ein unangefochtener Spitzenplatz seit Jahren. Natascha verzieht das Gesicht: „Englisch ist banal. Das spricht jeder. Überall trifft man auf Englisch. Deutsch ist dagegen etwas Besonderes“.

Wie zum Beweis geben die Studentinnen deutsche Gedichte zum besten. Eine dritte Natascha sagt: „Ich möchte die ‚Sachliche Romanze‘ von Erich Kästner vortragen“. Leise, doch intensiv, mit feiner Eile trägt sie die Verse vor, klar und fast en passant. Ideal streicht sie damit die verständnislose Traurigkeit des Gedichts heraus, und beinahe muss ich weinen. Tatjana hat Erich Frieds Gedicht „Die Liebe und wir“ ins Russische übertragen. Erst

spricht sie es Deutsch, mit viel Gefühl und leichtem Pathos. Die russische Fassung trägt sie dann empor ins leidenschaftliche Rezitieren mit halbgeschlossenen Augen. Wir singen dann wieder, die „Loreley“ und „Sag mir, wo die Blumen sind“, um schließlich mit Wonne „Freude, schöner Götterfunken“ zu schmettern. Das Singen von Volksliedern empfinden die Studentinnen als eine liebenswerte deutsche Tradition. Sie wissen freilich nicht, dass sie bei uns fast nicht mehr gepflegt wird.

Als ich vierzehn Tage später am Frankfurter Flughafen besonders streng kontrolliert werde, bin ich erleichtert, dass niemand an mir die eigentliche Gefahr entdeckt: die Ansteckung mit Heimatliebe in der Fremde.

УДК 81:159.9

ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В РАЗВИТИИ КРЕАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ

Т.А. Чупшева

Статья раскрывает вопросы развития творческого потенциала личности и сравнивает языковой потенциал развития креативных способностей ребенка и взрослого.

Ключевые слова: языковая компетенция, потенциал креативности, сравнительный анализ лексического состава языков.

Исторически сложившаяся традиция научного анализа не обошла вниманием языковую компетенцию. Прежде всего следует обратиться к данным и результатам, полученным в филологической герменевтике. В ее толковании процессы понимания и интерпретации обсуждаются большей частью как процессы понимания и интерпретации текста.

Для современной психологии, в частности, психологии творчества в развитии креативного потенциала в рамках герменевтики наработаны весьма богатые пласты нетривиального знания, которые, безусловно, должны быть интегрированы в современную психологию и, в том числе в психологию творчества. Однако внимание герменевтики к тексту и проблеме его понимания в контексте нстоящей работы дает нам основания сосредоточиться на языковой способности человека, выступающей в качестве предмета пристального анализа в современной психоллингвистике.

При обращении к данным психоллингвистики, в частности, в контексте разработки проблемы креативности требует осмысления весьма примечательный эмпирический факт, на который следует обратить внимание: умственные способности ребенка во многих отношениях ограничены, и тем не менее он овладевает исключительно сложной структурой родного языка всего за какие-нибудь три или четыре года. Более того, каждый ребенок, сталкиваясь с новым для него явлением родного языка, довольно скоро «подводит» его под одну и ту же грамматику, практически без сознательной помощи родителей или с очень

незначительной их помощью. Это значит, что ребенок быстро становится полноправным членом своего языкового общества, способным производить и понимать бесконечное число новых для него, но тем не менее значимых предложений, на языке, которым он овладел.

До недавнего времени психология рассматривала речь, а также процесс овладения первым языком просто как одну из форм человеческого поведения, которую можно свести к закономерностям образования условных реакций. Картина, которая начинает вырисовываться перед нами теперь, иная — ребенок сам творчески создает свой язык в соответствии с внутренними и врожденными способностями, сам создает все новые теории структуры языка, модифицируя и отбрасывая старые теории по мере своего движения вперед.

Формирование языковой компетенции человека, разумеется, может рассматриваться не только в онтогенезе, но и в филогенезе, точнее сказать, — в процессах культурогенеза. И в этой связи здесь уместно привести некоторые интереснейшие данные сравнительного анализа лексического состава некоторых языков, в частности, языков индоевропейской группы. Еще в XIX веке ученые-лингвисты обратили внимание на то, что лексика, фонетика и грамматика языков значительного числа народов, населяющих Евразию, имеют много общих черт. Вот лишь два показательных примера такого рода.

Русское слово «мать» имеет параллели не только в славянских, но также в литовском (*motina*), латышском (*mate*), древнепрусском (*muti*), древнеиндийском (*mata*), авестийском (*matar-*), новоперсидском (*madar*), армянском (*mair*), греческом (*mhthr*), албанском (*motrë* — сестра), латинском (*mater*), ирландском (*mathir*), древневерхненемецком (*mouter*) и других современных и мертвых языках. Не меньше однокоренных «собратьев» и у слова «искать» — от сербохорватского *искати* и литовского *ieskoti* (искать) до древнеиндийского *icshati* (искать, спрашивать) и английского *to ask* (спрашивать). На основе подобных совпадений было установлено, что все эти языки имели общую основу. Они восходили к языку, который условно (по месту обитания этносов, говоривших на языках-«потомках») назвали пра-индоевропейским, а носителей этого языка — индоевропейцами. К числу индоевропейцев относятся индийские, иранские, италийские, кельтские, германские, балтийские, славянские, а также армянский, греческий, албанский и некоторые мертвые (тохарский, фригийский, фракийский, иллирийский и венецкий) языки.

Для правильной оценки этих данных в контексте настоящего исследования следует учесть, что в свое время благодаря исследованиям В.С. Ротенберга в поле концептуального значения термина «креативность» было введено представление о «поисковой активности». Следует ожидать, что многочисленные факторы исторической дифференциации лексического состава родственных языков, обуславливая расхождение языков во времени и пространстве с накоплением разнообразных различий, в меньшей степени затрагивают некоторые фундаментальные языковые универсалии.

Именно на предположении наличия относительно слабо изменяющегося лексического фундамента, фиксирующего наиболее важные и инвариантные условия жизни человека, собственно, и основываются возможности для проведения сравнительного анализа языков. Если это действительно так, то само по себе наличие вербальной модели поисковой активности в составе набора таких универсалий весьма симптоматично и о многом говорит. Человек, подчеркнем, — уже на стадии формирования праязыка языков индоевропейской группы, — выделил и зафиксировал феномен, лежащий в основе креативности.

Особо примечательно, что приведенные выше эмпирические данные, заставляющие принять положение о творческом характере процесса формирования языковой способности человека, согласуются с общим принципом сопряженности творчества с развитием креативного потенциала личности.

Этот нетрадиционный психологический взгляд на процесс овладения языком, подчеркивающий его отнюдь не реактивный, но вполне творческий характер, позволяет сделать ряд выводов, которые могут «работать» и в поисках верного ответа на поставленный выше вопрос о корнях и наиболее значимых факторах детерминации креативности.

1. Потенциал креативности не возникает после того, как ребенок овладел языком, а в той или иной степени существует до того, как он в конечном счете придет к общенормативному употреблению языка. (Именно этим обстоятельством, возможно, объясняются данные о низкой корреляции креативности.)

2. Потенциал креативности, напротив, по-видимому, является предварительным условием и существенным фактором разворачивания процесса овладения ребенком родным языком.

3. Коль скоро уже любой ребенок обладает творческим и креативным потенциалом, необходимым для того, чтобы создать свой язык и свою теорию родного языка, не исключена возможность, что именно языковая способность или языковая компетенция в самом общем смысле каким-то образом связана с потенциалом креативности.

4. Не исключено, что этот неуловимый для исследования творческий потенциал возникает (или, по крайней мере, приобретает какую-то более или менее законченную форму) в ходе процесса овладения ребенком родным языком.

5. Отнюдь не все составляющие вполне сформировавшейся языковой компетенции, по-видимому, имеют прямое или косвенное отношение к потенциалу креативности.

В контексте настоящего исследования эти факты и мнения, так же как и основанные на них промежуточные выводы, частью гипотетического характера, в определенной степени сужают зону нашего поиска, хотя, надо признать, они не локализируют ее вполне четко и однозначно.

Тогда, естественно, возникает вопрос, какие компоненты общей языковой компетенции хотя бы на теоретическом уровне анализа могут иметь отношение к креативности?

На сегодняшний день ответить на этот вопрос вряд ли представляется возможным. Вопрос: «Поглощает» ли языковая компетенция (вполне зрелая или еще только формирующаяся) потенциал креативности человека целиком либо частично, либо же эти два понятия должны быть разведены и отнесены к относительно независимым аспектам психологической реальности» — еще требует специального анализа и скоординированных усилий многих исследователей.

Если же принять за основу вышеприведенную психологическую модель дефиниции как способности понимать, то вопрос решается с достаточной степенью определенности.

Процессы понимания и интерпретации, которые в широком толковании могут быть описаны как процессы означивания и осмысления, выступают в качестве фундаментальных когнитивных эксцессов. Именно эти процессы «оживляют» бессубъектные процессы ощущения, восприятия, памяти, мышления, пронизывая их «снизу доверху», «всегда и везде».

Таким образом, именно процессы понимания и интерпретации обозначают то поле поиска, в котором следует прежде всего искать истоки и корни креативности человека.

При таком подходе, разумеется, еще остаются даже не поставленными многие вопросы и имеются не устраненные неясности. Действительно, коль скоро есть основания выделять процессы понимания и интерпретации в качестве самостоятельных когнитивных процессов, придающих некоторую специфическую форму тому или иному психологическому материалу, то что же, собственно, выступает в качестве такого материала? Нельзя ли предположить существование и установить наличие единой единицы измерения креативного потенциала в развитии личности?

В итоге становится очевидным, что данное перспективное направление в психологии нуждается в дальнейшей научной разработке.

Библиографический список

1. *Акимова, Н.К.* Креативность и ее диагностика / Н.К. Акимова // Психологическая диагностика. – СПб. : Питер, 2003. – С. 167–176.
2. *Асмолов, А.Г.* Образование как расширение возможностей развития личности (от диагностики отбора – к диагностике развития) / А.Г. Асмолов // Вопросы психологии. – № 1. – 1992. – С. 6–13.
3. *Богоявленская, Д.Б.* Психология творческих способностей / Д.Б. Богоявленская. – М. : Политиздат, 2002. – 337 с.
4. *Хуторский, А.В.* Дидактическая эвристика. Теория и технология креативного обучения / А.В. Хуторский. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – 416 с.
5. *Чупшева, Т.А.* Значение игры в развитии креативной деятельности личности / Т.А. Чупшева. – Самара : Новая техника, 2009. – 64 с.

УДК 82-31:316:008

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПАРАДИГМАТИКА «ВОСТОК – ЗАПАД» В РАССКАЗАХ ВЛАДИМИРА КАМИНЕРА

И.Н. Костина

В данной статье рассматривается реализация смысловых антиномий парадигматики «Восток-Запад» на примере рассказов русско-немецкого писателя Владимира Каминера. Автор исследует проблему культурного многообразия в зоне взаимодействия различных культурных парадигм.

Ключевые слова: Восток, Запад, литература культурного пограничья, культурное многообразие.

В современном мире, характеризующемся преодолением этнокультурной замкнутости, расширением контактов между государствами и народами, в ряду многих глобальных вопросов значимость приобретает проблематика взаимоотношений Востока и Запада. Интерес в данной связи вызывают процессы взаимодействия Востока и Запада в особой зоне между культурами, на их границе.

Продуктивность пограничной культурной ситуации заключается в возможности задать чужой культуре вопросы, отвечая на которые данная культура может глубоко и всесторонне раскрыться. Диалогическая встреча двух культур, таким образом, ведет не к слиянию или смешению, но к их взаимному обогащению. Ю.М. Лотман отмечает, что понятие границы двусмысленно, ибо, с одной стороны, граница служит для разделения, но, с другой стороны, она соединяет и, следовательно, принадлежит обеим культурам [4].

Культурологическая парадигматика «Восток-Запад» может стать ключевой при анализе литературы, формирующейся в культурном пограничье. Писателей, творчество которых формируется между восточным и западным мирами, можно найти в литературе любого экономически развитого государства. Их идентичность подвергается изменениям и превращениям, ей присущи непрерывность и динамизм. Исследователь этнических литератур США Т.В. Воронченко находит в данной позиции положительный культурно-творческий заряд. [1]. Гетерогенная сущность культурной идентичности, сформированная в процессах пограничности, двойственности, обуславливает рождение нового типа писателей, называемых сегодня «андрогинами конца XX века» [7, с. 141].

Процессы взаимодействия, взаимовлияния восточной и западной культур нашли свое отражение в творчестве Владимира Каминера, русско-немецкого писателя, одного из известных и популярных авторов в Германии. Воспитанный, по собственному утверждению, «в советской культурной традиции» [3], В. Каминер в своем творчестве демонстрирует пластичность культурной идентичности, которая меняется в зависимости от обстоятельств: в одних случаях это интерес к культуре этнической матрицы, в других – ориентация на ценностную шкалу немецкого общества. В. Каминер является писателем, сочетающим в своем художественном сознании элементы различных культурных систем.

Используя приемы «этрадно-юмористического разговорного жанра» [6, с. 251], В. Каминер делится с читателем своими наблюдениями о жизни в немецком обществе представителей различных этнических групп. В качестве примера, ярко иллюстрирующего идею противопоставления Востока и Запада, могут служить рассказы из книги В. Каминера «Schönhauser Allee».

Известно, что восточному типу мышления приписываются традиционализм, консерватизм, замкнутость, самоуглубленность, созерцательность, отсутствие ярко выраженного личностного начала. «Запад» является олицетворением динамизма, активности, индивидуализма, стремления к личностному выражению и самоутверждению [2, с. 120]. Думается, что данные смысловые антиномии реализованы в рассказах В. Каминера «Junggesellen und Familienwirtschaft» и «Multihaus», связанных между собой персонажами и местом действия [8].

В доме, который описывает автор в рассказе «Junggesellen und Familienwirtschaft», проживают несколько семей: вьетнамская, исламская и русская. Автор замечает, что немцы, живущие в доме, семей не имеют. «*Drei große Familien leben in unserem Haus an der Schönhauser Allee: eine vietnamesische Familie mit drei Kindern und einer Oma, eine moderne islamische mit drei Frauen und einem Mann und eine russische – meine. Die drei weiteren rein deutschen Haushalte bestehen aus Junggesellen*» [8, с. 22].

Рассказы построены на противопоставлении уклада жизни, традиций, культивируемых представителями культуры Востока (вьетнамская и исламская семьи), а также западной культуры (одинокое немецкие соседи). Запах традиционных вьетнамских кушаний распространяется по всему дому. В своих наблюдениях В. Каминер опирается на собственные предположения по поводу того, что

происходит в квартире вьетнамских соседей, ведущих, по-видимому, замкнутый образ жизни. У автора складывается впечатление, что соседи постоянно готовят. *«Der süßfleischige Geruch, der sich bei uns im Treppenhaus verbreitet, lässt mich an so exotische Sachen denken, wie gebratener Hund mit Ananas oder geräucherte, in Honig eingelegte Tauben»* [8, с. 23].

Что касается представителей исламской семьи, то В. Каминер описывает их как неустанных любителей спорта. *«Im Laufe des letzten Jahres gelangte ich durch ständiges ungewolltes Zuhören zu der Überzeugung, dass sie aufeinander reiten. Am Nachmittag wird so etwas Ähnliches wie Fußball gespielt»* [8, с. 24].

Благодаря детальным описаниям, возникает ощущение присутствия на многолюдном восточном базаре с постоянным гомоном, шумом, запахом экзотических блюд.

Немецких соседей В. Каминер описывает по-другому. Старый холостяк Ганс – воплощение индивидуализма и стремления к личностному выражению. *«Er hat einen modernen Tisch mit einem Loch in der Mitte, aus dem eine große Pflanze herauswächst, außerdem mehrere Lavalampen, ein Futon-bett und ein Riesenaquarium mit Umwälzpumpe und allem was dazugehört»* [8, с. 22].

Автор подчеркивает, что Ганс открыт к общению с соседями-иностранцами, его уважают вьетнамские дети, которых «добрый дядя сверху» угощает сладостями. При этом автор замечает, что с собственными детьми у героя нет контакта.

Олицетворением динамизма и активности является молодая немка с короткой стрижкой, которая каждое утро трусцой бежит по аллее. *«Die Frau fährt ein Motorrad und wird uns bestimmt beschützen, falls Außerirdische unser Haus angreifen»* [8, с. 24]. Внимания заслуживает и другая одинокая дама, которая, возможно, принадлежит театральной богеме. Она носит черные платья, курит длинные тонкие сигареты. *«Sie genießt ihr freies Leben und befindet sich permanent in fröhlicher Geschäftigkeit, als würde sie andauernd eine Feier oder eine Party vorbereiten, die immer wieder aufgeschoben wird»* [8, с. 24]. Автор подчеркивает, что героиня наслаждается свободной жизнью и умением произвести впечатление на окружающих. Однако ее стремление к театральности в поведении нередко приводит к депрессивному состоянию, что характерно для одиноких людей.

Жизнь в многонациональном доме, где встретились «Восток» и «Запад», наполнена различными событиями. Одним из таких событий является переезд дамы в черном, с которого В. Каминер начинает рассказ «Multihaus». Вещи, оставленные во дворе немецкой соседкой, – есть свидетельство ее индивидуальности и бесконечного одиночества. *«...ein altes Poster mit einem mir gänzlich unbekanntem Musiker in einer unmöglichen Pose, eine Chromnickelstahl-Stehlampe mit einem gelben Plastikschirm und eine Pappkiste mit Küchenschirr»* [8, с. 89].

С отъездом дамы в черном исчезает налет недосказанности, таинственности и театральности. *«Kein Theater mehr im Treppenhaus»* [8, с. 89]. Вместе с тем остаются неповторимые запахи, отличающие этот дом от многих других. *«Ich würde sogar behaupten, es ist ein einmaliger Geruch»* [8, с. 90].

Важным событием для жителей дома является приезд журналистов, желающих побеседовать с автором в связи с приездом в Германию русского президента. Запланированному интервью могут помешать необычные запахи, витающие в доме. На вопрос журналиста о том, откуда возникают эти запахи, автор отвечает: *«Das ist Multikulti!»* [8, с. 92].

Думается, что в этой фразе заключена главная идея рассматриваемых рассказов. Дом, в котором развивается действие, является символом культурного многообразия в зоне пограничья, где происходит взаимодействие различных культурных парадигм. Этот дом на улице «Schönhauser Allee» по признанию самого автора представляет собой «особый мир – мир, существующий на очень ограниченном пространстве» [5].

Следует отметить, что городом, где происходит действие, является Берлин. Это не только город, где живет сам писатель, но и, по замечанию немецкого критика М. Ланге, место притяжения различных культур [9]. В данном случае это своеобразный мост, соединяющий восточный и западный миры.

Противопоставляя «Восток» и «Запад», автор не говорит о конфликте данных культурных миров. Представители «Востока» и «Запада» у В. Каминера мирно сосуществуют, вступают в диалог, демонстрируя идею создания поликультурного общества. На ограниченном пространстве автор актуализирует проблему единства современного формирующегося на границе культур мира, основными принципами которого являются коммуникативность, диалогичность и толерантность.

Библиографический список

1. *Воронченко, Т.В.* На перекрестке миров: мексикано-американский феномен в литературе США / Т.В. Воронченко. – Чита : Изд-во Забайкальского гос. пед. ун-та, 1998. – 203 с.
2. *Культурология. XX век* : словарь. – СПб. : Университетская книга, 1997. – 640 с.
3. *Кучерская, М.* Трагедия со страусами // Российская газета. – Федеральный выпуск. – № 3599. – 8 октября. – 2004. – <http://www.rg.ru/2004/10/08/kaminer.html>
4. *Лотман, Ю.М.* Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб. : Искусство, 2000. – 704 с.
5. *Риндисбахер, Г.* Воображаемые и реальные путешествия Владимира Каминера. – <http://www.magazines.russ.ru/nlo/2006/82/ri25.html>
6. *Соколова, Е.* С Востока на Запад и обратно / Е. Соколова // Иностранная литература. – 2003. – № 9. – С. 245–253.
7. *Чхартишвили, Г.Ш.* Но нет Востока и Запада нет / Г.Ш. Чхартишвили // Иностранная литература. – 1996. – № 9. – С. 254–263.
8. *Kaminer W.* Schönhauser Allee. Goldmann Verlag. – 2001. – 150 S.
9. *Lange, M.* Berlin: Ein Haus für die Kulturen der Welt // Zusammenleben mit Ausländern. Aspekte der kulturellen Vielfalt in Deutschland. Porträts und Hintergrundberichte. Bonn: Inter Nationes. – 1995. – 105 S.

УДК 390+43(07)

РОССИЯ И РУССКИЕ ГЛАЗАМИ НЕМЦЕВ: ПРОБЛЕМЫ СТЕРЕОТИПНОГО ВОСПРИЯТИЯ

Н.В. Сорокина

В статье представлены результаты ассоциативных экспериментов, проведенных автором в 2000 и 2008 году в ФРГ. Данные эксперименты позволили выявить наиболее распространенные и устойчивые представления носителей немецкого языка о России, русских и Сибири: холод, водка, большая территория и т. п. Полученные данные позволяют предположить, что в целом негативно окрашенная картина России в Германии обуславливает ряд проблем в межкультурном диалоге между русскими и немцами.

***Ключевые слова:** национальные стереотипы, русские и немцы, стереотипное восприятие.*

Представления о другом народе и его культуре часто играют решающую роль в актах межкультурной коммуникации. Весь процесс восприятия иной культуры как в целом, так и ее отдельных представителей постоянно осуществляется сквозь призму национальных стереотипов. Этот процесс протекает, как правило, неосознанно и, к сожалению, часто не учитывается в процессе коммуникации и в ходе подготовки к ней.

Национальные стереотипы как устойчивые представления одного народа о других и о самом себе существовали и существуют в каждой культуре и являются составными элементами в структуре выработанных человечеством механизмов взаимодействия культур и социализации личности внутри какой-либо национальной культуры. Формирование национальных стереотипов начинается, как правило, задолго до того, как человек вступит в коммуникацию с представителями другого народа. Этот процесс сопряжен с формированием этнической идентичности, первые «проблески» которой бывают заметны уже в 3–4 года, а в полном объеме, согласно Ж.Пиаже, она формируется к 10–11 годам [2; с. 218]. Акт межкультурной коммуникации, как правило, начинается с идентификации партнера как «чужого», что в большинстве случаев ведет к актуализации усвоенных национальных стереотипов [3]. Стереотипы негативного характера могут затруднить коммуникацию или привести к полному отказу от нее, стереотипы положительного характера могут вызвать необоснованно высокие ожидания и разочарование в случае их невыполнения.

Какова же картина «чужого» в ситуации межкультурной коммуникации немцев с русскими? История отношений русского и немецкого народов неоднозначна. Периоды конфликтов сменялись периодами сотрудничества. Вместе с этим в той или иной степени менялось и представление друг о друге, при этом глубинные стереотипы оставались без изменения.

С целью выявления современных представлений о России и русских у носителей немецкого языка нами было проведено анкетирование студентов двух немецких университетов в 2000 и 2008 годах, охватившее 117 человек (56 в 2000 году и 61 в 2008 году). Эти исследования были проведены благодаря финансовой поддержке Немецкой службы академических обменов (DAAD-Forschungs-

stipendium 2000) и Министерства образования и науки Российской Федерации (программа DAAD «Иммануил Кант» 2008, проект РНП 2.2.2.3. 16226). В рамках данной публикации будут представлены данные одного из пяти разделов анкеты, касающиеся содержания современных гетеростереотипов немцев о русских.

Первый вопрос анкеты представлял собой ассоциативный эксперимент. Задание звучало следующим образом: «Что приходит вам в голову, когда вы слышите следующие слова? Запишите свои ассоциации». Испытуемым предлагалось слово-стимул, и затем в течение одной минуты они должны были записать в анкете все спонтанные ассоциации к этому слову. Словами-стимулами являлись слова «Россия», «русские», «Сибирь» (последнее слово-стимул представляло для нас особый интерес, поскольку автор исследования представляет один из Сибирских регионов, а именно Забайкальский край, и часто сталкивается в процессе межкультурного общения со стереотипными представлениями иностранцев об этой части России). Тип проведенного ассоциативного эксперимента – свободный ассоциативный эксперимент с регистрацией цепи ответов [1]. Сначала испытуемые все вместе отвечали на первый вопрос, а затем на остальные вопросы анкеты в произвольной последовательности.

Следует подчеркнуть, что ассоциативный эксперимент «подталкивает» испытуемых к фиксации именно стереотипных представлений, что и являлось целью исследования. Не следует рассматривать записанные информантами ассоциации в качестве их личного мнения, суждения о России. Вместе с тем использованная методика позволяет, на наш взгляд, вскрыть глубинный пласт социальной информации, которую информанты усвоили в отношении России в процессе их социализации в современном немецком обществе.

Самые частотные ассоциации, зарегистрированные в анкетах в виде слов и выражений, представлены ниже в табл. 1–3. Цифры, данные в таблицах, показывают процент людей, у которых возникла данная ассоциация, в отношении к общему числу информантов, принявших участие в исследовании. Чем выше указанный процент, тем более устойчивой и распространенной является данная ассоциация. Ассоциации даны в порядке убывания частотности. Редко встречающиеся ассоциации в таблицы не включены.

Как видно из табл. 1, большинство из указанных ассоциаций можно считать устойчивыми, так как они представлены в анкетах и 2000, и 2008 года. Примечательно, что процентная доля некоторых ассоциаций также осталась примерно одинаковой. Например, и в первом, и во втором исследовании около половины опрошенных ассоциирует Россию с холодом, около трети – с водкой и большой территорией, примерно каждый пятый – с Кремлем. Можно наблюдать и некоторые отличия между данными в правой и левой колонке таблицы. Ассоциация «Москва» стала гораздо более частотной в 2008 году, Горбачева «сменил» и несколько опередил по частоте упоминания (но, к слову, не по популярности на Западе) Путин. Некоторые слова-реакции на стимул «Россия» (коммунизм, холодная война, бывший Советский Союз), редко встречавшиеся в анкетах 2000 года, стали более частотными, несмотря на увеличивающуюся историческую дистанцию. Бедность России упоминается в анкетах 2008 года реже и, как правило, в противопоставлении к богатству «новых русских». Большой разрыв между богатыми и бедными упоминается и в качестве ассоциации к слову «русские», что отражено в табл. 2.

Таблица 1

Данные ассоциативного эксперимента (слово-стимул «Россия»)

Слово-стимул	Самые частотные ассоциации (слова-реакции на слово-стимул)	
	2000 г. (число информантов – 56)	2008 г. (число информантов – 61)
«Россия»	Холод, холодно 48,2% Большая 32,1% Водка 32,1% Бедность 23,2% Москва 21,4% Кремль 19,6% Горбачев 17,8% Меховые шапки 14,3% Обширная 14,3%	Холод, холодно 49,2% Москва 40,9% Водка 32,8% Большая 26,2% Путин 22,9% Кремль 18% Коммунизм 13,1% Снег 13,1% Холодная война 13,1% Бывший Советский Союз 11,5% Сибирь 9,8% Разрыв между богатыми и бедными 8,2% Меховые шапки 8,2%

Таблица 2

Данные ассоциативного эксперимента (слово-стимул «русские»)

Слово-стимул	Самые частотные ассоциации (слова-реакции на слово-стимул)	
	2000 г. (число информантов – 56)	2008 г. (число информантов – 61)
Русские	Водка 10,7% Гостеприимные 8,9% Сильные 5,3% Меховые шапки 5,3% Российские немцы 5,3% Танцы 5,3% Горбачев 5,3% Работоспособные 5,3% Бедные 5,3% Верующие 5,3% Добросердечные 5,3% Дружелюбные 5,3%	Не пьянеющие (trinkfest) 13,1% Водка 11,5% Любят выпить 11,5% Разрыв между Богатыми и бедными 11,5% Гостеприимные 9,8% Красивые женщины 9,8% Дружелюбные 6,5% Громкие 6,5% Меховые шапки 4,9% Российские немцы 4,9% Пьяные 4,9% Бедные 4,9% Высокие 4,9% Холодные 4,9%

Как показывает проведенный ассоциативный эксперимент, слова-реакции на стимул «русские» являются очень разнородными, что выражается в достаточно низкой повторяемости ассоциаций и, соответственно, их низкой процентной доле. Так, повторяющаяся в левой колонке цифра 5,3% означает, что данную ассоциацию записали в своих анкетах лишь три информанта из 56 участников опроса. Только ассоциации «водка» и «гостеприимные» встречаются чаще и несколько

выделяются на фоне достаточно широкой палитры различных, приписываемых русским, качеств. В опросе 2008 года лидирует также «алкогольная тема», однако ее удельный вес существенно возрос. Если суммировать все ассоциации, касающиеся употребления алкоголя русскими, включая одиночные ассоциации типа «алкоголь», «алкогольная зависимость», «пьяные», то их доля составит 42,6% опрошенных. Иными словами, почти каждый второй информант имеет представление о русских как о пьющей нации.

Что же касается представлений немецких информантов о Сибири, то степень их стереотипности в сравнении с предыдущими данными является наибольшей (табл. 3). Самой частотной и в подавляющем большинстве случаев первой ассоциацией к слову «Сибирь» является «холод» (более 85%). Другие ассоциации («снег», «Транссибирская железная дорога», «малонаселенная» и другие) также являются весьма стабильными.

Таблица 3

Данные ассоциативного эксперимента (слово-стимул «Сибирь»)

Слово-стимул	Самые частотные ассоциации (слова-реакции на слово-стимул)	
	2000 г. (число информантов – 56)	2008 г. (число информантов – 61)
Сибирь	Холод, холодно 85,7% Снег 32,1% Лагеря пленных 17,8% Транссибирская железная дорога 16% Малонаселенная 14,3% обширная 14,3% Лед 8,9% Леса 8,9% Волки 8,9% Одиночество 8,9%	Холод, холодно 85,2% Снег 32,8% Транссибирская железная дорога 18% Лед 16,4% Малонаселенная 13,1% Леса 13,1% Лагеря пленных 9,8% тигры 9,8% Отрезанность 9,8% Бедность 9,8% Тундра 8,2%

В целом по результатам исследования можно сделать вывод о том, что картина России в глазах опрошенных информантов выглядит мрачной, холодной и мало привлекательной, несмотря на наличие некоторых положительных моментов. Довольно распространенным является представление о России как о стране, в которой царит вечная зима, пьянство, бедность большинства населения на фоне богатства олигархов, достаточно авторитарный политический режим. Можно предположить, что такое весьма одностороннее представление сложилось благодаря средствам массовой информации, где Россия предстает, как правило, в негативном свете. Многие русские, возможно, тоже негативно оценят современное положение дел в России, но их суждения и представления о своей стране, естественно, будут более дифференцированными.

На наш взгляд, указанные выше негативные аспекты картины России в Германии в определенных ситуациях могут отрицательно сказаться на коммуникации русских и немцев. Поэтому необходимо, чтобы русские коммуниканты были осведомлены о существующих в Германии представлениях о русских и умели распознавать их влияние в конкретных коммуникативных актах, а также адекватно вести себя в подобных ситуациях.

Рамки данной публикации не позволяют подробно рассмотреть влияние существующих стереотипов на процесс коммуникации и вызываемые ими проблемы. Хотелось бы отметить лишь одну из наиболее общих и существенных проблем межкультурной коммуникации между немцами и русскими. На наш взгляд, это – достаточно большой контраст в представлениях немцев о России и Германии, контраст между «своим» и «чужим». Эта проблема связана с закономерной и естественной реакцией человека на «чужое». Как отмечает С. Гросскопф, восприятие идентичного, знакомого обычно связывается с понятием равноценности, а не идентичного, «другого» с понятиями превосходства или подчинения [4, с. 160]. Иными словами, «чужое, неидентичное» мы чаще всего оцениваем как «лучшее» или «худшее», сравнивая его с тем, что является для нас привычным. С. Гросскопф утверждает, что это препятствует признанию и принятию другого как равноценного. В русско-немецкой межкультурной коммуникации «немецкое» часто воспринимается как «лучшее» по сравнению с «русским», «превосходящее». Это обстоятельство затрудняет коммуникацию, ведь истинный диалог культур возможен между равными.

Завершая анализ данных ассоциативного эксперимента, отметим, что в нашем исследовании была задействована лишь одна социальная группа – студенты университетов. По его результатам нельзя делать выводы о представлениях о России всех носителей немецкого языка. Тем не менее эти результаты могут быть использованы для прогнозирования и анализа возможных коммуникативных неудач при межкультурной коммуникации русских и немцев и тем самым способствовать ее большей эффективности.

Библиографический список

1. Русинка, И.И. Лексика русского языка с этнокультурным компонентом и своеобразие ее семантизации в иностранной аудитории : дис. ... канд. пед. наук / И.И. Русинка. – СПб, 1994. – 256 с.
2. Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология / Т.Г. Стефаненко. – М. : Институт психологии РАН ; Академический проект, 1999. – 320 с.
3. Donec, P. Verfremdung in der interkulturellen Kommunikation / P. Donec // Deutsch als Fremdsprache 4/1994. – S. 221–227.
4. Grosskopf, S. Erfahrungen mit interkulturellen Lernsituationen zwischen Angst, Aggression und Lust / S. Grosskopf // Aspekte einer interkulturellen Didaktik. – München, 1987. – S. 134–162.

УДК 78:82-3

ПЕСНЯ Ф. ШУБЕРТА И Д. ШУБАРТА «ФОРЕЛЬ»: ВОЛНЫ, ВРЕМЯ, РОК В ЖИЗНИ ФОРЕЛИ

Н.А. Эскина

В статье речь идет об обнаружении неожиданных интертекстуальных связей, которые показывают механизм образования скрытых цитат в музыке песни Шуберта «Форель», порожденных, скорее всего, бессознательно, буквенным шифром, извлеченным из поэтического текста.

Ключевые слова: немецкий романтизм, буквенная символика, время.

Унаследовав от немецкого барокко ироническое внимание к детали, немецкий романтизм балансирует между пустяком и бездной. Превращает зловещий голос Рока в водяные брызги. А мелкую водяную зыбь – наоборот, в бесконечность текущего времени.

Эти предварительные сентенции относятся к песне Франца Шуберта «Форель». Поводом к размышлениям о вокальной миниатюре Шуберта и ее поэтической основе – стихотворению Даниэля Шубарта – явилась ситуация достаточно случайная и скоропреходящая (что, впрочем, вполне отражает роль случайности в жизни романтического героя!). Я готовила вступительное слово к концерту. И, собственно, заказывала певице другую песню Шуберта – «Auf dem Wasser zu singen», в русском переводе – «Баркарола». К сожалению, два перевода, имеющиеся в русских изданиях песен Шуберта, не доносят до слушателя всей глубины музыки и стиха. В поэтическом тексте в подлиннике и, соответственно, в музыке Шуберта, содержатся удивительные мысли о времени, удивительный образ волн как текущего времени. Из этого течения вечно сменяющихся друг друга «вчера», «сегодня» и «завтра» лирический герой, когда придет срок, будет на сияющих крыльях вознесен ввысь, выскользнув из временного потока. Хотелось поговорить об этом со сцены. Но певица отказалась учить «Баркаролу» по-немецки и была в этом права – поэт Шмидт фон Любек, при всей красоте и возвышенности поэтического строя стихотворения, засорил его скоплениями согласных, с которыми легко справляется разве что носитель языка. Взамен вокалистка предложила «Форель». Элегически-прекрасную «Баркаролу» легковесной «Форелью» не заменить! Хотя, с другой стороны, и в «Форели» присутствуют те же вечные шубертовские темы – ручей, волны. Они уподобляются течению времени и придают шубертовскому «музыкальному пейзажу» характер философского иносказания.

In einem Bächlein helle,
Da schoß in froher Eil
Die launische Forelle
Vorüber wie ein Pfeil.
Ich stand an dem Gestade
Und sah in süßer Ruh
Des muntern Fischleins Bade
Im klaren Bächlein zu.

Ein Fischer mit der Rute
Wohl an dem Ufer stand,
Und sah's mit kaltem Blute,
Wie sich das Fischlein wand.
So lang dem Wasser Helle,
So dacht ich, nicht gebricht,
So fängt er die Forelle
Mit seiner Angel nicht.

Doch endlich ward dem Diebe
Die Zeit zu lang. Er macht
Das Bächlein tückisch trübe,
Und eh ich es gedacht,
So zuckte seine Rute,
Das Fischlein zappelt dran,
Und ich mit regem Blute
Sah die Betrogene an.

Die ihr am goldenen Quelle
Der sicheren Jugend weilt,
Denkt doch an die Forelle,
Seht ihr Gefahr, so eilt!
Meist fehlt ihr nur aus Mangel
der Klugheit, Mädchen, seht
Verführer mit der Angel!
Sonst blutet ihr zu spät!

Последние восемь строк Шуберту не понадобились. Как в балладе “Erlkoenig”, конец музыкального произведения – гибель маленькой, беззащитной жертвы. Без морали, без поучения. Но, в отличие от двусмысленно-туманного пейзажа «Лесного царя», среда, в которой резвится форель – прозрачный хрусталь ручья. Трижды светлый и ясный: In einem Bächlein helle, Im klaren Bächlein, So lang dem Wasser Helle.

В «Форели» четыре действующих лица: форель, рыбак, автор и ручей.

Ручей у Шуберта в песнях часто изображается в аккомпанементе. Везде он имеет разный характер, как существо полуодушевленное, своего рода водяное божество, в каждой шубертовской песне он имеет свое лицо и душу. Здесь его главное свойство – прозрачность. Первый куплет, как хрустальный бокал, содержит в себе, обрамляет и охраняет этой прозрачностью и ясностью играющую рыбку (первая и восьмая строки стиха). Как у Набокова в «Приглашении на казнь», прозрачность – ключевое понятие. Прозрачность – непрозрачность – вот, в сущности, и все, что происходит с ручьем (как и с набоковским Цинциннатом). Разница в том, что непрозрачность у Набокова – защитная оболочка души, благо для героя. Хотя благо ли? В результате непрозрачность набоковского Цинцинната наказывается смертью. И у Шуберта непрозрачность чревата гибелью. Как-то прозрачность связана и с течением времени. Короткие всплески аккомпанеента изображают волны. Вода искрится под солнцем. Волны накатывают невозмутимо и равномерно, как время. Волна – вздох, волна – секунда. Вода течет, как время жизни.

Удивительным образом тексты, которые Шуберт выбирает для своих песен, приоткрывают некую глубину. Что-то говорят о таинственной сути музыки

Шуберта. В стихотворении Шуберта мельком упоминается время – «die Zeit zu lang». Текущие через песни Шуберта ручьи (и похожая «струящаяся», волнообразная, текучая фактура в его фортепианных произведениях) – словно ход времени, мерное, бесконечное течение секунд. Ничего не происходит, только волны накатываются друг за другом. Испытание для исполнителя: чем заполнить эту пустую форму, эти так называемые «общие формы движения»? Время в его чистой, вневещественной форме... Не нагнетание драматического напряжения, столь привычное для музыки романтиков, а сияние экхартовской «пустоты», долженствующее вместить Бога. «Божественные длинноты» шубертовской музыки – не кажутся ли они нам подчас «слишком длинными»?

Но, в отличие от шубертовского рыбака, мы не рискуем замутить чистую воду романтического аккомпанемента. Мы не стоим на берегу шубертовского ручья. А кто стоит?

Слушаю одно за другим разные исполнения «Форели». Ищу эталон. Среди нескольких десятков нашла два вершинных варианта интерпретации. Из вокалистов побеждает Дитрих Фишер-Дискау, из концертмейстеров – Эдвин Фишер. Ну, естественно, рыбку и должен выловить ein Fischer mit der Rute...

Об этом рыбаке мы, в сущности, не знаем почти ничего. Dieb? Полноте, это автор просто ругается. Рыбак холодно-бесстрастен, он распоряжается временем. Он вытягивает рыбку из ее пространственно-временной среды. Как Парки, обрезают нить жизни. Как Бог, распоряжается жизнью и смертью рыбки. Играет, как Бог в прологе «Фауста».

Бог всемогущ, он прерывает жизнь рыбки. Автор бессильен, он, в полном соответствии с лирико-созерцательным характером шубертовского творчества, не столько действует, сколько созерцает и размышляет

Равномерное течение времени прерывается. Со дна ручья поднимается илистая завеса.

А автор в это время что подельывает? Рыбку ему жалко, но активных шагов к ее спасению он не предпринимает. Он размышляет. «Und eh ich es gedacht» – а что это за es? А о чем это – «об этом» он думал?

Бог знает, где блуждают его мысли. Нет, мы-то слышим, где. В симфониях Бетховена. Вдруг в пустоте – ручей умолк – на слова “Und eh ich es gedacht” раздается ритм четырех ударов, роковое бетховенское «так судьба стучится в дверь» из Пятой симфонии. Но только ритм. А ноты где? Если это цитата, где знаменитое соль-соль-соль-ми-бемоль, или, в буквенном обозначении, g-g-g-es? Да вот же, в тексте песни: es gedacht. Вот es, вот и g. Есть es – g и в аккорде сопровождения: соль в басу, ми-бемоль в верхнем голосе аккорда.

В беспечный мир шубертовской песни ворвался бетховенский рок. В следующих тактах судорожно бьется тельце форели, ритм сопровождения близко напоминает сцену смерти Графини из «Пиковой дамы». У Шуберта все не так непоправимо, как у Бетховена или Чайковского. Форель вытащили, осела муть, ручей засверкал и опять покатила свои мелкие прозрачные волны.

А мы, заглядывая в невозмутимую прозрачность шубертовской песни, обречены теряться в догадках: откуда у Шуберта цитата из Пятой симфонии? Стихи навеяли? Общее место венской музыки, от Гайдна и Бетховена до Шуберта? Или таинственный ход подсознательных ассоциаций, неконтролируемая разумом игра аллюзий?

Волны катятся, как мысли. А мысли такие: гэ-гэ-гэ-эс! ГЭС? Бетховенский рок вылился в эти страшные ГЭС, в эти решетки и запоры, гибельные для форели,

стерляди, леща и других рыб, в эти препоны на пути водных струй? Композитор и поэт обладали даром предвидения? И если хорошенько поискать, возможно, и вся наша история — только развертывание буквенной символики, только материализация музыкально-поэтической ткани романтизма?

УДК 78:2

МУЗЫКА РОССИЙСКОЙ ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ: КОНТАКТЫ С НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРОЙ

Э. Петри

В статье рассматривается взаимодействие немецкой и русской культур на примере музыки российской евангелической церкви. Выделяются три этапа заимствованных из Германии хоралов, отмечаются особенности их функционирования в России, изменения, связанные с внесением элементов собственной (русской) музыкальной культуры. Идентифицируются авторы некоторых хоралов.

Ключевые слова: хорал, российская евангелическая церковь, заимствование.

Для исследования процесса контактов немецкой и русской музыки благодарный материал представляет репертуар русской евангелической (протестантской) церкви¹. Сама эта церковь образовалась в России приблизительно полтора столетия назад. Влияние на её формирование оказала немецкая протестантская церковь, действующая в России. Её прихожанами были первоначально немцы-переселенцы (колонисты, городские немцы). В середине XIX века — в России насчитывалось 840000 немцев, к началу XX — 1800000, к 1917 году — почти 2500000 человек. Это составляло приблизительно 1,47% населения страны². Прирост немецкого населения продолжался до 1914 года.

Более двух третей немцев были протестантами. В среднем Поволжье к концу XIX века насчитывалось 105 немецких церквей, среди них 59 — лютеранских, 23 — реформатских³. В обеих столицах также имелись протестантские церкви.

Ещё при царе Алексее Михайловиче вышел Указ о смертной казни православных, переходящих в иную веру. Официальная идеология Руси, особенно с возвышением Московского княжества, относилась к контактам с иноверческой

¹ Лютер предполагал название для своей церкви — «евангелическая». Но укрепилось и другое определение — «протестантская», возникшее в 1529 году, когда ряд немецких городов и кня-жеств выступил с протестом против осуждения Лютера церковью.

² Статистика в отношении немцев России представляет для исследователя проблему: цифры в различных источниках — русских и зарубежных — разнятся. Автор ориентируется на средние данные.

³ В России реформатские направления связаны с кальвинистской, англиканской, менонитской, моравской церковью, а также их ответвлениями.

церковью резко отрицательно: «...в латинскую церковь не подобает входить, ни пить с ними из единой чаши, ни ясти, ни понагии им дати»⁴. Но запреты не были надёжным ограждением от чуждых влияний. Направленность, возникающих периодически «ересей», совпадает с идеями европейской Реформации. Еретики выступают против официальной церкви, монашества, церковного стяжательства (кружок Ивана Курицына, приближённого Ивана III). Они требуют аскетизма для церкви, сознательного подхода к Священному писанию: «Писания много, но не вся Божественна суть», – говорил игумен Троице-Сергиева монастыря Артемий. Подвергаются критике творения Отцов церкви, иконопочитание. Возникает проповедь равенства: «иже суть во всех языках, яко все людие едино суть у Бога и татарове, и немци, и прочие языци» (кружки Матвея Башкина, Феодосия Косого). С еретиками сурово расправлялись: сажали в тюрьмы, заключали в монастыри. Уцелевшие – бежали в «Литву и Немцы», что тоже указывает на идеологические центры движения.

Образованные люди Руси интересовались и обрядовой стороной протестантской церкви. Например, в библиотеке боярина А. Матвеева имелась книга духовных песнопений Пауля Герхарда, содержащая 1020 хоралов.

Со временем Указ Алексея Михайловича остался чисто символической мерой устрашения. По данным переписи 1869 года только в Петербурге насчитывалось 4500 русских протестантов.

Евангелическая церковь не имеет в России вековых отечественных традиций и представляет собой чистый опыт «заимствования». При изучении вопросов, связанных с музыкой русской евангелической церкви, абберация, вызванная отдалением во времени, не должна быть особенно значительной, церковь образована, по историческим масштабам, недавно. Сохранилось и некоторое количество печатных нотных изданий, предназначенных для службы в евангелической церкви и для домашнего музицирования прихожан. Первый такой сборник духовных песнопений вышел в 1864 году, он содержал 97 песнопений, последний, до запрета религиозной пропаганды в России, – в 1928 году (1250 песен)⁵.

«Немецкие следы» в этих песнопениях обнаруживаются в большом количестве.

Особенность музыки протестантской церкви в опоре на хоралы. Этим словом обозначают песнопения, имеющие в евангелической церкви народные истоки. Лютер, бывший и сам хорошим музыкантом, хотел облагородить народное пение, сочиняя к популярным напевам стихи духовного содержания. Но некоторые песни, как пишет А. Швейцер, всё же пришлось отдать «обратно дьяволу»: они продолжали фигурировать и в светской культуре с любовными и другими непригодными для церкви текстами.

В музыкальный репертуар русских евангелистов попало много немецких хоралов не только XVIII века, но и более ранних. Это связано, с одной стороны, с тем, что заимствование произведено от культуры «анклавной» (российских немцев), для которой вообще характерна прочная опора на традиции. С другой стороны, некоторые хоралы, принадлежащие основателям евангелической церкви, выпол-

⁴ Макарий. История русской церкви. Т. II. – СПб, 1883. – С. 298. Цит. по: Очерки русской культуры XVI века. – М., 1997. – С. 57.

⁵ В 90-е годы XX века издание подобных сборников возобновилось. Частью они представляют репринтные издания, частью основаны на современном музыкальном материале, связанном с молодёжной субкультурой, скорее американской. Эта музыка для целей нашей работы не представляет интереса.

няют в ней знаковую функцию, являются символами этой церкви. Например, хорал Лютера «Ein feste Burg», сочинённый в 1528 году. Исследователи отмечают его сходство с «Серебряным тоном» мейстерзингера Ганса Сакса. Возможно, Лютер просто обработал «Серебряный тон». К характерным чертам «Ein feste Burg» относятся упругость ритмики, волевые интонации, ионийский лад, типичная для протестантских песен форма – бар.

Нам удалось обнаружить вариант хорала, исполняемый в России, и, возможно, один из самых поздних вариантов. Он был издан в 1927 году в Москве издательством «Патмос». Автора перевода текста установить не удалось. Изменения в музыке незначительны: они касаются ритмической стороны, движение стало более плавным. Сохранилась и форма бар, с единственным по отношению к Лютеру отклонением в конце хорала. Для этой формы значение имеет количество слогов и рифма, расположенная особым образом. Её не удалось выдержать в абгезанге. Приводим схему формы хорала.

Раздел формы	1-й штоллен	2-й штоллен	Абгезанг	
	А	А	В А	
Порядок рифм	a b	a b	c c d d	e
Число слогов	8 7	8 7	5 5 5 5	7
Музыкальные строки	a b	a b	c d e f	b

Курсивом выделено несовпадение, здесь должна быть рифма «b». Переводчик проявил «виртуозность», ему удалось сделать эквиритмический перевод. Но, – увы! – в ущерб поэтичности и яркой образности лютеровского текста, и даже, временами, смыслу. Исчезли, например, выражения: «Господь – наша твердыня», «старый злой враг». Вместо них: «Господь за нас» и «надменный враг» – это менее определённые выражения. Метаморфоза, произошедшая с музыкой, также не пошла на пользу её художественным достоинствам. Изначально в ритме хорала присутствует нервная экспрессия, нечто экстатическое, соответствующее духу лютеранства в начальный период (несколько воинственному). В ровном движении это начало пропало. Автор обработки хорала – неизвестен. Возможно, это – переработанный «Ein feste Burg» Баха.

Известный музыкальный критик Г. Ларош в 1900 году, по случаю исполнения в концерте кантат Баха, предсказывал, что в будущем музыка Баха зазвучит даже за Волгой (т. е. в захолустье). Как всегда критика отставала от реальности: хоровая музыка Баха к тому времени уже звучала в Поволжье в небольших общинах русской протестантской церкви.

Первоначально они пели по сборникам немцев-меннонитов XVIII века «Liederperlen» и «Reichlieder», но постепенно приспособливали музыку к своим вкусам. Хоралы функционировали среди верующих по принципам фольклора, особенно среди русских, где прихожан, умеющих петь по нотам, было и в конце XIX века немного.

Так, изменения в другом баховском хорале – «O Welt, ich muss dich lassen» – гораздо более значительны. Это одна из самых известных и по сей день немецких народных песен. Её авторство приписывается императору Максимилиану I (с текстом «Innsbruk ich muss dich lassen»). У Баха этот хорал используется многократно. В среде российских немцев бытовала песня «O Берлин, я должен тебя покинуть» – с другой мелодией, но содержание совпадает с «Innsbruk ich muss dich lassen» (результат контаминации). У российских евангелистов хорал существует

в двух вариантах. Один – «Прекрасный день Господний» – является фольклорным вариантом, о чём свидетельствуют некоторые музыкальные признаки, например, несимметричность структуры, характерная для русской народной песни. Другой хорал – «Гефсимания» – заимствован почти без изменений из «Страстей по Иоанну». Текст в обоих случаях сочинён заново.

В сборниках российских евангелистов обнаружены в большом количестве хоралы Лютера, Вальтера, Крюгера, Шейна, Генделя, Баха. Из более поздних – песнопения на музыку Нейкома, Шульца, Шпора, Бетховена, Вебера, Мендельсона, Зильхера – известных композиторов Германии.

Степень изменения начального инварианта может быть и значительной. «Святой день Господень» – хорал, который является переработкой детской немецкой рождественской песенки «Ihr Kinderlein, kommet». Её мелодия принадлежит Иоганну Абрахаму Петеру Шульцу (1747–1800), текст сочинён Христофором фон Шмидтом (1768–1854). Русский текст не имеет отношения к Рождеству, сочинён заново. Изменения в музыке весьма многочисленны. Сам жанр стал другим, «Святой день» – марш, «Ihr Kinderlein» – танец. Музыкальные фразы перегруппированы: изменён их порядок. Включается и новый материал (в русском духе). Интересно появление варьирования при повторении второй фразы, это «русский способ» развития материала, в немецких народных песнях почти всегда – точный повтор.

Ещё одну группу хоралов составляют такие, в которых трудно обнаружить инвариант, но используются типичные для немецких песен интонационные обороты, фразы, мотивы. Хорал «Вперёд чрез все страдания» сходен с «Der Mond ist aufgegangen», одной из самых популярных немецких песен. В Россию она могла проникнуть и через песенные сборники, так как неоднократно издавалась, или как народная песня, поскольку её устные варианты тоже были распространены. Начало хорала «Стремлюсь к тебе» напоминает «Müde kehrt ein Wandersmann», песню странствия, получившую широкое распространение в XIX и XX веке по всей Германии. Хорал «Субботный день, Господом данный» совпадает в начале с детской немецкой песней «Ich gehe mit meine Laterne». Её интонация относится к числу базовых в немецкой музыке. Это – песня древнего происхождения. Подобные ей исполнялись в средневековых процессах.

В заимствованную немецкую музыку со временем начинают проникать интонации русских песен, например, в хоралах «В жизненном море», «Слуги Христовы» и множестве других. Интересно, что часто это интонации революционных маршевых песен конца XIX века. Вероятно, сказывается сходное мироощущение адептов новой церкви и революционеров – фанатичная преданность определённой идее, осознание себя в некотором отношении выше окружающих, не знающих Истины.

Русских авторов хоралов в сборниках указано немного, например, на 525 хоралов в сборнике «Псалмы Сиона» – 5–6 фамилий. Но хоралы они сочиняют, за небольшим исключением, по-немецки!

В результате анализа музыкального материала сборников русских евангелистов можно сделать некоторые выводы о процессе заимствования «чужой» музыки:

1. Если в «своей» музыкальной культуре отсутствует данное содержание, то оно заимствуется из «чужой» культуры вместе с музыкальным материалом (интонационным строем, формой, текстами, традициями исполнения).

2. В процессе «использования» музыкальный материал начинает трансформироваться, в него включаются элементы собственной музыкальной культуры, он приспособляется к «местным условиям» и требованиям времени. Подобной

музыке присуща эклектичность. При функционировании в «чужой» среде музыки с текстом, устойчивость музыки выше, чем текстов.

3. Логично было бы предположить, что следующий этап – появление собственных музыкальных произведений, соответствующих новому содержанию (в данном случае – потребностям российской евангелической церкви) и опирающихся на традиции собственной культуры. Но это останется предположением. Сокрушительные войны XX века надолго прервали связи с немецкой церковной культурой. А далее на авансцену вышли протестантские церкви США и Англии. Это уже другая тема и другая музыка.

Приложение

*Список некоторых хоралов русской евангелической церкви, заимствованных из немецкой музыкальной культуры**

Германия	Россия
1. Valet will ich dir geben	1. От сна проснувшись рано (Бах)
2. Jesus, meine Zuversicht	2. Ключ воды живой (Крюгер)
3. Herr Gott, dich loben alle wir	3. Господь, кто может пребывать (Бах)
4. Dank sei Gott in Höhe	4. О, вера Божия святая
5. Wer nur den lieben Gott lässt walten	5. Когда порою изнемогаешь
6. Mach's mit mir, Gott,	6. Я милосердие постиг (Шейн)
7. Te Deum	7. Боже, мы поём тебе
8. Nun danket all Gott	8. Всем сердцем и душой (Крюгер)
9. Jesus, meine Freude	9. Иисус, моя радость (Бах)
10. O Welt, ich muss dich lassen	10. Гефсимания (Бах)
11. Komm, süßer Tod	11. Мир неземной (Бах)
12. Ein feste Burg	12. Господь за нас (Лютер)
13. Innsbruck, ich muss dich lassen	13. Прекрасный день Господний (Изаак?)
14. Abschied von Wald	14. Вот мрак покроет землю (Мендельсон)
15. Jagdlied	15. Там с высот небесных (А. Вебер)
16. Jagdlied	16. Вставайте, проснитесь (Мендельсон)
17. Ihr, Kinderlein, kommet	17. Святой день Господень (Шульц)
18. Stille Nacht	18. Тихая ночь (Грубер)
19. Halleluja	19. Аллилуйя (Гендель)
20. Opferlied	20. Вера (Бетховен)

* Сложность идентификации музыки хоралов из российских сборников связана с различными информационными лакунами. Авторы музыки и текста могут быть вообще не указаны. Или – только автор текста, иногда – музыки. Текст в большинстве случаев не переводной, а сочинённый заново.

Некоторых композиторов возможно определить «на слух», по стилистике. Какие-то из хоралов – очень известны в немецкой музыкальной культуре (например, те, которые встречаются в пассионах Баха). Возможный путь – сличение нотных текстов российских хоралов с изданиями хоралов в немецких сборниках (их существует десятки, если не сотни тысяч). Естественно, такая работа продвигается медленно.

В колонке слева помещены хоралы и песни из немецких сборников. Нужно учитывать, что названия хоралов могут быть и другими из-за контаминации текстов, свойственной этому жанру. В колонке справа – название хорала из российских сборников и автор музыки.

УДК 130.3

МОНСАЛЬВАТ И КИТЕЖ-ГРАД: ТОЖДЕСТВА И РАЗЛИЧИЯ

О.Е. Власова

Немецкая и русская религиозные мистерии (Вагнер и Римский-Корсаков). Противопоставления и тождественность легенды о Монсальвате и Китеж-граде. Особенности русского и немецкого путей духовного искания и роста. Красота природы и женское начало в духовном видении русских и немецких преданий. Воплощение враждебных сил в русской и немецкой традиции.

В Западной Европе сложились легенды о Святом Граале, царство которого обладает многими чертами «праведной земли». В XII веке ряд писателей на основе устных кельтских легенд и древних преданий сочиняли рыцарские романы во вкусе того времени. Плеяду создателей произведений о Граале завершает знаменитый германский миннезингер XIII века Вольфрам фон Эшенбах. В его романе «Парциваль» отразился не только дух времени, но и вечные вопросы, волнующие человека. А в XIX веке Рихард Вагнер создал торжественную сценическую мистерию «Парсифаль».

Влияние мистерии распространилось за пределы Германии; «Парсифаль» в чём-то оказался близок России конца XIX – начала XX века. Около 100 лет назад русский композитор Н.А. Римский-Корсаков представил к постановке величайшее из своих творений – «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии». Интересно сопоставить немецкий и русский шедевры.

	Легенда о Монсальвате	Предание о Китеж-граде
Главный положительный персонаж	Парцифаль	Дева Феврония
Главный отрицательный персонаж	Кундри	Пьяница Гришка Кутерьма
Искуситель главного отрицательного персонажа	Чародей Клингзор	Татары – завоеватели
Финальный итог	Женский персонаж спасается духовно, но погибает физически	

В работе И.А. Корзухина «Николай Римский-Корсаков и Рихард Вагнер» отрицается всякая возможность считать «Китеж» русским «Парсифалем». Но, несмотря на своеобразие «Сказания о невидимом граде Китеже», в нём всё-таки есть сходство с мистерией Вагнера. Оно не исчерпывается сказочным мотивом невидимой обители или христианской идеей обетованного Града. Римский-Корсаков не зря соглашался с замечаниями друзей, что Феврония – «славянский Парсифаль». Действительно, для обоих характерны и высокие нравственные качества, и какая-то врождённая разумность. Феврония тоже сирота, «дитя лесов», она благоговеет к творению Божию. Любовь к Богу и привязанность к земле сочетаются в ней с любовью к человеку – сыну земли и образу Божию. Милосердие заставля-

ет её любить всех страждущих, а самым несчастным из них оказывается пьяница Гришка. «В каждой душеньке – краса Господня» – вот золотое правило Февронии в отношениях с людьми. В нравственном «поединке» с Гришкой союзником девы выступает совесть, пробудившаяся в глубине его искалеченной души.

Казалось бы, все мечты Февронии осуществились, стали явью её «золотые сны». Деву окружает дивная красота преображённого Китежа, сказочные птицы возвещают вечную радость. Рядом с нею – любимый жених, готовый вести её к венцу. Но счастье Февронии неполно. Она помнит о несчастных. «Там, в лесу, остался Гришенька... как бы Гришеньку в сей град вести», – просит дева. Но так как это пока невозможно, Грише и всей оставшейся в дольном мире «меньшей братии» посылается весточка. Им не заграждён путь в невидимый град, необходимо лишь покаяние в грехах. Взыскующие Града должны следовать Божиим заповедям, отречься от ненужной суеты и от поклонения идолам.

«Парсифаль» Вагнера поразил, захватил современников совершенством музыки и глубиной содержания. Художественное оформление выполнил Павел Васильевич Жуковский, сын русского поэта. Критики называли постановку «созревшей под влиянием двух гениев, воодушевлённых одной художественной идеей».

Замок Монсальват – Замок Святого Грааля, где он и находится. Символ – высшего духовного совершенства. Поиск Монсальвата – поиск совершенства.

В опере Вагнера Парцифаль – чистый, не знающий жизни юноша, который отправляется в странствие, чтобы достичь святого Грааля. «Демон греха», волшебник Клингсор хочет помешать Парцифалу, он враг христиан, поразивший заколдованным копьем хранителя Грааля Амфортаса. Рану может исцелить только чистый юноша, чему и препятствует Клингсор, искушая Парцифала блаженством женской любви. Навстречу Парцифалу выслано обольстительное существо – Кундри, демоническая женщина, одновременно «вестница Грааля» и орудие Клингсора, совратительница, «роза ада», как называет ее Т. Манн. Кундри обещает Парцифалу блаженство любви и укоряет его за то, что, уйдя в святое странствие, он оставил мать, и та умерла от тоски и одиночества. Любовью к «вестнице Грааля» Парцифаль должен искупить свою вину перед матерью. Парцифаль побеждает Клингсора и исцеляет Амфортаса, разрушив волшебные чары; его провозглашают новым королем Грааля, христианским избранником.

Кундри – это вновь восставшая Иродиада. Она символизирует плодоносящие силы природы, которые могут быть и целомудренны и не целомудренны, но они не управляемы... Кундри должна оставаться черной волшебницей, пока Парсифаль ее не спасет.

Китеж – мифический город, находившийся по легенде в северной части Нижегородской области около села Владимирского на берегах озера Светлояр у реки Люнда.

Сказ о сокрытии священного града Китежа – жемчужина славянского религиозного верования.

По отзыву В.Г. Каратыгина, для «Китежа» характерны «огромная органическая цельность замысла и его выполнения, глубина проникновения в душу народной легенды, настроение умиления, светлой радости, мистической любви, созерцательного экстаза».

На первый взгляд, в «Китеже» мало общего с «Парсифалем». В русской мистерии на основе так называемого «Китежского летописца», повести о св. Петре и Февронии Муромских, старообрядческих преданий и других плодов фольклора, собранных Вл. И. Бельским, повествуется о татаро-монгольском нашествии

XIII века. На эпическом фоне выступают дева Феврония – носительница нравственных идеалов христианства и «антигерой» Гришка Кутерьма – воплощение порока пьянства, приводящего его к ужасному греху – предательству.

Удел всех главных персонажей – страдание. Царство добра и справедливости возможно лишь на Небе – таков вывод «Китежа», отличающий его от «Парсифаля», где лишь географический рубеж отделяет Монсальват от обиталища демонических сил.

Феврония – идеальный образ русской женщины, верной и любящей, мудрой и доброжелательной, скромной и бескорыстно преданной, готовой на подвиг самопожертвования. Ей резко противопоставлен потрясающий своей драматичностью и жизненной правдой образ Кутерьмы – человека морально сломленного, раздавленного нищетой. По своей социально-обличительной силе этот образ не имеет равных в мировой оперной литературе. Трагические судьбы главных героев показаны в нераздельной связи с судьбой народа, переживающего тяжкую годину татарского нашествия, на фоне картин русской природы, народного быта, патристической борьбы с безжалостным врагом. В соответствии с содержанием народных легенд, наряду с реальными в опере возникают волшебные картины райской природы и чудесно преображенного града Китежа.

История эта, несмотря на всю ее божественность и легендарность, сплошь русская. Потому что воплощением предательства оказывается типичнейший русский пьяница, а татары-завоеватели именно для нас на долгие века стали символом неожиданного зла.

Пустыня Февронии – вечное детство ее души.

Гришка Кутерьма – воплощение любви к движению-жизни в этом городе, который скоро умрет, и воплощение страсти к вот сейчас мелькающему мгновению.

С начала и до конца сюжета – который для Гришки-то концом не станет, все нашли успокоение в Великом Китеже, кроме него...

И Достоевские страсти Гришки – от предательства к молитве, от нее – к убийству.

«Сказание о невидимом граде Китеже» и «Парсифаль» – это вопросы бытия человека и мира, освещенные с разных сторон, в соответствии с историческими, национальными и религиозными традициями. Показательна символика мистерий. «Китеж» как бы стоит под знаком Пресвятой Богородицы. Символ здесь – Успение: его удостаивается дева Феврония, в Великом Китеже высится Успенский собор, а «хождение в невидимый град» сопровождает успенский звон. В «Парсифале» же символ, наряду со Святым Граалем, – копьё Страстей Господних; мистерию пронизывают музыкальные темы Тайной Вечери и Страстной пятницы. «Парсифаль» ориентирован на крестную Жертву Христову, а «Китеж» в перспективе обращён к Воскресению и вечной жизни во Христе. Уместно вспомнить слова Н.А. Бердяева: «Православие обращено к тайне воскресения как к вершине и последней цели христианства... В католичестве мы прежде всего встречаем Христа Распятого, в православии же – Христа Воскресшего».

Парсифаль, возрастая в своём просветлении, исполняется милосердия и сострадания к людям не в меньшей степени, чем героиня «Китежа». Вагнеровская мистерия показывает, что мудрость приобретается на путях борьбы с искушениями и мировым злом. Борьба за нравственную чистоту идёт внутри Монсальвата, а вне его – с демоническими силами за душу несчастной Кундри. В конечном счёте добро побеждает и в обители, и за её стенами.

Финал «Сказания о невидимом граде Китеже» в определённой мере отражает воззрения народа на идеал христианского общества. По словам критика, картина нарисована «такой, какой она представлялась воображению народа... такой, какой разгадал её художник и, очистив от множества наслоений, воплотив в образы высокого искусства, вернул народу». Верное религиозное чувство Н.А. Римского-Корсакова заставило его поместить на первый план града Китежа праведную деву, печалующуюся о несчастном Гришке и всей земле.

«Молись и жди», — повторяли слуги Святого Грааля. Таково же настроение обитателей града Китежа. Дева Феврония самоотверженно совершает свой трудный жизненный путь, повсюду проявляя доброту и милосердие. «Проходя долиною плача, они открывают в ней источники...» — сказано о таких людях (Пс 84[83], 7). Герои обеих мистерий, германской и русской, не ждут, пока само собой исчезнет зло — человеческое и демоническое, но вступают в борьбу, стараясь побеждать зло добром.

Проясняется и внутренний путь Парсифаля: любуясь цветущим лугом, он без гнева, кротко вспоминает увядшие цветы в саду чародея; готовый молиться даже за «демонов», он достигает полного просветления.

Библиографический список

1. *Галай, Ю.Г.* Град Китеж, озеро Светлояр в русской культуре : сб. докладов / Ю.Г. Галай. — Нижний Новгород, 1995.
2. *Китежский летописец*: Повесть и взыскание о граде сокровенном Китеже // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. — М., 1981.
3. *Комарович, В.Л.* Китежская легенда (Опыт изучения местных легенд) / В.Л. Комарович. — М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1936.
4. *Криничная, Н.А.* Легенды о невидимом граде Китеже: мифологема взыскания сокровенного града в фольклорной и литературной прозе / Н.А. Криничная // Евангельский текст в русской литературе XVIII—XX веков. — Вып. 4. — Петрозаводск, 2005. — С. 53—66.
5. *Кулагина, А.В.* Легенда о граде Китеже в свете экспедиционных записей XX — начала XXI века / А.В. Кулагина // Народные культуры Русского Севера. Фольклорный этнетип этноса. — Вып. 2. — Архангельск, 2004. — С. 131—141.
6. *Легенды и предания Волги-реки.* — Н. Новгород, 1998.
7. *Легенды и предания земли Нижегородской.* — Н. Новгород, 2001.
8. *Повесть и взыскание о граде сокровенном Китеже* // Книга, глаголемая летописец... / пер. Н. В. Понырко // Библиотека литературы Древней Руси. — СПб. : Наука, 1997. — Т. 5.
9. *Смольников, С.Н.* Мифологема-топоним «Китеж» в поэтической системе Н. А. Клюева / С.Н. Смольников // Клюевский сборник. — Вып. 1. — Вологда, 1999.
10. *Солнцева, Н.М.* Китежский павлин / Н.М. Солнцева. — М., 1992. (О С. А. Клычкове.)

УДК 008(091)

РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ: ПАРАЛЛЕЛИ ТВОРЧЕСТВА (К ВОПРОСУ О ЗАИМСТВОВАНИИ В СФЕРЕ ТЕАТРА И КИНО ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА)

И.О. Андропова

Настоящая работа посвящена исследованию истории русско-немецких связей в сфере театра и кинематографа первой трети XX века. Представленный автором материал позволяет сделать выводы о степени взаимовлияния и заимствований в результате межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, антипод, театр, кино, «режиссерский театр», массовая культура, герой.

В начале XX века в культуре Германии и России наступает время, когда контакты в сфере театрального искусства [1] не просто перешли в иную плоскость: взаимного творческого обогащения, но были наче- чены пути для дальнейшего диалога в сфере кинематографа, и без их анализа наше исследование было бы неполным.

В рассматриваемый период отечественный театрал уже знал разные линии в развитии немецкого театра, от традиционного, консервативного, до нового, реформаторского [2].

Причем, в последнем театральном направлении можно предположить, что философско-мировоззренческий аспект взаимоотношений, связывавший Россию и Германию длительное время опосредованным образом, получил развитие в «режиссерском театре» начала XX века, где со сцены велись постановочные «беседы» К. Станиславского и М. Рейнхардта со зрителем о смысле жизни. И в этом отношении [3] русская культура, на рубеже веков переживавшая свой «серебряный век», оказалась духовным кладезем для немецкого театра.

Наряду с этим в культуре обеих стран, очевидно, прослеживается глубокая вовлеченность в познание «глубин русской души», стремление показать представление о «русском», как совершенно «ином», используя изобразительный язык театра. В школе актерского и сценического мастерства России и Германии буквально «гранят» человеческий характер посредством произведений Л. Толстого и А. Чехова. Усилившийся на рубеже веков взаимный обмен опытом, гастроли русских и немецких артистов в «чужой» стране привели к налаживанию множества личных и творческих контактов и проектов. Если для широкой публики выступления иностранных театральных коллективов были эмоциональным и интеллектуальным развлечением, то для профессионалов — деятелей театра и критиков — предоставляли информацию и давали импульс для исследований особенностей национального театрального искусства и культуры.

В дальнейшем, с появлением кинематографа, усиливается тяготение наших соотечественников к немецкому экспрессионизму в искусстве, что привело к тому, что из внешних влияний именно немецкое (или, как теперь часто говорится, — «немецкий след») наиболее явственно сказалось в русском и — шире — советском кино со времен революционного авангарда.

В этой связи эпиграфом к нашему исследованию мог бы стать знаменитый кадр из эрмлеровского «Обломка империи», в котором у распятого Христа

в противогазе (прямое цитирование рисунка Георга Гросса) сталкиваются два солдата Первой мировой – русский и немецкий – и, потрясенные, обнаруживают, что у них одно и то же лицо великого актера Федора Никитина.

На разных этапах нашей истории, не смолкая, громче или тише, звучала тема Германии в фильмах (классовая борьба и рост коммунистических настроений в конце 1920-х – начале 1930-х, далее антифашизм и – естественно – огромный, полувековой, перешагнувший в XXI век цикл фильмов о Второй мировой войне). В действительности русско-немецкие кино-связи – тема огромная и только недавно «академизированная» [4]. Постоянно проникали и осмысливались стилистические воздействия немецкого искусства (пусть и в полемике, противопоставлениях, отрицаниях). Бросается в глаза и некая сопряженность России и Германии в судьбах и творчестве самых крупных советских кинематографистов, лидеров, классиков.

Вспомним Сергея Эйзенштейна с его немецким домашним воспитанием, блестящим немецким языком, знаменательными командировками в Германию. Судьба В. Пудовкина буквально «прошита» германской нитью. Немецкий плен в первой мировой войне. Работа на студии «Межрабпомфильм», прямо связанная с германскими акционерами, съемки в роли Феди Протасова в совместной постановке «Живого трупа» с немецкими партнерами. Полная наивных надежд на коммунистическую солидарность пролетариата в Германии картина «Дезертир», снятая в 1933 году, накануне роковых событий. И замечательное режиссерское творение «Убийцы выходят на дорогу», не дождавшееся публичных показов из-за цензурного запрета в самом начале войны, – экранизация драматических новелл Б. Брехта «Страх и отчаяние в Третьей империи». Картина Ф.А. Оцепа, экранизовавшего пьесу Л. Толстого «Живой труп» в 1929 году, сделала хорошие прокатные сборы в Германии. Впоследствии Оцепу (а заодно и Анне Стэн, его жене, актрисе Анель Судакевич) предложили работать в Берлине.

Не забудем и Александра Довженко, который в период своей дипломатической службы в Германии в 1921–1923 годах учился в Мюнхенской школе живописи, где были столь сильны воздействия первопроходца экспрессионизма – «Голубого Всадника», а в Берлине был вхож в интеллигентские салоны, где встречался с немецкими кинематографистами. Этот список можно было продолжать, но у нас другие задачи.

Ключевым для межкультурной коммуникации является и тот общеизвестным факт, что в начале XX века кинематограф России и Германии объединяет появление и влияние массовой культуры США. «Многое идет из США, и едва ли не весь мир охвачен подобными увлечениями [4]. Новый вид развлечения, коим стал кинематограф, быстро завоевал популярность среди «высшего общества» Германии, однако столь же быстро эта популярность стала массовой.

Вместе с тем масскульт повлек за собой и серьезные изменения в семейной жизни с появлением «новой женщины»: эмансипированной, независимой, изменившей свой внешний облик, свои костюмы, свой стиль. Отныне в моду входят женщины, увлеченные диетами, спортом, работой, «играющие с жизнью» и различные роли в ней [5]. Новый идеал в полной мере воплотила Марлен Дитрих [6]. Фильм с участием М. Дитрих был снят по произведению Генриха Манна «Учитель Гнус». Ни одна из претенденток не соответствовала представлениям режиссера о Лоле, пока он случайно не посетил спектакль местного кабаре. Как писал он сам: «В том спектакле я увидел фройляйн Дитрих во плоти... Это было лицо, которое я искал... Это лицо обещало все и более того... По словам критиков, Штернберг

«всколыхнул океан, и из вод вышла женщина, которой суждено было очаровать мир»...Россия не стала исключением.

Любовь Орлову — приму и звезду советского кино 30–40-х годов — часто сравнивают с Марлен Дитрих, появление которой на экране было столь же символическим и знаковым для тех лет. Сходство между ними — ровесницами — не только общее. Так же, как и Дитрих, «созданную» для памяти поколений ее возлюбленным, режиссером Штернбергом придавшим «ей форму в плавительном тигле» своих «фантазий, пока ее образ не стал соответствовать» его представлению, так и Орлову для зрителей сотворил ее муж — Г. Александров. Он буквально слепил ее по образцу Марлен Дитрих. Скажем, в «Веселых ребятах» у нее был знаменитый цилиндр — и только в конце 60-х годов стало ясно, что это тот самый цилиндр, в каком выступала Марлен Дитрих в «Голубом ангеле». Фильм «Цирк» снят Александровым отчасти в подражании «Голубому ангелу» с Марлен Дитрих. Даже имя героини созвучно — иностранка Марион. В «Цирке» Орлова снимает свой черный парик и остается блондинкой — у нее половина головы черная, а половина платиновая, — это тоже кадр из фильма Марлен. Удивительно, насколько иногда подражание приводит к созданию стопроцентно своего материала. Л. Орлова встречалась с М. Дитрих в Америке, при этом ни для кого не секрет, что испытывала ней неприязнь.

Помимо штампов «героев» и «героинь», рожденных киноиндустрией массовой культуры, мастера киноискусства России и Германии параллельно создавали и шедевры иного масштаба, для избранной публики.

Благодаря тому, что кинематограф открывал широкие возможности, искания представителей символизма рубежа веков о Прекрасной Даме и Дьяволице нашли в первой трети XX века свое фантастическое воплощение. Правда, это было сделано уже в стилистике экспрессионизма. Вспомним образы, созданные в 1927 году в ленте Фрица Ланга «Метрополис»: Марии и Лже-Марии (творение — безумного учёного — человеко-машина, — принимающее, в отличие от Существа у Мэри Шелли, облик прекрасной женщины...), и «Аэлиту» (фантазию инженера Лося) режиссера Якова Протазанова (1924). Обе они были всесильны и словно несли в себе квинтэссенцию ужаса индустриальной революции, падшего разума в мировом, вселенском масштабе.

Кроме того, оба режиссера буквально грезил космическими образами, но только Фрицу Лангу все-таки удалось «побывать на Луне» в научно-фантастическом фильме «Женщина на Луне» (1929). Вместе с тем «Аэлита» Протазанова, снятая по произведению А. Толстого и сценарию Ф. Оцепа, — фильм, существование которого долго игнорировалось отечественными историками кино, за рубежом считается важным явлением в истории киноискусства в целом. Так как по факту это первый полнометражный фильм о космическом полёте. И вопрос о творческом заимствовании остается открытым. Вполне вероятно, что талантливые режиссеры, на одном дыхании чувствовали время.

В истории русско-немецких кино-связей есть и другие лагуны для нашего исследования, порой неожиданные: например организация киностудий. Так, «Межрабпом-Русь» — единственная студия в Союзе, работавшая в 20-е годы на коммерческой основе, с привлечением иностранного капитала. В перестройку назвали бы — кооперативная киностудия. На этой студии была самая модернизированная киноаппаратура в стране, поставленная из Германии. Первые опыты по освоению звукового кино зарождались именно здесь. Режиссеры и актеры работали в совместных постановках с Германией,

а когда в конце 20-х стало ясно, что студии пришел конец, многие из них так и не вернулись в Россию [7] (как, например, Ф. Оцеп и Анна Стен).

Определенный параллелизм художественных задач, и прежде всего в эстетике революционной киноэпопеи в России и драмы «человека-массы» в немецкой послевоенной драматургии, наводили на сопоставления и противопоставления. Работали и внутренне-кинематографические административные связи двух стран, еще не полностью зависимые от государства: и деятельность совместного акционерного общества «Межрабпомфильм», и – хрестоматийное! – помощь благородной германской киноорганизации «Прометеус», в 1926 году закупившей фильм «Броненосец «Потемкин» и осуществившей его прокат по стране, преодолевая сопротивление тех общественных кругов, которые усматривали здесь пропаганду идей большевизма.

Еще не освоенная тема «Россия и Германия: кинопрокат» предоставляет киноведению интересные возможности. В частности, «немецкий фильм на советском экране и в кинопублицистике 1920-х».

Германский киноимпорт в советском прокате лидирует! После постановления 1923 года, согласно которому Госкино (из соображений экономических, а отнюдь не просветительских) произвело массовую закупку картин иностранного производства, немецкие ленты составляют едва ли не 80 процентов от общего числа ввозной продукции. Пользуются успехом. Приносят доход. А идеология и коммерция в советское время, как известно, потихоньку мирно сосуществуют, хотя внешне, если почитать критиков АХХРа или ОДСК, находятся в постоянной вражде. Но еще А.А. Ханжонков, первопроходец отечественного игрового фильма и истинный русский патриот, хорошо знал (и писал об этом), что законом экономической выгоды в кинематографии является прокат заграничных лент.

Вторая половина 1920-х, пора нэпа – в этом смысле поистине золотое время и царство свободы для зрительского выбора в общедоступных российских кино-театрах. Каталоги зарубежных немых фильмов на советском экране, созданные на базе Госфильмофонда СССР в 1960-х и прокомментированные Е. Карцевой, Ю. Грейдингом и Н. Егоровой в бюллетенях «Кино и время» [8], этот ценнейший источник, до сих пор остающийся для российского историка кино единственным, позволяет восстановить подлинную панораму вольного экрана 20-х. Видно, сколь мощный поток льется из Берлина неостановимо вплоть до конца десятилетия, когда рубежи социальные (год великого перелома) и производственно-творческие (освоение и внедрение звука) не начнут изменять весь режим советского кино, опуская его под сталинский железный занавес.

Библиографический список и примечания

1. *Немцы были одними из основателей* драматического театра в России, ведущими исполнителями в первом придворном оркестре, учителями и организаторами частного и государственного образования, составляли абсолютное большинство первых членов Академии наук, художественно-театральной школы.
2. *Вплоть до последнего десятилетия XIX века* немецкое драматическое искусство было значительно лучше известно в России, чем русское в Германии. Это время отмечено двумя важными событиями в театральной жизни – гастролями Московского Художественного театра в Германии и театра М. Рейнхардта в России. Оба эти события были уникальны в своем роде и имели огромное значение для взаимного знакомства с театральным искусством. Первую русскую гастрольную поездку труппа М. Рейнхардта совершила в Петербург 21 марта в 1911 году.

Причем в «легендарную и богатую» Россию, о чем говорили все европейские, в том числе и немецкие, гастролеры, его привел не только расчет на баснословную выручку. Он стремился показать русской публике торжество немецкого искусства. К этому времени, несмотря на очень высокие цены, билеты на все представления немецких актеров были уже распроданы. Интерес публики был велик, общественное мнение подогревалось публикациями в прессе. Большое количество отзывов, выходявших из-под пера известных русских критиков, было положительным.

3. *Между тем в театральной среде* существовала другая тенденция. Популярный литературно-художественный журнал «Аполлон», который предоставлял свои страницы теоретикам эстетики, во всех рецензиях дал преимущественно негативные отзывы о спектакле немецкой труппы. Приверженцы классико-романтического направления были шокированы в первую очередь варварством и вульгарностью, вторгшимися в античную красоту. Сторонники Московского художественного театра, театра психологического, называли спектакль «Царь Эдип» Рейнхарда «неискусством», их раздражала декламационность немецких актеров. См. в: *Огородникова, О.А.* Из истории русско-немецких культурных связей: театральные встречи на рубеже XIX–XX вв. // *Международный исторический журнал.* – 2001. – Январь-февраль. – № 13.
4. *Германия второй половины XVIII века* – «страна, сверкающая аристократией гениев», родина Гёте, Шиллера. Гегеля, Гердера, Виланда, Шлегеля, Вернера. В этот период русская культура испытывала прямое влияние немецкой культуры благодаря в первую очередь высокому уровню образования в Германии. Именно там желали учиться молодые дворяне и представители русской культурной элиты того времени – германская школа, благодаря своей основательности и организованности, считалась самой престижной в Европе. В представлении русских образованных людей первой половины XIX века Германия была родиной поэтов и философов. Например, в 20–40-е годы XIX века московское «Общество любознания» увлекалось Шеллингом. В Берлине побывали А. Станкевич, Т.Н. Грановский, М.Н. Катков, М.А. Бакунин, И.С. Тургенев, Н.П. Огарев, В.Ф. Одоевский.
5. *Зоркая, Н.* Доктор Калигари и Акакий Акакиевич Башмачкин. К вопросу о немецких влияниях в русском революционном авангарде / Н. Зоркая // *Киноведческие записки.* – 2002. – № 59
6. *Вся сущность Лолы* из кинофильма «Голубой ангел» – этого нового эмансипированного женского образа выражается в последней песенке фильма, исполняемой М. Дитрих: «Я всегда играю, это моя природа».
7. *Млечина, И.* Уроки немецкого. Век XX / И. Млечина. – М. : Издательская группа прогресс ; Культура, 1994. – С. 31.
8. *В 1928 году* студию национализировали – «Межрабпомфильм». В 1936 году на ее основе была создана единственная киностудия в мире по производству детских фильмов «Союздетфильм», с 1963 года официальное название Центральная киностудия детских и юношеских фильмов имени Горького.
9. *Егорова, Н.* Немецкие немые фильмы в советском прокате. Каталог немецких немых фильмов, бывших в советском прокате / Н. Егорова // *Кино и время. Бюллетень.* Вып. IV. – М. : Искусство, 1965. – С. 380–387.

УДК 791.43(430)

КИНО ГЕРМАНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

И.М. Попова

В статье показан путь кинематографа Германии второй половины XX – начала XXI века, его всплески и падения, основные темы и направления.

Ключевые слова: проблема человека, Германия, «новое кино», Фассбиндер, мировой успех.

С середины XX века «проблема человека» становится одной из центральных во всех областях знания. Повышенный интерес к ней вызван глобальным фактором существования множества повседневных, пережитых и переживаемых ныне противоречивых фактов исторического развития разных стран, народов и всего человечества. В сфере мировоззренческой разработки этой проблемы в современном обществе именно кино, искусству совсем молодому по сравнению с литературой, театром, изобразительным творчеством принадлежит особое место. В полной мере это показало немецкое кино второй половины XX века, развитие и состояние которого было обусловлено особыми политическими, социальными и культурными условиями Германии (разгром гитлеровского рейха, разъединение страны на Восточную и Западную, падение Берлинской стены).

При знакомстве с кинематографической культурой Германии указанного периода особый интерес представляет кино ФРГ, в процессе развития которого сформировались эстетические и этические принципы, способствовавшие становлению национального кинематографа. В послевоенные годы развитие западногерманского кинематографа происходило в атмосфере острых политических и социальных противоречий, в столкновении противоположных экономических интересов американских и немецких предпринимателей. В это время кинорынок страны наводнили развлекательные ленты немецкого производства, крайне низкие по своим профессиональным и художественным качествам (второстепенные комедии, любовные драмы, приключенческие ленты, фильмы из жизни богемы и высших слоев общества). Эта продукция, поставщиками которой были восстановленная студия УФА (в прошлом опорная база нацистского кинопроизводства) и маломощные фирмы, находила своих потребителей, и все же в борьбе с Голливудом немецкие фильмы оказались полностью безоружными. (На протяжении 50-х годов в прокате ФРГ находилось от 350 до 380 иностранных лент всех стран и народов).

Всего за первое десятилетие существования кино ФРГ было создано около 800 фильмов, и лишь некоторые из них обращались к проблемам военного и послевоенного времени. Так, в 1947 году на экраны вышли ленты: «В те дни» Х. Койтнера, «Над нами небо» И. фон Баки, «Когда-нибудь встретимся снова» Х. Мюллера, «Между вчера и сегодня» Х. Брауна. В конце 50-х – начале 60-х годов созданные этими и другими режиссерами (Б. Викки, В. Штаудте, К. Хоффмана) произведения объединяли антифашистский пафос, стремление к отражению на экране сложной и прихотливой логики исторического бытия, широкое использование художественных средств из арсенала комедии. Одна-

ко в первое послевоенное десятилетие не появилось ни одного фильма, который можно было поставить в один ряд с произведениями театра и литературы. Кризисные явления в кино ФРГ, преследовавшего одну цель — создание «коммерческих фильмов для широкого зрителя», усугубило бурное развитие телевидения и других форм досуга. Распад концерна УФА (только в 1961 году УФА потерпела убыток в 23 млн марок, акционеры были вынуждены объявить о банкротстве концерна), в рамках которого создавалась значительная часть кинематографической продукции, исчезновение других стабильных фирм (выстояли лишь две киностудии: «Централь-синема компании» и «Риальто-фильм Пребен Филипсен»), стали результатом критической ситуации в западногерманском кинематографе, который оказался перед угрозой полного исчезновения.

Выразителем общественных настроений и одним из публичных противодействий художественной интеллигенции ФРГ политике государства в области культуры стало выступление нового поколения режиссеров, заявивших на VIII фестивале короткометражных фильмов в Оберхаузене в феврале 1962 года о своем намерении создать новый тип кино. Идейнными истоками мировоззрения большинства молодых режиссеров стала идеология «новых левых», духовным отцом которых был знаменитый франкфуртский философ Теодор В. Адорно, требовавший обновления не только духовного содержания, но и эстетических средств. Поэтому с первых шагов режиссеры оберхаузенцы пытались создать свой собственный киноязык, отличный от языка коммерческого кино. (Зрителю, воспитанному на американских фильмах, картины «новых режиссеров» кажутся порой затянутыми и скучными. Опасность такого подхода сказалась очень скоро — «новое кино» превратилось в элитарный феномен, утратив столь необходимые контакты с широкой зрительской аудиторией.) Краеугольным камнем мировоззрения было отношение к режиссуре как к виду деятельности, направленной на преобразование жизни и дающей возможность сказать свое собственное слово по поводу тех или иных проблем общественного звучания. Причем особую приверженность подавляющее число режиссеров выказывало теме социальной несправедливости. Общество ФРГ предстает в их изображении как подавляющая сила, направленная на унижение и уничтожение личности. Отсюда — интонации безнадежности, заведомой обреченности героев, а порой и фатальности социального зла. Эстетические поиски привели к воспитанию и нового типа актера, главная задача которого сводилась к созданию на экране достоверного и психологически точного образа, а также к выражению собственного отношения к нему. Режиссеры «нового кино» использовали непрофессиональных исполнителей, игра которых отличается силой и подлинностью чувств. (Таковыми являются три ведущие актрисы: Ханна Шигулла, Маргарете фон Тротта, и Ангела Винклер.) Надо отметить, что молодые кинематографисты, приняв концепцию «авторского кино», как правило, были не только постановщиками, но и сценаристами своих картин, нередко исполняя и главные роли.

В середине 1960-х годов дебютировали самые яркие фигуры «нового кино»: Александр Клуге, Фолькер Шлендорф, Вернер Херцог, Эдгар Рейнц, Райнхард Хауф, Райнер Вернер Фассбиндер, Вим Вендерс и другие художники, которые и в 1980-е годы оставались ядром прогрессивного кинематографа ФРГ. Особенности творчества этих режиссеров способствовали формированию «нового кино» как неповторимого художественного феномена. Важная роль в становлении «нового кино» принадлежит А. Клуге. Юрист, философ, историк, писатель

и художник, он рассматривал кинематографическое творчество как многогранное средство самовыражения. Его самые удачные картины «Прощание со вчерашним днем» (1966), «Артисты под куполом цирка беспомощны» (1967), «В случае опасности» (1974), «Сильный Фердинанд» (1975) – это своеобразные эссе, в которых в соответствии с авторской логикой документальные и игровые эпизоды объединяются в стройное художественное целое. Крупнейшим режиссером «Нового кино» является Райнер Вернер Фассбиндер (наверное, самый независимый режиссер в истории современного кино), которому удалось реализовать почти все свои замыслы: за 17 лет работы в кино он поставил 42 фильма, 18 театральных спектаклей, написал 10 пьес, две радиопьесы и как актер снялся более чем в 30 фильмах. Самую большую славу принесли Фассбиндеру фильмы, в которых нашли отражение острейшие проблемы немецкой истории: «Замужество Марии Браун» (1978), «Третье поколение» (1979), «Берлин, Александерплац» (1979/1980), «Лили Марлен» (1981), «Лола» (1981), «Тоска Вероники Фосс» (1982). Наиболее значительные фильмы «нового кино» второй половины 1970-х – первой половины 1980-х годов отмечены чувством ответственности художника перед историей. Так, в произведениях Маргерете фон Тротта, дебютировавшей как режиссер фильмом «Второе пробуждение Кристины Клагес» (1978), четко выражена моральная и гражданская позиция автора. Ее фильмы «Свинцовые времена» (1981), «Чистое безумие» (1982) – яркое подтверждение сложности и остроты проблем, вызывавших тревогу западногерманского общества начала 1980-х годов.

Молодые режиссеры не ограничивали свою деятельность выступлениями против идей и штампов аденауэровского кинематографа: важной предпосылкой стремительного и плодотворного развития западногерманского кино в 1970-е годы стали проведенные ими мероприятия. Так, был основан «Рабочий союз новых западногерманских продюсеров кино», объединивший около 40 независимых режиссеров; организована собственная прокатная фирма «Фильмферлаг дер Ауторен», выполнявшая задачу популяризации произведений молодых режиссеров; заключено соглашение между кино и телевидением. В 1970-е годы кинематограф стал притягательным центром для многих деятелей театра и литературы. Например, в создании нескольких фильмов принимали участие драматурги Франц Ксавер Крец, Танкред Дорст, писатель Генрих Белль, всецело посвятил себя кинематографу начинавший на театральных подмостках Райнер Вернер Фассбиндер. Такое тесное содружество оказало благотворное влияние на кинематограф: искусство кино с небывалой активностью выступало как свидетель и судья, очевидец и участник острейших социально – политических бурь, потрясавших общество. При этом его участие было отмечено масштабностью философского осмысления действительности, стремлением поставить на экране вопросы, которые до этого в сфере художественного творчества оставались почти всецело прерогативой литературы. Впервые за всю историю своего существования кино ФРГ стало равноправным элементом художественной культуры страны. (В это десятилетие центр кинопроизводства переместился из Берлина в Мюнхен, ставшего настоящей кинематографической столицей ФРГ.)

В 1980-е годы, благодаря творчеству ведущих режиссеров, немецкое кино отметилось успехами в международном масштабе. С «Оскара» Фолькера Шлендорфа («Жестяной барабан») в 1980 году немецкие фильмы стали получать одну премию за другой. В 1982 году они завоевали все главные призы трех крупнейших фестивалей. В феврале 1982 года г. Фассбиндер получил «Золотого медведя» Берлинале за «Тоску Вероники Фосс», в конце мая в Каннах «Фицкарральдо»

Вернера Херцога получил приз за режиссуру, в сентябре «Золотой лев» Венецианского фестиваля достался «Положению вещей» Вима Вендерса. За год до этого тот же приз получила Маргарете фон Тротта за фильм «Свинцовое время». В 1982 году в США вышла на экраны «Подлодка» Вольфганга Петерсена и в следующем году получила шесть номинаций на «Оскар». Фильм Вима Вендерса «Париж, Техас» завоевал Золотую пальмовую ветвь в Канне в 1984 году и был объявлен там примером «чистого кино».

Эра «Нового немецкого кино», которая, как казалось, только достигла своего апогея, закончилась в 1982 году, с уходом из жизни Фасбиндера: на два десятилетия немецкое кино полностью выпало из кинематографического поля, его аудитория ограничивалась только Германией. (Исключением стали Вольфганг Петерсен и Роланд Эммерих, которые уехали в США). Сдвинул немецкое кино с места фильм «Беги, Лола, беги!» (1998) Тома Тыквера. На международном уровне о немецком кино заговорили с 2003 года, когда на экраны вышла трагикомедия «Гуд бай, Ленин!» Вольфганга Беккера, ставшая крупнейшим экспортным кинохитом. Создатели фильма, обратившись к важной главе немецкой истории, смогли заинтересовать зарубежного зрителя, что принесло картине «Европейскую премию». С тех пор немецкому кино сопутствует успех мирового уровня. В 2004 году «Золотой Лев» достался Фатиху Акину за ленту «Головой о стену», в 2005 году приз Берлинале за режиссуру и актерскую игру получил фильм Марка Ротемунда «Софи Шолль – Последние дни», в 2007 году «Европейская премия кино» досталась Фатиху Акину за фильм «На другой стороне», «Оскара» получил Флориан Хенкель фон Доннерсмарк за драму об агенте «Жизнь других». О внимании к германскому кино за рубежом говорит и следующий пример: фильм о Штази «Жизнь других» только в США собрал больше 11 млн долларов. За ним идут «Закат» и «Фальшивомотнетчики» («Оскар», 2008) более 5 млн долларов каждый. Во Франции «Жизнь других» стала самым успешным не французским фильмом года, а в Японии фильм шел в прокате 38 недель.

Эти награды говорят о том, что сегодня в Германии создаются картины, выполненные на высоком художественном уровне и достижения немецкого кинематографа стоят вровень с лучшими работами в европейском кино.

Интерес к актуальным проблемам, темам и событиям, определяющим общественную жизнь страны характерен для творчества современных немецких режиссеров, работающих в различных жанрах (Доминик Граф, Андреас Дрезен, Кристиан Петцольд, Хельмут Дитль, Кристоф Шлингензиф, Кристоф Хойслер и многие другие).

Очевидно, что в основе подъема кинематографического искусства Германии лежит обновление, осуществленное западногерманскими кинематографистами в 1960–70-е годы, затронувшее содержание, тематику произведений, содержащее активный социально-критический заряд, анализ исторических событий и человеческих характеров, с его стилистикой, основанной на отражении реального облика действительности.

Сосредоточенность немецкого кино второй половины XX – начала XXI века в немалой степени на вопросах сущности человека, оценке его сил и возможностей, цели и смысла его бытия, места, роли и перспектив в современном мире, делает кино Германии достоянием мировой кинематографической культуры.

Библиографический список

1. Капралов, Г. Человек и миф: Эволюция героя западного кино (1965–1980) / Г. Капралов. – М. : Искусство, 1984. – 397 с.
2. Краснова, Г. Кино ФРГ / Г. Краснова. – М. : Искусство, 1987. – 191 с.
3. Краснова, Г. Актеры кино ФРГ / Г. Краснова. – М. : Союз кинематографистов СССР. Всесоюзное творческо-производственное объединение «Киноцентр», 1989.
4. Краснова, Г. «Фасбиндер и его клан» / Г. Краснова // Искусство кино. – 1996. – № 7. – С 130–143.
5. Альтен, Михаэль. «Прошлое и настоящее немецкого кино» / Михаэль Альтен // Deutschland. – 2008. – № 6. – С. 11–15.
6. Рачева, Мария. «Новое кино» ФРГ: поиски и тенденции / Мария Рачева ; пер. с болг. Т. Карповой // Искусство кино. – 1986. – № 7. – С. 120–127.

НАШИ АВТОРЫ

АЙВАЗЯН Артак Андроникович

Кандидат политических наук, доцент кафедры организации работы с молодежью Уральского государственного технического университета – УПИ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург).

filos-717@yandex.ru

Ajvazjan, Artak

Candidate of Politics, associate professor of the chair «Organization of the interaction with youth» of the B.N. Eltsin Ural State University (Ekaterinburg).

АНДРОНОВА Ирина Олеговна

Кандидат искусствоведения, доцент кафедры «Философия» ТГУ.

irart@list.ru

Andronova, Irina

Candidate of Arts, associate professor of chair «Philosophy» of the Togliatty State University.

АНОХИНА Светлана Петровна

Доктор филологических наук, профессор Поволжского государственного университета сервиса (Тольятти).

S.Vopiyashina@tltsu.ru

Anohina, Svetlana

Doctor of Philology, professor of Volga State University of Service (Togliatty).

БУТЫЛОВ Николай Васильевич

Доктор филологических наук, профессор Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (Саранск).

butylov@rambler.ru

Butylov, Nikolaj

Doctor of Philology, professor of the N.P. Ogarev Mordovian State University (Saransk).

ВИНОГРАДОВ Михаил Юрьевич

Старший преподаватель кафедры «Немецкая и французская филология» ТГУ.
box6@freemail.ru

Vinogradov, Mikhail

Senior teacher of the chair «German and French philology» of Togliatty State University.

ВЛАСОВА Ольга Ефимовна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры «Философия» ТГУ.

filos-717@yandex.ru

Vlasova, Olga

Candidate of History, associate professor of the chair «Philosophy» of the Togliatty State University.

ВОЛКОВА Александра Александровна

Студентка 5-го курса Тверского государственного университета.

volkova_a_@mail.ru

Volkova, Alexandra

The 5th year student of Tver' State University.

ВОПИЯШИНА Светлана Михайловна

Кандидат филологических наук, доцент, завкафедрой «Теория и практика перевода» ТГУ.

S.Vopiyashina@tltsu.ru

Vopiyashina, Svetlana

Candidate of the Philology, associate professor, the head of the chair «Theory and praxis of the translation» of the Togliatty State University.

ГОРБАЧЕВА Наталья Борисовна

Старший преподаватель, завлабораторией кафедры социологии ТГУ.

GNB@tltsu.ru

Gorbacheva, Natalia

Senior teacher of the chair «Sociology» of the Togliatty State University, the head of the lab.

ГОРБУНОВ Юрий Иванович

Доктор филологических наук, профессор, завкафедрой «Немецкая и французская филология» ТГУ.

yourigorbounov@tltsu.ru

Gorbunov, Yuri

Doctor of Philology, professor, head of the chair «German and French Philology» of Togliatty State University

ГРЕЧУШНИКОВА Татьяна Викторовна.

Кандидат филологических наук, доцент Тверского государственного университета.
tatjana_gretch@mail.ru
Gretchushnikova, Tatiana
Candidate of the Philology, associate professor of Tver' State University

ДАНИЛОВИЧ Елена Евгеньевна

Студентка 5-го курса кафедры «Журналистика» ТГУ. Стажировка в Германии (2008), стипендиатка DRF, победитель XI Всероссийской студенческой межвузовской конференции «Молодые исследователи СМИ в современном пространстве» (2010).
danee@yandex.ru
Danilovich, Elena
The 5th year student of Togliatty State University. 2008 – the intern in Germany, fellow of Russian German Forum. Winner of XI Russian student conference between universities «Young researcher: Media in the modern space» (2010).

ДЕНИСОВА Галина Леонидовна

Кандидат филологических наук, профессор, завкафедрой «Романо-германская филология» Волжского университета им. В.Н. Татищева (Тольятти).
taraksa@mail.ru
Denisova, Galina
Candidate of Philology, professor, the head of the chair «Roman-German Philology» of the V.N. Tatischev Volga University (Togliatty).

ДОНЕЦ Павел Николаевич

Доктор филологических наук, профессор Харьковского государственного университета.
p_donec@list.ru
Donec, Pavel
Doctor of Philology, professor of the Harkov State University.

ЕФРЕМОВА Марина Андреевна

Студентка 3-го курса факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета, стипендиат фонда Оксфорда.
diemarine@mail.ru
Efremova, Marina
3th year student of the faculty of the Foreign languages and international communication of the Tver' State university, holder of a fellowship of Oxfords fund.

ЖАББАРОВА Фируза Уринбаевна

Ассистент кафедры «Общеобразовательная языковая подготовка» Уфимской государственной академии экономики и сервиса.
firuza08@yandex.ru
Zhabbarova, Firuza
Assistant of the chair «General linguistics training» of the Ufa State Academy of Economics and Service.

ЖЕЛНИНА Евгения Валерьевна

Кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социология» ТГУ.

ezhelnina@yandex.ru

Zhelnina, Evgenia

Candidate of Sociology, associate professor of the chair «Sociology» of the Togliatty State University.

ЗАЙДУЛЛИНА Евгения Игоревна

Студентка 5-го курса ТГУ.

S.Vopiyashina@tltsu.ru

Zajdullina, Eugenia

5th year student of the Togliatty State University.

ЗЛОБИН Александр Николаевич

Кандидат филологических наук, доцент кафедры «Теория речи и перевода» МГУ им. Н.П. Огарева Мордовского государственного университета (Саранск).

aleksandr_z@list.ru

Zlobin, Aleksandr

Candidate of Philology, associate professor of the chair «Theory of speech and translating» of N.P. Ogarev of Mordovia State University (Saransk).

ИВАНОВА Татьяна Николаевна.

Завкафедрой социологии ТГУ, кандидат социологических наук, доцент.

IvanovaT2005@tltsu.ru

Ivanova, Tatiana

Head of subdepartment Sociology of TSU, Candidate of Sociology, associate professor.

КАСАТКИНА Клара Алексеевна

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Теория и практика перевода» ТГУ.

S.Vopiyashina@tltsu.ru

Kasatkina, Klara

Candidate of Pedagogic, associate professor of the chair «Theory and praxis of the translation» of the Togliatty State University.

КОМАРОВА Лариса Ивановна

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Немецкий язык» Балашовского института Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

larkom@list.ru

Komarova, Larisa

Candidate of Pedagogic, associate professor of the chair «German language» of Balashov institute of the N.G. Chernyshevskij Saratov State University.

КОСТИНА Ирина Николаевна

Кандидат культурологии, доцент кафедры «Немецкая и французская филология и лингводидактика» Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского (Чита).

Kostina, Irina

Candidate of Culturology, associate professor of the chair «German and French Philology and linguistics» of N.G. Chernyshevskij Zabajkalskij State humanitarian pedagogical university (Chita).

КОСТРОВА Ольга Андреевна

Доктор филологических наук, профессор кафедры «Немецкий язык» Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (Самара).

Olga_Kostrova@mail.ru

Kostrova, Olga

Doctor of philology, professor of the chair «German language» of the Volga State socio-humanitarian academy (Samara).

КУДРЯВЦЕВА Екатерина Львовна

Член правления общественной организации ИКаРус – Межкультурная коммуникация и русский язык (Штутензее/Фридрихсталь, Германия).

ekoudrjavtseva@yahoo.de

Kudrjavceva, Ekaterina

The member of the public foundation IКаRuS – cross-cultural communication and Russian language (Stutensee/Friedrichstal, Germany).

ЛАПТЕВА Ирина Валерьевна

Доктор философских наук, профессор кафедры иностранных языков Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (Саранск).

laptevaiv@yandex.ru

Lapteva, Irina

Doctor of Philosophy, professor of the chair «Foreign languages» of the N.P. Ogarev Mordovian State University (Saransk).

МАЛЯВИНА Анна Николаевна

Кандидат педагогических наук (2002), доцент (2008) кафедры «Теория и практика перевода» ТГУ.

maljawina@mail.ru

Maljawina, Anna

Candidate of Pedagogic (2002), associate professor (2008) of the chair «Theory and praxis of the translation» of the Togliatty State University.

МАНОВА Маргарита Викторовна

Старший преподаватель кафедры «Социология» ТГУ.

manmarga@mail.ru

Manova, Margarita

The senior teacher of the chair «Sociology».

МАРДИЕВА Алла Константиновна

Кандидат филологических наук, доцент (Кельн).
allval70@mail.ru
Mardieva, Alla
Candidate of Philology, associate professor (Köln).

ОЛЬХОВИКОВ Константин Михайлович

Доктор философских наук, профессор кафедры «Социология и социальные технологии управления» Уральского государственного технического университета (УПИ) имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург).
filos-717@yandex.ru
Ol'hovikov, Konstantin
Doctor of Philosophy, professor of the chair «Sociology and social technologies of the administration» of the B.N. Eltsin Ural State University (Ekaterinburg).

ОПАРИНА Ксения Сергеевна

Аспирант кафедры немецкой филологии СамГУ (Самара).
ks.oparina@rambler.ru
Oparina, Ksenia
The Graduate student of the chair «German philology» of the Samara State University (Samara).

ПАНТЫКИНА Марина Ивановна

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии ТГУ, заместитель директора ГумИ ТГУ по учебной работе.
pantikina@tlttsu.ru
Pantykina, Marina
Candidate of Philosophy, associate professor of the chair «Philosophy» of Togliatty State University, assistant director for educational work of Institute of Humanities of TSU.

ПЕТРИ Эльвира Корнеевна

Кандидат искусствоведческих наук, заместитель директора Арзамасского музыкального колледжа.
epetri@list.ru
Petri, Elvira
Candidate of Arts, assistant director of the Arzamass musical college

ПОПОВА Ирина Михайловна

Старший преподаватель кафедры «Философия» ТГУ.
filos-717@yandex.ru
Popova, Irina
Senior teacher of the chair «Philosophy» of the Togliatty State University.

РОСТОВА Анна Владимировна

Кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социология» ТГУ.
rost-anna@mail.ru

Rostova, Anna

Candidate of Sociology, associate professor of the chair «Sociology» of Togliatty State University

САПОЖНИКОВА Лариса Михайловна

Кандидат филологических наук, доцент Тверского государственного университета.
volkova_a@mail.ru

Sapozhnikova, Larisa

Candidate of Philology, associate professor of the Tver' State University.

СОРОКИНА Наталья Валерьевна

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Немецкая и французская филология и лингводидактика» Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского.

Sorokinachita@mail.ru

Sorokina, Natalia

Candidate of Pedagogic, associate professor of the chair «German and French Philology and linguistics» of N.G. Chernyshevskij Zabajkalskij State humanitarian pedagogical university.

ТАЮПОВА Ольга Ивановна

Доктор филологических наук, профессор кафедры «Немецкая филология» Башкирского государственного университета (Уфа).

tayupova_im@mail.ru

Tayupova, Olga

Doctor of Philology, professor of the chair «German Philology» of the Bashkiria State University (Ufa).

УТОЧКИНА Анна Леонидовна

Студентка 5-го курса Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (Саранск).

aleksandr_z@list.ru

Utochkina, Anna

The 5th year student of N.P. Ogarev of Mordovia State University (Saransk).

ЧУПШЕВА Татьяна Александровна

Кандидат филологических наук, доцент Самарского государственного областного университета.

ewsok@inbox.ru

Chupsheva, Tatiana

Candidate of philology, associate professor of the Samara State regional University.

ШАКИРОВА Резеда Дильшатовна

Доктор филологических наук, завкафедрой «Иностранные языки» Набережно-Челнинского государственного педагогического института.

rez-shakirova@yandex.ru

Shakirova, Rezeda

Doctor of Philology, head of the chair «Foreign languages» of the Naberezhnye Chelny State pedagogical institute.

ШАРАФУТДИНОВА Насима Саетовна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки» Ульяновского государственного технического университета

nassima@mail.ru

Sharafutdinova, Nasima

Candidate of Philology, associate professor of chair «Foreign languages» Ulianovsk State technical university.

ШАРОВ Николай Федорович

Доктор философских наук, профессор, завкафедрой «Философия» ТГУ.

dasha_sh@tlttsu.ru

Sharov, Nikolaj

Doctor of Philosophy, professor, the head of the chair «Philosophy» of the Togliatty State University.

ШАРЫПИНА Татьяна Александровна

Доктор филологических наук, профессор, завкафедрой «Зарубежная литература» Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

swawa@yandex.ru

Sharypina, Tatiana

Doctor of Philology, professor, the head of the chair «Foreign literature» of the N.I. Lobachevskij Nizhny Novgorod State University.

ШЕМЧУК Юлия Михайловна

Доктор филологических наук завкафедрой «Перевод и переводоведение» факультета европейских языков Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова.

shemchuk@rambler.ru

Shemchuck, Julia

Doctor in Philology, head of the chair «Translation and Theory of translation» of the faculty of European languages of M.A. Sholoxov Moscow State Humanitarian University.

ЦАРЕВ Борис Васильевич

Кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия» ТГУ.

filos-717@yandex.ru

Tsarev, Boris

Candidate of Philosophy, associate professor of the chair «Philosophy» of the Togliatty State University.

ЦВЕТКОВА Ирина Викторовна

Доктор философских наук, доцент, завкафедрой «Гуманитарные и социальные дисциплины» Волжского университета им. В.Н. Татищева» (Тольятти).

aleksandr.kozlov@mail.ru

Tsvetova, Irina

Doctor of Philosophy, the head of the chair of Humanitarian and social disciplines» of the Tatischev Volga University (Togliatty).

ЭСКИНА Наталья Анатольевна

Кандидат искусствоведческих наук, начальник отдела разработки и реализации новых проектов Самарского академического театра оперы и балета.

eskinan@mail.ru

Eskina, Natalia

Candidate of Arts, The director of the department «Development and realisation of the new projects» of the Samara academic theatre of opera and ballet.

ЭССИГ Рольф-Бернхард

Доцент Бамбергского университета.

dr.essig@t-online.de

Essig, Rolf-Bernhard

Associate professor of the Bamberg university.

ЯРЫГИНА Наталья Степановна

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Журналистика», начальник управления по связям с общественностью и СМИ ТГУ. Член Союза журналистов РФ.

nataliajar@hotmail.ru

Yarygina, Natalia

Candidate of Philology, associate professor of the chair «Journalism» of Togliatty State University. Head of Media and public relations Department. Member of Journalists union of Russia.

CONTENTS

PHILOSOPHY7

**Pantykina M.I. A. REINACH AND N.N. ALEKSEEV: TWO PROJECTS
OF PHENOMENOLOGY OF THE LAW7**

In the article is presented the comparative analyze of philosophical-laws theories of A. Reinach and N.N. Alekseev. Their theories are close in the main range of problems and methodological principles and they both mirror the specific character of national types of philosophical culture.

Key words: phenomenology of law, normative facts, legal entity, legal structure.

**Tsvetkova I.V. METHODOLOGICAL PRINCIPLES ANALYSIS
OF PROPERTY IN GERMAN NEO-KANTIANISM
AND UNDERSTAND SOCIOLOGY13**

We consider the theory of values that have evolved in the concepts of neo-kantianism and interpretive sociology. We hypothesized the existence of multiple models of interpretation and the interpretation of the value system, which includes a contradictory combination of material, spiritual and social components.

Key words: social philosophy, values, culture, methodology.

**Carev B.V. RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY
AND GERMAN QUESTION AT THE BEGINNING
OF THE FIRST WORLD WAR18**

The article is devoted to the period in the history of Russian religious thought with its political and cognitive weakness in complex social-historical condition. The main particularities of antigermanism in popular Russian readings of the early period of the First World War are considered.

Key words: religious Russian philosophy, germanism, cognitive experience.

**Sharov N.F. PROBLEM OF INTERSUBJECTIVITY
AND INTERSUBJECTIVITY BASE OF PHILOSOFY21**

The article shows the function and impotence of the dialogue between the Russian and German philosophical cultures, this dialogue covering various problems and conceptual intersection points, such as intersubjectivity given both within philosophy and in cross-cultural communication which influences the philosophical dialogue between Russia and Germany. The article stresses the impotence of intersubjectivity as implied by its double role of a separate topic, a real development mechanism of the two cultures.

Key words: intersubjectivity, understanding, conventionality, language, communication.

Sharypina T.A. THIS ARTICLE IS ABOUT PERCEPTION OF NIETZSCHE'S PERSONALITY AND HIS HERITAGE BY RUSSIAN THINKERS OF SILVER AGE AND STEFAN ZWEIG26

This article is about perception of Nietzsche's personality and his heritage by Russian thinkers of Silver age and Austrian writer Stefan Zweig. The idea of this text is that it was Russian philosophic tradition that accepted creative aspects of Nietzsche's negativism.

Key words: immorality, aestheticism, overman, Dionysism, negativism of Nietzsche, moral values, idea of eternal renovation.

SOCIOLOGY.....31

Zhelmina E.V. VIRTUAL SOCIAL NETWORKS (STRUCTURAL-FUNCTIONAL ANALYSIS)31

The brief review of the conducted structural-functional analysis of virtual social networks is in-process presented, the base model of this social phenomenon is offered from positions of communicative act and also the sociocultural aspects of intercourse in the virtual social networks of young people of Russia and Germany are distinguished.

Key words: social network, information technologies, internet- space, socio-cultural aspect, intercourse, communication, young people.

Ivanova T.N. SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS OF GERMANY34

In this paper the author examines the socio-economic situation in Germany, the system of social welfare and education of the state. The paper reveals the issues of unemployment, migration, labor market, health, crime and language.

Key words: unemployment, language, crime, migration, markets, employment, generation, youth.

Gorbacheva N.B. COMPARATIVE ANALYSIS OF CONTEMPORARY VALUE PREFERENCES RUSSIA AND GERMANY YOUTH37

The article deals with the vital position of the young generation in Russia and Germany. Proposed a comparative analysis of value orientations, priorities, attitudes of young people of both countries in terms of socio-economic crisis. The article presents the results of sociological research of value preferences of young people in Russia and Germany.

Key words: values, youth, family, socialization.

**Ajvazian A.A.,
Ol'hovikov K.M.** THE ROLE OF THE YOUTH IN FORMING OF CIVIL SOCIETY: BY THE MATERIALS OF GERMAN-RUSSIAN SEMINARS42

The article comprises some methodological questions linked to understanding of civil orientations of modern Russian students. These questions also have been somewhat probated during Russian-German seminars devoted to priorities and methods of youth policy. Perspectives for development of civil society could not be acquired by means of external adoption but presuppose growth of own-grown expert community.

Key words: civil society, citizen, youth, students, youth policy.

Manova M.V. TO THE QUESTION ON SOCIALLY PSYCHOLOGICAL FEATURES AND PROBLEMS OF TEENAGE AGE47

In the work problems of teenage age are considered. Rough changes, psychological and physiological, which are worried by each teenager, with the parties, demand support of experts, with another, any in private world of the teenager can have indelible consequences. The attention to the most important contradictions of teenage age which accompany it throughout all period is paid.

Key words: teenage age, the ambivalence, the raised emotionality, role diffusion, protective mechanisms of the person.

Rostova A.V. GENDER EDUCATION AS THE FACTOR OF FORMATION OF YOUTH CULTURE (ON AN EXAMPLE OF GERMANY AND RUSSIA)53

The author of article analyzes features of gender education as one of factors of formation formation of youth culture. In article the Russian and German experience of realisation of gender education of young generation is compared. In work problems of formation of gender education in Germany are considered.

Key words: youth culture, a gender, gender education, gender stereotypes, an education system.

Danilovich E.E., Yarygina N.S. THE IMAGE OF RUSSIA IN MODERN GERMAN PRESS56

The image of Russia as if is formed by German journalists in modern German press is featured on the basis of comparative analyze, that covers German media over the 2009 year.

Key words: the image of government, German press, the theory of polivization, foreign policy, stereotypes.

Yarygina N.S. THE IMAGE OF FRG IN RUSSIAN MASS-MEDIA60

The article describes all processes, which took place in Russian-German media at the end of the 20th century, when the basis of those countries' mass media were laid. The results of the articles' research (newspapers, magazines and news radio broadcasting stations) in 2009, that have influenced Russian audiences.

Key words: the image of FRG, eastern and western civilizations, information wars, psychology of target audience, structure of modern mass media, crisis in newspapers and advertisement.

LINGUISTICS66

Tayupova O.I. THE DOMINATING TREND TO THE STUDY OF TEXT66

The article deals with the problem of various approaches to the study of discourse. On the basis of modern trends of pragmalinguistics and theory of variability some new possibilities contributing to further development of theory of both fiction and non-fiction texts are revealed.

Key words: text, fiction and non-fiction subtypes of text, the category of variability, discourse, pragmalinguistics.

Kostrova O.A. MAINSYNTACTICAL FIELD: HIERARCHICAL MODEL ...71

The article is devoted to borders and methods of description of syntax, the content of syntactical units and instruments for it's analyze.

Key words: mainsyntactical field, meta-symbolization, metonimization.

Sharafutdinova N.S. SYNTAGMEM ANALYSIS OF EQUIVALENT TECHNICAL TERMS IN RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES76

The article is devoted to the analysis of aviation terms in Russian and German languages. Lingvo-cognitive approach together with morphothem analysis enables to observe regularities of the language objectification of cogitative concepts in technical language and to determine the cognitive component of equivalent scientific-technical terms in different languages.

Key words: contensive component, lingvo-cognitive approach, syntagmem analysis, morphothem analysis, term.

Shemchouk Y.M. TYPOLOGY OF THE RELATIONS BETWEEN RENEWED NOMINATIONS AND CHANGING LEXEMES BY RENAMING80

The article deals with the typology of the relations between renewed nominations and changing lexemes. It deals with the renamings constituting of the part of the vocabulary system of today. Besides the competition of neologisms with changing lexemes have been analyzed.

Key words: neology, neologism, nomination, renaming.

Kasatkina K.A. CONCEPT WORLD IMAGE AND TRANSLATION83

The article is devoted to concept verbalized in the literary text and translation aspect of concept functioning. The article describes the notion of linguistic world image and its reflection in the novel «Liebe in St.Petersburg» by H. Kosalik. Linguistic markers of national mentality, realized in concepts «love», «native», «space and time», constitute components of translation lacunas.

Key words: Lacuna, concept, literary text, culture, precedent name, cross-cultural communication, linguistic markers of national mentality, linguistic world image.

Zlobin A.N., Utochkina A.K. LINGUO-CULTURAL DISSONANCE BY THE TRANSLATION88

The article is devoted to problems of the erratology by the translation.

Key words: lingvo-cultural dissonance, pragmatically adaptation, equivalence of translation.

Vopiyashina S.M. COMMUNICATIVE EQUIVALENCE OF TRANSLATION OF VACANCY ADVERTISEMENTS FROM GERMAN INTO RUSSIAN91

The article deals with the translation of German vacancy advertisements into Russian. It focuses on the problem of communicative equivalence in contrastive analysis. The analysis shows that German and Russian texts of vacancy advertisements have great differences in their functions. And it causes some troubles by translating.

Key words: functions of text, pragmatics of text, communicative strategies, communicative equivalence of translation.

- Maljawina A.N.** GERMAN AND RUSSIAN CHARTER AS OBJECT OF LINGUAL STYLISTIC AND TRANSLATION RESEARCH95

The article considers the peculiarities of the translation of Russian constituent documents in German in lingvo-stylistic and sociocultural aspects.

Key words: charter, communicative competence, standard, lingual stylistic peculiarity of translation, sociocultural originality.

- Anohina S.P.** RHETORICAL STRUCTURE OF ADVERTISEMENTS102

The article concerns differences and similarities in rhetorical structure of German and Russian advertisements.

Key words: rhetorical structure, argumentative tactics and devices, macro intention, additional functions.

- Vinogradov M.Y.** THE CONNECTORS «UND», «ABER» AND «DOCH» IN THE NEWSPAPER DISCOURSE (IN GERMAN LANGUAGE)109

In this article, it is argued that adversative and co-ordinative connectors such as “aber”, “doch” and “und” not only indicate implicative relations between the utterances connected, but also signal specific modality-pragmatic functions of these utterances in different newspapers text patterns.

Key words: modality-pragmatic superstructure, connector, discourse, semantic level, syntax level.

- Zhabbarova F.U.** REPRESENTATION OF THE CATEGORY OF COHESION USING LEXICAL MEANS IN GERMAN SCIENTIFIC TECHNIC TEXT112

The article is devoted to the problem of text cohesion. Lexical means are considered as the way of representation of the category of cohesion in the scientific technic text in German language.

Key words: cohesion, category of cohesion, lexical means, scientific text, anaphora, cataphora.

- Volkova A.A., Sapozhnikova L.** SOCIOCULTURAL ASPECTS OF THE PRECEDENT PROPER NAMES115

The object of research is precedent proper names, their semantic characteristics, frequency and the character of use them in German fiction-texts of the XIX–XX centuries.

Key words: Precedent phenomenon, proper name, precedent proper name.

- Efremova M.A., Gretchushnikova T.** PHENOMENON OF «GERMAN RUSSIAN DIALECT»: TO THE PROBLEM OF LINGUISTIC INTEGRATION IN MODERN GERMANY118

The article concerns social conditions that identify the features of linguistic integration of different immigrant groups in Germany. Here are considered occurring sociolects, their characteristics and exist perspectives, influence on the development of modern German language.

Key words: Germany, immigrant, linguistic integration, sociolect, linguistic interference.

- Denisova G.L.** TENS SEMANTIC OF GERMAN VERBS
MARKING COMPARISON RELATIONS121

In the article that based on the material of German language the author researches the tens semantic of verbs organizing the comparison sentences. The author combines the tens semantic of verbs marking comparison relations with their lexical meaning.

Key words: comparison, semantics, tens semantic, comparison sentence.

- Shakirova R.D.** THE INFERENTIAL MEANING
OF THE MODAL VERB *MÜSSEN*125

The article deals with the inferentive function of the modal verb “müssen”. It is established that apart from marking epistemic modality the verb “müssen” simultaneously indicates inferentive information in the utterance. The situations of the use of the verb “müssen” in the inferential meaning are singled out.

Key words: evidentiality, inferentiality, logical inference, logical conclusion, the modal verb müssen, reconstruction, perceptive activity, the speaker.

- Oparina K.S.** THE CONCEPT «SPEED AND TEMPO»
IN ARTISTIC PICTURE OF THE WORLD
OF THE WRITERS OF EARLIER
GERMAN EXPRESSIONISM128

This article deals with the cognitive linguistics approach to the researching of texts of literature. The point of this research is the concept “speed and temp” in the prose works of German expressionist writers of the 20th century.

Key words: cognitive linguistics, concept, lexical-semantic field, German expressionism, prose works.

- Gorbunov Y.I.** SYNERGETICS – SCIENTIFIC CREDO
OF PHYSICIST HERMANN HAKEN
AND LINGUIST RAYMOND PIOTROWSKI133

This article is devoted to the principal notions of German physicist Hermann Haken’s synergetics and also to the evolutional trends of linguistic synergetics as a new scientific paradigm in works of Russian linguist Raymond Piotrowski’s.

Key words: synergetics, linguistic synergetics, bifurcations, dissipative structure, fluctuations, diachronical leap, language interference, imperial languages, aboriginal languages, pidgins, creole languages, linguistic automaton, entropy.

- Zajdullina E.I.,
Vopiyashina S.M.** MANIPULATIVE POWER IN BLOGOSPHERES
OF GERMAN AND RUSSIAN
POLITICAL OFFICIALS140

Thematically chosen German-speaking and Russian-speaking blogs, their place in the modern political communication are considered in the article. Analyzing the rhetoric peculiarities of lingual execution of posts the author came to the conclusion that the language of posts has very strong manipulative power that generally involves the usual formats of ideological discourse, such as rhetorical figures, selective use of information, unproven statements etc.

Key words: computer-mediated communication, blog, political discourse, speech manipulation, Dmitry Medvedev, Angela Merkel.

Butylov N.V.	THE USE OF COMPUTER GAMES IN THE GERMAN LANGUAGE TEACHING	145
---------------------	--	------------

The article considers the possibility of use of computer games in the German language teaching. In our opinion, the use of computer games opens the whole complex of different possibilities by intensification of training process. Games contribute to development of a teacher as a specialist, their use allows giving up old stereotypes, monotonous repetition of the material, and the process of knowledge becomes more fascinating.

Key words: computer technologies, intensification of training process, computer games, rest from stereotypes, knowledge check, and complex of possibilities.

Komarova L.I.	REPRESENTATION OF CULTURE IN THE BELLETRISTIC TEXT	147
----------------------	---	------------

The article deals with the national cultural specific of text.

Key words: cultural information, cross-cultural communication, components of culture.

CROSSCULTURAL COMMUNICATION150

Donec P.N.	«GOD ALWAYS PUNISH FOR RUSSIAN»: SOME ARCHETYPICAL STRUCTURES OF GERMAN-RUSSIAN DIALOG IN THE TALE OF N. LESKOV «THE IRON WILL»	150
-------------------	--	------------

The article is devoted to the heuristic and didactic potential of works in genre of secondary cross-cultural communication from the point of view of definition of archetypical structures in communication between representatives from different countries.

Key words: cross-cultural communication, heuristic potential, archetypical structures, national stereotype, civilization's superiority.

Kudrjavceva E.L.	TO THE PROBLEMS OF TRANSLATION OF HISTORICAL MOTIVATED POETRY OF SOFIA PARNOK	153
-------------------------	--	------------

The article is devoted to problem of necessarily analyze and interpretation of poetry text with historical component and it's right translation.

Key words: Crupp dynasty, relations between German and Russia, Friedrich Crupp, the first World War, analyze and interpretation of poetry text, country-specific component, vocabulary, semantic, biographical and historical components.

Mardieva A.K.	WEST EUROPEAN AND SLAVIC LITERATURES: GENERALITY AND DISTINCTIVE CHARACTER	158
----------------------	---	------------

The article is devoted to literary heritage of West and East Europe. Also the author considers the shortcomings of modern education in Europe that leads to reduction of literacy level and forms the «consumer conscience»

Key words: literature, spirituality, reading, education, creation, generality, orthodoxy.

- Lapteva I.V.** THE SYMBOLISM OF GERMAN LITERATURE
IN MODERN RUSSIAN REALITY (ON THE
EXAMPLE OF E.T.A. HOFFMAN'S WORKS)161

This article is devoted to the symbolical character of E.T.A. Hoffmann's works in the Russian present-day reality. He stands as an innovator, who has foreseen new philosophical and cultural thinking more than a century ago: social critic and tendency to perfectionism inside human personality, inside sociality and in the whole world.

Key words: symbolical character, Russian present-day reality, problems inside sociality, social critic, perfectionism.

- Essig, Rolf-Berngard** GERMANY AS A SUMMER FAIRYTALE
OR HOW DID I STUDY TO LOVE
MY COUNTRY IN RUSSIA AND DIDN'T
CARE ABOUT ANYTHING165

The critic of German literature from Bamberg Rolf-Bernghard Essig, which visited Samara and Togliatty state universities, tells in this article about his impressions and meanings of students about Russian and German history and literature.

Key words: germanistic, patriotic feelings, loanwords, understanding, positive stereotypes, social stability, modern German literature.

- Chupsheva T.A.** THE LANGUAGE COMPETENCE
IN THE DEVELOPMENT OF THE PERSON'S
POTENTIAL OF THE CREATIVITY168

The article concerns the problems of the creative potential development of the person and compares the language potential of the development of the child's creative abilities and the grown-up person.

Key words: the potential of the creativity, the language competence, the comparative analysis of the vocabulary structure of languages.

- Kostina I.N.** SOCIOCULTURAL PARADIGMATICS
«EAST-WEST» IN VLADIMIR KAMINER'S
SHORT STORIES171

The article reveals the way of depicting sense antinomies characteristic of East-West paradigmatics in the short stories written by Vladimir Kraminer, a Russian-German writer. The author of the article investigates cultural diversity observed in the interaction of different cultural paradigms.

Key words: East, West, borderland literature, cultural diversity.

- Sorokina N.V.** RUSSIA AND RUSSIANS IN GERMANS' EYES:
ROBLEMS OF STEREOTYPED PERCEPTION175

The article presents results of associative experiments carried out by the author in 2000 and 2008 in Germany. The experiments revealed the most spread and stable German conceptions about Russia, Russians and Siberia such as cold, vodka, big etc. The results let the author suppose that the contemporary basically negative picture of Russia leads to some problems in intercultural German-Russian communication.

Key words: national stereotypes, Russians and Germans, stereotyped perception.

- Eskina N.A.** THE SONG OF F. SCHUBERT,
AND D. SCHUBART «TROUT»: WAVES, TIME
AND DESTINY IN LIFE OF TROUT180

The article considers the revealing of unexpected intertextual connections that show mechanism of formation of hidden quotations in Schubert's song «Trout», which are formed, maybe unconsciously, with alphabetic code.

Key words: German romanticism, alphabetic symbolic, time.

- Petri E.K.** THE MUSIC OF RUSSIAN EVANGELICAL CHURCH:
THE CONTACTS WITH GERMAN CULTURE183

The article considers relations between German and Russian cultures on example of musik of Russian evangelical church.

Key words: choral, Russian evangelical church, loaning.

- Vlasova O.E.** MONSAVALT AND KITEZH-GRAD:
IDENTITIES AND DIFFERENCES188

German and Russian religious mysteries (Wagner and Rimskij-Korsakov). Contrasts and identity of the legend of Monsavalt and Kitezg-grad. Peculiarities of Russian and German ways of spiritual searchings and development. Beauty of the nature and feminine beginning in spiritual vision of Russian and German legends. Evil forces embodiment in Russian and German traditions.

- Andronova I.O.** RUSSIA AND GERMANY: THE PARALLELS
OF THE CREATIVE WORK
(TO THE QUESTION ABOUT LOANING
IN THE THEATER AND CINEMA
IN THE FIRST THIRD OF XXTH CENTURY)192

The object of research of this article is a history of Russian-German communications in sphere of theatre and a cinema of the first thirds of XXth century. The material presented by the author allows drawing conclusions on degree of interference and loans as a result of cross-cultural communications.

Key words: cross-cultural communications, antipode, theatre, cinema, «director's theatre», mass culture, the hero.

- Popova I.M.** THE GERMAN CINEMA IN THE SECOND PART
OF XXTH CENTURY: CULTUROLOGICAL ASPECT197

Formation aesthetic and ethical principles of cinema art of Germany of second half of XXth century was influenced by creativity of young West German directors which in 1962 at VIII festival of short-footage films in Oberhausen have declared intention to create new type of cinema. The relation to direction as to the kind of activity directed on transformation of a life, on possibility to tell the word concerning public problems was an outlook corner stone. As a result of creativity of progressive cinematographers, such as A.Kluge, W.Herzog, R.W. Fassbinder and others, in the beginning of 1980th years the German cinema was noted by successes of the international scale. But since 1982 it has dropped out of a cinema field for two decades, again having declared itself only in the late nineties. Since 2003 and to this day the attention of the wide public to motion picture arts of Germany accrues, characterising it as the phenomenon of world cinema culture.

Key words: problem of the man, Germany, «a new film», Fassbinder, world success.

OURS AUTHORS202

CONTENTS.....211

THE RULES OF THE PUBLICATION
AND THE REQUIREMENTS
TO THE ISSUANCE OF THE COPIES221

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

Журнал «Вестник Гуманитарного института ТГУ» издается Гуманитарным институтом Тольяттинского государственного университета.

В журнале публикуются статьи, сообщения, рецензии, информационные материалы по различным отраслям гуманитарного знания: истории, филологии, философии, психологии, социологии, журналистике.

Журнал «Вестник Гуманитарного института ТГУ» выходит на русском языке.

В предлагаемых для публикации научных статьях автор должен дать обоснование актуальности темы, четкую постановку цели исследования, научную аргументацию выдвигаемых положений и выводы, представляющие интерес своей новизной, научной и практической значимостью.

Автор представляет рукопись, аннотацию (к статье) и ключевые слова на русском языке в бумажном (формат А4) и электронном вариантах. При заочном участии электронные материалы (текст статьи) пересылаются по электронной почте как присоединенные файлы по адресу: andrejushkina@tltu.ru

К рукописи прилагаются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание, место работы, должность, электронный адрес.

Рукопись должна быть тщательно вычитана и сдана без опечаток. Обязательно наличие УДК.

В соответствии с требованиями ВАК авторы должны также предоставить следующие сведения на английском языке:

- фамилию, имя, отчество;
- название статьи;
- аннотацию и ключевые слова;
- сведения об авторе.

При редакционном совете журнала работает институт рецензирования, который сопровождает публикацию статей внешней и внутренней рецензиями.

Аспиранты имеют право публиковать свои рукописи бесплатно.

Требования к оформлению материалов (ГОСТ Р7.0.7-2009)

Текст печатается через полуторный интерлиньяж. Все поля по 2 см. Гарнитура шрифта Times New Roman, 14 кегль, абзацный отступ – 1,25. Номера страниц не указываются.

Заголовок печатается прописными буквами (выравнивание от центра или от левого поля) без подчеркивания и точки в конце. Перенос слов в заголовках

не допускается. Если заголовок состоит из двух или более предложений, их разделяют точкой.

Заголовок раздела (параграфа и т. д.), не должен быть последней строкой на странице.

Первая строчка абзаца не должна быть последней на странице.

Заголовки пунктов пишутся строчными буквами (кроме первой прописной) с абзаца в подбор к тексту. В конце заголовка, напечатанного в подбор к тексту, ставится точка.

Расстояние между заголовком (за исключением заголовка пункта) и текстом должно быть равно 2 интервалам.

Иллюстрации (таблицы, рисунки, схемы, диаграммы) следует располагать по тексту работы возможно ближе к первому упоминанию.

Иллюстрации следует нумеровать арабскими цифрами сквозной нумерацией, выполненной полужирным начертанием, кегль 12, отдельно по каждому виду иллюстрации: таблицы (цифровой материал) и рисунки (диаграммы, схемы, графики). Иллюстрации при необходимости могут иметь наименование и пояснительные данные (подрисовочный текст).

Наименование рисунка (обычное начертание, 12 кегль) помещают по центру текста после номера (полужирное начертание, 12 кегль). В конце наименования точку не ставят. Например:

Рис. 1. График прохождения дисциплин

Номер таблицы (обычное начертание, 12 кегль) следует проставлять в правом верхнем углу после слова «Таблица» над наименованием таблицы (выравнивание по центру, полужирное начертание, 12 кегль). Например:

Таблица 1

Основные направления педагогического менеджмента

Оформление таблиц производится по правилам набора таблиц.

Рисунки, выполненные в MS Word, обязательно группируются; отсканированные – сохраняются в формате JPEG (*.jpg) или в точечном рисунке Windows (*.bmp).

Библиографический список оформляется в соответствии с (ГОСТ Р7.0.7 – 2009).

Редакционная коллегия оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи, подвергать их редакционной правке и отсылать авторам на доработку.

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

The journal “Вестник ГумИ ТГУ” is published by the Institute of Humanities of Togliatty State University. It includes articles, scientific information and reviews by different branches of Humanities: philosophy, history, philology, psychology, sociology, linguistics and cross-cultural communication, journalistic. The journal helps the specialists from different fields of science to exchange information.

The authors should provide the copy of the article, annotation and key words in Russian and English. The articles must be submitted both as a hard copy and as an electronic version. Also the information about authors – the first and last names, middle name, scientific degree and academic status, place of work and position, e-mail address, UDC and the name of the article in Russian and English are necessary.

By the editorial board there is the Reviewing Institute, which provide the article with external and internal reviews. The postgraduate students are aloud to publish their articles for free.

Научное издание

**ВЕСТНИК
ГУМАНИТАРНОГО ИНСТИТУТА ТГУ**

Спецвыпуск

**Материалы международной научной конференции
«Диалог между Россией и Германией:
филологические и социокультурные аспекты»**

14–15 мая 2010 года

ISSN 1999-5768

Выпуск 1(7)

2010

Редактор О.Г. Каменская
Технический редактор З.М. Малявина
Компьютерная вёрстка: Г.В. Карасева
Дизайн обложки: Г.В. Карасева
Переводчик: Ю.Э. Гусейнова

Подписано в печать 28.04.2010. Формат 70x108/16.
Печать оперативная. Усл. п. л. 19,5. Уч.-изд. л. 20,2.
Тираж 500 экз. Заказ № 3-39-10.

Тольяттинский государственный университет
445667, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14